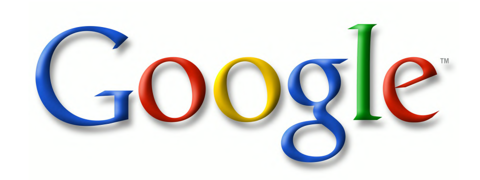
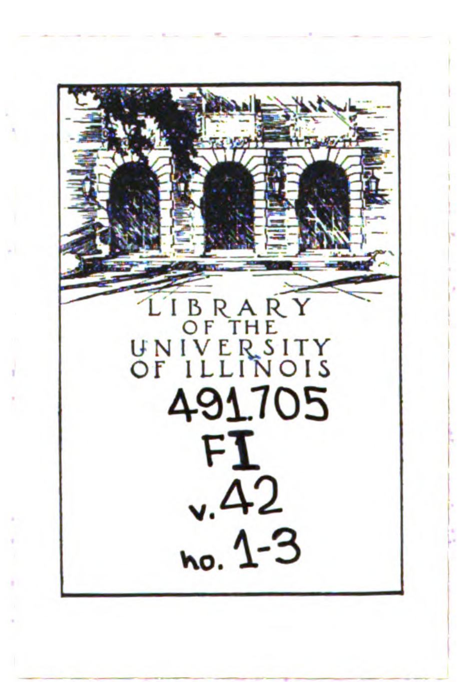



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
FI
v.42
no.1-3

7—3

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

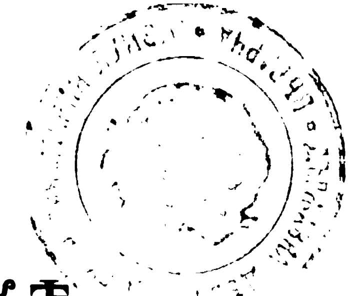
ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.



О ПОДПИСКѢ
на
„ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ"

42-й годъ изд. въ 1902 году, 42-й годъ изд.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За изданіе журнала: «Филологическія Записки» редактору А. А. Хованскому на Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

„Филолологическія Записки" издаются безъ предварительной цензуры.

Журналъ «Филол. Зап.» вступая въ 42-й годъ своего существованія, по прежнему остается вѣренъ своимъ задачамъ, неуклонно преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала «Ф. З.» открыты для каждаго желающаго внести свою посильную лепту въ общую сокровищницу, высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Много разъ въ редакцію поступали отъ признательныхъ преподавателей письменныя заявленія, свидѣтельствующія, что «Ф. З.» служатъ необходимой настольной книгой, руководящей ихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много было и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о журналѣ, давно ставшимъ популярнымъ въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, находятся еще и до сихъ поръ лица, по недоразумѣнію, придающія слишкомъ одностороннее научное значеніе «Ф. З.», судя по его заглавію, и тѣмъ болѣе прискорбно, что изъ числа ихъ есть лица, принадлежащія къ учебной корпораціи. Такія лица судятъ о журналѣ по одному его названію, не взглянувъ даже на оглавленіе статей, въ числѣ которыхъ есть много интереснаго и поучительнаго. Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ журнала, редакція охотно высылаетъ по требованію безплатно каталогъ статей, помѣщенныхъ въ «Ф. З.». Кромѣ того, желая принести

посильную пользу педагогамъ, редакція предлагаетъ имъ свое изданіе по уменьшенной цѣнѣ.

Господъ начальствующихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ не безызвѣстно, что «Ф. З.» одобрены и рекомендованы высшими Учрежденіями къ пріобрѣтенію въ библіотеки учебныхъ заведеній, контора «Ф. З.» покорнѣйше проситъ заблаговременно сдѣлать должное распоряженіе о подпискѣ на журналъ для ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній.

Журналъ: «Фил. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16-ти листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ Редакціи журнала «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20 й.

Въ Редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),— за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.

2) Оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Каталогъ этихъ брошюръ по требованію высылается безплатно.

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» 40 к. съ перес. Скоро будетъ напечатанъ «Указатель» и за послѣдніе годы.

Условія для книгопродавцевъ: «Филолог. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. высылаются за **6** р. **20** к. съ пер., за 1899, 1900 и 1901 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15%**.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣд.: за цѣлую страницу—10 р., $^{1}/_{2}$ страницы—5 р., $^{1}/_{4}$ страницы—3 р., $^{1}/_{8}$ стран.—2 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ** и **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^{2}/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—уголъ Богоявлен. и Воскресен. ул., д. Епифанова.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изд. журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Очерки римской мифологіи

(по Преллеру) *).

V. а) Аполлонъ.

Культъ Аполлона въ Римѣ появляется одновременно съ распространеніемъ греческой культуры и греческихъ вѣрованій въ Лаціумѣ. Онъ находится въ тѣсной внутренней связи съ перенесеніемъ въ Римъ Тарквиніемъ Гордымъ Сивиллиныхъ пророчествъ; а потому, прежде чѣмъ говорить о культѣ Аполлона, необходимо сказать нѣсколько словъ о значеніи Сивиллъ вообще и въ частности о такъ называемыхъ Сивиллиныхъ книгахъ, пользовавшихся въ Римѣ весьма большимъ значеніемъ почти до времени окончательнаго паденія язычества въ Западной Римской имперіи.

Сивиллы—вдохновенныя жрицы Аполлона, вѣщательницы его откровеній. Мы ихъ встрѣчаемъ въ различныхъ мѣстностяхъ древняго міра. Наидревнѣйшая ихъ нихъ по преданію обитала въ окрестностяхъ троянской горы Иды. Послѣ нея наибольшей извѣстностью пользовались—Эриѳрійская Сивилла, въ Іонійскихъ Эриѳрахъ, Самосская, Дельфійская и Кумская.

Въ религіозныхъ представленіяхъ древнихъ Сивиллы всегда дѣвственницы; обиталищами для нихъ служили уединенныя пещеры или расщелины скалъ. Подъ наитіемъ Аполлона, въ дикомъ экстазѣ, онѣ произносили

---

*) Первые 4 очерка см. въ журналѣ: «Гимназія», за 1896. 1; 1897. 5; 1899. 1; 1899. 3.

свои прорицанія, которыя пользовались въ народѣ величайшимъ авторитетомъ. Будучи родственны между собой по духу и по значенію своему, Сивиллы ставятся народнымъ преданіемъ также и во внѣшнюю связь: такъ, Кумская Сивилла отождествляется съ Эриѳрійской. Преданіе говоритъ, что Аполлонъ опредѣлилъ Эриѳрійской Сивиллѣ продолжительность жизни, заключающую въ себѣ такое же безчисленное количество дней, сколько содержитъ въ себѣ песчинокъ морской берегъ ея родины; но подъ условіемъ, чтобы она покинула свою отчизну и никогда болѣе не видѣла родной земли. И вотъ изъ Эриѳръ Сивилла удалилась въ Кумы, гдѣ и проживала долгое-долгое время, пока, наконецъ, не возжелала страстно смерти, которую и обрѣла благодаря запечатанному письму, заключавшему въ себѣ крупинки земли съ ея родины [1]). По другому сказанію, Сивилла продолжала еще и послѣ того свое существованіе, но въ невидимомъ образѣ, какъ звукъ голоса, оглашавшаго собой подземелья, находившіяся подъ храмомъ Кумскаго Аполлона и простиравшіяся вплоть до Арвернскаго озера. Также и по свидѣтельству Вергилія, въ этой именно мѣстности Сивилла давала откровенія вопрошавшимъ ее, при чемъ свои изреченія писала на пальмовыхъ листьяхъ, которые затѣмъ, собравъ, уносила съ собой въ пещеру, пока вѣтеръ, развѣявъ ихъ, ни приносилъ людямъ.

Въ другомъ мѣстѣ «Энеиды» (V. «Aen.» III, ст. 443, VI, ст. 9; срав. также Ovid. «Met.» XIV, ст. 101) Вергилій изображаетъ Кумскую Сивиллу жрицей Аполлона и подземной Діаны, изреченія которой (Сивиллы) проникаютъ изъ-подъ сводовъ катакомбъ въ расположен-

---

[1]) Serv. Verg. Aen VI, 321. Pausan: X, 12, 8.

ный надъ ними храмъ Аполлона. По указанію этой Сивиллы, Эней совершаетъ жертвоприношеніе у Арвернскаго озера, и она же служитъ ему путеводительницей въ подземномъ царствѣ. Та же кумская Сивилла, какъ разсказываетъ преданіе, являлась въ образѣ старухи царю Тарквинію Гордому, предлагая ему купить у нея сначала 9, потомъ 6, наконецъ, 3 книги, всё за одну и ту же цѣну. Этотъ же царь, какъ извѣстно, основалъ особую изъ десяти лицъ коллегію, на которой лежала обязанность хранить Сивиллины книги и обращаться къ нимъ за совѣтомъ, по особому каждый разъ сенатскому постановленію.

О культѣ Аполлона въ Римѣ мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія только отъ времени децемвирата. Но въ виду тѣсной связи Сивиллинскихъ прорицаній съ культомъ Аполлона можно отнести почитаніе послѣдняго въ Римѣ ко времени болѣе отдаленному, чѣмъ децемвиратъ. На ряду съ даромъ пророчества, какъ главнѣйшей чертой Аполлона, выступаетъ на первый планъ его цѣлительная сила, подаваемая имъ человѣку въ немощахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а также въ годину бѣдствій всякаго рода, на что указываетъ, между прочимъ, возваніе весталокъ, съ которымъ послѣднія обращались къ Аполлону въ своихъ молитвахъ: Apollo Medice, Apollo Paean! Также и древнѣйшая форма имени Аполлона въ Римѣ характеризуетъ его, какъ отвратителя бѣдъ (Ἀλεξίκακος). Этруски называли его Aplu, римляне—Apello, каковую форму производили отъ глагола abpello—отвращать. Отъ позднѣйшей формы Apollo родительный падежъ первоначально былъ Apollonis, затѣмъ Apollenis, и, наконецъ, Apollinis.

Древнѣйшее святилище Аполлона въ Римѣ, именно

Лавровая роща, относится ко времени децемвирата. Оно находилось въ мѣстности, гдѣ позднѣе былъ сооруженъ циркъ Фламинія и театръ Марцелла, въ предмѣстьѣ Рима [2]). Лѣтъ двадцать спустя, мѣсто это было посвящено сооруженію храма Аполлону, каковой храмъ и былъ здѣсь освященъ въ 429 г. до Р. Х. Въ 212 г. до Р. Х. въ Римѣ были учреждены игры въ честь Аполлона (ludi Apollinares) по образцу и въ духѣ пиѳійскихъ игръ въ Дельфахъ. Игры эти были установлены по указанію извѣстнаго прорицателя Марція, указавшаго на нихъ, какъ на спасительное средство въ тяжкую годину войнъ съ Ганнибаломъ. Издержки на игры должны были быть покрыты особымъ налогомъ на всѣхъ жителей Рима; предсѣдательствовалъ на играхъ городской преторъ; жертвоприношеніе совершала коллегія Сивиллиныхъ децемвировъ. Съ 208-го года до Р. Х. Аполлоновскія игры стали справляться регулярно каждый годъ, 5-го іюля. Вскорѣ съ этимъ празднествомъ соединились драматическія представленія, на что указываетъ извѣстіе о сооруженіи театра въ 179 г. до Р. Х. при храмѣ Аполлона. Мѣстомъ для цирковыхъ состязаній служилъ циркъ Фламинія, сооруженный за два года до битвы при Тразименскомъ озерѣ. Сценическія и цирковыя увеселенія въ честь Аполлона продолжались съ 6-го по 13-е іюля, при чемъ только послѣдній день (13-е іюля) былъ назначенъ для цирковыхъ представленій.

Такимъ образомъ, со времени Второй Пунической войны культъ Аполлона въ Римѣ, какъ божества очищающаго всякую скверну, отвращающаго всякое бѣдствіе и

---

[2]) Liv. III, 63, 7. In prata Flaminia, ubi nunc aedes Apollinis est—iam tum Apollinare appellabant—avocavere senatum.

исцѣляющаго всякую немощь, получаетъ полное развитіе. Диктаторство Суллы внесло немало нововведеній въ этотъ культъ. Самъ диктаторъ, среди предковъ котораго первый, получившій прозвище Суллы, былъ однимъ изъ числа децемвировъ Сивиллы, оказывалъ особенное почитаніе Аполлону, небольшое, серебряное изображеніе котораго онъ всегда носилъ на себѣ во время сраженій. Пожаръ въ Римѣ въ 83 г. до Р. Х., во время котораго сгорѣлъ Капитолійскій храмъ, уничтожилъ также и древнѣйшее собраніе Сивиллиныхъ изреченій.

Немедленно были разосланы повсюду: въ Италію, Сицилію, Африку, на островъ Самосъ, особенно въ Эриѳры, уполномоченные отъ сената для собранія всѣхъ изреченій Сивиллы, какія только могли найтись въ храмовыхъ святилищахъ Аполлона или у частныхъ лицъ. Такимъ образомъ составился новый сборникъ изреченій Сивиллы, весьма разнообразный по своему происхожденію и раздѣленный на отдѣльныя книги. Въ немъ ясно указанъ только одинъ источникъ, имено, изреченія Эриѳрійской Сивиллы, съ оговоркой, что эти изреченія ведутъ свое происхожденіе изъ Вавилона. Вмѣстѣ съ появленіемъ въ Римѣ этого новаго сборника Сивиллинскихъ книгъ, сюда проникаетъ не мало и другихъ религіозныхъ представленій съ Востока и, между прочимъ, монотеистическія и мессіановскія воззрѣнія. Аполлонъ отождествляется въ нихъ съ восточнымъ божествомъ солнца, которому предназначено царствовать на землѣ въ наступающій десятый и послѣдній вѣкъ. Какъ извѣстно, поэты времени Августа видѣли именно въ его царствованіи исполненіе этого пророчества Сивиллы о водвореніи на землѣ золотого

вѣка [3]). Къ этому же времени относится увеличеніе числа членовъ Сивиллинской коллегіи до 15-ти (квиндецимвиры), знаками достоинства которыхъ становятся изображенія лавра, треножника, дельфина и вóрона.

Съ утвержденіемъ единовластія Августа, почитаніе Аполлона въ Римѣ достигаетъ наивысшаго своего развитія. Августъ какъ вслѣдствіе своего греческаго образованія, такъ и по личнымъ побужденіямъ былъ самымъ ревностнымъ почитателемъ Аполлона, чтó отчасти находитъ свое объясненіе въ фамильныхъ традиціяхъ дома Юліевъ.

Еще будучи юношей, Августъ въ наступившихъ послѣ убіенія Цезаря смутахъ, охватившихъ всю Римскую имперію, является умиротворителемъ и избавителемъ ея отъ политической смерти. Актійская морская побѣда, 2-го сентября 31 г. до Р. Х., надъ Антоніемъ и Клеопатрой была одержана Августомъ въ виду храма Актійскаго Аполлона, который такимъ образомъ является какъ бы главнымъ виновникомъ ея. Поэтому поэты вѣка Августа связываютъ сказаніе о господствѣ потомковъ Энея въ Римѣ съ троянскимъ Аполлономъ, какимъ онъ изображенъ въ «Иліадѣ», именно, какъ могущественный покровитель Трои, который явился спасителемъ Энея и умертвилъ Ахилла, а по разрушеніи Трои сдѣлался патрономъ Рима, какъ вновь воссозданной Трои, и своего избранника и любимца Августа. Льстецы пошли еще дальше: стали выдавать Аполлона за дѣйствительнаго отца Августа, который весьма благосклонно принималъ такую лесть

---

[3]) Verg. Eclog. IV. Также и Горацій въ своемъ юбилейномъ гимнѣ отождествляетъ Аполлона съ солнцемъ, а Діану— съ луной.

и охотно дозволялъ художникамъ изображать себя то въ позѣ Аполлона, то окруженнымъ его аттрибутами [4]). Въ то же самое время для приданія бо́льшаго блеска культу Аполлона строится новый храмъ, и учреждаются новыя игры какъ въ честь Актійскаго Аполлона, такъ особенно для прославленія личнаго патрона Августа, Аполлона Палатинскаго, ставшаго въ эту эпоху главнѣйшимъ божествомъ Рима. Еще до Актійской побѣды Августъ въ виду молніи, упавшей на строившійся для него дворецъ, назначилъ на Палатинскомъ холмѣ мѣсто для построенія храма Аполлону, каковой храмъ и былъ теперь сооруженъ со всѣмъ великолѣпіемъ, при содѣйствіи лучшихъ современныхъ художниковъ.

Съ 12 г. до Р. Х., когда Августъ принялъ на себя также и званіе верховнаго понтифекса, изреченія Сивиллы, хранившіяся до сего времени въ храмѣ Капитолійскаго Юпитера, были перенесены въ храмъ Палатинскаго Аполлона, а равно и квиндецимвиры становятся теперь исключительно его слугами. Въ 17 г. до Р. Х. Августъ справлялъ такъ называемыя юбилейныя игры, первенствующую роль въ которыхъ занималъ Аполлонъ Палатинскій, какъ это видно изъ юбилейнаго гимна, написаннаго для этой цѣли, по порученію Августа, Гораціемъ.

Преобладающее значеніе Палатинскаго Аполлона нисколько однако не затемнило собой древняго святилища этого божества у Карментальскихъ воротъ.

---

[4]) Sveton: Octav. 70; cp. Serv. V. Eclog IV, 10: tangit Augustum, cui simulacrum factum est cum Apollinis cunctis insignibus.—Comm. Cruq. Hor. Epist. I, 13, 17: Palatinus Apollo dictus a monte Palatino, ubi Caesar in bibliotheca sibi statuam posuerat habitu et statu Apollinis.

Напротивъ, оно въ эпоху Августа было заново художественно реставрировано Г. Созіемъ (G. Sosius) и украшено новымъ изображеніемъ Аполлона изъ кедроваго дерева, вывезеннымъ въ Римъ изъ Селевкіи, а также знаменитой группой Ніобидъ. Равнымъ образомъ продолжали справляться и Апполоновскія игры какъ сценическія, такъ и цирковыя. Частое упоминаніе о храмахъ Аполлона и его изображеніяхъ служитъ яснымъ доказательствомъ повсемѣстнаго распространенія въ это время его культа въ Римской имперіи.

Только со времени проникновенія въ Римъ восточныхъ вѣрованій и особенно служенія божеству солнца, культъ Аполлона постепенно отступаетъ на задній планъ. Всего дальше продолжаетъ свое существованіе Палатинскій Аполлонъ вмѣстѣ съ Сивиллинскими пророчествами. Къ нимъ обращались съ вопрошеніями еще въ царствованіе императора Авреліана. Когда при Юліанѣ пожаръ охватилъ Палатинскій храмъ, то хранившіяся въ немъ Сивиллинскія книги были спасены съ величайшими усиліями. Только при Стилихонѣ, по его указу, онѣ были сожжены.

b) Діана.

Діана, въ позднѣйшее время благодаря греческому вліянію слившаяся въ религіозныхъ представленіяхъ римлянъ съ греческой Артемидой, первоначально была древне-италійскимъ, туземнымъ божествомъ, на что указываетъ самое имя ея—Diana (форма женскаго рода къ Ianus). Въ этомъ своемъ коренномъ значеніи Діана принадлежитъ къ сонму небесныхъ божествъ, именно: она—божество ночного свѣтила, луны. Соглас-

но общему характеру всѣхъ божествъ, олицетворявшихъ въ себѣ луну, Діана италійцевъ является также богиней лѣсовъ, полей, пашенъ и вообще сельской природы. Она же посылаетъ добычу какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ и содѣйствуетъ развитію въ мужчинѣ физической силы и вліяетъ на мѣсячныя отправленія женщинъ. Культъ ея встрѣчается почти повсемѣстно у италійскихъ племенъ. Такъ, по свидѣтельству Варрона (l.l. V, 74), она чтилась у сабинцевъ наряду съ Янусомъ, затѣмъ у эквовъ, герниковъ и латинцевъ. У послѣднихъ особенной извѣстностью пользовалось ея святилище на горѣ Алгидѣ, подлѣ Тускулума, которая служила въ то же время мѣстомъ сходокъ для всего латинскаго племени.

Но изъ всѣхъ многочисленныхъ святилищъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи посвященныхъ культу Діаны, особенной, всеобщей извѣстностью пользовалось ея святилище въ Ариціи, у озера Неми, получившаго свое названіе отъ священной рощи (nemus), отчего и самая Діана была почитаема подъ именемъ Діana Nemorensis.

На ряду съ этой Діаной въ ея рощѣ чтилось подъ именемъ Вирбія (Virbius) демоническое существо мужскаго пола, по своему характеру родственное дріадамъ и вообще лѣснымъ нимфамъ. Также и изображеніе Вирбія, судя по найденному въ окрестностяхъ Ариціи его истукану, совершенно схоже съ лѣсной Діаной. Такимъ образомъ, Вирбій—лѣсовикъ (лѣшій), лѣсной царь. По мѣстнымъ преданіямъ Вирбій дѣйствительно считается какъ древнѣйшимъ царемъ Неморенскимъ (rex Nemorensis), такъ и первымъ жрецомъ Діаны и учредителемъ кроваваго, дикаго обычая, сохранявшагося до позднѣйшаго времени. Именно достоинства жреца Діаны и царя Неморенскаго (лѣсного) можно было достигнуть только посредствомъ кроваваго поединка; оно,

какъ призъ, доставалось тому, кто, предварительно сорвавъ вѣтвь съ извѣстнаго дерева въ священной рощѣ, умерщвлялъ затѣмъ на поединкѣ того, который въ данное время былъ облеченъ достоинствомъ царя и жреца Діаны. Невзирая однако на существованіе столь дикаго обычая, культъ Латинской Діаны характеризуетъ послѣднюю, какъ доброе, благое божество, особенно содѣйствующее женщинамъ въ разрѣшеніи отъ бремени. По этой причинѣ въ той же священной рощѣ на ряду съ Діаной чтилась Эгерія, нимфа источниковъ и также покровительница рожениць. Это та самая Эгерія, которая въ Римѣ почиталась, какъ одна изъ каменъ, и выдавалась за супругу царя Нумы и его вдохновительницу при составленіи имъ религіозныхъ учрежденій для римлянъ.

Основателемъ культа Діаны Арицийской считается, согласно мѣстному преданію, Маній Эгерій, родоначальникъ славнаго рода Эгеріевъ [5]).

По разрушеніи Альбы Лонги, роща Діаны Неморенской нѣкоторое время была общимъ святилищемъ для городовъ Тускулума, Ариціи, Ланувіума, Лаурента и Тибура, пока, наконецъ, главный надзоръ за ней ни былъ перенесенъ въ Римъ, гдѣ культъ этотъ продолжалъ пользоваться полнымъ почетомъ и сохранилъ свое значеніе вплоть до времени Августа. Главное, ежегодно справлявшееся, торжество въ честь Діаны Арицийской приходилось въ самое жаркое время года, именно, въ Августовскія иды, въ періодъ полнолунія, и сопровождалось ночнымъ факельнымъ шествіемъ, такъ какъ и

[5]) Fest: p. 145: Manius Egerius lucum Nemorensem Dianae consecravit, a quo multi et clari viri orti sunt et per multas annos fuerunt, unde et proverbium: multi Mani Ariciae. Cp. Pers: S. VI, 55, c. schol.

сама Діана, какъ божество ночи, изображалась съ факеломъ въ рукѣ. Но главнымъ образомъ она чтилась, какъ покровительница женщинъ, которыя возносили къ ней свои моленія о благополучіи супружеской жизни и благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени.

Не меньшей извѣстностью по всей Италіи пользовались также—священная роща и храмъ Діаны Тифатинской (Diana Tifatina) на горѣ Тифата [6]), въ разстояніи двухъ миль отъ древней Капуи. Издревле пользуясь всеобщимъ почитаніемъ, святилище это обязано наибольшимъ своимъ процвѣтаніемъ диктатору Суллѣ, который, благодаря одному видѣнію, бывшему ему въ этой мѣстности и сулившему успѣхъ, который позднѣе на самомъ дѣлѣ осуществился, расширилъ владѣнія, принадлежавшія храму, и присоединилъ къ нимъ сосѣдніе цѣлебные источники.

Въ самомъ Римѣ находилось не мало древнихъ святилищъ и храмовъ Діаны, разсѣянныхъ по его холмамъ, и между ними наибольшимъ почитаніемъ пользовался храмъ Діаны на Авентинѣ, основанный по преданію царемъ Сервіемъ Тулліемъ. Храмъ этотъ не былъ исключительно святилищемъ одного города Рима, но всего латинскаго союза, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что Авентинскій холмъ долгое время не входилъ въ составъ римской территоріи. Только позднѣе, именно, послѣ распаденія латинскаго союза, холмъ этотъ, какъ ager publicus, сдѣлался городской собственностью Рима, а затѣмъ, по закону Ицилія (lex Icilia), на немъ были размежеваны участки земли плебеямъ. Еще Діонисій

---

[6]) Имя это однозначуще съ словомъ tifa (иначе tiba), что значитъ холмъ, гора (см. Varro r.r. III, 1, 6; также Paul. p. 366).

Галикарнасскій читалъ въ этомъ святилищѣ древнюю хронику его основанія и посвященія, по свидѣтельству которой храмъ Діаны Авентинской былъ основанъ иждивеніемъ всѣхъ участниковъ латинскаго союза, и ежегодно въ немъ происходили праздничныя собранія латинцевъ, сопровождавшіяся жертвоприношеніями отъ имени всего союза. Въ преддверіи храма въ теченіе многихъ вѣковъ можно было видѣть вдѣланными въ одну изъ его стѣнъ пару огромныхъ роговъ, по поводу которыхъ существовало слѣдующее преданіе: рога эти носила нѣкогда корова, которая появилась на свѣтъ на фермѣ одного зажиточнаго сабинца и была столь необычайной величины и красоты, что нѣкій провидецъ предсказалъ владычество тому народу, гражданинъ котораго принесетъ это чудное животное въ жертву Діанѣ. И вотъ сабинецъ отправился на Авентинъ, чтобы въ храмѣ Діаны совершить указанное жертвоприношеніе. Но жрецъ-римлянинъ, узнавъ о бывшемъ предсказаніи, отправилъ сабинца совершить предварительно передъ жертвоприношеніемъ очистительное омовеніе, а самъ въ это время поспѣшилъ заколоть въ жертву корову (T. L. I. 45; Val. Max. VII, 3, 1). День посвященія храма Авентинской Діаны приходился въ Августовскія иды и праздновался по преимуществу рабами, признававшими въ царѣ Сервіи Тулліи своего патрона, почему и самый день этого празднества назывался dies servorum [7]). Діана Авентинская почиталась, между прочимъ, какъ покровительница бѣглыхъ рабовъ, носившихъ въ Римѣ клич-

[7]) Fest. p. 343: Servorum dies festus vulgo existimabatur idus Aug., quod eo die Ser. Tullius, natus servus, aedem Dianae dedicaverit in Aventino, cujus tutelae sint cervi, a quorum celeritate fugitivos vocent cervos.

ку cervi (олени), вѣроятно, по той причинѣ, что, подобно оленямъ, скрывались въ лѣсахъ, почему и поручали себя покровительству и защитѣ Діаны, какъ владычицы и царицы лѣсовъ.

Въ очень раннюю пору съ этими италійскими представленіями о Діанѣ, какъ о туземномъ божествѣ, слились представленія о греческой Артемидѣ, культъ которой проникъ въ Римъ одновременно съ культомъ Аполлона, такъ какъ Артемида является постоянной спутницей своего божественнаго брата. Такъ, мы встрѣчаемъ ея имя уже въ 399 г. до Р. X. въ празднество лектистерній, а равно и въ Аполлинарныхъ играхъ. Въ празднованіи юбилейныхъ игръ (въ 17 г. до Р. X). Августомъ Діана призывается на ряду съ Аполлономъ подъ именемъ Луцины (Lucina), небесной помощницы рожeницъ и охранительницы молодаго поколѣнія. Римскіе поэты, особенно Катуллъ и Горацій, въ своихъ стихотвореніяхъ прославляютъ Діану, какъ мощную владычицу лѣсовъ, горъ и ихъ обитателей—дикихъ звѣрей; какъ богиню источниковъ, рѣкъ и морей, въ водахъ которыхъ она обыкновенно любитъ купаться; наконецъ, какъ царицу ночи и ночныхъ видѣній; въ послѣднемъ значеніи Діана не рѣдко отождествляется съ Гекатой. Подъ вліяніемъ грековъ, въ поэтическихъ представленіяхъ римскихъ поэтовъ Діана является цвѣтущей дѣвой, любимицей Юпитера, покровительницей дѣвочекъ и мальчиковъ, которымъ поэтому наиболѣе приличествуетъ чтить и величать эту богиню, какъ свою идеальную представительницу и хранительницу.

---

c) Mater Matuta.

По своей этимологіи имя Matuta родственно словамъ mane, manns, matutinus и означаетъ ранній дневной свѣтъ, утреннюю зарю, которая называется Mater Matuta въ томъ же самомъ значеніи, въ какомъ и Янусъ былъ призываемъ въ молитвахъ подъ именемъ Pater Matutinus. Mater Matutina—доброе, благодѣтельное божество, и, такъ какъ она рождаетъ для людей свѣтъ изъ мрака, то въ дальнѣйшемъ развитіи миѳологическихъ представленій Матута является богиней родовъ, а потому къ ней обращались въ молитвахъ преимущественно женщины, и празднество въ ея честь называлось Matralia, т.-е. праздникомъ матерей, который справлялся въ Римѣ 11 іюня (см. Ovid. «Fast.» VI, 475, и Paul: p. 125).

Помимо этого значенія, Mater Matuta чтилась такъ же, какъ морское божество, и, особенно, какъ божество морскихъ гаваней, подобно греческой Левкоѳеѣ, съ которой она позднѣе была отождествлена, а на ряду съ ней почитавшійся богъ гаваней Portunus слился въ религіозныхъ представленіяхъ римлянъ съ Палемономъ, или Меликертомъ, сыномъ Левкоѳеи.

Культъ Матуты былъ весьма распространенъ среди древняго населенія Италіи. Такъ, большой извѣстностью пользовалось ея святилище въ Сатрикумѣ, что въ землѣ вольсковъ; а также въ Корѣ—въ той же мѣстности; затѣмъ въ Кампаніи,—въ Калесѣ; въ Умбріи,—въ Пизаврумѣ. Въ Римѣ первый храмъ Матуты былъ воздвигнутъ царемъ Сервіемъ Тулліемъ и реставрированъ Камилломъ около времени завоеванія Вей. Святилище

это находилось на Бычачьемъ рынкѣ (forum Boarium). Особенности культа Матуты состояли въ слѣдующемъ: всѣ рабыни были исключаемы изъ храма, кромѣ одной, которую затѣмъ также изгоняли посредствомъ пощечины; только женщина, находящаяся въ первомъ бракѣ, могла украсить вѣнками изображеніе богини; матери должны были сначала молиться о благополучіи своихъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, а затѣмъ о собственныхъ дѣтяхъ; наконецъ, жертвенныя лепешки варили, а не пекли.

d) Солнце.

Слѣды древнѣйшаго и широко распространеннаго почитанія солнца встрѣчаются уже въ культѣ Януса, Юпитера Анксура и Аполлона Сорана. Особенно сабинскому племени издревле было свойственно обоготвореніе небеснаго, солнечнаго свѣта. По свидѣтельству Варрона (l.l. V, 69), самое слово sol взято римлянами изъ сабинскаго діалекта. По его же свидѣтельству, между богами Т. Тація было и божество солнца (Varro, l.l. V, 74, см. также Dionys: H. II, 50). Равнымъ образомъ и другое слово, служившее въ древне-италійскихъ нарѣчіяхъ для обозначенія солнца и его свѣтозарнаго блеска, принадлежитъ сабинцамъ. Слово это, имѣющее корнемъ своимъ въ санскритѣ ush, лат. uro, и заключающее въ себѣ понятія жечь и свѣтить, у сабинцевъ имѣло форму ausel, отъ чего происходитъ родовое имя Auseli, или Aureli, а также названіе божества свѣта у этрусковъ usil и въ салійскихъ гимнахъ Ozeul adosiose (sol veneran-

ꝗe) [8]). Латинское слово Aurora происходитъ отъ того же корня, какъ и греческое ἀϝ—ώς (ἠώς) и ἀφέλιος (ἠέλιος).

Древнѣйшее мѣсто, посвященное культу солнца въ Римѣ, находилось вблизи храма Януса, почему въ этой мѣстности были въ 293 г. до Р. Х. поставлены Папиріемъ Курсоромъ первые солнечные часы. Празднество чествованія солнца, какъ указываютъ календари эпохи Августа, справлялось 9-го августа, въ день Фарсальской битвы, при чемъ солнцу въ молитвахъ, обращенныхъ къ нему, придавалось прозвище indiges. По всей вѣроятности, прозвище indiges въ данномъ случаѣ равнозначуще слову index (указатель), такъ какъ, по воззрѣніямъ римлянъ, а также и грековъ, божество солнца, всевидящее и всезнающее, разоблачаетъ всякое скрытое коварство и всякое предательство. По свидѣтельству Сервія [9]), богъ солнца зналъ о заговорѣ противъ жизни Цезаря, почему наканунѣ убійства диктатора скрылъ свою лучезарную главу отъ 6-го часа дня до наступленія ночи.

Этимъ вѣрованіемъ во всевѣдѣніе солнца слѣдуетъ объяснять изображеніе его въ видѣ главы, окруженной лучезарнымъ сіяніемъ.

Вторымъ мѣстомъ, посвященнымъ въ Римѣ культу солнца, былъ циркъ, гдѣ по срединѣ ристалища

---

[8]) Paul. p. 23: Aureliam familiam et Sabinis oriundam a Sole dictam putant, quod ei publice a populo Romano datus sit locus, in quo sacra faceret soli, qui ex hoc Auseli dicebantur, ut Valesii, Papisii pro eo quod est Valerii, Papirii.

[9]) Verg. Georg. I, 463 и Serv. къ ст. 466: Constat autem occiso Caesare in senatu pridie Jduum Martiarum solis fuisse defectum a hora sexta usque ad noctem Cp. Ovid. Met. XV, 785.

находился его храмъ. Какъ божественный, неутомимый возница на небесномъ сводѣ, солнце почиталось главнымъ патрономъ, какъ мѣста, назначеннаго для цирковыхъ состязаній, такъ и самаго искусства управленія колесницами. На римскихъ фамильныхъ монетахъ солнце часто изображается въ образѣ юнаго возницы, главу котораго осѣняютъ солнечные лучи. Солнцу же, какъ всевѣдущему божеству, ввѣрялась поэтому охрана общественныхъ и надгробныхъ памятниковъ, въ надписяхъ которыхъ оно призывается какъ sol juvans и sol aeternus—эмблема безсмертія и вѣчности.

е) Луна и звѣзды.

Луна, занимавшая по отношенію къ Діанѣ такое же положеніе, какое занимало солнце по отношенію къ Янусу, служило для древнихъ италиковъ также предметомъ поклоненія, особенно для сабинцевъ и этруссковъ. Среди божествъ Т. Тація поименована также и луна, а на одномъ этрусскомъ зеркалѣ рядомъ съ Поллуксомъ изображена съ атрибутомъ полумѣсяца Losna (т.-е. Louna=Luna)—имя этимологически родственное со словами lux и lumen. На другомъ этрусскомъ памятникѣ Луна названа Lala (т.-е. Lara), что́ значитъ Δέσποινα (владычица).

Въ Римѣ Luna Noctiluca имѣла святилище на Палатинѣ, другой, часто упоминаемый, храмъ ея, основанный царемъ Сервіемъ, находился на Авентинскомъ холмѣ. Какъ божество мѣсяца, луна была почитаема въ послѣдній день перваго мѣсяца въ году, марта (см. Ovid, Fast: III, 883). Лунныя затменія, согласно обще-

распространенному суевѣрію, думали устранить шумомъ, производимымъ ударами въ мѣдный тазъ, или игрой на духовыхъ инструментахъ (Liv. XXVI, 5; Tacit. Ann I, 28). Подобно солнцу и луна также была цирковымъ божествомъ, такъ какъ и ее изображали возсѣдающей на колесницѣ—съ той только разницей, что для солнца колесницей служила пышная квадрига, везомая четырьмя конями; а луна довольствовалась простой бигой, запряженной парой муловъ. Совмѣстное изображеніе солнца и луны, при чемъ обоимъ придавался эпитетъ aeternus, служило символомъ вѣчности.

Среди звѣздъ въ культѣ небесныхъ свѣтилъ первое мѣсто занимаетъ утренняя и вечерняя звѣзда, носившая разныя названія, именно: Jubar—вслѣдствіе окружающаго ее блестящаго сіянія наподобіе гривы; Vesper, иначе, Vesperugo, Nocturnus и Lucifer. Луциферъ, какъ вечерняя звѣзда, считался звѣздой Венеры Ураніи (Venus Urania); онъ же, какъ утренняя звѣзда, почитался звѣздой Юпитера и Юноны Луцины.

Созвѣздія большой медвѣдицы, Плейады, Гіады и Оріонъ послѣ Луцифера обращали на себя наибольшее вниманіе древнихъ жителей Италіи и были извѣстны имъ, и обоготворяемы подъ разными названіями. Такъ, большая медвѣдица италійскими поселянами называлась то plaustrum (возъ), то septem triones [10])—по характеру своего кругового, ночного движенія на небесномъ сводѣ. Плейады носили имя Vergiliae по общепринятому объясненію потому, что восходъ ихъ совпадалъ съ началомъ весны (ver). Другое ихъ названіе—Suculae—стадо поросятъ, а также sidus Parilicium, такъ какъ

[10]) Triones (отъ terere—растирать, молотить)—назывались быки, употреблявшіеся для молотьбы хлѣба.

появленіе на небѣ созвѣздія Плейядъ совпадало съ сельскимъ празднествомъ, носившимъ имя Palilia (иначе — Parilia). Наконецъ, Оріонъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Iugula.

f) Вѣтры и бури.

Вѣтры и бури какъ на морѣ, такъ и на сушѣ составляли также предметъ культа у древнихъ жителей Италіи, частью, какъ божества благодѣтельныя для людей, частью, какъ—враждебныя имъ. Къ первымъ принадлежалъ наиболѣе любимый и почитаемый италійцами Фавоній (Favonius), греческій Зефиръ, получившій свое имя отъ favere, вслѣдствіе своего благотворнаго дѣйствія какъ на людей, такъ и вообще на природу. Съ дуновеніемъ Фавонія, около половины февраля, наступала весна, и появлялась ласточка, предвѣстница тепла. Напротивъ, сѣверные вѣтры, Septentrio и Aquilo, дувшіе съ сѣверныхъ горныхъ кряжей и приносившіе съ собой холодъ, губительный для всего живого, внушали страхъ и требовали умилостивительныхъ жертвъ. Неменѣе вредоносными по своему дѣйствію были также и южные вѣтры, нагонявшіе густыя облака и причинявшіе разслабляющій зной, именно, Auster, который причинялъ наибольшія бури въ осеннее время, и жгучій, африканскій сирокко (Africus). Жертвенными животными для благотворныхъ вѣтровъ служили обыкновенно козлы и ягнята бѣлой шерсти; напротивъ, разрушительнымъ, равноденственнымъ вѣтрамъ и бурямъ приносили въ жертву тѣхъ же животныхъ черной шерсти. Множество алтарей и часовенъ было воздвигнуто

у подножія высокихъ горъ и по морскому побережью въ честь бурь и вѣтровъ (Tempestatibus Ventisque). У древнихъ италиковъ, какъ и у другихъ народовъ, существовало вѣрованіе въ возможность посредствомъ особыхъ заклинаній отвращать бури. Божества вѣтровъ и бурь считались скорѣе демоническими существами, чѣмъ въ собственномъ смыслѣ богами, и потому находились въ подчиненномъ отношеніи къ Юпитеру, или къ владыкѣ морей, Нептуну. Тѣмъ не менѣе военачальники, отправляясь въ морскую экспедицію, приносили вѣтрамъ и бурямъ жертвы наравнѣ съ другими божествами. Въ самомъ Римѣ они имѣли особое святилище у Капенскихъ воротъ, основанное Л. Корнеліемъ Сципіономъ въ исполненіе обѣта, даннаго имъ во время экспедиціи противъ Сардиніи и Корсики въ 259 году до Р. Х., во время которой едва не погибъ весь его флотъ отъ бури.

А. Солоникіо.

Продолженіе будетъ.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

3.

Игры семейныя и общественныя.

Какъ бы человѣкъ ни былъ задавленъ нуждою, какъ бы тяжело ни сложилась внѣшняя сторона его жизни, но жажда счастья, надежда на лучшее будущее никогда въ немъ не уничтожается. Въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, всегда манящаго, человѣку хочется хотя временно выйти изъ тяжелаго настоящаго, забыться, развлечься. Отсюда жажда увеселеній, къ которымъ стремится и обиженный долею, чтобы заглушить чѣмъ-нибудь свое горе, и довольный своею судьбою, чтобы чувствовать себя еще счастливѣе. До общественныхъ удовольствій: празднествъ, игръ, пировъ, одинаково падки и дикари, и народы, считающіе себя стоящими во главѣ европейской цивилизаціи. Эти увеселенія безконечно разнообразны по формѣ и отличаются большею или меньшею утонченностью, смотря по степени развитія народа. Древнерусская жизнь выработала въ этомъ отношеніи свои оригинальныя формы, которыя стояли въ полной гармоніи со всѣми ея условіями. Эта потребность нашихъ предковъ удовлетворялась пирами **), играми се-

---

*) Продолж. См. вв. IV—VI за 1900 г., I--III, IV—V и VI за 1901 г.

**) «Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., встарину выражалось пирами», говоритъ Костомаровъ въ «Очеркѣ жизни и нравовъ великорусскаго народа», стр. 77; объ увеселеніяхъ, играхъ, забавахъ см. гл. XVIII.

мейными и играми общественными. Мы видѣли, что объ участіи женщинъ на пирахъ говорятъ былины. Какъ широко было распространено это обыкновеніе, намъ въ точности неизвѣстно; но про московское время уже знаемъ несомнѣнно (а про древнѣйшее имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать), что женщинѣ высшихъ сословій было зазорно принимать участіе въ пиршествахъ наравнѣ съ мужчинами. Люди, строго наблюдавшіе приличія, неодобрительно относились и къ участію дѣвушекъ знатныхъ въ общественныхъ играхъ. Но семейныя игры составляли общераспространенное увеселеніе, которому охотно предавались всѣ русскія женщины безъ различія сословій, прибавимъ, даже и безъ различія возраста, такъ какъ игры, ставшія теперь удѣломъ однихъ дѣтей и замѣняемыя для зрѣлаго возраста другими увеселеніями, въ прежнее время равно привлекали къ себѣ и юношей, и даже людей совсѣмъ взрослыхъ. Въ нѣкоторыхъ играхъ непремѣннымъ дѣйствующимъ лицомъ является кума—пожилая женщина. Въ высшей степени интересно, что между всѣми играми, держащимися до сихъ поръ въ нашемъ народѣ, очень мало такихъ, въ которыхъ участвуютъ одни мужчины, бо̀льшая же часть—смѣшанныя игры; но очень много спеціально женскихъ игръ, въ которыхъ мужчины никогда не допускаются. Уединенная жизнь въ теремахъ и свѣтлицахъ должна была наталкивать дѣвушекъ на изобрѣтеніе новыхъ и новыхъ игръ со своими подругами, чтобы скрасить свое затворничество. Если и допускались въ ихъ игры мужчины, то только родственники, принадлежавшіе къ тѣсному семейному кругу. Заправляли этими играми молодежи обыкновенно опытныя пожилыя женщины, родственницы или нянюшки.

Дочери и жены простолюдиновъ не знали затворничества; ихъ жизнь была тяжелѣе, иной разъ исполнена настоящихъ лишеній; но онѣ чувствовали себя болѣе свобод-

ными. Для нихъ незазорно было искать развлеченій и внѣ отчаго дома, встрѣчаться съ мужчинами не только во время работы (что было неизбѣжно), но и принимать участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, выходить на площадь, устраивать хороводы, танки, игрища. И въ хороводахъ затягиваетъ пѣсню, такъ называемая, хороводница (часто и пожилая женщина), но въ нѣкоторыхъ играхъ бываетъ и хороводникъ. Есть такія хороводныя игры, которыя разыгрываются безъ участія мужчинъ, одними дѣвушками. Всѣ вообще хороводныя игры отличаются большимъ драматизмомъ въ дѣйствіяхъ и въ танцахъ, сопровождаемыхъ словами хоровой пѣсни; онѣ изображаютъ обыкновенно какое-нибудь событіе или цѣлый рядъ сценъ, большею частью взятыхъ изъ семейной жизни. Въ нихъ вспоминается жизнь дѣвичья въ теремѣ, проводимая за работою,—заботы о приданомъ, встрѣча съ юношею, зарожденіе чувства любви, сватовство, свадьба, замужняя жизнь, власть отца, выходъ замужъ по неволѣ, неудачная семейная жизнь, ненависть къ постылому мужу, пылкая любовь къ другому, невѣрность, ревность—все вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ женской жизни, наиболѣе близкіе женщинѣ.

6.

Посидѣлки, бесѣды, супрядки и т. п.

Хороводы водятся въ теплую пору, а въ холодную поневолѣ приходится сидѣть дома и искать другихъ развлеченій. Зимою дѣвушки и женщины собираются на посидѣлки, бесѣды, супрядки и проч.; иногда это бываютъ исключительно женскія собранія. Въ существованіи

среди нашего народа по настоящее время *) такихъ собраній, которыя устраиваются одніми дѣвушками, и въ которыя парни не допускаются, надо видѣть остатокъ того раздѣленія половъ, которое существовало въ древнее время въ нашемъ обществѣ, и которое мы едва ли имѣемъ достаточно основаній заключать въ сравнительно короткій промежутокъ XVI—XVII в.в. Въ былинѣ о Добрынѣ на вечеринкѣ у Марины собраны только душечки красны дѣвицы и молоденькія молодушки—все дочери отецкія (Кирѣевскій II, 55). Но, конечно, наибольшій интересъ для участвующихъ пріобрѣтаютъ именно тѣ сборища, куда приходятъ и мужчины. Развлеченія эти въ изображеніи нашей народной поэзіи носятъ характеръ простодушнаго грубоватаго веселья, переходящаго зачастую въ разгулъ. Вечеринки иногда устраиваются какимъ-нибудь хозяиномъ, который просто приглашаетъ къ себѣ гостей, или въ складчину (О нихъ см. у Терещенко: „Б. Р. Н.“ VII, 185 и слѣд.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣча вездѣ служитъ знакомъ, что на посидѣлки могутъ прійти даже и незваные (Терещ. VII, 224). Вотъ угощеніе устраивается въ складчину, дѣвки варятъ себѣ пиво; „кая несетъ хмелю, кая солоду мѣшокъ; каждая изъ нихъ зазываетъ отъ себя гостей. Приходятъ парни; устраиваются игры, поются пѣсни, часто насмѣшливаго содержанія, отличающіяся грубоватымъ юморомъ; молодцовъ поддразниваютъ: ихъ обѣщаютъ угостить кускомъ дурынды (выбоины изъ конопляннаго масла), положить спать въ свиномъ хлѣву, будить полѣномъ по пятамъ. Съ незваными гостемъ дѣвки обѣщаютъ расправиться совсѣмъ негостепріимнымъ образомъ:

---

*) По крайней мѣрѣ на такъ называемыхъ субботкахъ—святочныхъ вечерахъ мужчины еще въ началѣ XIX ст. не допускались (Терещенко, Б. Р. Н. VII, 225).

„Кàя готова его ударить въ щеку, кàя за волосы,
Черезъ скамью дать таскачиву,
Черезъ порогъ его клюкой поперекъ,
По сѣничкамъ будто сѣмячко толкутъ,
А по крыльцамъ будто ступицу катятъ“ (Шеинъ, 913—916).

Вообще борьба между дѣвушками и мужчинами служитъ содержаніемъ очень многихъ игровыхъ пѣсенъ; иногда это настоящее серьёзное единоборство, большею же частью лишь шутливая борьба или только угрозы съ какой-нибудь одной стороны, но иногда и настоящіе побои съ причиненіемъ физической боли и нравственнаго оскорбленія потерпѣвшей сторонѣ. Дѣвки и удалые молодцы ходятъ по кругу.

„Одна дѣвка посмѣлѣе, веселѣе,
По кругу плясать пошла,
Молодцу сердце зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвку,
По бѣлому лицу,
По румяной по щекѣ,
По серебряной серьгѣ“.

Сережка разстегнулась, жемчужная подвѣска разсыпалась, дѣвчоночка расплакалась. Для неподготовленнаго слушателя этотъ ударъ дѣвушки, „зажегшей молодцу сердце“, является совершенною неожиданностью и переноситъ чуть не къ эпохѣ умыканія невѣстъ. Не менѣе архаиченъ отвѣтъ дѣвушки въ пѣсняхъ сходнаго содержанія, гдѣ хотя дѣло и не доходитъ до побоевъ, но все-таки молодецъ кичится передъ женщинами и заставляетъ ихъ прислуживать себѣ: „Не раба, сударь, твоя,—Я не слушаюсь тебя“, отвѣчаетъ на такое требованіе вдова молодцу, который себя считаетъ „обезчещеннымъ“ подобнымъ отвѣтомъ. Дѣвушка же отвѣчаетъ иначе:

„Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю, другъ, тебя:
Буду вмѣстѣ съ тобою жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить“.

(Шеинъ, 412—418). Иногда въ играхъ дѣвушка сама задѣваетъ мужчину:

„Перву шутку пошутила,
Парню на ногу ступила;
Другу шутку пошутила,
Праву ручку подавила;
Третью шутку пошутила,
Съ милымъ рѣчи говорила,
По харѣ оплела,
Харитономъ назвала“ (Шеинъ, 576).

Или: „Дѣвушка гуляла,
Калинушку ломала,
Во пучечки вязала,
Въ молодчика бросала:
Ты молодчикъ молодой,
Возьми меня за себя“ (Терещенко, „Б. Р. Н.“ VII, 203).

2.

Взаимныя отношенія между молодежью обоихъ половъ. Изображеніе въ русскихъ пѣсняхъ любви несчастной и любви торжествующей.

Въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ между молодежью обоихъ половъ, объ этихъ отношеніяхъ говорится, какъ о чемъ-то легкомъ, поверхностномъ, не имѣющемъ никакого характера прочности и ни къ чему не обязывающемъ ни ту, ни другую сторону.

„Что ни кумъ съ кумой покумился,
Молодецъ съ дѣвицей подружился *);
Гдѣ ни сойдемся,—пріобоймемся,
Пріобоймемся, поцѣлуемся,
Разойдемся, распростимся".
Или: „Я одинъ годочекъ со милымъ жила,
А на другой годъ сиротой бѣдной слыла".

Въ другомъ случаѣ любящіе говорятъ другъ другу:

„Въ любви съ тобой наживемся,
По согласьицу разойдемся".

(Шеинъ, 478—480, 483—489; Соболевскій, II, №№ 32, 33; IV, 13, 29—32, 81, 177, 224, 225, 257—260, 265). Отношенія эти заводятся украдкою: дѣвушка любитъ „тишёшенько"; и послѣ того, какъ эти отношенія свободно разрываются, они все-таки должны остаться тайною: „съ кѣмъ гуляла—не хочу, съ кѣмъ гуляно—не скажу" (Шеинъ, 504, 1152). Все это такіе дружки, съ кѣмъ дѣвицы „гулять ходятъ",—и только (Шеинъ, 768). Такая любовь продолжается годъ, два, три (обыкновенно „три лѣта, три теплыхъ, три зимушки студеныхъ); потомъ дѣвушку бросаютъ, и ей приходится еще выносить насмѣшки отъ любимаго человѣка (Шеинъ 785). Результатомъ такой тайной любви бываетъ зачастую, что дѣвушка

„Съ кѣмъ слюбилася—разлучилася,
Съ кѣмъ не зналася,—повѣнчалася"

(Шеинъ, 730—831). Передъ разлукой они размѣниваются подарками: онъ отдаетъ ей платокъ, которымъ ей придется потомъ жениха дарить, а у нея беретъ перстень, которымъ ему обручатися (Ш, 788). Въ отчаяніи она проситъ его

*) О значеніи кумовства см. статью акад. Н. А. Веселовскаго: «Гетеризмъ, побратимство и кумовство», въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г., кн. II.

саблею вострою разрѣзать ей бѣлу грудь, вскрыть ея сердце, которое „не бѣлѣе чернаго бархата“; но находитъ отъ него въ утѣшеніе, что онъ будетъ ходить чаще этого и любить будетъ лучше прежняго, такъ какъ онъ-то и есть тотъ самый женихъ, который пришелъ къ ней свататься. Но такое счастливое окончаніе—рѣдкость (Ш. 789, 790). Большею же частью молодецъ „любилъ, да не взялъ красну дѣвку“ (Ш. 792). Дѣвушка и сама ходитъ къ милому, проситъ взять её замужъ за себя, чтобы люди не смѣялись, мать её не забранила (Ш. 1153). Уходя на такія свиданія, она лжетъ матери (Соболевскій, II, 88; IV, №№ 401—409). Подобнымъ поведеніемъ она наноситъ безчестье отцу съ матерью, весь родъ—племя срамитъ (Соболевскій II, №№ 92—94. О любви до брака и о выдачѣ замужъ поневолѣ см. у него же №№ 106—111, 159—162, 169—172, 272—295). Но, если подобныя отношенія ведутся съ соблюденіемъ хотя нѣкоторой скромности, или если они приводятъ къ браку, то на нихъ смотрятъ весьма снисходительно. Въ Малороссіи на вечерницахъ парубки сближаются со своими невѣстами и долго женихаются (Терещенко. Б. Р. Н., II, 488, также весьма интересны стр. 505, 570).

Любовныя пѣсни посвящены изображенію нѣжнаго чувства въ разныхъ его фазахъ и среди самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій. Многія изъ нихъ проникнуты глубокимъ чувствомъ и дышатъ истинною поэзіею. Большая часть изъ нихъ, впрочемъ, изображаетъ не радостное, спокойное развитіе этого чувства, находящее удовлетвореніе въ обладаніи предметомъ, его вызвавшимъ, а борьбу его съ разными враждебными препятствіями; это такое чувство, которое при людяхъ не смѣетъ поднять голову, а принуждено прятаться и скрываться отъ глазъ людскихъ. Причиною этою служитъ, конечно, не что иное, какъ чрезмѣрное господство авторитета старшихъ въ древне-русской семьѣ,

какъ это и раскрывается изъ самаго содержанія пѣсенъ.

„Кабы мнѣ волюшка отъ батюшки была дана,
Не сидѣла бъ у окошка я одна,
Не смотрѣла бъ въ путь-дороженьку далеко;
Не ждала бы друга милаго моего" (Шеинъ, 172).

Свиданіе молодыхъ людей обставлено такими затрудненіями, что парню приходится износить башмаки, ходючи за дѣвушкой,—изодрать смуръ кафтанчикъ, лазючи по заборамъ среди разныхъ страстей, которыя ему при этомъ видятся,—сгноить пуховую шляпу, подъ капѣлью стоючи,—изломать два ножичка, открывая окошко красавицѣ (Ш. 681, Соболев., IV, 703—706). Ходить къ ней ему нужно не улицей—переулочкомъ, не голосомъ кричать—соловьемъ свистать, чтобъ она догадалася, или вызвать какимъ-нибудь другимъ условнымъ знакомъ, напр., ударяя въ окно комкомъ снѣга (Ш. 692, 694). Свиданіе устраивается, благодаря находчивости дѣвушки, ловко выпроводившей родителей обманомъ въ гости и принимающей у себя милаго дружка. Они встрѣчаются на жнитвѣ, или имъ оказываетъ пріютъ частъ ракитовъ кустъ, подъ которымъ было „попито, погуляно, со милымъ дружкомъ посижено, много тайныхъ словъ говорено" (Ш. 684, 695,—8, 703). Но и эти тайныя свиданія въ концѣ концовъ открываются: милый ходитъ часто, проторилъ путъ дороженьку широкую, проложилъ-то милый худу славушку про дѣвушку. Отсюда—отцу матери безчестье, роду-племени укоръ (Шеинъ 705; Терещ. II, 423; VII, 200).

Взаимныя недоразумѣнія влюбленныхъ прежде всего и, конечно, глубже всего омрачаютъ счастіе любящихъ. Любовь продолжается недолго, пока солнце ярко свѣтитъ и грѣетъ. Весной травка росла, лѣтомъ травка выросла, подъ осень травка засыхать стала, про мила дружка забывать стала, хотя онъ „сушилъ, крушилъ, сердце высушилъ и свелъ

дѣвушку съ ума-разума" (Ш. 713). Но бываетъ и наоборотъ: дѣвушка сама не умѣетъ держать счастьица въ рукахъ:

„Любила-то молодчика, не могла любовь признать;
Стала любовь признавать,
Сталъ мой милый отставать, сталъ гулять съ иною"

(Ш. 740—742). Въ горькой тоскѣ по „злодѣѣ", остающемся все-таки ей милымъ, дѣвушка всѣ ноченьки просиживаетъ, всѣ думушки въ эти ночи продумываетъ (Ш. 704—707). У слабой, покорной женской натуры одинъ исходъ—тоска, и вмѣстѣ съ тѣмъ одно оружіе—слёзы. И такая покинутая дѣвушка собирается своего дружка не зельями повысушить, не кореньями—своими горючими слезами (Ш. 747, 749). Но женщина другого темперамента думаетъ иначе—у нея возникаетъ желаніе мести. Если любезный её зазнобилъ, повысушилъ

„Суше вѣтра, суше вихорю,
Суше той травы кошо̀ныя,
Къ сырой землѣ положо̀ныя",

то и она собирается его повысушить, повызнобить и готова пойти на все, лишь бы не достался онъ иной женщинѣ; готова скорѣе видѣть его въ сырой землѣ, чѣмъ въ рукахъ другой (Ш. 748).

Въ другихъ случаяхъ любящихъ разлучаютъ враждебныя внѣшнія обстоятельства. У дѣвушки по миломъ „тайное сердечко изболѣло", сердце ныло, грудь болѣла. Милый ея скрывается на все лѣто теплое, на зиму, на весь круглый годъ, оставивъ на поминочки золото кольцо. Дѣвушка въ разлукѣ „умывается горючими слезами", днемъ она ходитъ смутная, ночь пролежитъ въ горькихъ слезахъ, не знаетъ, гдѣ ей дѣться, кому свою тоску раздать. Не у родныхъ своихъ, отъ которыхъ эта любовь должна остаться тайной, а у „подруженьки потайно̀й" находитъ она сочувствіе (Ш. 763). Или же она уходитъ подальше отъ людей, остается

наединѣ съ природою, передъ нею выливаетъ свое горе и, какъ ей чудится, находитъ въ ней себѣ сочувствіе. Такова очень поэтическая, исполненная щемящей тоски пѣсня: „Долина ль моя, долинушка!“ Дѣвушка подходитъ къ калинѣ, слышитъ на ней кукушку и спрашиваетъ, о чемъ она кукуетъ, о чемъ горюетъ.

„Какъ же мнѣ, кукушечкѣ, не куковати,
Какъ же мнѣ горемычной не горевати?
Одинъ у меня былъ милый другъ,
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одну меня, молоденьку,
Одну меня покидаетъ“

(Ш. 769). Единственнымъ утѣшеніемъ по отсутствующемъ другѣ служитъ сновидѣніе, въ которомъ ей можетъ явиться милый. Облегченіе она находитъ въ молитвѣ о немъ. Передъ разлукою дѣвушку оставляетъ милой въ горѣ, во слезахъ, что въ морѣ (Ш. 754). Съ его отъѣздомъ счастье отъ нея скрывается, словно солнышко закатывается. На прощанье они даютъ взаимную клятву въ вѣрности и обмѣниваются кольцами. Парень говоритъ:

„Коль помыслю я о другой любви,
Золото кольцо распаяется;
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь,
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня“

(Ш. 759). Ей кажется, что съ его отъѣздомъ она умретъ съ тоски. Множество пѣсенъ посвящено изображенію этой тоски. Отецъ и мать разлучаютъ сами дѣвушку съ милымъ, который пришелъ ей по обычаю, да еще заставляютъ её не тужить по этой грубо оборванной чужимъ вмѣшательствомъ любви (Соболевскій III, 122), также IV 5—9, 25—28, 86, 100, 101, 149, 225—273, 806—813 и мног. др.).

Въ русской народной поэзіи выработалась опредѣленная символика въ изображеніи этихъ внѣшнихъ враждеб-

нихъ обстоятельствъ, разлучающихъ дѣвушку съ милымъ. Вотъ враждебная сила изображается подъ видомъ быстрой рѣченьки, которая захватила милаго дружка, шедшаго на свиданіе къ своей разлапушкѣ. Нѣту на той рѣченькѣ, нѣту на той быстренькой ни моста, ни перилъ... только жердочка была, которая сломилася подъ юношей, и онъ утонулъ въ рѣкѣ (Ш. 736—738, 743). Счастію любящихъ препятствуетъ разлука; свиданіе невозможно въ скоромъ времени, потому что стоятъ холодныя зимы, когда замерзаютъ болота и ручьи, когда становились быстры рѣки широкіи, выпадали бѣлы снѣга глубокіи,—когда нельзя молодцу ко дѣвушкѣ пройти (Ш. 739). Вообще изображеніе несчастной любви въ нашихъ пѣсняхъ отличается идеальнымъ характеромъ, и много поэзіи въ этомъ олицетвореніи различныхъ предметовъ внѣшней природы, которые представляются сочувствующими людскому горю. Кукушка кукуетъ въ унисонъ съ дѣвицей; хорошо въ саду соловей поётъ, какъ получше того красна дѣвица. Вообще птицы принимаютъ большое участіе въ человѣческой судьбѣ. Невеличка птичка пташечка, однако она много знаетъ, много видитъ, такъ какъ на сине море летывала; она садится среди моря на камушекъ, выслушиваетъ голосъ соловья, пѣсенки красныхъ дѣвушекъ и, умудренная большимъ опытомъ, говоритъ человѣческимъ голосомъ и подаетъ людямъ разные благіе совѣты (Ш. 724).—Понимаютъ также людское горе и предметы неодушевленные, хотя и не говорятъ съ людьми.. Аленькій цвѣточекъ, сорванный гадающею дѣвушкой, сохнетъ и вянетъ и тѣмъ указываетъ ей на то, какъ плачетъ и тужитъ объ ней миленькій на чужой сторонѣ. Несчастные люди родятся въ то время, когда въ бурномъ разливѣ калину съ малиной вода поняла. Въ горѣ дѣвушка припадаетъ къ сырой землѣ, обнимаетъ частъ ракитовъ кустъ; она плачетъ, какъ рѣка льется. Когда она тужитъ по миломъ, ей грустно

видѣть все то въ природѣ, что напоминаетъ ей о счастьѣ; она готова сказать солнышку, что ему полно изъ-за лѣсу свѣтить, алымъ цвѣточкамъ въ полѣ, чтобы они перестали цвѣсти (Ш. 731). Тоска выражается очень поэтическимъ желаніемъ: молодцу хотѣлось бы имѣть сизы крылышки, чтобы на нихъ были золоты перешки, тогда бы „вздынулся“ онъ высоко, полетѣлъ далеко, въ зеленый садочекъ къ любушкѣ-сударушкѣ, подъ ея красное окошечко, сталъ бы тамъ „гурковати“. Фантазія народныхъ поэтовъ допускаетъ не только такое превращеніе человѣка въ птичку, живое существо, у котораго есть все-таки нѣчто общее съ человѣческой жизнью и чувствомъ, и которое связано съ древнѣйшими миѳическими вѣрованіями, но и создаетъ олицетвореніе такого неосязаемаго предмета, какъ человѣческій вздохъ, напр. Вздохи представляются какими-то отдѣльными существами, имѣющими, повидимому, крылатый образъ, обладающими способностью движенія, но вполнѣ зависящими отъ человѣка, который ихъ можетъ по своему желанію послать туда или сюда и приказать снова къ нему вернуться. Любящіе посылаютъ свои вздохи, свои тяжелые вздохи къ тому, кого они любятъ, и приказываютъ снова возвратиться назадъ, стать на правое плечо и принести вѣсть отъ милаго. Это тоже, вѣроятно, олицетвореніе, связанное съ древнѣйшими человѣческими вѣрованіями. Не менѣе древними образами выражается скорбь по утраченной любви въ слѣдующей картинѣ: дѣвушка прогнѣвила милаго, сердце его замерло и отнынѣ навсегда для нея заперто; она сама потеряла ключи отъ его сердца. Горько тоскуетъ она объ этомъ и молитъ рыболововъ закинуть шелковъ неводъ въ Дунай-рѣку, вытащить оттуда бѣлорыбицу—красну дѣвицу (подъ которою подразумѣвается, конечно, разлучница), разрѣзать ей бѣлу грудь и вынуть оттуда золоты ключи отъ сердца любимаго человѣка (Ш., 744—746). Извѣстное

древнее олицетвореніе горя въ видѣ существа, преслѣдующаго человѣка повсюду, въ русской народной поэзіи примѣняется и къ судьбѣ дѣвушки (Ш., 797, 799, 800).— Любовь для дѣвушки во всякомъ случаѣ вещь опасная: за періодомъ удовлетворенія и счастія наступаетъ пора расплаты. Дѣвушка, застоявшаяся съ молодцемъ, заглядывается на кудрявую рябину, и грустное предчувствіе томитъ её:

„Ты рябина моя, рябинушка,
Кудреватая, щеглеватая!
Не стой, рябинушка, близко къ берегу,
Что придетъ-то, придетъ весна красная,
Что подмоетъ твои сучки, вѣточки,
Сучки вѣточки, всѣ отросточки".

Молодцы у дѣвушки безъ огня жгутъ сердце, разносятъ мысли по чистымъ полямъ, по зеленымъ лугамъ.—У натуры сосредоточенной даже и великая кручинушка неизвѣстна постороннимъ, а извѣстна она только ретивому сердцу, покрыта бѣлой грудью, запечатана крѣпкой думой (Ш. 722; Соболевскій III, 73--85 и др.; IV, 36, 37 и мн. др.).

8.

Разница въ изображеніи отношеній къ жизни между западной средневѣковой поэзіей и нашей народной лирикой.

Въ такихъ-то нѣжныхъ и дѣйствительно поэтическихъ образахъ проявляется въ русской народной лирикѣ несчастная любовь. Но въ изображеніи любви торжествующей народная фантазія высказываетъ гораздо меньше нѣжности и даже изобрѣтательности. Внѣшняя обстановка дѣйствія большею частью однообразна, а самыя проявленія любви носятъ зачастую грубо чувственный характеръ. Въ

отдѣлѣ именно любовныхъ и семейныхъ пѣсенъ чувствуется наиболѣе сильно особенность тѣхъ путей, по которымъ шла исторія нашего средневѣковья сравнительно съ западно-европейскою. Рыцарство внесло въ поэзію германскихъ и романскихъ народовъ такіе мотивы, которые намъ остались совершенно чужды. Уже въ XII в. мы находимъ развившийся на югѣ Франціи культъ дамы *), который составлялъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ рыцарства и не могъ могущественно не отразиться на всѣхъ словесныхъ произведеніяхъ той эпохи. Быстро перешелъ онъ въ сѣверную Францію, проникнулъ въ Германію и Англію, распространился въ южныхъ романскихъ земляхъ. И лучшіе поэты нѣмцевъ, и тянувшаяся за вожаками мелкота, скоро охваченные вліяніемъ высшей французской культуры, начинаютъ воспѣвать hohe minne—чистое восторженное поклоненіе женщинѣ. Дама для большинства нѣмецкихъ и французскихъ рыцарей-поэтовъ есть предметъ самыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ движеній сердца. Бантъ, платокъ, лоскутокъ отъ ея платья для него дороже всякихъ знаковъ отличія; поцѣлуй при другихъ или даже только привѣтливое наклоненіе головы дамы—для кавалера высшая награда. Рыцари влюбляются по однимъ слухамъ, заочно, въ гордую красавицу; больные предпринимаютъ путешествія за тридевять земель, чтобы только умереть у ея ногъ. Любовныя объясненія длятся по нѣскольку мѣсяцевъ, потому что влюбленный имѣетъ возможность видѣть свою даму только одинъ разъ въ недѣлю, на одинъ моментъ и шепнуть ей одно слово, на которое онъ получаетъ отвѣтъ только чрезъ недѣлю и столь же лаконическій! Намъ скажутъ, что мы беремъ примѣры изъ искусственной провансальской лирики

*) Начало же развитія искусственной провансальской лирики предполагается еще во второй половинѣ IX ст.

и имѣемъ въ виду величайшихъ поэтовъ средне-вѣковой Германіи, которые въ превосходной эпической обработкѣ рыцарскихъ мотивовъ и въ изящныхъ лирическихъ пѣсняхъ дали намъ образцы индивидуальнаго творчества съ выработанной до высокаго совершенства формою; что, сопоставляя эти произведенія съ созданіями нашего народнаго творчества, мы беремъ величины несоизмѣримыя, и что въ другихъ произведеніяхъ тѣхъ же самыхъ авторовъ, а въ особенности въ народныхъ пѣсняхъ мы найдемъ и простую грубоватую чувственность, которая довольно близко подходитъ къ тому, что мы имѣемъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ въ томъ-то и дѣло, отвѣтимъ мы, что на Западѣ, благодаря счастливо сложившимся историческимъ условіямъ, результатомъ которыхъ было раннее пробужденіе личности, послѣдняя рано и могуче заявила о себѣ въ разныхъ областяхъ народной жизни; на Западѣ рано совершилась соціальная и умственная дифференціація, выдѣлилась аристократія не только крови, но и таланта; на Западѣ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе счастливо обставленныхъ слояхъ, личные запросы передовыхъ людей создали новые, болѣе высокіе идеалы, неизвѣстные ни древности, ни варварскому міру начала среднихъ вѣковъ; а эти идеалы неизбѣжно отразились и на дѣйствительности, выработавъ новыя и болѣе гуманныя формы общественныхъ отношеній; распространеніе этихъ послѣднихъ на болѣе широкіе общественные классы оставалось только дѣломъ будущаго. У насъ ничего подобнаго! Долго послѣ того, какъ родъ уже разрушенъ, распался, отдѣльныя личности живутъ еще, связанныя по рукамъ и ногамъ его традиціями. Русь есть въ буквальномъ смыслѣ царство массъ. Она крѣпка ихъ многочисленностью, ихъ единообразіемъ, но зато въ этомъ единообразіи коренится и источникъ ея духовной бѣдности въ средніе вѣка. Надъ общимъ среднимъ уровнемъ этой массы не возвышается до самаго

Петра почти ни одна блестящая индивидуальность. Правда, и тутъ непрестанно происходитъ соотвѣтствующій процессъ постепеннаго диференцированія, и тутъ единицы, связанныя общими интересами и общими условіями жизни, стягиваются въ отдѣльныя группы, болѣе и болѣе отличающіяся отъ другихъ; но этотъ процессъ совершается подъ давленіемъ условій политическихъ, экономическихъ, оформливается юридически; но всего менѣе замѣтно движеніе въ сферѣ жизни духовной. На всѣхъ ступеняхъ общества господствуетъ почти одно и то же міросозерцаніе, всѣхъ удовлетворяютъ почти одни и тѣ же идеалы. Одна и та же сказка своимъ незамысловатымъ юморомъ тѣшитъ и Грознаго царя, и его опричника, и какихъ-нибудь скромныхъ „сиротъ государевыхъ“, которые „отъ великія тягости собираются бросать свои животишки и врозь брести“; одна и та же пѣсня съ ея грустною меланхоліею хватаетъ за сердце и потомка удѣльныхъ князей въ его расписныхъ хоромахъ, и скромнаго служилаго человѣка, заброшеннаго въ своемъ помѣстьѣ на самую границу русской Украйны, и сына вольнолюбиваго Дона! И среди этихъ-то общихъ идеаловъ, господство которыхъ никѣмъ не оспаривается, нѣтъ мѣста идеализированью женщины, нѣтъ даже намека на что-нибудь, приближающееся къ подобному идеализированью. Отголоски подобнаго возвышеннаго отношенія къ женщинѣ, какъ слабые, еле уловимые намеки, впервые проникаютъ въ нашу поэзію лишь въ концѣ XVIII в. и достигаютъ своего высшаго развитія только въ XIX в. Нашей народной поэзіи оно совершенно чуждо.

Она смотритъ на женщину удивительно трезво, предъявляетъ послѣдней извѣстныя, строго практическія жизненныя задачи и, сообразно тому, какъ женщина ихъ осуществляетъ, производитъ ей собственно оцѣнку: изображаетъ ей въ типахъ положительныхъ или отрицательныхъ. Въ

наиболѣе чистыхъ и свѣтлыхъ женскихъ образахъ, созданныхъ нашею народною поэзіею, нѣтъ и тѣни той идеализаціи, которою окутывали благородные рыцари своихъ дамъ: это далеко не высшія существа, а вполнѣ реальныя, встрѣчающіяся каждый день въ дѣйствительной жизни фигуры простыхъ, добрыхъ русскихъ женщинъ: любящихъ, вѣрныхъ и покорныхъ женъ, до самозабвенія преданныхъ своимъ дѣтямъ матерей, кроткихъ и послушныхъ дочерей. Въ изображеніи любовныхъ отношеній наблюдается тотъ же реализмъ. Русскій человѣкъ своею простою, наивною душою понималъ ихъ тоже крайне просто, здраво, не вносилъ сюда никакого поэтическаго тумана и не летѣлъ въ это время въ заоблачную высь. Самымъ лучшимъ исходомъ бывало то, если изъ взаимнаго влеченія между любящими устанавливалась хоть какая-нибудь нравственная связь; если мужчина въ состояніи былъ привязаться къ женщинѣ настолько, чтобы видѣть въ ней по крайней мѣрѣ человѣка, если онъ начиналъ дорожить ея счастіемъ, ея спокойствіемъ. Но примѣры такихъ отношеній даже между мужемъ и женою, какъ мы это увидимъ дальше, были очень рѣдки, и наша народная лирика очень рѣдко поднимается до такой ноты. Въ ея изображеніяхъ „торжествующая" любовь носитъ преимущественный характеръ, иногда даже поражающій грубостью своихъ образовъ. Любовныя пѣсни этого рода вращаются около описанія наружности влюбленныхъ: русыхъ кудрей, румянаго лица, лебединой походочки, ихъ костюма, и ничего почти не говорятъ о самомъ чувствѣ, о душѣ человѣка, которая въ подобный-то періодъ и бываетъ обыкновенно настроена особенно высоко, и струны ея даютъ наиболѣе полный отзвукъ на всѣ явленія жизни. Затѣмъ неизбѣжною принадлежностью этого отдѣла пѣсенъ является кроватушка тесовая, расписанная, занавѣски узорчатыя, постелюшка пуховая, одѣяльце соболиное, которыя появляются на сцену

иногда слишкомъ быстро и неожиданно для слушателя. (Шеинъ, 413, 466—472, 535, 733). Въ условленный для свиданія часъ, когда сердечный другъ пробирается къ милой потихоньку, дѣвушка часто хлопочетъ о томъ, чтобы его хорошенько угостить: припасаетъ зелена вина, варитъ пиво, медъ, настаиваетъ сладкую водочку; или парень, который ходитъ къ дѣвушкѣ, носитъ самъ водку (Шеинъ, 535, 541; Соболевскій, II, №№ 109, а также 128, 275—279, 282, 293; IV, 105 и мн. др.).

Большею частью стоитъ только молодцу оказать вниманіе дѣвушкѣ, какъ она тотчасъ же обращается къ нему; красавицы гордыя, недоступныя, представлявшія любимый типъ въ рыцарской поэзіи, въ нашей народной лирикѣ почти отсутствуютъ. Это большая рѣдкость, когда у насъ дѣвушка съ гордостью отвергаетъ исканія влюбленнаго и на его просьбу побывать у него даетъ ему такой исполненный сознанія своего женскаго достоинства отвѣтъ:

„Развѣ въ ту пору, молодчикъ,
Я буду у тебя,
Когда выростетъ трава
Средь широкаго двора,
Да поразольется вода,
Съ крутымъ берегомъ ровна,
Всплываетъ бѣлъ-горючъ камень,
По верху по водѣ.“ (Ш. 540).

— Такъ же рѣдокъ и слѣдующій мотивъ: соловья сажаютъ въ клѣточку за серебряную рѣшоточку и заставляютъ пѣть пѣсни, что бы онъ при кручинѣ спотѣшалъ молодца, при великой „разговаривалъ“ его,—

Чтобы молодецъ не плакалъ, не тужилъ,
Всеё ноченьку молоденькій не спалъ,
Все во золоты цимбалы проигралъ,
Все бы душу-дѣвицу спотѣшалъ,

Чтобы дѣвушка любила молодца,
При людяхъ его надежею звала,
А въ безлюдьицѣ душечкою" (Ш., 726—727; Соболев., IV № 631—635). Тутъ уже вѣетъ духомъ какой-то, хотя и простодушной, куртуазіи. — Молодцу, желающему имѣть успѣхъ у женщинъ, иногда надо и самому кое-чѣмъ поступиться и съ разсчетомъ вести тактику; надо отдавать на чужой сторонушкѣ и старому и малому все низкій поклонъ, молодымъ молодушкамъ пониже всѣхъ, а краснымъ дѣвушкамъ — шапочка долой! (Ш. 729).

Но обыкновенно мы видимъ совсѣмъ другое. Даже въ такой случайной любви, гдѣ женщина, повидимому, находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для охраненія самостоятельности своей личности, и то усматриваются такія проявленія мужского деспотизма, которыя возможны только на очень низкой ступени культурнаго развитія. Дѣвушка любитъ юношу; со скорбью она замѣчаетъ, что вслѣдствіе ли неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе ли внутренняго охлажденія, свиданія ихъ становятся все рѣже—занесло всѣ пути дороженьки, лѣтнія тропиночки, милаго слѣдиночки; теперь она видитъ своего дружка только черезъ три поля, черезъ темный лѣсъ голосъ его слышитъ, черезъ рѣченьку словечушко молвитъ. И вотъ эту самую дѣвушку, жалобы которой исполнены такой нѣжной, поэтической грусти, такъ дышатъ любовью къ нему, парень „ударнетъ по бѣлу лицу,—изъ бѣла лица руда брызнула,— покатились изъ ясныхъ очей горючи слезы" (Ш. 768; Соболевскій I, № 308). И объ этомъ говорится спокойнымъ эпическимъ тономъ, какъ о чемъ-то вполнѣ естественномъ; изъ устъ самой дѣвушки это оскорбленіе вызываетъ не крикъ негодованія, а только новый приливъ скорби. Такимъ же ровнымъ и спокойнымъ тономъ описывается еще болѣе серьёзный случай, когда побои парня доводятъ дѣвушку до

смерти (Шеинъ 803; Древ. Росс. Стих. XXXV).—Да! народная поэзія вообще далеко не подтверждаетъ мнѣнія нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что преобладаніе въ древнія времена случайныхъ связей между мужчиною и женщиною надъ прочными браками давало будто бы женщинѣ какія-то особенныя преимущества передъ мужчиною. И тутъ возникали отношенія, которыя сводились къ господству одной и подчиненію другой стороны. Есть пѣсни, которыя глубоко возмущаютъ душу современнаго читателя своимъ содержаніемъ. Между любящими произошла размолвка. Дѣвушка глубоко огорчена, она придумываетъ легчайшіе способы, какими бы можно было достигнуть примиренія: завести переговоры черезъ другихъ неудобно, а лучше дождаться темной ночи и въ полуночи самой побывать у милаго, уговорить его, чтобы не слушалъ злыхъ людей, которые смущаютъ ихъ счастье, изъ зависти разстраиваютъ ихъ согласіе; свои убѣжденія она заканчиваетъ слѣдующимъ удивительнымъ приглашеніемъ: „возьми, милъ, меня за правую, ручку поведи въ свѣтлицу, посади на тесову кроватку, сними-ко бумажную рубашку, возми-ко шелковую-то плетку и бей мое тѣло, сколько хочешь, чтобъ мое тѣло не болѣло, ретивое сердце не шумѣло" (Шеинъ 772. Въ одной пѣснѣ Димитрій князь избиваетъ до полусмерти свою невѣсту Домну Фалелеевну за насмѣшку надъ его наружностью (Кирѣевскій V, 63—65, Соболев., I, №№ 172—175). Побои отъ руки милаго представляются нисколько не тягостными и чуть ли не возводятся въ какое-то особенное отличіе: такъ выходитъ по веселой пѣсенкѣ: „На лугу было, на лужочкѣ". Тамъ „молодцы въ гусли играли, красныхъ дѣвокъ забавляли: Я, младенька, охоча была слушать молодецкія забавы; не за то ли послушанье меня тятенька билъ, билъ"! Билъ онъ лозою, вынутою изъ вѣничка; но дѣвушка послѣ этихъ побоевъ три недѣли пролежала, не пила, не ѣла, на тятень-

ку не глядѣла, на родимаго сердилась. Такъ же подѣйствовало наказаніе отъ рукъ матери, когда та ударила ее платочкомъ. Но вотъ за то же самое „послушаніе" миленькій беретъ не легкое, не тяжелое осиновое полѣно и бьетъ, и бьетъ... Результаты получаются совершенно неожиданные:

„Я со этихъ со побоевъ,
Я пила, млада, и ѣла,
На миленька все глядѣла,
Со милымъ гуляла" (Ш., 1218; Соболев., IV 848, 849), Правда это пѣсня шуточная, но шутки въ ней характерныя, которыя много говорятъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, державшихся въ теченіе вѣковъ между двумя полами. Парень въ видѣ шутки бьетъ дѣвицу по лицу по бѣлому (Соболевскій II, № 49—52). Въ другой пѣснѣ дѣвушка еще до замужества прислуживаетъ своему суженому, не только лаская чешетъ русы волосы, завиваетъ кудеречки, но и черну шляпу надѣваетъ, въ синь кафтанъ оболокаетъ, сажаетъ на добра коня, подаетъ поводъ, отворяетъ ворота (Шеинъ, 375; Соболевскій, III, № 350—353; IV, 122—134). Въ одной хороводной пѣснѣ (у Сахарова) парень угрожаетъ слишкомъ спесивой дѣвицѣ: „будешь, дѣвка, у кроватушки стоять, будешь, дѣвка, бѣлы руки цѣловать".

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель*).

Кромѣ того, что въ произведеніяхъ Григоровича изъ народнаго быта есть другая черта, которая помогаетъ имъ быть произведеніями въ полномъ смыслѣ художественными и сближаетъ автора съ классическими нашими писателями: это—способность автора рисовать картины природы. Въ произведеніяхъ Григоровича такъ много художественныхъ описаній русской природы, что одинъ изъ критиковъ (Скабичевскій), какъ мы уже видѣли, высказалъ даже соображеніе, что Григоровичъ собственно изъ-за этихъ картинъ и писалъ свои произведенія; что онѣ и составляютъ ихъ суть, а повѣствованіе—это только рамки для его картинъ. Конечно, это мнѣніе плодъ недоразумѣнія, но, дѣйствительно, описанія составляютъ весьма существенную часть произведеній нашего автора. Большой, напр., объемъ его романа: «Рыбаки», значительно сократился бы, если бы исключить изъ него художественныя описанія природы.

Самый сюжетъ этого романа очень не сложенъ; но сколько здѣсь прекрасныхъ картинъ природы! Всѣ четыре времени года, поскольку они отражаются въ явленіяхъ природы, находятъ здѣсь свое изображеніе; мы встрѣчаемъ въ романѣ описаніе весны, лѣта, осени и зимы. Предъ нами проходятъ картины: наступленія весны и весенней оттепели («Рыбаки», гл. I-я): весенняго водополья (гл. XII и XIII-я): картина весенняго дня вообще (XVII гл.), картина весенняго дня на рѣкѣ

*) Окончан. См. в. в. VI 1900 г. и III, IV—V 1901 г.

(XIV гл.), картина лѣтняго вечера (гл. IX), ненастнаго дня къ концу осени (гл. VII), картина наступленія зимы (VIII гл.) и т. д. и т. д. Масса такихъ художественныхъ описаній и въ другомъ большомъ романѣ Григоровича: «Переселенцы». Здѣсь мы встрѣчаемъ блестящія описанія: грозы (ч. III. гл. IV), жаркаго лѣтняго полдня (ч. III, гл. II), лѣтняго утра (ч. III, гл. VII), яснаго осенняго вечера (ч. V, гл. III), звѣздной осенней ночи (ч. V, гл. VI) и др. Мелкіе разсказы Григоровича также переполнены описаніями природы высокой художественной силы. Можно сказать, что природа средней полосы Россіи въ произведеніяхъ Григоровича изображена рѣшительно во всѣ моменты и изображена въ высшей степени художественно. Въ этомъ изображеніи чувствуется любящая природу душа, способная понимать и цѣнить ея красоты. Замѣчательно, что въ изображеніи природы Григоровичъ не истощимъ, и его описанія и картины отличаются большимъ разнообразіемъ, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что районъ наблюденій автора очень не широкъ. Авторъ какъ бы открываетъ все новыя и новыя красоты въ природѣ.

Особенное пристрастіе къ изображенію картинъ природы и умѣнье изобразить любую изъ нихъ, представить ее со всѣми деталями, не упустить изъ вниманія ни одной черты и всему дать надлежащій тонъ и мѣсто, несомнѣнно находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Григоровичъ былъ художникомъ по своему образованію и наклонностямъ. Его описанія и представляютъ изъ себя дѣйствительныя картины природы, которыя ничего не стоитъ художнику перенести цѣликомъ на полотно. Вотъ примѣръ подобнаго рода описаній изъ его первой повѣсти: «Деревня», посвященной изображенію народнаго быта.

«Предъ нею (предъ дѣвочкой Акулей) широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежали тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка со своими обрывистами берегами, обросшими лопухомъ и кустарниками, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные сухіе стебли дикаго щавеля и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное, взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разрастался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото, камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи» и т. д. *).

По этому образцу можно судить вообще о манерѣ Григоровича въ изображеніи картинъ природы, хорошихъ и слабыхъ сторонахъ его художественныхъ описаній. Предъ читателемъ развертывается ландшафтъ, обрисованный со всею добросовѣстностью внимательнаго наблюдателя. Это въ полномъ смыслѣ картинка съ натуры, даже, вѣрнѣе сказать, фотографія: такъ и чувствуется, что авторъ скопировалъ эту картину съ натуры, во всей ея неприкосновенности. Автора за нарисованной картиной читателю не видно; это описаніе въ высшей степени объективное. Объективность характерная черта отношенія автора къ изображаемой природѣ. Въ результатѣ такого отношенія являются блестящія

*) Т. 1, 93—94 стр.

картины природы, но, такъ сказать,—не преломленныя въ субъективномъ, внутреннемъ я писателя и потому не дающія читателю настроенія; такія описанія могутъ удивлять своей правдою, соотвѣтствіемъ дѣйствительности, но мало задѣваютъ чувство читателя. Подобное изображеніе картинъ природы приближается къ перечисленію деталей, къ тщательному перечню отдѣльныхъ явленій и подробностей. Отъ нихъ отзываетъ холодомъ, потому что за ними не чувствуется страдающей или наслаждающейся жизнію человѣческой личности, которая переноситъ на природу свои настроенія, надѣляетъ ее человѣческими свойствами и, одухотворивши ее, дѣлаетъ участницей своей собственной жизни. Такія объективныя описанія природы, какія мы видимъ у Григоровича, производятъ бо́льшее впечатлѣніе, взятыя отдѣльно, помѣщенныя въ хрестоматіяхъ; но въ цѣльномъ произведеніи они стоятъ особнякомъ, они органически не связаны съ ходомъ дѣйствія, съ развертывающейся въ произведеніи человѣческою жизнью и потому, несмотря на всю ихъ художественность, могутъ служить помѣхой читателю, слѣдящему за развитіемъ дѣйствія въ романѣ; они затягиваютъ это развитіе, не находя ни въ чемъ достаточнаго оправданія себѣ, кромѣ склонности автора къ ихъ изображенію. Таково большинство описаній картинъ природы автора.

Но встрѣчаются и у него страницы, гдѣ онъ какъ бы оставляетъ свою обычную манеру и одушевляетъ нарисованныя картины образами, взятыми изъ человѣческой жизни, сближаетъ жизнь природы съ жизнью человѣка и заставляетъ природу сочувствовать послѣднему. Получаются сильныя изображенія природы, уже тѣсно связанныя съ развивающеюся предъ читателемъ человѣческою жизнію и вмѣстѣ создающія настроеніе въ читателѣ.

Такова, напримѣръ, картина поздней осени и наступленія зимы въ VIII гл. романа: «Рыбаки». «Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину; подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковою рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо курчавой головою. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, возметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые желтые листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце; ненастье и слякоть, его сопровождающія, наскучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ невзгодамъ. Но вотъ пришла, наконецъ, и «зимняя Матрена», поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ «желѣзныхъ горъ». Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ; захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахрамою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядыва-

ютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ, или нужда велитъ итти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Ко́тко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо взглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... «Про́чь съ дороги!» Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшочкомъ. Чаще и чаще онъ покрикиваетъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло и во всю скачь помчалась съ косогора.

Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени» *)...

Такого же характера изображеніе природы въ началѣ XVII-ой главы романа: «Рыбаки»... «Тусклый, сѣренькій день. Сводъ неба какъ будто опустился, прилегъ въ раздумьи надъ молчаливой землею. Если бъ не теплота воздуха, не запахъ молодой, только что распустившейся зелени, можно бы было подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Они похожи на задумчивое прекрасное лицо молодой дѣвушки. Вся природа вдругъ стихнетъ—стихнетъ, какъ рѣзвый ребенокъ,—какъ рѣзвый ребенокъ, выпущенный на волю, который, не надѣясь на

*) Т. V, стр. 166—167.

свои силы и не въ мѣру отдавшись шумному, крикливому веселью, падаетъ вдругъ, утомленный, на траву и сладко засыпаетъ... Въ такіе дни вы звука не услышите. Все живущее какъ будто сдерживаетъ дыханіе, приготовляется къ чему-то, снова собирается съ силами къ шумному празднеству лѣта. Стада безмолствуютъ, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ куреніемъ распускающихся растеній, которыя, за недостаткомъ солнечныхъ лучей, стелются надъ землею; животныя припали къ злачной травѣ, опустили головы или лѣниво бродятъ по окрестности. Птицы сонливо дремлютъ на вѣткахъ, проникнутыхъ свѣжимъ, молодымъ сокомъ; насѣкомыя притаились подъ древесною корою или забились въ тѣсные пласты моху, похожіе, въ безконечно-уменьшенномъ видѣ, на непроходимые сосновые лѣса; муха не прожужжитъ въ воздухѣ; самъ воздухъ боится, кажется, нарушить торжественную тишину и не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ, не подымаетъ даже легкаго пуха, оставленнаго на лугахъ молодыми, только что вылупившимися гусенятами» и т. д. *). Къ сожалѣнію, подобныя описанія природы у Григоровича очень рѣдки; общій же колоритъ его описаній холодно-безстрастный, пунктуально-объективный. Несмотря на это, описанія природы въ его произведеніяхъ, по справедливости, признаются классическими въ нашей литературѣ: наблюдательность автора и чутье истаго художника ихъ выручаютъ ихъ недостатокъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о стилистической сторонѣ произведеній Григоровича. Григоровичъ взялся за изображеніе народнаго быта безъ предварительнаго основательнаго знакомства съ нимъ; это

*) Т. V., стр. 258—259.

знакомство, такъ сказать, шло параллельно съ его творчествомъ. Первые шаги на пути этого творчества стоили автору, по признанію его самого, неимовѣрнаго труда, да и во все время своей литературной дѣятельности онъ писалъ «медленно, копотливо» *). Онъ на первыхъ порахъ шелъ ощупью, изображая народный бытъ. Подмогой ему были бесѣды съ крестьянами, при чемъ онъ старался уловить самый складъ ихъ рѣчи, записывалъ даже самыя выраженія. Во время такихъ знакомствъ автору открывался и внутренній міръ крестьянъ и его выраженіе въ рѣчи. Но, конечно, Григоровичъ знакомился, если можно такъ выразиться, съ кусочкомъ этого внутренняго міра; многія стороны его такъ и остались для него закрытыми. Это чувствуется въ самыхъ произведеніяхъ писателя: авторъ даетъ подробныя описанія наружнаго быта крестьянства, фактовъ его жизни, доступныхъ для наблюдателя и иногда прямо обходитъ интимныя стороны этого быта. Безъ сомнѣнія, автору приходилось довольствоваться въ иныхъ случаяхъ однѣми догадками и при воспроизведеніи сценъ изъ народнаго быта и мужицкихъ разговоровъ. Иногда такія догадки были удачны, иногда—нѣтъ. Нельзя, напр., назвать удачнымъ такой разговоръ:

«Братъ началъ убѣждать Филиппа оставить свое намѣреніе (ѣхать для объясненія къ управляющему).

— Вотъ вздоръ какой! Чего ты опасаешься?— возразилъ Филиппъ голосомъ, который показывалъ, что сердце его еще не улеглось и кипѣло остаткомъ негодованія.

— Боюсь, братъ, не вышло бы худо изъ этого...

— Это насчетъ меня думаешь? Ничего не будетъ!»

*) «Воспом.» гл. XV-я.

и т. д. («Пахатникъ и бархатникъ», т. VIII, стр. 272).

Фраза: «Вотъ вздоръ какой»! звучитъ въ устахъ мужика совершенно фальшиво: это выраженіе человѣка интеллигентнаго, а не мужицкое. Такихъ примѣровъ у Григоровича найдемъ не мало; мы взяли первый, попавшійся подъ руку. Запись народныхъ изреченій, словъ, выраженій, присказокъ сослужили автору большую службу при воспроизведеніи этихъ разговоровъ. Тамъ, гдѣ авторъ прибѣгаетъ къ ихъ помощи, получается довольно типичный языкъ рыбака Глѣба, слѣпого нищаго Куфаева, фабричнаго Захара. Встрѣчаемъ мы у Григоровича и цѣлыя сцены, написанныя типичнымъ, народнымъ языкомъ, носящія печать непосредственнаго наблюденія: такова приведенная нами сцена крестьянской пирушки изъ разсказа: «Прохожій». Но внѣ этихъ, несомнѣнно простонародныхъ выраженій и словъ, простонародный языкъ дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Григоровича лишенъ колоритности. Отъ него не вѣетъ непосредственностью народнаго говора, чувствуется, что это разговоры сочиненные. Авторъ силится подражать народному складу рѣчи, и въ результатѣ получается однообразный, какой-то тягучій стиль, которымъ одинаково говорятъ какъ крестьяне, такъ и крестьянки на протяженіи цѣлыхъ десятковъ страницъ романа или повѣсти, одинаково выражаютъ имъ свои радость и горе. А. Григорьевъ относительно этого народнаго быта стиля Григоровича выражался очень рѣзко: «онъ не владѣетъ даже языкомъ синтаксически свободно», говоритъ этотъ критикъ о Григоровичѣ, и единственная критика на него была бы: «переводъ любого изъ его яко бы народныхъ разговоровъ на простой и свободный народный языкъ».—И въ этомъ отзывѣ есть, пожалуй, доля правды. Стоитъ сравнить языкъ,

которымъ говорятъ герои народныхъ разсказовъ Григоровича, съ языкомъ крестьянъ не только въ произведеніяхъ гиганта нашей литературы Л. Н. Толстого (во «Власти тьмы», «Плодахъ просвѣщенія» и др.), но и такихъ писателей, какъ А. Чеховъ, Вл. Короленко, Маминъ-Сибирякъ, чтобы замѣтить всю громадную разницу между монотоннымъ, блѣднымъ стилемъ разговорнаго языка крестьянъ въ произведеніяхъ Григоровича и, дѣйствительно, выхваченнымъ изъ горнила самой жизни, характернымъ народнымъ языкомъ, встрѣчающимся у названныхъ писателей. Въ другомъ свѣтѣ предстаетъ предъ нами литературный талантъ Григоровича, если мы посмотримъ на его произведенія съ общей стилистической точки зрѣнія. Григоровичъ образцовый стилистъ. Мы не встрѣтимъ у него ни одной, неловко построенной фразы, ни одного неправильно расположеннаго періода. Это—писатель старой школы, какъ мы видѣли, чрезвычайно строго относившійся къ своему писанію.

«Тѣ только произведенія изящной словесности цѣнятся высоко и долго переживаютъ вѣкъ, авторы которыхъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старались «возвести ихъ въ перлъ созданія», какъ выразился Гоголь. Литературные перлы достигаются не только силой избраннаго таланта, но также трудомъ неимовѣрнымъ» *)—вотъ убѣжденіе самого Григоровича. И онъ слѣдовалъ ему всегда. Всѣ его произведенія носятъ печать самой строгой литературной отдѣлки.

Въ этомъ отношеніи произведенія Григоровича надолго останутся образцовыми и будутъ занимать почетное мѣсто между шедеврами нашего художественнаго слова.

*) Григор. «Воспом.», т. XII, гл. IX-я.

Подведемъ нѣкоторые итоги всему сказанному. Въ произведеніяхъ Д. В. Григоровича мужикъ впервые появился въ русской беллетристикѣ въ связи съ бытовымъ и семейнымъ укладомъ своей жизни и прочно занялъ въ ней свое мѣсто. Нѣсколько идеальное освѣщеніе этой жизни и самаго мужика не сгладило характерныхъ чертъ его внутренней физіономіи: она выступила довольно рельефно и заставила обратить на себя вниманіе общества. Въ этомъ смыслѣ Григоровичъ по всей справедливости долженъ быть признанъ прямымъ родоначальникомъ той школы писателей, которая получила имя народнической.

Народники шли уже по проложеннымъ слѣдамъ и часто перепѣвали темы, намѣченныя уже нашимъ писателемъ.

Въ смыслѣ знанія народной жизни и изображенія ея нуждъ и темныхъ сторонъ они пошли дальше своего учителя, но въ художественной обработкѣ народныхъ типовъ никто изъ нихъ не возвысился до учителя.

Тотъ періодъ народной жизни, который изображенъ Григоровичемъ, уже остался далеко позади современнаго поколѣнія; освобожденная отъ рабства, деревня шагнула значительно впередъ; у нея появились новыя нужды, новое горе; народились и новые деревенскіе типы. Несмотря на медленный темпъ народной жизни, многое въ ней измѣнилось съ того времени, въ какое изображалъ ее Григоровичъ.

Кто захочетъ изучить русскую деревню и ея жизнь въ настоящее время, тотъ обратится къ другимъ художественнымъ источникамъ, а не къ сочиненіямъ Григоровича. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ этой

стороны произведенія Григоровича уже теряютъ свое значеніе.

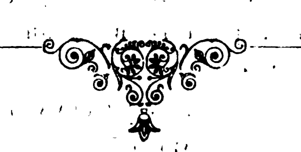
Но эти произведенія долго не потеряютъ своего значенія для школы и народа.

Въ произведеніяхъ Григоровича есть одинъ вѣчный, неувядаемый элементъ, который даетъ имъ высокое воспитательное значеніе: это—гуманная проповѣдь любви къ меньшему брату, постоянное напоминаніе, что мужикъ—такое же разумное существо, чувствующее и страдающее, какъ и люди, поставленные въ болѣе благопріятныя условія жизни; что онъ часто и благороднѣе, и чище этихъ людей; что темнота крестьянина должна возбуждать не отвращеніе къ нему, а чувство сожалѣнія и стремленіе внести въ эту темноту посильный свѣтъ.

Незаурядный художественный талантъ автора дѣлаетъ эту проповѣдь и краснорѣчивой, и убѣдительной. И она не утратила своего значенія и въ настоящее время.

А въ то время, когда она впервые раздалась, она была звукомъ колокола, будившимъ русское общественное самосознаніе и подготовившимъ почву для великаго дѣла—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ громадная, историческая заслуга Д. В. Григоровича.

Н. Щукинъ.



Эпитеты въ русскихъ былинахъ *).

Въ былинахъ находимъ массу эпитетовъ, спеціально относящихся къ тому или другому предмету. Мы перечислимъ нѣсколько такихъ эпитетовъ.

Кромѣ указанныхъ при названіи коня, встрѣчаются эпитеты: **каурый** конь (Р. 3, 30, 64,—желторыжій), *кологривый* жеребецъ (Р. III, 34, 196,—у котораго грива стоитъ коломъ, дыбомъ); конь *наступчивый* (Р. I, 82, 15), *нелегченый* конь (Р. 3, 31,—не меринъ), одноносневый (Р. 2, 76,—родившійся одиночкой, а не послѣ другихъ); жеребчикъ **неѣзжаный**, *некладаный* (не меринъ), необъѣзженный, жеребецъ *латынскій* (съ Запада, изъ Венгріи Г. 1061), *косматый* (Г. 177). «Лисица, орелъ» называются «*сибирскими*». «Сорока *погуменная*»: гнѣздится на гумнахъ. «Заяцъ *поскакучій*» (Р. 1, 1): бѣгающій скочками. «Воронъ *грающій*»,—названъ по крику, равно какъ: лебедь *кликучая* (Г. 1173: кликать, кишкать=кричать полебединому). Воронъ *польскій* (Р. 2, 7, 18): полевой. Утушка и чаюшка называются **водоплавными** (Р. 3; С. 35; Г. 1232).

Эпитетъ «**борзой**» встрѣчается при словахъ: лебедь молодинскій (Г. 1145), выжлецъ (Р. III, 14,—ловчій песъ), конь. Борзый означало сначала «быстрый»: въ XVII в. Потебня («С. н. п.» 61) находитъ выраженіе: «а мыло скоро борзо смоется». У сербовъ находимъ «брза кошута»—лань. Она же называется «мудра» (К. II, 1, 55): понятіе быстроты близко къ понятію ума. Ср. *достремливый*—смышленый, лукать и лу-

---

*) Окончаніе. См. I—II, IV—V и VI в.в. за 1901 г.

кавый, «хитр и хитрый; въ эпитетѣ «мудра» есть и понятіе веселости. Ср. санскр. муд, мôдамê—быть веселымъ; мудра—веселый; по Боппу того же корня лит. mudrus, слав. мждр отъ мад (Пот. «Сл. о П. И.» 109). Эпитеты змѣи: (Г. 404) **лютая, проклятая,** пещорская, горынчатая (Р. III, 29, 123: Аѳанасьевъ видитъ уподобленіе змѣи молніямъ, горы—тучѣ). Пещерскою зовется и куница, равно какъ=жаба подколодная. Лютымъ еще называется левъ (К. 1, 23), грачъ, звѣрь. «Лютый» отъ санскр. lû=scindere, отсюда лит. lutas левъ и лат. lupus. Подъ лютымъ звѣремъ разумѣется волкъ: въ «Словѣ о П. Иг.» волкъ также названъ; въ лит. звѣремъ называется преимущественно волкъ (zwěris); Мономахъ въ «Поученіи», говоря объ охотѣ, не упоминаетъ волка, но говоритъ: «лютый звѣрь ко мнѣ скочилъ на бедра»! Волкъ называется еще **«сѣрымъ»** (Р. 1, 438), рыскучимъ. «Рыскучій»—объ оленѣ, турѣ (Р. 3, 19, 60); звѣрь рыкучій (Р. 1, 49, 308), прыскучій («Др. р. ст.» 156). Птицы называются «**перелетными**» («Др. р. ст.» 156), соколъ—пролетнымъ, птичка—пѣвучею, клевучею, ластушка—косатою, куликъ—долгоногимъ и курносымъ.

Обычный эпитетъ «дуба»—**сырой**, тоже и о землѣ: видна связь съ плодовитостью, жизненностью, богатствомъ. «Сырой» отъ «су»—лить: сырая земля—тучная, обильная. По внѣшней формѣ дубъ называется кряковистымъ, береза—кудреватою (Р. 185), кудреватенькою (Г. 172), яблоко—наливнымъ, дерево—жаровчатымъ (Г. 1071), **жаровымъ** (Р. III, 31—высоковоствольный). Встрѣчаемъ еще выраженія: табакъ зоренъ (Р. 3, 59, 140—крѣпкій), мхи гладкіе, зыбучіе, прутье вѣсучее (1178 Г.), хвоя сосновая, роща сосновая (Г. 1098), лѣсъ **дремучій**, шумячій,

жаровой (Г. 382: рослый, съ чистой лѣсиной въ $^{1}/_{4}$ всего роста; въ пермск. г.=поджарый, тонкій и высокій); кусты ракитовы (ракита - разные виды ветлы, вербы, ивы, бредины, тальника, осокори, тополи; спеціально=cytisus Hyppophea—дерева, или Potentilla fruticosa).

При названіяхъ одежды отмѣтимъ эпитеты: шуба расхожая (Г. 1076,—широкая, которую можно широко распахнуть), гуня сорочинская (Г. 1050: К. II, 93: восточная, отъ сарацинъ—арабъ), шляпы, сукна сорочинскія, кушачокъ персидскій, ковры сарачинскіе К. III, 24; даже «старики сорочинскіе), пшено сорочинское (К. II, 93: рисъ); шапочка пушистая, ушистая (Р. 179), завѣсистая (съ ушами, глубокая); пуговки вальявочны (Р. 1, 13: вальящетый, рѣзной); подолы широкіе, рипсоватые (Р. 44); Рыбниковъ (III, XLVI) производитъ отъ «рипуша», испорченнаго де изъ корельскаго «рипак», которое въ свою очередь испорчено изъ «тряпка»; ришковатый отъ «рясжи» — тряпье, откуда: рашиться; подолы рипсоватые—ткань которыхъ начинаетъ расползаться); кафтанъ раструбистый (Р. III, 37, 176: трубою, тоже и о сарафанѣ); лапотки плетеные, овчина барановая; чулочки калужскія (Г. 1142).

Часто эпитеты указываютъ на происхожденіе предмета, особенно привозимыхъ товаровъ. Наше «привозный, заграничный» выражается обыкновенно эпитетомъ, «заморскій»: эпитетъ «заморскій» находимъ при названіяхъ животныхъ: боберъ, соболь, козелъ (Г. 1024), заяцъ, соколъ, орелъ,—также: напитокъ, булатъ. По мѣсту, откуда вывозились, стекла названы агличкими (К. 1, 84); трубки (К. 1, 43, 72: подзорныя), желѣза (К. III, 121; путы)—нѣмецкими; кони, платье

(К. 1, 38; IV, 79 и II, 7)—латынскими; синецъ—чубаравскимъ, чебурацкимъ. При названіяхъ вещей изъ домашняго обихода замѣтимъ эпитеты въ слѣдующихъ случаяхъ: мягкій—при словахъ: перинушка, ковры; сголовьеце крутоскладное; столъ круглый; стулъ ременный; скамеечка окольная (Р. 1, 10; Г. 481, 502: около стола, вокругъ стола); скамеечка рыбчатая (Г. 1010: вѣроятно=изъ рыбьяго зуба; какъ и кровать рыбій зубъ); лавочка брусовая (Г. 1031); скатерть берчатая (=верчатая) или что то же,—«браная» (Р. Ш, 21, 5; Р. II, 29:=узорчатая, вышивная, тоже о «пологѣ» и «гостѣ»; въ последнемъ случаѣ «браный»=разодѣтый, убранный); гвоздочекъ шеломчатый (шеломчатыми или «холомчатыми» называются также горы, Р. II, 161=холмистыя, съ буграми; ср. «со той горы со высокія съ того шеломя со оскатнаго», Р. 1, 104; «на шеломя на окачисто»), гранцеватый (Р. 2, 15:=четырехгранный), ларецъ кованый; подсолнечникъ подсолнечный (Г. 1, 19); дочки сороковочка; грядочка (насѣсть) кленовая (Р. 278); орленая (Р. 2, 52; 3, 28:=травленая); перстень именной; сумка переметная; узда шелковая; подпруга тугая; тѣлега ордынская; сѣдло кованое, черкальское, черкасское; казна безсчетная, незатворенная (Г. 1024), береженая (Г. 1014); ярлыки скорописчатые, посланые, граматка скорописчата. «Пиръ» обыкновенно носитъ эпитетъ «почестный», «веселый». Пиръ—свадебный по преимуществу: ср. пир - свадьба, пировани́те—жениться и выходить замужъ; свадьба—польск. wesele, мр. весілья. Веселью называется «игра». При названіяхъ напитковъ находимъ эпитеты: «стоялый»—о медѣ, напиткѣ; «пьяный»;—питье, пиво (Г. 118); напитокъ

непьяный, сонный, хмельной; вино кабацкое («кабакъ» — съ татарскаго, = село; въ спеціальномъ значеніи «кабацкій» — обычный эпитетъ въ выраженіи голь кабацкая — Г. 568, 883, 873, иначе плаченая, рваная; Р. II, 11: кружала государевы — казенныя питейныя заведенія; Р. 1, 47, 308: «волочка-голь кабацкая», т. е., которая волочится, шатается, ср. «калика перехожая волочайная» — Р. 3, 9 — бывалая, πολύτροπος); питье забудущее (Р. 1, 37; сонъ забудущій, Р. 2, 24). Гусли, струны называются «звончатыми» (Г. 878), труба звонкая. Эпитеты корабля: черный, снарядный, исправный (Р. 288), пристани: корабельная, купеческія; неводочки бѣлосиненькіе; якорь мертвый (Р. 278, Р. 3, 41; положенный въ гавани намертво, навсегда; за буй (поплавокъ) суда прикрѣпляютъ канаты).

При названіяхъ оружія замѣтимъ еще эпитеты: вострый — о саблѣ (Г. 182, 478)), ножѣ, копьѣ; латы корчажныя (Р. 3, 35, 286: кольчужныя); палица военная («палица» сначала означало простую палку, послѣ кованое, металлическое оружіе); копье бурзомецкое, мурзамецкое, мечъ бурзамецкій; шеломъ раскатный (Р. 3, 51; злаченый, латинскій — въ «Сл. о П. Иг.»); топоръ дроворубный (Р. 1, 1); шалыга подорожная (Г. 437, 449: «шалыга» — жезлъ, посохъ, съ нагнутымъ къ рукѣ концемъ, костръ — плеть, кнутъ); рогатина звѣриная (441 Г.); лукъ тугой (родственно съ «стянуть»), натяжный (Р. 3, 37, 76), разрывчатый (Р. 1, 10); стрѣла каленая (Г. 51, 71, 114, 457, 407: подъ стрѣлами въ эпосѣ скрываются молніи; др.-сл. стрѣла = лучъ и стрѣла, нѣм. strâl, лучъ, ср. stella, гот. stairno стрѣла, болг. шип — копье и молнія). Эпитетъ «острая» повторяетъ значеніе стрѣлы и слова

«каленая»: острый—отъ asjacere, lacere, asira, ἀστήρ) расстрѣльчатая; «Сл. о П. Иг.»: сабля каленая; буздоан перни (II, 15, 629, Кар.: родъ дубины, перни—оперенная); сабља окована (К. II, 14, 15), пламенита (II, 15: пылающая), бритка (II, 15, 478: острая); коӣље отровано (II, 15, 470: ядовитое), бозно (К. III, 1, 377). При названіяхъ топографическихъ замѣтимъ еще эпитеты: берегъ крутой (Г. 173, 473: древнее «брѣгъ»—гора, нѣм. berg, кельт. brig, срб. бријег—холмъ или берегъ; наоборотъ «гори топлю»=затопляю берега, З. о Ю. Р. 13; Як. «Н. п.» 69: «красны бережки»); крежокъ крутъ (Р. II, 31, 117); мѣсто плоское; поле житное, широкое, ровное; горы толкучія (облака и тучи въ эпосѣ представляются горами и скалами; эпитеты послѣднихъ указываютъ на подвижность облаковъ; теперь «толкучій»—бойкій, также о мелкой, частой и сильной волнѣ), каменныя (въ «Сл. о П. Иг.»); бродъ лошадиный, мелкій; болото куликово (куликъ—общее названіе болотной птицы, отъ рослаго горбоносаго кулика—кроншнепа—до желтоброваго песчаника; не называютъ куликомъ несъѣдобныхъ голенастыхъ; припомнимъ пословицы: «всякъ куликъ свое болото хвалитъ, всякъ куликъ на своей кочкѣ великъ»); ольги топучія (Р. 3, 5, 100: болото); вода ключевая (Г. 148, 177, 883); пустыня богомольная (сектанты, аскеты, отшельники спасались въ пустыняхъ); земля подвселенная (1, 211 Г.: аналогія съ греч. οἰκουμένη, лат. habitata—Буд. § 146; вселенная намекаетъ на водвореніе семьи у домашняго очага—Ае. 1, 114); море славное, соленое, синее (спеціально разумѣется Хвалынское, Р. 3, XXI), сине русское (теперь черное), турецкое (Г. 1206), тихое дунайское синее (Г. 1197), Латырь—море, Леденецкое (Венеціанское), Окіянъ—море, Волын-

свое (въ трехъ послѣднихъ случаяхъ разумѣется Балтійское); грязи смоленскія (Кир. 1, 41); долги плёса чевылецкія; луга леванидовы (К. III, 34, 36: близъ Кіева; ливада—лугъ; левандовымъ называется и крестъ; можетъ-быть, по имени епископа Леонтія, если здѣсь разумѣть спеціально Корсунскій крестъ, Р. III, СШ); степи саратовскія (К. II, 81, 82), цицарскія, цысарскія (К. 1, 46, 47; IV, 6, 7); лѣса муромскіе (К. 1, 91), брынскіе (К. 1, 26, 29; 33: брянскіе); дорога прямая, прямоѣзжая (Г. 440, 443); широкая (длину эпосъ часто не различаетъ съ шириной; польск. szyrz даль), неокольная, прешпективная (Г. 1077), путь дорога (путь, pontus, πόντος, pons—все это означаетъ водный путь; эпитетъ «дорога» даетъ слову «путь» спеціальное значеніе сухого пути). При названіяхъ зданій, строеній, частей зданія находимъ эпитеты: палата грановитая; конюшня стоялая; амбаръ мугазенный; баенка (баня) царная (Г. 69), неугарная; башня наугольная (Г. 48, 49); стѣна городовая (Г. 48, 49, 132); ворота рѣшетчатыя; окошечко косявчетое (Г. 148, 163, 185: косящатый—изъ деревянныхъ косяковъ, въ отличіе отъ волоковаго; косящатое колесо—съ составнымъ ободомъ); околенка стекольчатая; крылечко крутое (тоже о студеньках, бедрахъ и ребрахъ, Г. 453, 487—у лошади), точеное (тоже о вереяхъ, столбахъ, перилахъ), переное (Г. 167, 557, 638), перинчатое (съ перилами); теремъ темный (греч. σκιόεις); спальня теплая (Г. 1185), богатоубраная; ложня (постель) теплая, спальная (Р. 1, 2, 103); площадь торговая; кабакъ царевъ; стойло лошадиное, конское; улица падовая (Р. 3, 24, 128). Изъ минераловъ «сѣра» называется «капучею» (Р. 1, 49, 190), смола горячею (Г. 566;

тоже о крови), жемчугъ—скачоныйъ, скатнымъ (крупный, круглый, ровный, будто скатанный; скатистый; скатистая горка—съ ровной пологостью), великимъ (=крупный; ср. Лавр. л. г. 1185), перебранымъ (Р. З. С. 13, Бар. «Пр.» 120: = отборный), аліентарскимъ (К. 1, 90, 13: оріентальный; въ «Сл. о П. Иг.» «жемчужную душу»: древне-индійское представленіе души въ видѣ жемчужины). Эпитеты волка, кромѣ указанныхъ—рыскучій (Р. Ш; «Др. р. ст.» 74: прыскучій—быстро бѣгущій, польск. pierz chliwy—эпитетъ звѣря и человѣка), запольный (Г. 328), подугольный (Р. Ш, 51, 124: слоняющійся подъ углами домовъ); орла—сизый («Др. р.» ст. 257, Шейн., Д. п. 109, «Сл. о П. Иг.»), птица говорящая (Р. Ш, 391, въ пословицахъ—сорока говоритъ, «Сл. о П. Иг.»: галицы говорихуть). Замѣтимъ еще эпитеты—ступа (поступь) бродучая (Р. 2, 88); соха ратная (Г. 1171: понятія грозы, битвы и оранья родственны, вездѣ представленіе о разящемъ острее и ранѣ: орать землю, ратай—рать, пахать хлѣбъ = рѣзать); верста семисотная, мѣрная (=полной мѣрѣ; сажень мѣрная=3 арш., косая=2 арш. 12 в., маховая=$2^1/_2$ арш.); сажень печатная; замочекъ щурупчатый (щурупъ—винтъ); живо ходячее (1068: съ движущеюся кровью; тоже объ облакахъ); жилочка становая; ребра тучныя, вострыя (Г. 1164); кони рѣзвыя (постоянный эпитетъ,=прорѣзывающія воздухъ, Г. 167, 188, 443, 450); роса студеная; звѣзда подвосточная, восхожая; утро мудрое, раннее (1135 Г.); зима холодная; походка щапливая, павиная; побоище ратное, смертное; рѣчь разумная, лебединая (плавная); вѣра, правда неизмѣнная; поклонъ земной, низкій (Р. 133); увѣчье вѣковѣчное (Р. 3, 5), про-

щельеце вѣчное; дымъ кудрявъ (Г. 1047); вјера тврда (К. II, 14, 70, 75, 404); нога лагана (легкая: К. II, 15, 580); огонь живи (К. II, 15, 142, 162); свистъ звѣриный; ель—танковрха, танка—поносита, вита (гибкая; «ель» сближается съ витьемъ; ср. вита лоза); волчья сыть (богатыри такъ называютъ своего коня: волчья ѣда, снѣдь, иначе: выть=сыть; «выти хлѣба ѣсть»—Р. 1, 17); бручатый камешекъ (Р. 3, 12; брусочный); бѣлица—волшебница (Р. 3, 15; Щ. 58: отъ билiе, былiе—раcтенiе). Изъ эпитетовъ, относящихся въ кругу христiанскихъ понятiй, замѣтимъ: соборная церковь, обѣдня (Г. 1113); Божья церковь (Г. 154, 163), заповѣдь (Г. 654); христiанскiй Богъ, крестъ; христо(со)вская заутреня (Г. 140, 121), вечерня, субота (Р. III, 29); чудный образъ (Г. 1035), крестъ чуденъ-диvенъ, пречудный (=чудотворный, арх. говоръ); мѣстная икона, свѣча; свѣча неугасимая; церковь богомольная; обѣдня воскресеная, преосвященная (Г. 142, 184: не въ спецiальномъ смыслѣ), долгая (Г. 236); молитва поiсусова (Г. 1016), поiсусова (1134 Г.); субота великоденная; гость, входя въ палаты, молится «иужимъ образамъ» (К. 3, 82; Р. 1, 246; 72, 205, 206, 328; II, 129, 131).

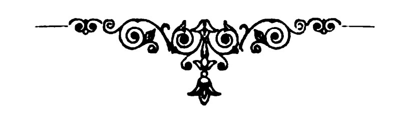
Очень немногiе изъ перечисленныхъ нами эпитетовъ относятся къ личнымъ нарицательнымъ. Сюда относятся еще: молодецъ купавъ (Г. 1063; корень «куп»—переходитъ отъ значенiя огня (кипѣть) къ бѣлому цвѣту (кипень, купава—водяное растенiе, кувшинчикъ, водяной капустникъ, Nymphea, съ желтыми и бѣлыми цвѣтами) и красотѣ: «Др. р. ст.» 3: купавъ молодецъ; Мр. Мета. 373: пава хупава; серб. хубав; слб. купавый—чистый, бѣлый; купава—иск. пышная красавица); лијена ђевојка (К. 1, 4); царь земельный

(Р. 3, 57, 188: той земли, въ которой живетъ его суженый-ряженый); гость торговый, званый, приходящій; купецъ торговый, богатый, (Г. 149, 391, 387); бабка пупорѣзная (Р. 314); бобыль безпомѣстный (1198 Г.); палачъ немилостивый; зазыватель ласковый (1064 Г.); гонецъ скорый; посолъ скорый, скоровѣстный, вѣрный; слуга вѣрный, богоданный, безизмѣнный, проворный, хитар (=быстрый, хорв. hiteti спѣшить; «хитар», означая умъ, ловкость, служитъ эпитетомъ молодца, жениха—К. II, 227, 145; луж. chytry—красивый; Кар. 337: «он берберe хитре добавио», ib. 571: он намаче жестоке берберe» (быстрыхъ); ib.: «и онъ шиље огњена чауша»); атаманъ большой; воръ лютый (1188 Г.), похабный (1018 Г.); старуха старая, старая матера, предревняя, престарая, побѣдная (т. е. несчастная; Г. 1276: «кукушка побѣдная птица»: кукушка—символъ сироты, вдовы, жены, тоскующей объ одиночествѣ. Ср. Шейнъ, Н. н. я. 310, 339, бл. р. п. 313, «Этн. сб.» 6, 112, «Сл. о П. Иг.»).

Обычны эпитеты также при именахъ собственныхъ лицъ, народовъ и городовъ. Каждый изъ богатырей эпоса имѣетъ свои спеціальные эпитеты. Укажемъ напр., эпитеты Ильи: старый, старикъ (Кир. 1, 51, 53,—ссылки дальше всѣ на Кирѣевскаго), старчище (1, 55), старъ матеръ человѣкъ (1, 18), базыга старая (укоръ, 1, 10), матерый (1, 51), старикъ невеселый (1, 55), угрюмый (1, 55), старъ старый казакъ, матерой казакъ (4, 108), донской казакъ (1, 18), старшой, старшинушка (1, 88, 18), богатырскій сынъ (1, 21), большой, больной богатырь (1, 47), сильный воинъ (1, 2), славный. При имени Владиміра находимъ эпитеты—князь, кіевскій, князь земли свято-

русскія, великій князь, стольный, стольнокіевскій, государь, сударь, батюшка, солнышко, кіевское солнышко, красное солнышко, солнце кіевско, ласково солнце, надежа, свѣтъ, свѣтлый, славный, ласковый. При названіяхъ городовъ и народовъ укажемъ эпитеты: богатая—объ Индіи (Г. 123, 530), Твери; Москва каменная; Казань старый городъ подлѣсный (1187 Г.); Ростовъ красный (К. II, 70); Кіевъ стольный, престольный, славный; Муромъ стольный (К. 1, 44); Ерусалимъ святой градъ (К. 3, 90, 96); Чудь бѣлоглазая, Орда невѣрная, немирная, великая, золотая, большая, заоданская; Литва проклятая; Татара поганая; Корела проклятая, пребогатая, упрямая.

П. Первовъ.



Языкъ и слогъ произведеній Кольцова.

Со времени Пушкина русская литература вступила на новый путь, обратилась къ нашей исторіи, къ явленіямъ нашей русской народной жизни; сблизилась съ жизнью, съ ея интересами. Въ его произведеніяхъ русская жизнь отразилась во всѣхъ ея слояхъ: передъ нами проходятъ и цари, и князья, и духовенство, и дворяне, и простой народъ. «Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа. Это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ-быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ—отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла. Самая его жизнь—совершенно русская» *)...

Со времени Пушкина взглядъ на занятіе литературой окончательно устанавливается одинъ, какъ на занятіе серьезное, существенное, могущее служить средствомъ къ проведенію тѣхъ или другихъ взглядовъ въ обществѣ.

Вліяніе литературы сказывается и тамъ, гдѣ менѣе

*) Гоголь: «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ».

всего можно было бы ожидать, именно: въ массѣ народной. Изъ низшихъ слоевъ народа, малообразованныхъ, полуграмотныхъ, начинаютъ являться такія личности, произведенія которыхъ могутъ быть смѣло поставлены на ряду съ замѣчательнѣйшими произведеніями нашихъ представителей литературы.

Таковымъ писателемъ былъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (1809—1842), нашъ истинно-русскій народный поэтъ, произведенія котораго создались исключительно на русской народной почвѣ.

Кольцовъ—не поэтъ только: онъ—поэтъ—пѣсенникъ. Созданныя имъ произведенія—это народныя пѣсни, одинаково доступныя, одинаково понятныя всякому русскому человѣку: и простолюдину, не просвѣщенному, и просвѣщенному.

Пѣсня Кольцова—«народная пѣсня, со всею своею сжатостью, со всею силою и выразительностью богатаго языка, и при томъ облеченная въ высоко художественную форму» *); другими словами: доступность содержанія, простота формы (языка и слога) и вмѣстѣ съ тѣмъ изящество и художественность отдѣлки, обиліе оригинальнѣйшихъ замѣчательныхъ образовъ русской народной поэзіи—вотъ достоинства, вотъ отличительныя черты Кольцовскихъ пѣсенъ (за весьма немногими исключеніями). Его пѣсни «не только принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской лирики вообще: онѣ, сверхъ того, являются еще произведеніями, важными въ отношеніи историческомъ, какъ первыя попытки связать въ одно органическое цѣлое нашу искусственную литературу и неистощимо-богатую

*) Полевой: «Ист. рус. лит. въ очеркахъ и біограф.».

безыскусственную поэзію народа. Съ этой стороны прекрасныя пѣсни Кольцова особенно много говорятъ сердцу каждаго русскаго человѣка» *). Въ лучшихъ его стихотвореніяхъ вездѣ встрѣчаешь свое русское, знакомое, родное; вездѣ видишь русскую обстановку, старинные русскіе обычаи, русскую природу; мысли и чувства вездѣ чисто-русскія, народныя.

Народность не менѣе сказывается въ языкѣ и слогѣ его стихотвореній.

Языкъ стихотвореній Кольцова — чисто русскій, простонародный, разговорный языкъ и въ то же время живой, образный, художественный. Близость къ народной рѣчи составляетъ отличительную черту слога его стихотвореній, отличающагося необыкновенной сжатостью, картинностью и особенной живописностью въ изображеніи предметовъ.

Цѣль настоящей статьи указать по возможности всѣ тѣ особенности, которыя сообщаютъ рѣчи Кольцова характеръ русской народной рѣчи, съ одной стороны, и художественной, съ другой.

Народнымъ языкъ стихотвореній Кольцова можно назвать со стороны лексической, грамматической и синтактической.

Со стороны лексической—насъ поражаетъ обиліе словъ, чисто народныхъ, употребительныхъ въ разговорномъ языкѣ простого народа и не употребительныхъ въ литературной рѣчи; кромѣ того, встрѣчается много словъ мѣстнаго характера (т. наз. провинціализмовъ), что придаетъ рѣчи особенный колоритъ, но требуетъ объясненія для лицъ, незнакомыхъ съ говорами великорусскаго языка. Таковы

*) Полевой, въ назв. соч.

1) имена существительныя: «клѣть, казна, закромъ, прясло, бражка («Что ты спишь, мужичокъ?»); непогодь, безвременье («Лѣсъ»); полымё («Урожай»); набережье, («Косарь»); онучи («2 пѣсня Лихача»); башка («пора любви»); околотокъ («Удалецъ») и мн. др.;

2) имена прилагательныя и числительныя: «самъ—другъ («Пѣсня пахаря»); заливная пѣснь, соловьиный («Лѣсъ»); вострый («Косарь»); павлиный, загуменье («Деревенская бѣда»); пододонный («Тоска по волѣ») и др.;

3) глаголы: «натянуть кафтанъ, нахлобучить, вскосматить («Пѣсни Лихача»); нагустить («Урожай»); маять, прохлаждаться («Лѣсъ»); завихриться вм. пропадать («Разступитесь, лѣса темные»); зацарюетъ («Неразгаданная истина»); опозниться (запоздать), играть пѣсни («Хуторокъ»); гуторить («Крестьянская пирушка», «Удалецъ»); стухнуть («Не шуми ты, рожь»); прибраться—принарядиться («Пѣсня старика») и др.;

4) нарѣчія: «тихомолкомъ («Пѣсни Лихача»); безъ просыпу («Что ты спишь»); знать («Лѣсъ», «Тоска по волѣ»); пущай («Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали»..); до земи («Урожай»);

5) своеобразное въ народномъ духѣ употребленіе мѣстоимѣнія что «Что ты спишь, мужичокъ?» «Что, дремучій лѣсъ, призадумался?»... «Что задумалась» («Урожай?»);

6) употребленіе въ началѣ стиха: «гой, аль, иль, или («Хуторокъ»);

7) созвучіе въ народной разговорной формѣ: отъ воротъ поворотъ («Крестьянская пирушка»);

8) простонародныя выраженія: старый хрѣнъ «(Косарь»); давай пахать («Урожай»); вороти назадъ, держи около («Лѣсъ»); ходи, парень, браво; чистъ кругомъ и

легокъ («Пѣсни Лихача Кудр».); вѣкъ прожить—не поле пройти за сохою (тамъ же); такъ, нѣтъ, куда («Пора любви») и др.

Со стороны грамматической отмѣтимъ слѣдующія особенности:

1) уменьшительныя и ласкательныя, увеличительныя и унизительныя имена существительныя употребляются у Кольцова, какъ и въ народномъ языкѣ, при чемъ уменьшительныя и ласкательныя существительныя часто употребляются и тогда, когда по смыслу невозможно представить предмета ни особенно малымъ, ни заслуживающимъ сочувствія къ себѣ со стороны автора (съ большею точностью употребляются увеличительныя и унизительныя): «Сивка, зорька, пашен(ь)ка, зерны(у)шко, травка («Пѣсня пахаря»); пѣсенки, лаптишки, кафтанишка («Пѣсни Лихача»); мужичокъ, бражка, лошадки, старушка, снѣжокъ, дорожка, ковшикъ («Что ты спишь, мужичокъ?»); головушка («Тоска по волѣ»); Грунюшка, слободушка, матушка («Косарь»); старинушка, горенка («Крестьянская пирушка»); хуторокъ, хуторочекъ («Хуторокъ»); зорюшка («Пѣсня разбойника»); пташечка, дѣтинушка («Пора любви») и мн. др.

2) Имена существительныя измѣняются въ окончаніяхъ не согласно съ литературной рѣчью: людями (вм. людьми) рядомъ съ людьми («Неразгаданная истина»), вѣки вм. вѣка («Великая тайна»), соколья вм. соколы (а) («Тоска по волѣ»), зубьемъ вм. зубьями («Урожай»), плеча вм. плечи («Пѣсни Лихача Кудр»), подъ облаки вм. облака («Деревенская бѣда»), за добычью вм. добычею («Пѣсня разбойника»), мочь вм. мощь, помочь вм. помощь («Лѣсъ», «Тоска по волѣ»), облачки («Не весна тогда»...),

3) Имена прилагательныя и числительныя измѣняются въ формахъ разговорнаго языка, особенно въ родит. пад. ед. ч. муж. р.: прожитова («Пѣсня Лих. Кудр».), другова («Великая тайна»), ярова, милова («Кольцо»), быстрова («Пѣсня старика»), богатова, высокова («Деревенская бѣда»), страшнова («Пѣсня разбойника»), бѣлова, алова («Говорилъ мой другъ»), одново («Тоска по волѣ»), за немилова, старова, на великой день («Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали»), горькова («Крестьянская пирушка»), большова («Пѣсня пахаря») и мн. др.

4) Превосход. степень имени прилагательнаго образуется сложно: полнымъ—полна («Пора любви»).

5) Глаголъ измѣняется иногда не согласно съ литературной рѣчью: хочутъ («Тоска по волѣ»), дремитъ («Урожай»), посыпится («Деревенская бѣда») и др.

Въ глаголахъ на ся не ослабляется въ формахъ я въ ь: «ополчилася, пролилася, принялися, помолилися, встрепенувшися, растворилися и т. п.

6) Дѣепричастіе употребляется иногда въ народной формѣ на чи: «улыбаючись, прощаючись, припѣваючи и др.

7) Особенно оригинально образованіе видовъ глагола (совершеннаго и многократнаго) помощью различныхъ представокъ: посмелъ(«Что ты спишь»:), порасчесывать, понахмурилась («Урожай»), понахлынули («Лѣсъ»), понадвинулась («Косарь») и т. п.

Въ отношеніи синтактическаго строя рѣчи слѣдуетъ отмѣтить 1) отсутствіе связи предложеній по способу подчиненія: придаточныхъ предложеній въ рѣчи Кольцова почти не встрѣчается: рѣчь преобладаетъ отрывистая («Косарь», «Удалецъ», «Пѣсни Лихача

Кудр».», «Что ты спишь, мужичокъ?», «Урожай», «Лѣсъ», «Пора любви», «Послѣднiй поцѣлуй», «Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали», «Деревенская бѣда», «Пѣсня разбойника» и др.). Сочиненiемъ предложенiй объясняется 2) фигура эллипсисъ, опущенiе нѣкоторыхъ членовъ предложенiя, чтобы придать рѣчи особенную силу и сжатость: «полюбитъ забота—не чешетъ и гребень»; все изъ рукъ вонъ—плохо; не подъ шапку горе головѣ кудрявой—разливайтесь, пѣсни» («Пѣсни Лихача Кудр».); «на гумнѣ ни снопа, въ закромахъ—ни зерна, на дворѣ, по травѣ—хоть шаромъ покати» («Что ты спишь»:); «видитъ солнышко—жатва кончена» («Урожай»); «рѣчи вольныя—все какъ связаны» («Доля бѣдняка»); «растворилась изба... и съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ никого не живетъ» («Хуторокъ»); «наточу ее (косу), и прости—прощай, село родное» («Косарь»); призатихъ говоръ—шумъ въ темной горенкѣ,—отъ воротъ поворотъ виденъ по снѣгу» («Крест. пирушка») и мн. др.

3) Иногда встрѣчаемъ повторенiе одного и того же союза, соединяющаго предложенiя одно съ другимъ: и расширилась, и ударила, и пролилася (срв: «и сидитъ онъ (Илья) на добромъ конѣ богатырскомъ, и везетъ онъ мужичища—деревенщину»: Быль объ Ил. Мур.», Хр. Бусл. ст. 181)

«Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь душа застукаетъ.
. . . .
Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося («Деревен. бѣда»);
И лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ опрокинутъ лежитъ,
И погнувшись изба, какъ старушка, стоитъ»
(«Что ты спишь»)

Срв. «А и пять они часовъ безъ ума лежатъ;
«А и будто ото сна сами пробуждаются;
«А Семка встаетъ, пересемываетъ,
«А Спиря встаетъ, постыриваетъ,
«А всѣ они, станишники, бьютъ челомъ»
(«Был. объ Ил. Мур.», Хр. Бусл. стр. 357—361).

4) Имена существительныя, измѣняясь въ окончаніяхъ въ зависимости отъ предлоговъ, имѣютъ иногда форму, неупотребительную въ литературномъ языкѣ: «выше темя—послѣ сравнит. ст. род. п. («Урожай»), съ время («Поминки»), до время *) («Въ непогоду вѣтеръ» ...) и др.

5) Имена прилагательныя, встрѣчаясь въ рѣчи въ роли опредѣленія, употребляются въ краткой формѣ, а не въ полной, какъ въ современной рѣчи: «молодецка удаль, зла бѣда («Пѣсни Лихача»), бѣлъ—ясенъ день («Доля бѣдняка»), ясны очи («Тоска по волѣ»), ворота тесовы, свѣтла горенка, столы дубовы» («Крест. пирушка») «добру молодцу» («Пѣсня разб.»), «добры молодцы» («Дерев. бѣда») и мн. др.

6) Сказуемое—глаголъ согласуется иногда, какъ въ народ. языкѣ: «поклонись, цвѣты, головой»... («Косарь»).

7) Предлоги при словахъ повторяются часто, какъ и въ народномъ языкѣ: «за дубовы столы, за браные; про хлѣба, про покосъ, про старинушку» («Крест. пир.»); «на земную грудь, на широкую; на поля, сады на зеленые» («Урожай»); по родимой, по кормилицѣ

---

*) Родит. пад. отъ сущ., употребляемыхъ въ народ. языкѣ въ формѣ именит. падежа: времё, темё, какъ дитё, дитя, дитю...

Ред.

(«Пѣсня разб.»)—срв.: «къ отцу, матери родимой, къ роду—племени, къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ» («Ужъ какъ палъ туманъ на сине море»); или: «у славнаго креста, у Леванидова; у славненькой у рѣчки, у Смородники» («Был. объ Ил. Мур.» Хр. Бусл. стр. 124—125) и мн. др.

8) Неупотребительна въ литературной рѣчи разстановка словъ въ предложеніи: «умъ не шагаетъ міра заграницу» («Неразгад. истина»). Таковы произведенія Кольцова со стороны грамматической

Со стороны стилистической его пѣсни, какъ мы и выше замѣтили, художественно-народныя пѣсни.

Принадлежа къ художественной, искусственной лирикѣ, т.-е. выражая чувства отдѣльнаго лица, извѣстнаго поэта, пѣсни Кольцова имѣютъ много общаго съ народными пѣснями по содержанію и по формѣ. Кольцова прежде всего интересуютъ случаи изъ простонародной жизни: онъ или представляетъ въ художественно-наглядномъ образѣ зависимость крестьянскаго труда отъ дѣйствія природы («Урожай»), или съ любовью воспѣваетъ самый трудъ, тяжелый крестьянскій трудъ («Пѣсня пахаря»), или дѣлится своими чувствами, возбуждаемыми видомъ крестьянина лѣниваго и заботливаго («Что ты спишь»), или изображаетъ безпощадное дѣйствіе горя и бѣды на человѣка, представляя художественный образъ горемыки-крестьянина («Пѣсни Лихача Кудр.») и т. п.

Что касается формы, то внѣшняя отдѣлка, различные размѣры стиховъ, различныя ихъ комбинаціи, разнообразное сочетаніе риѳмъ, наконецъ, самая передача чувства поэта болѣе тонкими выраженіями,—все это возвышаетъ пѣсни Кольцова надъ народной лирикой.

Близость поэта къ народу видна въ самомъ слогѣ его пѣсенъ.

Прежде всего характеромъ народности запечатлѣны многіе эпитеты Кольцова: «мать-земля сырая, красавица-зорька, вода ключевая («Пѣсня пахаря»); поле чистое, темный лѣсъ, русыя кудри, сердце ретивое, удаль молодецкая («Пѣсни Лихача Кудр.»); краснымъ полымемъ, туча черная, вѣтры буйные, думы завѣтныя, бѣлый свѣтъ («Урожай»); дремучій лѣсъ, буйный вихрь, осень черная, безмолвная ночь, заливная соловьиная пѣснь, густолиственный, зеленый шлемъ, мочь зеленая («Лѣсъ»); кочевой таборъ, ночная тишина, Украйна привольная («Ночь чумаковъ»); ясныя очи, полночь мертвая («Тоска по волѣ»); ярый воскъ («Кольцо»), алмазная звѣзда («Звѣзда») и мн. др.

2) Сравненія, какъ и въ народномъ языкѣ, довольно разнообразны,—кратки, но характерны и мѣтки: «хмелемъ кудри вьются; медомъ рѣчи льются; кручина, что туча («Пѣсни Лих.»); изба, какъ старушка; сиротой хлѣбъ стоитъ («Что ты спишь»); краснымъ полымемъ заря вспыхнула; разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ; словно Божій гость улыбается; какъ князья, скирды сидятъ («Урожай»); такъ то, темный лѣсъ, богатырь-Бова; буря всплачется лѣшимъ—вѣдьмою («Лѣсъ»); лицо, какъ мраморъ; очи, какъ звѣзды; думы, какъ тучи («Поминки»); заря алая—щеки полныя («Косарь») и мн. др.

3) Какъ и въ народной поэзіи, въ пѣсняхъ Кольцова довольно оригинально употребляются синонимическія выраженія (слова, по значенію сходныя, но указывающія особый оттѣнокъ извѣстнаго предмета или дѣйствія) и тавтологическія (слова одного корня): «съ горести—печали, съ радости—веселья, и щемитъ,

и ноетъ, болитъ „ретивое», во время да въ пору, не родись въ сорочкѣ, не родись талантливъ («Пѣсни Лих.»); задумали думушку, Богу—Господу, дугой—радугой, плыветъ--лоснится («Урожай»); тучей--бурею, вѣтромъ--холодомъ, лѣшимъ—вѣдьмою, дни—роскошество («Лѣсъ»); безъ ума—безъ разума, горевала—плакала, сокрушалась—мучилась («Безъ ума, безъ разума»...); загрустила—запечалилась («Хутор.»); житье—бытье, ворожить—гадать зиму зимскую («Удалецъ»); съ ума—разума, прости—прощай, не возьму я въ толкъ—не придумаю («Косарь»); не грусти—не плачь, не печаль лица, не гаси румянца алова («Говорилъ мой другъ») и мн. др. Изобразительность слога достигается здѣсь еще тропами и фигурами.

Встрѣчаются въ пѣсняхъ Кольцова главные виды троповъ: метафора, олицетвореніе, метонимія, синекдоха и гипербола.

Назовемъ слѣдующія метафоры — олицетворенія: зорька загорѣлась, травка выйдетъ, земля вспоитъ, вскормитъ, колосъ станетъ рядиться въ золотыя ткани, борозда назыв. колыбелью («Пѣсня пахаря»); золотое время, прибыль ползетъ, бѣда ходитъ невидимкой, придетъ, сядетъ рядомъ, пойдетъ и поѣдетъ («Пѣсни Лих»); хлѣбъ стоитъ сиротой, осень глядитъ, зима идетъ, сундукъ лежитъ, вѣтеръ точитъ, время катилось золотой рѣкой..., и ему растворяли двери (трудъ доставлялъ ему и матеріальное обезпеченіе и уваженіе), изъ клѣтей домовой соръ посмелъ (быстро лишился своего имущества) — («Что ты спишь»); солнышко глядитъ, рожь дремлетъ, улыбается; туча нахмурилась, задумалась, ударила, вспомнила, ополчается; съ горы небесъ, скирды сидятъ («Урожай»). Стих: «Лѣсъ», полно олицетвореній: лѣсъ художественно представленъ въ образѣ сказоч-

наго богатыря—Вовы: онъ затуманился темной грустью, онъ стоитъ съ непокрытой головой, онъ лишенъ густолиственнаго зеленаго шлема, плащъ упалъ и разсыпался; буря—въ видѣ одушевленнаго существа: съ бурею разговоръ пойдетъ, буря обойметъ, всплачется, разыграется и т. д.

2) Метонимія переноситъ понятіе съ одного предмета на другой, сближая ихъ по какимъ-ниб. отношеніямъ: выбѣлимъ желѣзо, заблеститъ серпъ, зазвенятъ косы (признакъ вм. дѣйствія или предмета) «Пѣсня пахаря»; зима хруститъ («Что ты спишь»); вѣтерокъ плыветъ вм. рожь колышется отъ дуновенія вѣтра, золотой волной разбѣгается («Урожай»); силы вражія вм. враги («Лѣсъ») и др.

3) Синекдоха переноситъ понятіе съ одного предмета на другой, сближая ихъ по количеству: хлѣбъ—мое богатство («Пѣсня пахаря») видъ вм. рода; волосъ вьется («Пѣсни Лих.»); птица клюетъ, вѣтеръ точитъ зерно—ед. вм. мн. («Что ты спишь»); другъ и недругъ твой прохлаждаются—ед. вм. мн., сняли голову—часть вм. цѣлаго (Лѣсъ) и др.

4) Гипербола у Кольцова указываетъ на чрезвычайную быстроту дѣйствія: «и, какъ глазомъ моргнуть,—растворилась изба» («Хуторокъ»).

Для болѣе живого выраженія своихъ мыслей и чувствъ Кольцовъ прибѣгаетъ къ т. наз. фигурамъ обращенія, восклицанія, вопрошенія повторенія, противоположенія и умолчанія.

Въ «Пѣснѣ пахаря» поэтъ отъ лица пахаря обращается къ сивкѣ, какъ будто она можетъ понимать хозяина и сочувствовать ему. Стих. «Что ты спишь»,

мужичокъ?», представляетъ обращеніе поэта съ рѣчью къ мужику; въ стих.: «Лѣсъ», поэтъ обращается къ лѣсу, въ стих.: «Косарь» —къ степи и т. п.

Поэтъ часто отъ избытка чувствъ выражаетъ ихъ или въ видѣ восклицаній, или вопросовъ.

Фигуры восклицанія и вопрошенія встрѣчаются въ стих.: «Лѣсъ», «Что ты спишь, мужичокъ?», «Пѣсня пахаря», «Косарь», «Тоска по волѣ» и мн. др.

«Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!..
. . . .
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
. . . .
Отчего же такъ не возьму
я въ толкъ?» («Косарь»).
Гдѣ жъ друзья мои—товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помощи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?
(«Тоска по волѣ»).

Фигура повторенія—когда поэтъ, желая усилить впечатлѣніе, повторяетъ какое-нибудь слово или цѣлое выраженіе въ рѣчи (фигура особенно употребительна въ народной поэзіи):

«Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль» («Звѣзда»).

«Небось весело теперь матушкѣ...
Небось весело глядѣть батюшкѣ...
Небось сердце въ нихъ разрывается»
(«Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали»).

«Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю

. . . . .

. . . . .

Не возьму я въ толкъ
Не придумаю...

. . . . .

Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.

. . . .

Да, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ» («Косарь»).

Срв. был. объ Ил. Мур. Хр. Бусл. ст. 174—177 и 180—183):

«Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
И везетъ онъ мужичища—деревенщину,
Ко стремени булатному прикована» *).

Фигура антитезы или противоположенія имѣетъ мѣсто тогда, когда сопоставляются противопо-

*) Тѣ же слова повторяются и въ стихахъ 180—183. То же видимъ въ стихахъ 122—130 и 140—148, 435—448 и 449—456.

ложные предметы для болѣе сильнаго выраженія мысли или чувства: «въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ; смеркаетъ степь, горитъ заря» («Пора любви»).

Фигура эллипсисъ (см. выше) употребляется тогда, когда авторъ не договариваетъ мысли подъ наплывомъ какого-нибудь чувства (Примѣры выше) *).

Въ заключеніе воспользуемся словами Бѣлинскаго о поэзіи Кольцова.

«Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ; урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ. Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ

«Коего, молодецъ, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?
Какъ молодца именемъ зовутъ
Какъ молодца по отцѣ чёствуютъ?»
ст. 135—138, 445—448, 453—456).

«Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Скоро бы споролъ груди бѣлыя»!
(440—443, 449 -451).

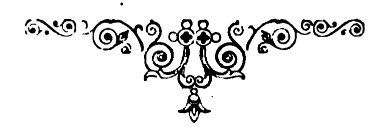
*) Срв.: «я исполнила заповѣдь мужнюю:
Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ»
(«Был. о Добр. Ник.», Бусл., стр. 85—86)

или: «Илья сталъ вставать, ровно встрепанный;
Онъ пошелъ—принесъ чашу въ полтора ведра»
(«Был. объ Ил. Мур.», стр. 11—12 и мн. др.

онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностію содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченныя бороды, и старыя онучи, и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи» (Бѣлинскій. т. XII, стр. 134—136).

И. Крыловъ.

Г. Владиміръ.



Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ *).

Конечно, въ нашей народной школѣ, при краткосрочности ея курса, нельзя ни требовать, ни ожидать совершенно правильнаго и красиваго литературнаго изложенія, но надо желать и возможно достигнуть, какъ я въ этомъ убѣдился путемъ непосредственныхъ опытовъ и наблюденій, чтобы получилось изложеніе, понятное всякому грамотному и, конечно, не глупому русскому человѣку, настолько грамотное и толковое, чтобы каждый могъ изъ этого изложенія свободно и легко понять именно то, что хотѣлъ сказать сочинитель, и понять именно такъ, какъ ему хотѣлось. Это—законное требованіе жизни; поэтому и главнымъ письменнымъ упражненіемъ учениковъ народной школы должно быть именно упражненіе въ сочиненіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и хорошимъ упражненіемъ въ правописаніи, хотя, конечно, оно не исключаетъ ни списыванія, ни диктовки, какъ не главныхъ, не преобладающихъ, а дополнительныхъ и вспомогательныхъ письменныхъ упражненій.

Начинать упражненія въ сочиненіи можно въ первомъ же году обученія (конечно, въ самой примитивной формѣ) и вести послѣдовательно до конца курса, а на экзаменѣ установить, какъ главную испытательную работу по русскому языку, именно сочиненіе: изъ прочитаннаго или изъ окружающей дѣйствительности, въ формѣ ли простого изложенія, хоть бы и по данному

---

*) Оконч. См. VI в. 1901 г.

плану, или въ формѣ письма—къ учителю, къ товарищу, къ сосѣду и т. под., напр.: о своей семьѣ, о своемъ домѣ, о сельскихъ работахъ, о явленіяхъ и силахъ природы, о какой-нибудь мѣстности Россіи, о какомъ-нибудь историческомъ лицѣ или событіи.

Какъ только маленькіе ученики научились читать и писать, чего можно достигнуть въ половинѣ января, при началѣ учебнаго года, въ половинѣ октября, уже является возможность рядомъ съ диктовкой и списываніемъ пріучать дѣтей къ сочиненію—сперва отдѣльныхъ предложеній, потомъ предложеній группами, связанныхъ общей темой, напр., пять предложеній о томъ, что бываетъ весной, лѣтомъ и т. д. Чтобы эти предложенія не были механическимъ наборомъ словъ, хорошо въ помощь начинающимъ сочинителямъ давать или картинки, или вопросы, написанные на классной доскѣ, о знакомыхъ предметахъ и явленіяхъ. Надо, чтобы въ среднее отдѣленіе ученики переходили съ нѣкоторымъ умѣньемъ изложить письменно хоть самое несложное и незамысловатое описаніе знакомаго предмета или картинки, изображающей знакомые предметы, при помощи данныхъ вопросовъ, хоть самый коротенькій разсказъ, какими изобилуютъ извѣстныя книжки для чтенія Л. Н. Толстого.

Больше простора и разнообразія получаютъ упражненія въ сочиненіи въ среднемъ, а тѣмъ болѣе въ старшемъ отдѣленіи. Въ среднемъ—пусть преобладаютъ сочиненія, непосредственно связанныя съ изученіемъ книги для чтенія: подробное изложеніе прочитанной статьи съ сохраненіемъ ея плана, сперва выработаннаго въ классѣ, а потомъ—самостоятельно составленнаго; изложеніе прочитанной статьи съ постепеннымъ сокращеніемъ,—извлеченіе изъ прочитаннаго матеріала отвѣтовъ на вопросы,—изложеніе прочитаннаго съ измѣненіемъ

плана или формы (разговорная форма обращается, напримѣръ, въ простое изложеніе и т. п.),—извлеченіе данныхъ о какомъ-нибудь предметѣ или событіи изъ группы прочитанныхъ статей,—подражаніе прочитаннымъ статьямъ, и т. п.

Въ старшемъ отдѣленіи пусть преобладаютъ болѣе самостоятельныя сочиненія: развитіе данныхъ мыслей о предметѣ, сочиненія на данную тему по данному и по собственному плану, а также сочиненія, удовлетворяющія потребности общежитія: письма отъ себя и по порученію, условія, расписки, обязательства, прошенія и т. под. Удаются и бываютъ очень интересны самостоятельные разсказы учениковъ народной школы изъ собственной и вообще мѣстной жизни, когда сочинителямъ дается свобода разсказывать, безъ стѣсненія и всякаго шаблона, обо всемъ, что ихъ дѣйствительно занимаетъ, что произвело на нихъ сильное впечатлѣніе.

Очень нравится ученикамъ и даетъ хорошіе результаты такой пріемъ упражненій въ сочиненіи: учитель заводитъ съ ними переписку.

Получивъ тетрадки съ ученическими письмами, на первый разъ, можетъ-быть, мало содержательными и неособенно интересными, онъ тутъ же пишетъ каждому отвѣтное письмо, соблюдая обычную форму адреса, обращенія, подписи, того же требуя и отъ нихъ; въ его письмѣ содержатся и указанія ошибокъ, и объясненія, и совѣты, и разнообразные вопросы, и требованія. Получивъ письмо учителя, ученики опять пишутъ ему свои письма, и т. д.; словомъ, завязывается живая переписка, которая постепенно становится все содержательнѣе, непринужденнѣе, интереснѣе. Понятно, что при этомъ ученики практикуются и въ чтеніи рукописи,—чтеніи внимательномъ, вдумчивомъ, и въ свободномъ,

самостоятельномъ изложеніи фактовъ, мыслей, чувствованій, желаній.

Само собой разумѣется, что всѣ ученическія сочиненія должны быть неотложно и тщательно прочитаны учителемъ и возвращены ученикамъ съ замѣчаніями и указаніями для исправленія. Исправленное сочиненіе переписывается и снова подается учителю. Такое исправленіе и переписываніе полезно повторять нѣсколько разъ. Полезно бываетъ и исправленіе ученическихъ сочиненій учителемъ, если оно производится время отъ времени и сопровождается надлежащими разъясненіями. Очень полезно, конечно, исправленіе сочиненій въ классѣ, вслухъ, но оно беретъ много времени и требуетъ отъ учителя большой сноровки. Иногда ученики могутъ читать свои сочиненія товарищамъ, и тогда исправленіе ихъ производится всѣмъ классомъ, подъ руководствомъ учителя.

Нужна ли въ народной школѣ для правописанія или для другихъ цѣлей грамматика? Для правописанія, по моему мнѣнію, очень мало. Я убѣжденъ, что удовлетворительное правописаніе не столько дѣло сознательнаго примѣненія правилъ, сколько дѣло прочныхъ ороографическихъ навыковъ. А эти навыки пріобрѣтаются постепенно путемъ постоянныхъ упражненій въ грамотномъ письмѣ, которыя (упражненія) начинаются одновременно съ обученіемъ грамотѣ и продолжаются до конца курса, и о которыхъ я уже говорилъ.

Но за грамматикой, при правильной постановкѣ дѣла, нельзя не признавать значительной образовательной силы.

Для правильной же постановки дѣла необходимо слѣдующее: во-первыхъ, надо разъ навсегда отказаться отъ ложной мысли, будто грамматика должна научать русскихъ дѣтей правильно и свободно владѣть языкомъ.

Она вовсе не учитъ и не можетъ научать этому, а можетъ только показывать, какъ люди пользуются языкомъ для выраженія всѣхъ богатствъ своего внутренняго міра, наблюдать, сравнивать, классифицировать и обобщать явленія языка, какъ явленія естественныя, подлежащія дѣйствію своихъ внутреннихъ законовъ, а не внѣшнихъ и произвольныхъ правилъ.

Во-вторыхъ, надо такъ поставить дѣло, чтобы грамматическія занятія имѣли задачей не заучиваніе опредѣленій, терминовъ, правилъ, но и не погоню за недостижимой для начальной школы орѳографіей по Гроту, а именно изученіе языка: способствовали осмысливанію, приведенію въ сознаніе учениковъ того пониманія родного языка, того умѣнья пользоваться имъ, которое дала имъ жизнь, и которое школа должна расширять, углублять, развивать—главнымъ образомъ путемъ чтенія и словесныхъ упражненій. Въ—третьихъ, какъ очевидно уже изъ предыдущаго, преобладающій у насъ, благодаря шаблоннымъ учебникамъ, дедуктивный методъ въ грамматическихъ занятіяхъ необходимо замѣнить индуктивнымъ, т. е. исходить не отъ готовыхъ шаблонныхъ опредѣленій, классификацій и правилъ, а отъ явленій живого слова, живой рѣчи, какъ явленій естественныхъ, подлежащихъ непосредственному изученію.

Только такъ поставленныя грамматическія занятія не будутъ непроизводительной затратой времени, какъ занятія образовательныя, развивающія.

Совмѣстимо ли примѣненіе дедуктивнаго метода съ той программой грамматическихъ свѣдѣній, которая дается въ министерскихъ программахъ 1897 года?—Совершенно совмѣстимо, въ чемъ не трудно убѣдиться.

Звуковыя изученія и упраженія при обученіи грамотѣ по звуковому способу письма—чтенія

даютъ полную возможность въ первомъ же году обученія сдѣлать всѣ возможныя наблюденія и обобщенія фонетическаго характера, чтобы у дѣтей выработались болѣе или менѣе отчетливыя понятія—о звукѣ, о звукахъ гласныхъ и согласныхъ, о гласныхъ твердыхъ и мягкихъ, о согласныхъ губныхъ, гортанныхъ, шипящихъ, о слогѣ, объ удареніи, о вліяніи ударенія на значеніе словъ. Въ связи съ первыми упражненіями въ чтеніи, какъ только перешли отъ отдѣльныхъ словъ къ предложеніямъ, должно упражнять учениковъ и въ логическомъ разборѣ прочитанныхъ предложеній, и въ измѣненіи словъ, безъ всякихъ грамматическихъ терминовъ, спрашивая дѣтей: о чемъ прочиталъ? что сказано о предметѣ? чѣмъ пахалъ крестьянинъ? гдѣ онъ пахалъ? когда онъ пахалъ? одинъ крестьянинъ пахалъ, а два, три, четыре? Иванъ читалъ, а какъ сказать про Надежду? и т. под. Пусть маленькіе ученики привыкаютъ и вдумываться въ содержаніе читаемаго, въ связь между словами, въ ихъ взаимныя отношенія, и приглядываться къ формамъ словъ въ связи съ ихъ значеніемъ, и составлять предложенія, связывать слова, измѣнять ихъ формы—не механически, а по требованію мысли. Сообразно съ этимъ, и въ письменныя упражненія перваго года могутъ быть введены, какъ первыя упражненія въ сочиненіи, т. е. въ пользованіи языкомъ для выраженія своихъ мыслей: во-первыхъ, измѣненіе данныхъ фразъ, напр.: изъ единственнаго числа въ множественное, изъ мужескаго рода въ женскій, изъ одного времени въ другое и т. под.; во-вторыхъ, составленіе предложеній краткихъ и распространенныхъ, при чемъ надо желать, чтобы предложенія получались не безсодержательныя и нелѣпыя, какъ механическое соединеніе словъ. Для этого можно рекомендовать составленіе предложеній или по

картинкамъ, или о предметахъ, доступныхъ непосредственному наблюденію дѣтей...

Грамматическіе термины и простѣйшія опредѣленія, преимущественно составленныя самими учениками, только при помощи учителя, можно вводить не раньше того времени, когда ученики накопятъ значительное количество наблюденій надъ явленіями языка, т. е. не раньше второго года обученія. Я, конечно, ничего не имѣю противъ терминовъ и совершенно согласенъ съ тѣми словами объяснительной записки къ программамъ 1897 года (стр. 24), что «не слѣдуетъ избѣгать общепринятыхъ терминовъ»; но не могу не замѣтить, что въ начальной народной школѣ возможно и желательно ограничиваться наименьшимъ числомъ грамматическихъ терминовъ, выбирая простѣйшіе и самые необходимые; да и тѣ слѣдуетъ давать только послѣ того, какъ у учениковъ выработались понятія, ими обозначаемыя. Можно дать терминъ предлогъ послѣ того, какъ ученики много разъ наблюдали, что въ языкѣ существуютъ маленькія слова, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, а только помогаютъ другимъ словамъ отвѣчать на вопросъ. Можно дать терминъ имя существительное послѣ того, какъ ученики уже начали сознательно узнавать среди другихъ словъ названія предметовъ и сознательно наблюдали, что эти слова можно ставить на вопросы: кто, что? кого, чего? и т. д.

Терминъ очень полезенъ, какъ закрѣпленіе и объединеніе значительнаго числа однородныхъ наблюденій въ области языка, какъ обозначеніе сложившагося понятія, а вовсе не какъ замѣна понятія.

Въ основу всѣхъ грамматическихъ занятій второго и третьяго года обученія слѣдуетъ положить анализъ предложенія, а потомъ и связи между предложеніями.

Конечно, прежде всего надо научить дѣтей отдѣлять предложенія и познакомить съ ихъ составомъ, находить сказуемое и подлежащее, при чемъ необходимо обратить вниманіе на предложенія безличной формы, которую такъ любитъ русскій языкъ (мнѣ спится, мнѣ дремлется, снесло крышу вѣтромъ, замело дорогу снѣгомъ, морозитъ, тошнитъ, знобитъ и т. п.). Можно ввести въ оборотъ и термины, но главное дѣло не въ терминологіи, а въ пониманіи значенія словъ и формъ, связи словъ между собою и смысла цѣлаго предложенія. Важно, чтобы ученики понимали, какое слово къ какому относится, какъ слова связаны, что именно эти слова—въ этихъ формахъ, въ этой связи нужны для вразумительнаго выраженія мысли.

При анализѣ предложеній можно дать понятіе о предметѣ и его различныхъ признакахъ (дѣйствіи, состояніи, качествѣ); но различеніе частей рѣчи не можетъ быть достигаемо на такомъ различенія значенія словъ. Это признакъ не такой существенный и устойчивый, чтобы на него можно было опираться съ увѣренностью, потому что, напримѣръ, и читаю—дѣйствіе, и чтеніе—дѣйствіе. Болѣе существеннымъ и достаточно прочнымъ признакомъ представляются—начальная форма и измѣненія словъ, къ познанію которыхъ не трудно привести учениковъ путемъ непосредственныхъ наблюденій въ области живого языка. Пусть они сами замѣчаютъ, что одними словами можно отвѣтить на вопросъ: кто или что? что ихъ можно измѣнять по вопросамъ: кого, чего? и т. д., другими можно отвѣтить на вопросъ: что дѣлать или что сдѣлать? и измѣнять по временамъ, третьими можно отвѣтить на вопросъ: какой или чей? и измѣнять по родамъ; когда они это усвоили, можно дать и термины: имя существительное,

глаголъ, имя прилагательное. Но опять повторяю, что дѣло не въ терминологіи, а въ пониманіи смысла тѣхъ измѣненій, какимъ слова подвергаются, и въ умѣніи пользоваться этими измѣненіями для выраженія мысли.

Слѣдуетъ практиковать учениковъ въ устномъ приведеніи данныхъ словъ къ начальной формѣ и въ измѣненіи ихъ, потому что такимъ путемъ мы пріучаемъ дѣтей къ свободному пользованію словами и ихъ формами. Какъ письменная работа, такія упражненія нельзя признать желательными, потому что это была бы очень скучная письменная работа, обыкновенно принимающая чисто механическій характеръ. Пусть письменно ученики прилагаютъ свое умѣнье пользоваться словами и словесными формами къ описанію знакомыхъ предметовъ, къ разсказамъ объ извѣстныхъ имъ событіяхъ, т. е. къ сочиненію. Умѣнье свободно понимать живую русскую рѣчь и умѣнье толково, для всѣхъ понятно, сочинять— вотъ коренная практическая и образовательная цѣль, которую всегда надо имѣть въ виду въ занятіяхъ роднымъ языкомъ вообще, а, слѣдовательно, и при грамматическихъ занятіяхъ. О мѣстоименіи въ начальной школѣ только и можно дать понятіе, какъ о словѣ, замѣняющемъ имя, преимущественно имѣя въ виду личныя мѣстоименія; о предлогѣ, какъ о словѣ помогающемъ, имѣя въ виду предлогъ—отдѣльное слово; о союзѣ, какъ о словѣ связывающемъ, имѣя въ виду употребленіе союза и въ сліяніи, и въ сочиненіи, и въ подчиненіи предложеній. Я уже говорилъ, какъ важно въ орѳографическомъ отношеніи уяснить ученикамъ разницу между предлогомъ, отдѣльнымъ словомъ, и предлогомъ—приставкой (или представкой). Но это важно и въ образовательномъ отношеніи, потому что предлогъ—приставка, входя въ со-

ставъ слова, придаетъ ему совершенно новое значеніе, тогда какъ предлогъ — отдѣльное слово не имѣетъ вліянія на значеніе слова, при которомъ стоитъ, а только помогаетъ ему отвѣчать на вопросъ. Эту разницу надо вывести изъ цѣлаго ряда конкретныхъ фактовъ, и какъ только она выяснилась, у учениковъ является разумное руководящее начало для отдѣльнаго и слитнаго написанія предлоговъ, закрѣпляющее и освѣщающее практическій навыкъ, вынесенный изъ младшаго отдѣленія.

Отъ анализа отдѣльныхъ предложеній слѣдуетъ перейти къ анализу рѣчи, къ выясненію связи и взаимнаго отношенія между предложеніями. Упражненія въ такомъ анализѣ важны и для установленія сознательнаго отношенія къ рѣчи, и для успѣховъ въ искусствѣ сочинять, и для умѣнья толково употреблять знаки препинанія.

Еще важно обратить вниманіе учениковъ на составъ словъ, выяснить значеніе корня, окончанія, вставки (или подставки, т. е. суффикса) и приставки (или представки). Это все опять надо выяснить на конкретныхъ фактахъ, направляя дѣтскую мысль на сравненіе ихъ: домъ, домикъ, домашній, домовничать, домовой, домосѣдъ; старый, старикъ, старушка, старецъ, престарѣлый, староеть, старина, старшина, постарѣть; толкать, толкнуть, столкнуть, втолкнуть и т. под. Очень полезно и упражнять учениковъ въ словопроизводствѣ, чтобы они практиковались въ образованіи существительныхъ именъ отъ глаголовъ, прилагательныхъ отъ существительныхъ и т. под.

Все это усиливаетъ пониманіе учениковъ въ области языка и умѣнье ихъ пользоваться языкомъ для точнаго и складнаго выраженія своихъ мыслей устно и письменно.

Н. Вунаковъ.

С. Петерб.
1901 г., февраля 19.

Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ въ средней школѣ.

По вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ въ средних ъ учебныхъ заведеніяхъ до сихъ поръ высказывались общія соображенія и наблюденія. Но еще не было, кажется, попытокъ извлечь цыфровыя указанія изъ тѣхъ многочисленныхъ записей, какія ведутся по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ при выдачѣ книгъ учащимся. До сихъ поръ, на основаніи статистическихъ данныхъ не установлено: какое количество книгъ можно признать нормой чтенія для одного ученика каждаго класса? какое число учениковъ можно признать нормой для одного библіотекаря? какой срокъ пользованія книгой можно считать нормальнымъ? на какое число учениковъ долженъ приходиться одинъ экземпляръ книгъ, обязательныхъ для прочтенія? и пр. А межъ тѣмъ такого рода указанія и лишь они одни могутъ лечь въ основаніе надлежащей постановки библіотеки и организаціи внѣкласснаго чтенія, совершенно не упорядоченнаго въ жизни нашей средней школы. Попытку полученія нѣкоторыхъ указаній подобнаго рода представляютъ приводимыя ниже таблицы за три года завѣдованія библіотекой въ одномъ реальномъ училищѣ въ уѣздномъ городкѣ.

Но, прежде чѣмъ приводить таблицы, необходимо сказать слѣдующее о постановкѣ той библіотеки, изъ записей которой получены приводимыя ниже цыфры.

1) Библіотека была открыта для учениковъ всякій учебный день въ теченіе часовой практики (12—1 ч.);

2) каждый день могли мѣнять книги ученики всѣхъ классовъ;

3) ученикамъ былъ представленъ свободный доступъ къ книжнымъ шкафамъ для ознакомленія съ книгами и выбора ихъ;

4) на большомъ столѣ въ библіотекѣ лежали періодическія („Дѣтское Чтеніе“, „Родникъ“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Всходы“), иллюстрированныя („Наши художники“—Булгакова, „Живописная Россія“—Семенова, „Русская исторія“—Верещагина) и др. изданія; ученики могли читать ихъ и пересматривать, оставаясь въ библіотекѣ всю большую перемѣну; благодаря этому библіотека-книгохранилище приняла характеръ библіотеки-читальни;

5) библіотекарю въ выдачѣ книгъ помогали два ученика: одинъ по поддержанію внѣшняго порядка въ библіотекѣ, другой по веденію записей;

6) библіотекарь приходилъ на помощь ученикамъ въ выборѣ книгъ и сообщеніи указаній на запросы учениковъ относительно того, въ какихъ сочиненіяхъ что можно найти и въ бесѣдахъ съ отдѣльными учениками на темы, ихъ занимавшія; это—единственная форма, принятая съ цѣлью руководительства чтеніемъ учениковъ.

Вообще въ основу порядковъ библіотечныхъ были положены: а) полная доступность библіотеки для каждаго ученика, б) возможно широкая свобода выбора книгъ (подъ общимъ контролемъ библіотекаря и отчасти обоихъ помощниковъ его изъ учениковъ старшихъ классовъ) и в) посильное руководство въ чтеніи на почвѣ довѣрія учащихся къ

библiотекарю. Все это дѣлалось съ цѣлью дать возможность учащимся взять отъ библiотеки maximum того, что она можетъ дать.

Приводимъ двѣ таблицы, полученныя изъ записей за три учебныхъ года $189^5/_6$, $189^6/_7$ и $189^7/_8$.

Таблица I,

показывающая, какое число взятыхъ книгъ приходится на одного ученика

КЛАССЫ.	За $189^5/_6$ г.	За $189^6/_7$ г.	За $189^7/_8$ г.	Въ среднемъ за три года.	
I класса . . .	25,9	29,2	32,8	28,7	25,5
II » . . .	20,1	17,3	28,3	22,2	
III » . . .	29,2	21,0	22,9	24,5	
IV » . . .	20,7	31,9	31,0	28,8	
V » . . .	24,3	14,8	27,9	22,8	
VI » . . .	21,2	15,9	19,3	18,5	17,2
VII » . . .	21,8	10,9	14,5	15	
Въ среднемъ	23,3	21,0 *)	26,0	23,5	

Въ этой таблицѣ характерны цыфры, представляющiя среднiя за три года: 25,5, 17,2 и 23,5.

---

*) Пониженiе средней цыфры за $189^6/_7$ г. объясняется эпидемической болѣзнью, лишившей возможности многихъ учениковъ вести занятiя въ вечернiе часы.

Въ двухъ послѣднихъ вертикальныхъ рядахъ обращаетъ на себя вниманіе то, что ученики двухъ старшихъ классовъ пользуются библіотекой значительно меньше учениковъ младшихъ и среднихъ классовъ. При этомъ надо замѣтить, что въ числѣ книгъ, взятыхъ учениками VII кл., около половины приходится на учебныя пособія, какъ, напр.: Порфирьева, Галахова, Филонова и др.; нѣкоторую долю составляютъ также учебныя пособія въ числѣ книгъ, взятыхъ учениками VI кл., тогда какъ для I—V кл. въ составѣ библіотеки учебныхъ пособій нѣтъ. Такимъ образомъ цыфру книгъ для чтенія, приходящихся на одного ученика VI—VII кл. (17,2) нужно еще болѣе понизить. Самъ по себѣ фактъ слабаго пользованія ученическою библіотекою со стороны высшихъ классовъ могъ бы говорить о томъ, что данная средняя школа не только не развиваетъ любознательности, стремленія къ расширенію умственнаго кругозора, но, наоборотъ, убиваетъ его; и этотъ выводъ дѣйствительно нужно было бы сдѣлать, если предположить, что ученики читаютъ лишь то, что предлагается наличнымъ составомъ книгъ библіотеки.

На самомъ дѣлѣ цыфра 17,2 показываетъ лишь то, въ какой степени юноши въ возрастѣ 16—19 л. пользуются книгами въ подборѣ оффиціальнаго каталога, и совсѣмъ еще не говоритъ о томъ, въ какой степени и въ какомъ подборѣ читаютъ они вообще. Учащіеся VI и еще болѣе VII кл. пользуются книгами на сторонѣ и почти исключительно изъ ихъ среды были обращенія съ просьбами выдать имъ авторовъ, не попавшихъ въ оффиціальный каталогъ; исключительно они въ бесѣдахъ называютъ имена писателей, не допущенныхъ въ библіотеки (Шелгунова, Писарева, Некрасова и др.). Съ успѣхомъ противиться знакомству учащихся съ литературой, не одобренной школѣ, не подъ силу: большинство учащихся живетъ у родителей и родственни-

ковъ. Какъ людямъ, которымъ поручено охранять молодыя поколѣнiя отъ влiянiй, не укладывающихся въ казенныя рамки, вторгнуться въ семью и сказать отцу съ матерью: „хоть вы и прiобрѣли исторiю земли Немайера, не смѣйте давать ее сыну; хоть у васъ на полкахъ стоитъ Некрасовъ, сынъ вашъ не долженъ развертывать его; хоть вы бесѣдуете за чайнымъ столомъ въ семейномъ кругу или въ кругу знакомыхъ о Гаршинѣ, голодѣ, конференцiи въ Гаагѣ.., сынъ вашъ уши долженъ заткнуть; журналы, газеты... о! никто изъ учащихся не смѣетъ заводить знакомства съ ними". Юноши принадлежатъ семьѣ, вмѣстѣ съ ней обществу, и совершенно немыслимо охранить ихъ отъ того, что составляетъ въ данное время злобу дня или представляетъ животрепещущiй интересъ по ознакомленiю съ современной русской дѣйствительностью или по истолкованiю ея. Тотъ фактъ, что юноши 16—19 лѣтъ мало пользуются школьной библiотекой и добываютъ книги на сторонѣ, указываетъ только на непригодность нынѣ дѣйствующаго каталога и необходимость включенiя въ его списки новѣйшихъ писателей (беллетристовъ, критиковъ и публицистовъ), если невозможны упраздненiе каталога и передача подбора книгъ для ученической библiотеки въ руки педагогическихъ совѣтовъ подъ контролемъ директоровъ и попечителей учебныхъ округовъ *). Таковъ смыслъ цыфръ 25,5 и 17,2 въ послѣднемъ вертикальномъ столбцѣ.

Выдача книгъ можетъ происходить отъ сентября до половины мая, что составитъ 34 недѣли; исключая отсюда $6^1/_2$ недѣль, приходящихся на время рождественскихъ и

*) Если учащiеся знакомятся съ новѣйшей литературой по своему выбору или по указанiямъ лицъ, внѣ школы стоящихъ, то лучше допустить новѣйшихъ писателей по выбору учебнаго вѣдомства.

пасхальныхъ праздниковъ и дни масленичнаго передыха, получимъ всѣхъ дней выдачи 6 $27^1/_2$=165.

Распредѣляя общую сумму взятыхъ за каждый годъ книгъ между 165 днями, получимъ, что въ $189^5/_6$ г. приходилось на одинъ день 25,6 выдачъ, въ $189^6/_7$ г.—20,6, въ $189^7/_8$—28,7 выдачъ; за три года въ среднемъ на одинъ день приходилось 25 выдачъ *).

Во избѣжаніе пропажи книгъ и неизбѣжной вмѣстѣ съ пропажей необходимости платиться своимъ карманомъ, библіотекарь въ эти двѣ минуты, по смыслу правилъ о библіотекахъ, самъ долженъ вычеркнуть всякую возвращенную книгу, найти въ замѣнъ ея новую и вписать послѣднюю. Но часовая перемѣна—рѣдкое исключеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обыкновенно она длится $^1/_2$ часа, и тогда на ученика должно прійтись по одной минутѣ; въ теченіе одной минуты продѣлать ту же процедуру вычеркиванія, нахожденія и вписыванія положительно невозможно. О бесѣдахъ же по поводу книгъ и руководительствѣ чтеніемъ при получасовой перемѣнѣ да равно и при часовой и рѣчи быть не можетъ. Такимъ образомъ, 25 выдачъ въ теченіе большой перемѣны, если нельзя принять эту цыфру за норму, какъ единичное наблюденіе, слѣдуетъ считать выше нормы, но ни въ какомъ случаѣ не ниже ея, при надлежащей постановкѣ библіотеки. Допуская тѣмъ не менѣе, что 25 книгъ можетъ быть нормой выдачи въ одинъ день, одинъ

---

*) Библіотеку приходилось открывать минутъ на пять позже звонка передъ началомъ большой перемѣны и минутъ за пять до конца ея; слѣдовательно, на выдачу книгъ приходилось около 50 м. Если въ эти 50 м. приходилось дѣлать по 25 выдачъ, то одному ученику можно было удѣлять не болѣе 2-хъ минутъ.

библіотекарь можетъ выдать въ 165 дней, т.-е. въ теченіе учебнаго года 25+165=4125 книгъ. При полной доступности библіотеки одинъ ученикъ беретъ въ учебный годъ 23,5 книги; слѣдовательно, одинъ библіотекарь можетъ управиться удовлетворить 4125: 23,5=176 учениковъ. Но учебныхъ заведеній съ цыфрой учащихся, близкой къ указанной, очень мало; значительное большинство среднихъ школъ имѣетъ учащихся вдвое, а нерѣдко и втрое больше. Если въ школѣ не должно быть для учащихся стѣсненій въ ихъ стремленіи къ самообразованію путемъ внѣкласснаго чтенія, то въ многолюдныхъ учебныхъ заведеніяхъ завѣдываніе библіотекой не должно возлагаться на одного человѣка, а должно быть раздѣлено межъ двумя или тремя библіотекарями съ раздѣленіемъ учащихся на группы: младшую (I—III) и старшую (IV—VII кл.) или младшую (I—II), среднюю (III—IV) и старшую V—VII).

Таже цыфра 23,5 даетъ и другого рода указаніе.

Если одинъ ученикъ въ годъ читаетъ 23,5 книги, то въ теченіе 7 лѣтъ каждый ученикъ долженъ прочесть 23,5+7=165 книгъ; допуская, что ученикъ проходитъ курсъ не въ 7, а въ 9 лѣтъ, получимъ, что онъ долженъ прочесть 23,5+9=211 кн., при чемъ сюда должны войти сказки, приключенія, путешествія, беллетристика русская и иностранная, критическія статьи, научныя сочиненія по исторіи, литературѣ и естествовѣдѣнію и пр. Въ виду разнообразія родовъ литературы, съ которой нужно познакомиться, нельзя признать цыфръ 165—211 большими, и онѣ опредѣленно говорятъ о необходимости организаціи руководства въ выборѣ книгъ. Чтобы руководить чтеніемъ учениковъ, нужно знать основательно каждаго ученика. Въ низшихъ классахъ одни изъ учениковъ увлекаются еще сказ

ками, другіе перешли къ приключеніямъ (Майнъ-Ридъ, Жюль-Вернъ), третьи охотно читаютъ уже путешествія, иные вслѣдствіе непривычки къ чтенію положительно боятся объемистыхъ книгъ, другіе съ пренебреженіемъ относятся къ тощимъ. Съ возрастомъ вкусы мѣняются, умственное развитіе растетъ; въ старшихъ классахъ появляются запросы, запросы разнообразятся. Такимъ образомъ, чтобы руководить каждымъ ученикомъ, нужно слѣдить за всѣмъ процессомъ его духовной жизни. Руководить чтеніемъ учащихся цѣлаго учебнаго заведенія одному библіотекарю, конечно, не мыслимо. Такимъ путемъ, со всѣмъ съ другого конца, невольно приходится прійти къ выводу о необходимости раздѣленія библіотеки. Можетъ быть, подъ силу одному лицу руководить чтеніемъ учащихся одного класса, и вмѣсто одной общей битліотеки могли бы создаться отдѣльныя классныя библіотеки. Съ этимъ нельзя было бы не согласиться, если бы всѣ классные наставники имѣли возможность вести ихъ. Классными наставниками обязательно состоятъ директоръ и инспекторъ, имѣющіе и безъ того много дѣла; за недостаткомъ персонала нерѣдко исполняютъ обязанности классныхъ наставниковъ преподаватели новыхъ языковъ, какъ иностранцы, незнакомые съ русской литературой. Такимъ образомъ, отъ классныхъ библіотекъ необходимо отказаться. Если не должно быть единой библіотеки и не можетъ быть классныхъ, приходится прійти къ прежней мысли о соединеніи классовъ въ группы, о библіотекахъ по возрастамъ.

Таблица II,

показывающая чтеніе книгъ учениками, остающимися на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ.

Пробывшіе два года.	Прочли за 3 года.			Приходится на 1 учен. въ годъ пребыванія въ классѣ.
	Въ первый годъ.	Во второй годъ.	Всего.	
Въ I кл. . .	277	203	480	24
» II » . .	290	289	579	22,3
» III » . .	393	385	777	29,9
» IV » . .	604	635	1237	28,1
» V » . .	134	216	350	17,5
» VI » . .	298	233	531	19
» VII » . .	39	40	79	18
Итого .	2035	1999	—	—
Въ среднемъ	—	—	—	23,7

Сопоставляя среднюю чтенія за годъ учениковъ, проходящихъ курсъ какого нибудь класса въ два года (23,7), съ средней чтенія за годъ всѣхъ учениковъ (23,5), получаемъ, что первые читаютъ больше тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые проходятъ обязательный курсъ исправно. На ряду съ этимъ итоги перваго и втораго столбцовъ показываютъ, что въ первый годъ пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ ученики читаютъ не меньше того, сколько и во второй. Казалось бы, если учащіеся не одолѣваютъ обязательнаго курса какого-нибудь класса въ одинъ годъ, то они должны имѣть досуга и силъ для занятій необязательныхъ меньше, чѣмъ учащіеся исправно проходящіе обя-

зательный курсъ; слѣдовательно, на ихъ долю должно приходиться меньше прочтенныхъ книгъ, на самомъ дѣлѣ въ отношеніи внѣкласснаго чтенія разницы между успѣвающими и отстающими не замѣчается. Очевидно, причина запаздываній въ прохожденіи курса заключается не въ одной малоспособности отдѣльныхъ учениковъ или неподготовленности ихъ къ исполненію курсовой работы: такіе ученики должны и въ дѣлѣ внѣкласснаго чтенія отставать отъ своихъ товарищей. Въ числѣ отстающихъ нерѣдко встрѣчаются характеры, которые не могутъ выносить подневольной работы изо дня въ день и, тяготясь обязательными курсами, нисколько не избѣгаютъ свободныхъ путей расширенія умственнаго кругозора. Читая книги охотно и въ значительномъ количествѣ, они и создаютъ тотъ фактъ, что лица, отстающія въ прохожденіи курса, въ общемъ читаютъ больше товарищей, успѣвающихъ въ немъ.

Домашнее чтеніе играетъ громадную роль въ образованіи учащихся, пріучая къ самообразованію. Остается пожелать, чтобы наша всенивеллирующая школа предоставила учащимся больше средствъ для самодѣятельности, чѣмъ предоставляетъ нынѣ.

Выше приведены двѣ таблицы цыфръ и ихъ истолкованіе. Записи выданныхъ ученикамъ книгъ могутъ дать и другія указанія, напр., какія книги читаются учащимися, въ какой степени (по авторамъ, по родамъ литературы, по классамъ), какъ берутся книги по мѣсяцамъ или инымъ единицамъ времени, въ какой степени читаютъ книги ученики, выбывающіе изъ школы до окончанія курса въ ней, какія книги совсѣмъ не берутся, представляя такимъ образомъ ненужный балластъ. Матеріалъ подобнаго рода, опубликовываемый учебными заведеніями хотя бы въ ихъ печатныхъ отчетахъ, могъ бы дать прочныя основанія для подлежащей постановки внѣкласснаго чтенія, освѣтить въ то же время и другія стороны школьной жизни. П. Е.

Къ вопросу о желательной постановкѣ преподаванія русской словесности въ духовныхъ семинаріяхъ.

Въ виду предстоящей реформы духовно-учебныхъ заведеній, о чемъ въ послѣднее время, послѣ небольшого перерыва, снова заговорили въ духовной и свѣтской печати, позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя соображенія о желательной, съ нашей точки зрѣнія, постановкѣ преподаванія русской словесности въ духовныхъ семинаріяхъ.

За русскою словесностію въ ея теоретическомъ и историческомъ изученіи всегда и во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ признавалось и признается важное общеобразовательное и воспитательное значеніе. По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ семинарій преподаваніе теоріи и исторіи словесности ведется нѣсколько шире и полнѣе сравнительно съ требованіями прежняго (до 1884 года) семинарскаго устава. Тѣмъ не менѣе общеобразовательныя и въ частности семинарскія цѣли изученія словесности въ ея теперешнемъ объёмѣ и при томъ количествѣ уроковъ, какое отводится на ея изученіе, достигаются далеко не въ полной мѣрѣ.

Цѣль теоретическаго разсматриванія совершеннѣйшихъ образцовъ изящной словесности полагается въ выводѣ не только основныхъ законовъ построенія того или другого рода и вида словесныхъ произведеній, но и въ выводѣ правилъ для самостоятельнаго составленія сочиненій. Кто въ средне-учебномъ заведеніи не научился писать по-русски, какъ слѣдуетъ, тотъ и въ жизни рискуетъ остаться полуграмотнымъ писакою. Воспитанники дореформенной духовной школы слави-

лись искусствомъ писать строго-логически, правильно, ясно и точно. Въ настоящее время и въ обществѣ, и въ печати раздаются жалобы на неумѣнье учениковъ средне-учебныхъ заведній писать послѣдовательно, выдержанно, стилистически и орѳографически правильно. *) Почти въ той же мѣрѣ этихъ жалобъ заслуживаютъ и наши духовныя семинаріи. Въ печатныхъ отзывахъ экзаменаціонныхъ комиссій о письменныхъ работахъ лучшихъ семинарскихъ воспитанниковъ, поступающихъ по конкурсному экзамену въ составъ студентовъ духовныхъ академій, почти ежегодно указывается на несоблюденіе въ означенныхъ работахъ строго-логической послѣдовательности въ раскрытіи основной мысли, на разбросанность изложенія, на многословіе, на отсутствіе навыка писать легко, свободно, чистымъ и правильнымъ литературнымъ языкомъ. **) Отсюда является необходимость для преподавателей

*) Съ этимъ неумѣньемъ приходилось считаться и намъ въ бытность нашу завѣдующимъ и воспитателемъ въ одномъ изъ дворянскихъ пансіоновъ, въ которомъ содержались воспитанники классической гимназіи и реальнаго училища.

**) 1) Не рѣдки такія явленія, что сельскіе священники затрудняются письменнымъ изложеніемъ своихъ проповѣдей; 2) оффиціальныя бумаги, посылаемыя ими къ епархіальному начальству и въ разныя епархіальныя учрежденія, часто грѣшатъ противъ самыхъ элементарныхъ правилъ грамматики и стилистики. Черезъ руки пишущаго эти строки, въ бытность его дѣлопроизводителемъ братствъ и епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ въ двухъ епархіяхъ, прошла не одна сотня безграмотныхъ бумагъ нашихъ священнослужителей: разнообразныхъ прошеній, объясненій, донесеній, рапортовъ, отчетовъ, описанія школьныхъ торжествъ, изложеній противораскольническихъ и противосектантскихъ бесѣдъ и пр и пр.

словесности въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ обратить самое тщательное вниманіе на ученическія сочиненія. Правда, и объяснительная записка къ програмиѣ теоріи словесности одною изъ важнѣйшихъ задачъ преподаванія этой науки считаетъ „развитіе въ ученикахъ умѣнья и навыка къ письменному изложенію“, а лучшимъ средствомъ осуществленія этой задачи „возможно частыя самостоятельныя упражненія учениковъ въ классѣ и на дому“, но на практикѣ возможность частыхъ упражненій учениковъ въ самостоятельномъ составленіи сочиненій, при всемъ усердіи къ дѣлу самого преподавателя, къ сожалѣнію, не всегда выполнима. Упражненія учениковъ въ умѣньѣ писать стоятъ въ тѣсной связи съ чтеніемъ, анализомъ и изученіемъ образцовъ прозы и поэзіи. Письменныя работы служатъ дальнѣйшимъ развитіемъ и практическимъ приложеніемъ тѣхъ устныхъ упражненій, какія ученики производятъ надъ разборомъ лучшихъ произведеній изящной словесности. Сначала ученикъ научается писать по данному литературному образцу, а затѣмъ постепенно пріобрѣтаетъ навыкъ въ самостоятельномъ составленіи сочиненій. Такимъ именно путемъ ученикъ пріучается самостоятельно составлять описанія, повѣствованія, разсужденія, т.-е. пріучается писать по всѣмъ тремъ основнымъ формамъ словеснаго искусства. Очевидно, чѣмъ основательнѣе ученикъ ознакомится съ построеніемъ готовыхъ литературныхъ образцовъ, тѣмъ легче и успѣшнѣе научится самъ писать. Только подъ этимъ условіемъ выполнимы предъявляемыя объяснительною запискою требванія отъ ученическихъ сочиненій; но въ такомъ случаѣ число уроковъ, удѣляемыхъ на теоретическое изученіе словесности. окажется далеко недостаточнымъ. Особенно недостаточность времени сказывается при классной провѣркѣ написанныхъ учениками сочиненій.

Опытъ показываетъ, что самая обстоятельная домашняя

рецензія ученическихъ сочиненій, самыя внимательныя указанія (на поляхъ) на недостатки сочиненій достигають меньшихъ результатовъ, чѣмъ классная (при участіи всѣхъ учениковъ) оцѣнка сочиненій. Но, если къ такой оцѣнкѣ относиться со всею строгостію (а такъ именно и слѣдуетъ относиться), то отъ числа уроковъ, назначенныхъ на прохожденіе курса теоріи словесности, нужно отнять добрую половину въ ущербъ, конечно, обстоятельному изученію хотя бы главныхъ видовъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій.

При изученіи словесности съ учениками духовной семинаріи не слѣдуетъ забывать, что ближайшая цѣль семинарскаго образованія и воспитанія полагается въ приготовленіи образованныхъ священнослужителей, проповѣдниковъ и учителей народа. Священнику представляется случаевъ говорить на пользу своихъ пасомыхъ, „благовременно и безвременно" болѣе, чѣмъ людямъ свѣтскихъ профессій. Вотъ почему ученику семинаріи, кромѣ навыка въ правильномъ и свободномъ письменномъ изложеніи своихъ мыслей, необходимо (еще на школьной скамьѣ) пріобрѣсти навыкъ въ свободномъ устномъ изложеніи мыслей, въ выразительномъ и внятномъ произношеніи. Въ этихъ именно видахъ „объяснительная записка" рекомендуетъ „поочередное чтеніе учениками въ классѣ избранныхъ преподавателемъ статей, произнесеніе наизусть выученныхъ отрывковъ въ прозѣ и стихахъ (при чемъ сочиненія въ діалогической формѣ могутъ быть произносимы нѣсколькими учениками) съ соблюденіемъ важнѣйшихъ правилъ при остановкахъ, повышеніи и пониженіи голоса". Недостатокъ времени опять-таки не позволяетъ въ должной мѣрѣ воспользоваться рекомендуемымъ прекраснымъ средствомъ приготовить изъ учениковъ хорошихъ чтецовъ и умѣлыхъ ораторовъ; между тѣмъ постоянное методическое чтеніе высокихъ художественныхъ образцовъ, особенно религіознаго характера (а такими образцами наша отечественная литература богата)

дастъ возможность духовному воспитаннику незамѣтно для него овладѣть искусствомъ свободнаго и выразительнаго устнаго (ex improviso) изложенія мыслей. Въ этомъ отношеніи уроки по теоріи словесности явятся хорошею подготовительною школою къ урокамъ по теоріи гомилетики (церковнаго краснорѣчія). Выходя на урокахъ гомилетики на каѳедру говорить предъ лицомъ всего класса проповѣдь ex improviso, ученикъ будетъ имѣть уже готовыя и опредѣленныя техническія рамки для выраженія своихъ мыслей, привычку сразу схватить мысль и умѣнье выразить ее литературно, полно, ясно и точно.

Но, помимо чисто-прикладного значенія, искусство выразительнаго чтенія считается однимъ изъ лучшихъ средствъ какъ умственнаго развитія учащихся, такъ въ особенности эстетическаго и нравственно-воспитательнаго. Истинно художественныя произведенія нашихъ классическихъ писателей проникнуты идеалами правды, добра и красоты. Живые образы поэзіи, дѣйствуя при выразительномъ чтеніи на воображеніе учениковъ, съ тѣмъ вмѣстѣ пробудятъ въ нихъ и работу мысли. При выразительномъ чтеніи художественныхъ произведеній ухо наше пріучается къ гармоніи русскаго слова, а сердце невольно наполняется чувствомъ изящнаго. Нравственное же значеніе красоты и идеала понятно само собою. Пробуждая лучшія помыслы и ощущенія, выразительное чтеніе поэтическихъ образцовъ облагораживаетъ въ ученикахъ взгляды, чувства и стремленія; способствуетъ выработкѣ нравственнаго міровоззрѣнія...

На изученіе исторіи русской литературы при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ семинарій отводится во второмъ классѣ (со второго полугодія) четыре урока и въ третьемъ классѣ три урока. Во второмъ классѣ проходится древній періодъ исторіи русской литературы, въ третьемъ—

новый, съ Петра І-го до Гоголя включительно. По духу „объяснительной записки къ программѣ исторіи русской литературы въ духовныхъ семинаріяхъ“ главная цѣль преподаванія этого предмета полагается въ ознакомленіи воспитанниковъ съ литературными произведеніями въ историческомъ ихъ развитіи и совершенствованіи. На урокахъ исторіи литературы преподаватель прежде всего старается непосредственно ознакомить учениковъ съ памятниками отечественной словесности, съ ихъ детальнымъ содержаніемъ, а потомъ уже дѣлаетъ извѣстный разборъ и оцѣнку того или другого литературнаго произведенія. Такимъ путемъ въ ученикахъ развивается сознательный взглядъ на значеніе того или другого писателя въ исторіи нашей литературы. Въ общепринятыхъ учебникахъ по исторіи русской литературы произведенія писателей разсматриваются главнымъ образомъ со стороны ихъ значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературнаго языка.

Намъ же, помимо этого, къ произведеніямъ отечественной словесности хотѣлось бы подойти съ запросами эстетическаго и гуманнаго развитія, хотѣлось бы путемъ историческаго изученія словесности ввести учениковъ въ пониманіе національнаго характера русскаго народа, пробудить въ своихъ питомцахъ здоровое русское чувство и цѣльное пониманіе русской жизни. *) Такая точка зрѣнія гармонировала бы съ общимъ направленіемъ образованія семинаристовъ, какъ будущихъ пастырей народа.

*) Отчасти съ такимъ направленіемъ вышелъ въ прошломъ году новый трудъ А. Радовежскаго: «Очеркъ исторіи русской литературы. Спб. 1899 года. Цѣна одинъ рубль». Къ сожалѣнію, многословное и высокопарное изложеніе, а главное-узкая тенденціозность обезцѣниваютъ этотъ трудъ, написанный съ добрыми намѣреніями и «по порученію начальника Военно-топографскаго училища».

Наша древне-русская, до Петровская литература, какъ извѣстно, рѣзко отличается отъ новой литературы, развившейся съ геніальнаго Ломоносова подъ вліяніемъ ложно классическихъ образцовъ западно-европейской литературы. Древне-русскую литературу отличаетъ строго-религіозный, духовно-нравственный характеръ. Съ такимъ характеромъ является она въ началѣ своего возникновенія, съ такимъ же характеромъ, говоря вообще, остается она на всемъ огромномъ пространствѣ жизни русскаго народа отъ принятія имъ христіанства до введенія его въ семью европейскихъ образованныхъ народовъ. Литература является плодомъ присущей человѣку потребности выражать въ словѣ свои стремленія, чистое настроеніе души, идеалы; высказывать съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ свое свободное, живое отношеніе къ дѣйствительности. И, если видимъ въ нашихъ литературныхъ памятникахъ до Петровской Руси отраженіе однихъ только религіозныхъ идеаловъ и духовно нравственныхъ интересовъ, то, слѣдовательно, областью этихъ идеаловъ и интересовъ опредѣлялся кругъ и самой духовной жизни народа. Вотъ почему всякое произведеніе до-Петровской литературы, будетъ ли это слово, поученіе, посланіе, житіе святого, лѣтопись, путешествія, поученія своимъ дѣтямъ и пр., должно быть для насъ особенно дорого. По этимъ произведеніямъ мы можемъ слѣдить за процессомъ постепеннаго проникновенія идеаловъ въ жизнь, за большею или меньшею степенью приближенія или уклоненія жизни отъ этихъ идеаловъ, за постепеннымъ раскрытіемъ и движеніемъ, подъ вліяніемъ вѣры, внутренней жизни народа. По древне-русскимъ произведеніямъ литературы мы можемъ прослѣдить, какъ окрѣпли тѣ духовныя основы характера русскаго народа, какими онъ силенъ въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи изученіе памятниковъ древне-русскаго слова имѣетъ огромное религіозно образовательное и нравственно-воспитательное значеніе для

школы, для нашихъ средне учебныхъ заведеній, въ программѣ которыхъ по исторіи русской словесности (особенно въ семинарской программѣ) отведено много мѣста изученію древнерусской церковной письменности. Изученіе послѣдней въ ея подлинникахъ внесетъ въ школьное образованіе начала истинной православной вѣры и народности.

Складъ духовной жизни, отразившейся въ памятникахъ до-Петровской жизни литературы, въ настоящее время по преимуществу отличаетъ нашъ простой народъ, духовными руководителями котораго являются наши сельскіе пастыри, подготовляемые духовными семинаріями. Изученіе драгоцѣннаго наслѣдія древне-русской письменности является поэтому для воспитанниковъ семинаріи дѣломъ первой важности. Это изученіе освѣтитъ имъ тотъ путь, какимъ шло духовно-нравственное развитіе народа, и дастъ ключъ къ уразумѣнію его духовныхъ особенностей.

Наша родная священная старина богата церковными словами и поученіями и однородными съ ними по формѣ церковно учительными произведеніями (въ разныхъ сборникахъ), полными высокихъ нравственныхъ уроковъ. Въ этомъ отношеніи церковно-учительныя произведенія могутъ оказать благодѣтельное вліяніе на духъ и направленіе современной проповѣди. Древне-русскіе проповѣдники (препод. Ѳеодосій, митр. Иларіонъ, епископъ Кириллъ Туровскій и др.), отдавшись въ затворничествѣ, въ столпѣ, въ монастырѣ, во временномъ добровольномъ уединеніи самоиспытанію, непрестанной мысли о Богѣ и сосредоточенному углубленію въ Божественное писаніе, выступали затѣмъ на проповѣдь съ духовно-нравственнымъ настроеніемъ и сообщали своимъ ученіемъ силу неотразимой убѣдительности, горячее проявленіе религіознаго чувства и привлекательную задушевность тона. Начитанность современныхъ семинаристовъ, будущихъ батюшекъ-проповѣдниковъ, въ такихъ поученіяхъ сообщитъ и собственнымъ

ихъ поученіямъ достоинство древне-русскаго учительнаго слова.

Разносторонняя важность изученія памятниковъ древне-русской церковной литературы, такимъ образомъ, очевидна.

Точно также изученіе и новаго періода нашей литературы, особенно съ Карамзина и Жуковскаго, знакомя учениковъ съ сокровищами отечественной мысли и слова, должно воспитывать въ учащихся любовь ко всему родному, образовывать будущихъ пастырей народа въ идеалахъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго. XVIII вѣкъ—вѣкъ псевдоклассицизма; но наши писатели съ Запада заимствовали только готовыя формы, а содержаніе въ нихъ влагали, въ большинствѣ случаевъ, свое національное (какъ понималась эта національность и насколько вѣрно отражалась современная русская дѣйствительность въ произведеніяхъ нашихъ писателей XVIII вѣка—это вопросъ особый). Муза писателей того вѣка часто вдохновлялась словомъ Божіимъ, поэзіею церковныхъ пѣснопѣній, событіями и героями родной страны. Даже въ эпоху наивысшаго развитія ложно-классицизма нашу литературу все-таки не покидалъ національный колоритъ. Сбросивъ же съ себя цѣпи псевдо-классицизма, наша литература всецѣло сдѣлалась выраженіемъ и отраженіемъ духовной жизни русскаго общества. Идеалы правды и добра, свѣтлые образы и типы непоколебимой честности, высокаго благородства можно найти во всѣхъ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей. Рядомъ съ положительными типами мы видимъ въ произведеніяхъ отечественной литературы типы отрицательные. Послѣднихъ больше первыхъ, но и отрицательные типы, возведенные въ „перлъ созданія", ведутъ только другими путями къ той же возвышенной и благородной цѣли: къ раскрытію и закрѣпленію въ сознаніи читателей идеаловъ добра, красоты и истины. Изученіе исторіи русской литературы съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно, будетъ благо-

творно воздѣйствовать на возвышеніе и облагороженіе характера учащихся.

Курсъ исторіи русской литературы заканчивается, по семинарской программѣ, изученіемъ сочиненій Гоголя. О писателяхъ же послѣ Гоголя (точнѣе—объ общемъ направленіи литературы) программою требуется дать только общее понятіе, а между тѣмъ отъ Гоголя и до нашихъ дней прошло не мало времени. Успѣли опредѣлиться прежніе таланты, народиться новые. По нашему мнѣнію, безусловно слѣдовало бы подробно ознакомить учениковъ съ произведеніями такихъ выдающихся писателей и поэтовъ, какими являются—Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, Достоевскій, графъ Л Толстой (въ художественныхъ произведеніяхъ), графъ А. Толстой, Хомяковъ (какъ поэтъ и драматургъ), С. Т. Аксаковъ, его сынъ И. С. Аксаковъ (какъ поэтъ), Тютчевъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій, Фетъ, Кольцовъ, Никитинъ. Ихъ положеніе въ исторіи отечественной литературы можно считать уже вполнѣ опредѣлившимся, а потому они имѣютъ законное право быть зачисленными въ курсъ школьнаго изученія.

Необходимо также, по нашему мнѣнію, дать учиникамъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, понятіе о литературной дѣятельности и другихъ писателей шестидесятыхъ, семидесятыхъ, восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ съ тѣмъ, чтобы ученики по выходѣ изъ семинаріи, могли разобраться въ массѣ произведеній писателей, ближайшихъ къ намъ по времени и современныхъ намъ, среди которыхъ не мало посредственныхъ, плохихъ и тенденціозныхъ, уклонившихся отъ высокаго идеала писателя, начертаннаго въ произведеніяхъ Жуковскаго, Гоголя, Пушкина и другихъ великихъ поэтовъ. Между тѣмъ въ наше время сомнительная въ нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ беллетристика, благодаря дешовенькимъ и плохенькимъ журналамъ и газетамъ, все шире и шире проникаетъ въ деревню и, разумѣется,

оказываетъ вредное вліяніе на простонародныхъ читателей. Современнымъ сельскимъ пастырямъ приходится считаться и съ этимъ печальнымъ явленіемъ *).

Въ циркулярахъ Духовно-Учебнаго комитета на внѣклассное чтеніе учащихся указывается, какъ на прекрасное учебно-воспитательное средство, имѣющее, между прочимъ, важное практическое значеніе въ дѣлѣ усовершенствованія письменныхъ ученическихъ работъ.

Книги—сокровища мысли и знанія, открывающія читателю широкій горизонтъ міровоззрѣнія; чтеніе книгъ поэтому имѣетъ глубоко-образовательную силу, но силу обоюдоострую, могущую стать и доброю, и злою. И именно преподавателю то словесности должно преимущественно предъ другими руководить внѣкласснымъ чтеніемъ своихъ питомцевъ. Дѣло въ томъ, что въ младшихъ классахъ духовной семинаріи ученики, еще не знакомые съ философскими и богословскими науками, жажду чтенія удовлетворяютъ по преимуществу беллетристикою. Интересъ къ литературному чтенію не ослабѣваетъ у большинства учениковъ и старшихъ классовъ. Но, къ сожалѣнію, какъ я убѣдился изъ личнаго преподавательскаго опыта, чтеніе это въ большинствѣ случаевъ приводитъ къ нежелательнымъ результатамъ. Читаютъ, особенно въ каникулярное время, малосодержательныя беллетристическія произведенія, преимущественно ежемѣсячныя приложенія къ дешовымъ періодическимъ изданіямъ, написанныя далеко не образцовымъ литературнымъ языкомъ. Подобныя книги

*) Собственно съ современнымъ состояніемъ русской литературы цѣлесообразнѣе было бы въ общемъ очеркѣ познакомить учениковъ 6 класса, уже готовящихся къ выпуску Любящій свое дѣло преподаватель-словесникъ всегда найдетъ для этого время. Бываютъ дни, когда въ 6 классѣ полагается только три урока.

только принижаютъ мысль читателя, ослабляютъ ея критическую силу, портятъ эстетическій вкусъ и разслабляютъ воображеніе. Только произведенія великихъ писателей, а не „лилипутовъ поэзіи“, могутъ выработать людей съ убѣжденными и облагороженными умами и цѣльными положительными натурами. Чтеніе учениками книгъ нужно поставить въ тѣсную связь съ учебнымъ курсомъ словесности, проходимымъ въ семинаріи. Преподавателю словесности нужно неослабно и зорко слѣдить за внѣкласснымъ чтеніемъ своихъ учениковъ: рекомендовать для чтенія извѣстныхъ писателей, указывать, какія именно изъ ихъ произведеній по преимуществу слѣдуетъ прочитать и почему именно, требовать на урокахъ словесности сознательнаго и разумнаго отчета въ прочитанномъ и вообще такъ организовать дѣло внѣкласснаго чтенія, чтобы оно направлялось къ одной конечной цѣли: къ пониманію глаголовъ живота вѣчнаго (Еванг. Іоанна г. 1, 68). Очевидно, такую постановку внѣклассному чтенію въ духовныхъ семинаріяхъ преподаватель словесности можетъ дать только въ томъ случаѣ, когда будетъ располагать бо́льшимъ количествомъ времении, чѣмъ какимъ располагаетъ теперь.

Такимъ образомъ, все, сказанное нами выше, сводится къ слѣдующимъ pia desideria, обусловленнымъ самымъ характеромъ и цѣлью семинарскаго образованія и воспитанія:

1) выработать болѣе цѣлесообразные и, слѣдовательно, болѣе успѣшные пріемы обученія учениковъ самостоятельному составленію сочиненій *);

*) Редакція позволяетъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу письменныхъ работъ въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы должны сказать, что питомцы какъ дореформеннаго времени духовныхъ

2) научить учениковъ искусству выразительнаго чтенія художественныхъ образцовъ отечественной литературы,

3) вести преподаваніе исторіи русской литературы въ такомъ направленіи, чтобы уроки по этому предмету имѣли глубокое воспитательное значеніе для учениковъ,

---

училищъ и семинарій, такъ послѣ, если умѣли и умѣютъ писать сочиненія строго-логически, то въ этомъ отношеніи обязаны главнымъ образомъ своей самодѣятельности, а самодѣятельность вызывалась въ нихъ стремленіемъ попасть въ высшія свѣтскія учебныя заведенія. До второй половины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія книгъ запретныхъ и незапретныхъ не было. Стремившіеся получить образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ питомцы семинарій читали много и серьёзно; а стремленіе подѣлиться мыслями съ товарищами вліяло вообще на классъ; отсюда былъ вообще подъёмъ духа, работа мысли, а при дѣятельности послѣдней возможны были и хорошія сочиненія. Теперь въ духовныхъ семинаріяхъ въ большинствѣ случаевъ, какъ и въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, царитъ ко всему апатія, желаніе поскорѣй разстаться съ своей alma matre: «все равно можно быть попомъ», «зачѣмъ намъ нужны особыя познанія: хватаніе звѣздъ»... и въ результатѣ не мысль, какъ написать сочиненіе, а желаніе провести время повеселѣе—въ компаніи, въ трактирѣ, поиграть въ карты, покружиться въ вальсѣ, одѣвшись часто на послѣдніе гроши родительскіе... нельзя же попавшему на плясальный вечеръ быть одѣтымъ не по-франтовски... Не школа виновата, а режимъ, который приводитъ къ совершенно обратнымъ, печальнымъ результатамъ... Мы увѣрены, что вновь открываемый доступъ питомцамъ семинарій въ свѣтскія высшія учебныя заведенія снова и скоро пробудитъ ихъ отъ умственной спячки, заставитъ работать мысль, а мысль явилась, тогда семинаристы снова будутъ мыслящими людьми.

4) расширить курсъ новѣйшей русской исторіи литературы введеніемъ въ программу изученія поименованныхъ выше писателей,

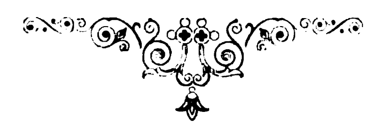
5) дать правильную организацію внѣклассному чтенію произведеній изящнаго слова,

6) для успѣшнаго преподаванія теоріи и исторіи словесности въ намѣченныхъ рамкахъ прибавить къ 11 недѣльнымъ урокамъ еще 4 урока. Четыре урока въ первомъ классѣ и четыре во второмъ посвятить исключительно преподаванію теоріи словесности, а четыре урока въ третьемъ классѣ и три въ четвертомъ — преподаванію исторіи русской литературы.

Увеличеніе числа уроковъ по словесности можетъ пойти за счетъ уроковъ по греческому и латинскому языкамъ, такъ какъ преподаваніе классическихъ языковъ по новому уставу духовныхъ семинарій, какъ слышно, сведено будетъ до minimum'a.

М. Дроздовъ.

30 іюля 1900 года.
Рязань.



По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія *).

Нерѣдко приходится встрѣчать въ журнальныхъ статьяхъ и въ изданіяхъ нашихъ писателей такія выраженія: «товарищество хорошая вещь, но когда оно принимаетъ чисто-начальный характеръ»... «Всѣ раны признаны безусловно-смертельными». «Имѣніе досталось ему въ наслѣдство отъ тетки, необыкновенно-толстой женщины». «Дѣвицу было невыносимо-скучно». «Ему было мучительно-неловко» и мн. др. Почему въ данныхъ случаяхъ слова: чисто, безусловно, необыкновенно, невыносимо соединены черточкой со слѣдующимъ за нимъ именемъ прилагательнымъ и нарѣчіемъ? Рѣшительно безъ всякаго основанія. Я разсуждаю такъ.— Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется между прочимъ помощью особыхъ нарѣчій: очень, весьма и мѣстоименія самый, которыя всегда пишутся отдѣльно. Мы никогда не станемъ писать: весьма-порядочный, очень-ясно, самый-заурядный, по крайней мѣрѣ такое начертаніе находилось бы въ явномъ противорѣчіи съ правилами грамматики. Въ учебникахъ относительно раздѣльнаго начертанія этихъ выраженій существуютъ весьма опредѣленныя указанія. Выраженія: чисто начальный, безусловно смертельный, необыкновенно толстый, мучительно неловко, невыносимо скучно въ сущности такія же

*) Окончаніе. Нач. см. VI вып. 1901 г.

превосходныя степени, какъ и весьма скучно, очень толстый, на какомъ же основаніи эти слова: чисто, безусловно, необыкновенно и др. соединять черточкой съ прилагательными? Со словомъ чисто въ русскомъ языкѣ составлены только четыре слова: чистокровный чистописаніе, чистоплотный и чистосердечный. Всѣ эти четыре слова пишутся совершенно слитно, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ слово чисто до послѣдняго времени писалось отдѣльно передъ тѣмъ словомъ, къ которому оно относилось для обозначенія степени качества или для обозначенія обстоятельства образа дѣйствія, и никто никакого затрудненія въ данномъ случаѣ не встрѣчалъ. Въ послѣднее время стали слово чисто въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединять черточкой со слѣдующимъ за нимъ словомъ, на какомъ же основаніи? Вѣдь это вноситъ только путаницу въ русскую орѳографію, гдѣ и безъ того много сбивчиваго и не установившагося! Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, когда чисто пишется слитно со слѣдующимъ за нимъ словомъ, да объ этомъ всегда можно справиться въ словарѣ, потому что указанныя четыре слова тамъ есть, но какъ обозначить случаи, когда чисто соединяется черточкой, и когда оно пишется какъ отдѣльное слово?

Слова: безусловно, невыносимо, необыкновенно, мучительно, до сихъ поръ писались отдѣльно, и это не представляло ни для кого никакихъ затрудненій. Въ послѣднее время ихъ почему-то начали соединять иногда (главное иногда) черточкой. Вотъ тутъ и разбирайся, когда писать ихъ слитно, когда раздѣльно. Есть цѣлый рядъ словъ, которыя въ такой же мѣрѣ, какъ и названныя выше, служатъ для обозначенія превосходной степени, каковы: совершенно, слишкомъ, чрезвычайно, крайне, безконечно, поразительно

и др. напримѣръ: совершенно лишній, вполнѣ под готовленный, невообразимо скучный, безукоризненно нравственный, беззавѣтно преданный, чрезвычайно симпатичный, истинно патріотическій, слишкомъ поспѣшно, гораздо хладнокровнѣе, несравненно лучше; также выраженія: нѣсколько лучше, довольно порядочно. Что же? значитъ и эти слова, послѣдовательности ради, надобно писать то слитно, съ черточкой, то раздѣльно, безъ черточки? Если допустить начертаніе: чисто-начальный, необыкновенно-толстый, невыносимо скучно, мучительно-неловко, то надобно допустить и такое начертаніе: очень-толстый, нѣсколько-начальный, довольно-скучный, чрезвычайно неловко и т. д. Какую же тутъ установить норму для руководства? Допустить слитное начертаніе помощью черточки однихъ выраженій и въ то же время не допустить другихъ той же категоріи будетъ слишкомъ непослѣдовательно. Между тѣмъ эта непослѣдовательность очень часто допускается не только въ нашей журнальной литературѣ, но и въ изданіи нашихъ классическихъ писателей.

Я до сихъ поръ говорилъ о нарѣчіяхъ, которыя обозначаютъ степень качества въ именахъ, имѣющихъ степени сравненія, но указанная непослѣдовательность допускается и относительно нарѣчій, служащихъ для обозначенія образа дѣйствія въ глаголахъ, принимающихъ форму имени прилагательнаго, тоесть при причастіяхъ. Жаль, если подобное начертаніе встрѣчается въ газетной литературѣ, но тутъ многое можно объяснить спѣшностью срочной работы, конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда указанное правописаніе отвергается по принципу. Гораздо болѣе прискорбно то, что подобное ороографическое шатаніе допускается иногда въ изданіи образцовыхъ писа-

телей и даже въ учебной литературѣ. Между прочимъ вотъ какіе перлы мы находимъ въ изданіяхъ нашихъ классиковъ.

1) «Смертельно раненые на войнѣ всегда называютъ вздоромъ свои раны».

«Вотъ приносятъ человѣка съ лицомъ бѣлымъ какъ подушка: это смертельно-раненый депутатъ Ш».

2) «Пегасъ не могъ терпѣть дурно одѣтыхъ людей».

«Взбирался по черной лѣстницѣ человѣкъ бѣдно одѣтый».

«М. Дм. потерялась, увидѣвъ красивую прелестно-одѣтую женщину».

«Въ комнату вошелъ человѣкъ щегольски-одѣтый».

3) «Инсаровъ... промокъ до костей, благодаря внезапно набѣжавшему ливню».

«Ужасъ выразился на его внезапно-измѣнившемся лицѣ».

«Лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью».

«Я была отуманена этой внезапно-возбужденной любовью».

4) «Недавно расчищенная дорожка вывела насъ изъ липовой аллеи».

«Въ недавно раскаленномъ воздухѣ чувствовалась еще теплота».

5) «Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ».

«Елена не отводила глазъ отъ его слегка поблѣднѣвшаго лица».

Все это выписки изъ того изданія, на которомъ значится надпись: «собственность Глазунова». А вотъ выписки изъ другого изданія.—

6) «Моя пріятельница лежала... грустная съ печально вытянутымъ личикомъ».

«По вечерамъ печально-вытянутой линiей тускло горѣли фонари, какъ будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту».

«Глухо гудящiе колокола тонули во мракѣ».

7) «Взберется Михѣичъ на вышку, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко дремлющую ночь».

«Воздухъ дрогнулъ отъ гулнаго удара наполняя чутко дремавшую».

Все это выписки изъ той книги, гдѣ надпись гласитъ: «Изданiе четвертое редакцiи журнала: «Русская Мысль».

Подобныхъ выписокъ можно было бы сдѣлать не десятки, но цѣлыя сотни, но достаточно и этихъ, чтобы поставить вопросъ, почему нарѣчiя: внезапно, недавно, чутко, печально и др. въ одномъ случаѣ пишутся слитно съ причастiями, къ которымъ относятся, а въ другомъ—отдѣльно? Почему—дурно одѣтый и бѣдно одѣтый пишутся безъ черточки, тогда какъ—щегольски-одѣтый, и прелестно-одѣтый съ черточкой? Почему слегка поблѣднѣвшiй и страшно-поблѣднѣвшiй пишутся неодинаково? Все это такiе рѣзкiе случаи орѳографическаго шатанiя, къ которымъ нельзя относиться безразлично.

И до сихъ поръ были въ русскомъ языкѣ отглагольныя имена прилагательныя, составленныя изъ причастiй въ сложенiи съ нарѣчiями, но обратите вниманiе, читатель, на правописанiе подобнаго рода словъ: высокопоставленный, быстротекущiй, вышеозначенный [19]), благоустроенный, благорасположенный, дикорастущiй, давнопрошедшее, животре-

---

[19]) и другiя, сложенныя съ выше, благо, живо, мало, много, ново, полу.

пещущій, здравомыслящій, малознающій, малоподержанный, мертворожденный, многообѣщающій, новооткрытый, новоявленный, общепринятый, полуодѣтый, полуразвалившійся, праздно шатающійся, разносклоняемыя, скоропреходящій, слѣпорожденный, удобоваримый,—всѣ отглагольныя имена прилагательныя пишутся слитно, безъ черточки. Въ начертаніи ихъ мы видимъ и основаніе, и послѣдовательность. А какая послѣдовательность въ начертаніи словъ новой формаціи: бѣдно одѣтый и щегольски-одѣтый, съ печально вытянутымъ личикомъ и печально-вытянутой линіей, печально гудящую и глухо гудящіе? Подобная неряшливость въ орѳографіи составляетъ собственность не Глазунова только: это явленіе сплошь и рядомъ встрѣчается въ современной литературѣ. И это явленіе служитъ одной изъ причинъ, задерживающихъ развитіе грамотности среди читающихъ людей.

Въ обществѣ существуетъ еще вѣра въ печатное слово, тѣмъ болѣе, если это слово касается личности выдающагося писателя. Многіе думаютъ, что то или иное начертаніе даннаго слова есть достояніе того лица, которому принадлежитъ и все литературное произведеніе. Инымъ, можетъ быть, и въ голову не приходитъ, что за изданіе часто принимаются люди и не вполнѣ грамотные или же пренебрегающіе цѣлями грамотности, для которыхъ на первомъ планѣ цѣли своекорыстныя. Это тѣмъ болѣе прискорбно, когда дѣло касается личности Тургенева. «Берегите нашъ языкъ», сказалъ когда-то покойный Иванъ Сергѣевичъ: «берегите нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ

рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса» [20]). Между тѣмъ тотъ же Иванъ Сергѣевичъ особенно сѣтовалъ на то, что его изданія вообще дѣлались весьма небрежно.

Вдвойнѣ виноваты тѣ лица, которыя выпускаютъ въ свѣтъ малограмотныя изданія образцовыхъ писателей. Они оскорбляютъ личность самого писателя, которому, вѣроятно, болѣе желательно показываться въ обществѣ въ благоприличномъ видѣ, а не въ неряшливомъ. Они вводятъ въ заблужденіе читателя, который въ своей житейской практикѣ нерѣдко руководствуется правописаніемъ имѣющагося у него въ рукахъ писателя.

Г. Покровскій въ своемъ сборникѣ диктантовъ совершенно кстати касается весьма важнаго явленія въ языкѣ—повторяемыхъ словъ. Но нельзя категорически утверждать, что повторяемыя слова отдѣляются одно отъ другого запятой. Самъ г. Покровскій не строго слѣдуетъ этому правилу, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяетъ повторяемыя слова черточкой.

Г. Зелинскій еще съ большею категоричностью заявляетъ, что «запятой отдѣляются въ предложеніи другъ отъ друга всѣ повторяемыя безъ союзовъ слова, къ какой бы части рѣчи они ни принадлежали». Это говорится въ началѣ книги [21]), а въ концѣ той же книги сказано, что повторяющіяся междометія соединяются черточкой (стр. 106); а въ словарѣ, составляющемъ приложеніе къ первому выпуску его книги находимъ, что и повторяющіяся нарѣчія тоже соединяются черточкой, по

---

[20]) Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. третье, т. X. стр. 113. собственность Глазунова.

[21]) Зелинскій.—Справочникъ по русскому правописанію. Вып. 2. стр. 20.

крайней мѣрѣ нѣкоторыя: вотъ-вотъ, еле-еле, чуть-чуть. Очевидно, повторяемыя слова не всегда отдѣляются запятой.

Причины повторяемости словъ могутъ быть различны. Повторяемыя слова это—или грамматическія формы, или стилистическія обороты. Въ зависимости отъ этого находится употребленіе знаковъ.

Черточкой соединяются слова повторяемыя, поскольку они являются грамматическими формами. Повтореніе того же слова служитъ, вопервыхъ, для обозначенія степени качества въ именахъ, имѣющихъ степени сравненія; вовторыхъ, для обозначенія количества дѣйствія въ глаголахъ.

1) Имена прилагательныя качественныя и произведшія отъ нихъ нарѣчія имѣютъ степени сравненія. Въ учебникахъ по русской грамматикѣ говорится, что сравнительная и превосходная степени образуются помощью особыхъ суффиксовъ и приставокъ или же помощью отдѣльныхъ словъ; нарѣчій и мѣстоименій. Но въ учебникахъ вовсе не упоминается о той формѣ превосходной степени, которая образуется путемъ повторенія того же слова, напримѣръ: толстый-претолстый, далеко-далеко. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобной формы превосходной степени: «Какая-то длинная-длинная фигура стояла на самомъ облюбленномъ мною мѣстечкѣ». *Тургеневъ.*

«Черная туча густая-густая надъ нашей деревней стоитъ». *Некрасовъ.*

«Были ль обвалы на Крестовой?—Не было, господинъ, а виситъ много-много». *Лермонтовъ.*

«Зналъ глупый Федька, что нѣкогда, давно-давно жилъ Божій Сынъ». *Н. Данченко.*

Сюда же необходимо отнести формы нарѣчій, обра-

зовавшихся отъ другихъ частей рѣчи, но по своему значенію напоминающихъ превосходную степень, напримѣръ: «Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ молодцомъ». *Тургеневъ.*

«Полно врать, Пафнутьичъ! Куда тебѣ деньги тратить? Дома живешь ты свинья-свиньей». *Пушкинъ.*

«Нынче баринъ подъ бокомъ, дорога скатерть-скатертью». *Некрасовъ.*

Сюда же относятся выраженія: день-денской, тьма-тьмущая, видимо-невидимо, давнымъ-давно, ранымъ-ранехонько, мало-мальски, мало-помалу, строго-настрого [22]), просто-напросто, крѣпко-накрѣпко, еле-еле, едва-едва, вотъ-вотъ, чуть-чуть, насилу-насилу и др.

2) Количество дѣйствія въ глаголахъ обозначается или нарѣчіями, которыя въ такихъ случаяхъ носятъ общее названіе обстоятельственныхъ словъ, или повтореніемъ того же слова, напримѣръ: «старики подумаютъ-подумаютъ и опять что нибудь изрекутъ». *Потапенко.*

«Вся комиссія отправляется въ театръ, и ужъ хлопаютъ-хлопаютъ, вызываютъ-вызываютъ эту актрису». *Достоевскій.*

---

[22]) Если желательно ограничить употребленіе соединительнаго знака въ сложныхъ словахъ вообще, гдѣ это возможно, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать употребленія двухъ или нѣсколькихъ черточекъ при сочетаніи словъ. Такія слова, какъ: мало-помалу, крестъ-накрестъ, просто-напросто и др. удобно могутъ быть написаны съ одной черточкой. Это даже и болѣе послѣдовательно. Если мы пишемъ: попусту, посуху, то почему писать по-малу въ нарѣчіи мало-помалу? Если мы пишемъ: наскоро, набѣло, то почему писать: на-просто, на-крѣпко въ нарѣчіяхъ: просто-напросто, крѣпко-накрѣпко?

Сюда необходимо отнести выраженія: «Чертопхановъ. . загоготнулъ, поднялъ Малекъ Аделя на дыбы... и маршъ-маршъ».

«Разинетъ когти хитрыхъ лапъ и вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ».

Эти грамматическія формы легко отличаются отъ стилистическихъ оборотовъ. Если мы сравнимъ выраженіе: «деревья совсѣмъ истрепались. . Ужъ кажется, что съ нихъ было взять, а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ, да опять примется ихъ тормошить»,—если мы сравнимъ это выраженіе съ выраженіемъ «нѣтъ нѣтъ мнѣ счастья въ этомъ мірѣ!»,—мы невольно замѣтимъ разницу между ними. Эта разница сказывается уже при чтеніи. Въ первомъ случаѣ нѣтъ-нѣтъ произносится слитно, безъ перерыва голоса, какъ бы составляя одно слово, а во второмъ—послѣ перваго нѣтъ невольно дѣлается пауза, вызываемая душевнымъ состояніемъ говорящаго. Это будетъ оборотъ фигуральный, и послѣ перваго нѣтъ слѣдуетъ ставить запятую.

Повтореніе имени существительнаго, какъ фигуральный оборотъ:

«Ахъ, старикъ, старикъ! и этому ты сына учишь?» *Даль*.

Повтореніе имени прилагательнаго, какъ фигуральный оборотъ:

«Сюда нельзя съ! это служебный вагонъ... —Пошелъ прочь! Всякая тварь тоже учитъ... Служебный, служебный... Далось имъ это слово «служебный».» *Марковъ*. «Камаринскую, камаринскую!» оралъ благимъ матомъ N, стуча кулаками по столу».

Повтореніе мѣстоименія, какъ фигуральный оборотъ: «Какъ», закричалъ Тарасъ: «своихъ? своихъ, чертовъ сынъ, своихъ бьешь?»

«Всѣ блага прочилъ я для сына,—Его, его взяла судьбина!» *Жуковскій.*

Повтореніе глагола, какъ фигуральный оборотъ: «Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться черезъ платокъ», кричалъ разсвирѣпѣвшій Чертопхановъ.

«Пропалъ, пропалъ безславно, какъ собака!» говорилъ Тарасъ, стоя надъ трупомъ убитаго сына».

Повтореніе неизмѣняемыхъ частей рѣчи, какъ фигуральные обороты: Господи! давно ли! давно ли, кажется, я отъ купели тебя воспринималъ!» *Щедринъ.*

«Работники ухватили Акима, скрутили ему руки назадъ. «Вишь, вишь», твердилъ въ это время Наумъ». *Тургеневъ.*

«Вотъ, вотъ она, русская граница!» [23])

«Охъ, умираю», проговорила помѣщица, тоскливо разводя руками: Опять, опять эта собака». *Тургеневъ.*

Г. Зелинскій говоритъ, что слова въ предложеніи повторяются въ томъ случаѣ, когда желаютъ съ большей выразительностью высказать какое нибудь понятіе (стр. 20), и такого именно рода слова отдѣляются одно отъ другого запятой. Если же эти повторяемыя слова произносятся съ особеннымъ удареніемъ, тогда они не запятой отдѣляются, но соединяются черточкой (стр. 80).

Мнѣ кажется, что это указаніе г. Зелинскаго не даетъ читателю ничего опредѣленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если мы какое нибудь понятіе желаемъ выразить съ большей силою, то это неизбѣжно отражается на произношеніи. Примѣръ: «Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ

---

[23]) Кстати сравнить это выраженіе со слѣдующимъ: «Вообразится ему, что тундра вотъ-вотъ поглотитъ и тарантасъ, и лошадей, и его самого», гдѣ вотъ-вотъ пишется иначе.

кинжалъ и тихо вышелъ изъ комнаты». У поэта сказано: «тихо тихо вышелъ изъ комнаты». Поэтъ повторилъ слово тихо, конечно, съ тѣмъ, чтобы оттѣнить это понятіе въ ряду другихъ. Неужели вы при чтеніи не произнесете съ большимъ удареніемъ это двойное тихо? Неужели вы тихо тихо произнесете такъ же, какъ произнесли бы одно тихо? Очевидно нѣтъ. Тихо одно само по себѣ вовсе не то, что тихо тихо. Повторяемыя слова всегда произносятся съ большимъ удареніемъ. Тѣмъ болѣе это касается тѣхъ случаевъ, когда слово повторяется два или три раза.—Ласточки улетѣли... «Онъ ужъ въ иной сторонѣ

Далеко, далеко, далеко...

О если бы крылья и мнѣ!»

Неужели слово далеко, повторенное два раза, вы произнесете такъ же, какъ произнесли бы одно далеко? Конечно, нѣтъ. Произношеніе находится въ тѣснѣйшей связи съ внутреннимъ значеніемъ произносимаго слова или выраженія: иначе оно не произведетъ желаемаго впечатлѣнія.

Г. Зелинскій находитъ разницу въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) «А мы васъ ждали ждали ждали» (пишу пока безъ знаковъ повторяемыя слова).

2) «Вѣтеръ что-то удушливъ не въ мѣру,
Въ немъ зловѣщая нота звучитъ,
Все холеру холеру холеру
Тифъ и всякую немочь сулитъ».

Въ одномъ изъ этихъ предложеній, по указанію г. Зелинскаго, слово повторяется для большей выразительности понятія, а въ другомъ произносится съ особеннымъ удареніемъ; въ зависимости отъ этого г. Зелинскій ставитъ знаки.

Я не нахожу разницы въ значеніи повторяемыхъ словъ въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ и полагаю, что въ томъ и другомъ случаѣ знаки должны быть одинаковы. Можетъ быть, я ошибаюсь, но какъ ваше мнѣніе, читатель, гдѣ тутъ надо поставить запятыя и гдѣ черточки?

Жаль, что г. Зелинскій ограничился всего лишь двумя примѣрами. На основаніи двухъ примѣровъ трудно составить отчетливое представленіе о томъ общемъ положеніи, на которое онъ указываетъ. Когда гоголевская городничиха вопитъ, обращаясь къ горничной: «сію минуту возвращайся назадъ!.. слышишь? скорѣе скорѣе скорѣе скорѣе!» То я ужъ знаю, что, по мнѣнію г. Зелинскаго, эти четыре скорѣе должны быть соединены черточкой. Ну, а когда Добчинскій бѣжитъ и кричитъ: «Мишка Мишка Мишка!», неужели это повторяемое слово, произносимое тоже съ особеннымъ удареніемъ, также должно быть соединено черточкой? Нѣсколько необычно. Было бы весьма желательно выслушать мнѣніе и другихъ лицъ по этому вопросу. Да и вообще слѣдовало бы подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ объ употребленіи черточки, какъ единительнаго знака въ словахъ сложныхъ.

З. О—въ.

Одинъ изъ перловъ Пушкинской юбилейной литературы.

Нѣсколько замѣчаній по поводу брошюры Д. Радонежскаго—Пушкинъ.—„Разборъ главнѣйшихъ произведеній, литературное и воспитательное его значеніе. Для учащихся старшаго возраста“. Изданіе второе. СПБ. 1899 г. Ц. 30 к.

Нельзя сказать, чтобы русское общество отнеслось безучастно къ памяти А. С. Пушкина... Довольно обширная юбилейная литература, затронувшая или, вѣрнѣе говоря, старавшаяся затронуть массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ поэта, свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, съ какимъ русское общество можетъ относиться къ именамъ своихъ дѣятелей и къ вопросамъ своего развитія. Пушкинъ своею литературною дѣятельностью оказалъ громадныя услуги русскому просвѣщенію и въ частности русской школѣ, и мы должны быть ему глубоко признательны. Память поэта и его заслуги предъ обществомъ требуютъ отъ насъ, руководителей подрастающихъ поколѣній, проведенія въ сознаніе этихъ поколѣній правильнаго представленія о личности поэта и о его значеніи въ исторіи развитія и русской литературы, и русскаго общества. Цѣль эта лучше всего достигается, конечно, изданіемъ такихъ пособій, которыя могли бы служить для учащихся хорошимъ руководствомъ при прохожденіи ими курса исторіи литературы. Однако, Пушкинская юбилейная литература, затронувшая массу разнообразныхъ вопросовъ, дала очень мало такого матеріала, который могъ бы имѣть непосредственное отношеніе къ педаго-

гической практикѣ, къ вопросу о доступности для изученія Пушкина въ средней школѣ, а между тѣмъ наша педагогическая литература очень нуждается въ хорошихъ работахъ подобнаго рода.

Къ числу такихъ работъ, къ сожалѣнію, нельзя отнести труда г. Радонежскаго, вышедшаго къ юбилею вторымъ изданіемъ, заглавіе котораго мы выписали выше, и который, несомнѣнно, разсчитанъ авторомъ именно на такого рода пособіе для учащихся.

Брошюра г. Радонежскаго, подкупающая своимъ заглавіемъ, составлена такъ небрежно и такъ неудачно, что, собственно говоря, и не должна заслуживать разбора, но въ виду того, что она выходитъ уже вторымъ изданіемъ и, слѣдовательно, пользуется приличной популярностью, мы позволяемъ себѣ предложить благосклонному вниманію читателя, дорожащаго памятью Пушкина и интересами учащихся, нѣсколько замѣчаній по ея поводу и такимъ образомъ показать, насколько авторъ „Пособія для учащихся“ оказался не на высотѣ своей задачи.

Для удобства читателей и въ интересахъ цѣльности и полноты изложенія авторъ разбилъ содержаніе своего труда на восемь отдѣльныхъ главъ. Первая изъ этихъ главъ посвящена „краткимъ свѣдѣніямъ о жизни Пушкина“. Нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ въ этой главѣ, дѣйствительно очень кратки, а изложеніе какъ этой главы, такъ и всего послѣдующаго содержанія брошюры напоминаетъ скорѣе изложеніе ученика пятаго класса, чѣмъ изложеніе болѣе опытнаго автора. Домашнее воспитаніе Пушкина, говоритъ г. Радонежскій, было безъ какого бы то ни было обдуманнаго плана: сначала ходила за нимъ няня, крѣпостная крестьянка Арина Радіоновна, грамотѣ выучила бабушка. А затѣмъ онъ попалъ въ руки гувернера и гувернантки (!?); всѣ уро

ки велись на французскомъ языкѣ (даже и уроки свящ. Бѣликова!). Первыя прочитанныя Пушкинымъ книги изъ домашней библіотеки отца были французскія, и первые стихи написаны Пушкинымъ также по французски. Двѣнадцати лѣтъ Пушкина опредѣлили въ открывшійся Царско Сельскій лицей. Поэтъ учился не блестяще; ему не доставало вниманія, усидчивости, но онъ много читалъ, сотрудничалъ въ рукописныхъ журналахъ, задуманныхъ лицеистами, писалъ стихи. Пушкинъ, будучи въ лицеѣ, принятъ былъ въ домѣ Карамзина, котораго называетъ „стражемъ вѣрнымъ прошлыхъ лѣтъ" (Какое эти два обстоятельства имѣютъ другъ къ другу отношеніе?). По окончаніи курса къ лицеѣ (1817 г.), Пушкинъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію и вполнѣ предался свѣтской жизни. Въ это время написана имъ была (по всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ хотѣлъ сказать: имъ была написана), задуманная еще въ Лицеѣ, первая поэма: „Русланъ и Людмила (1820) (слова Р у с л а н ъ и Л ю д м и л а напечатаны курсивомъ, а союзъ и, соединяющій ихъ, обыкновеннымъ шрифтомъ), а также, продолжаетъ авторъ, писалъ сатирическія стихотворенія (удивительное построеніе предложенія!) Одно изъ нихъ было причиною перевода его (1820 г.) на службу на югъ Россіи. Время (1820—24 г.) Пушкинъ жилъ сначала въ Екатеринославѣ, потомъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, посѣтилъ Кавказъ, Крымъ. Путешествіе и жизнь въ Б е с с а р а б і и доставили ему матеріалъ для поэмъ: „Кавказскій плѣнникъ", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Цыганы" (!??) Возвратившись съ юга, Пушкинъ жилъ (1824—1826 г.) в ъ и м е н і и с в о е м ъ Михайловскомъ (по всѣмъ вѣроятіямъ: въ своемъ имѣніи!) . При вступленіи на престолъ Николая I Пушкину разрѣшено было п р о ж и в а т ь въ обѣихъ столицахъ, и онъ попеременно жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ (1826—1827); (но выше ни

слова не было сказано о томъ, что Пушкину запрещено было проживать въ обѣихъ столицахъ). „...Въ годъ помолвки на Гончаровой (1830), говоритъ авторъ, Пушкинъ поѣхалъ весною въ свое Нижегородское имѣніе и, по случаю холеры, принужденъ былъ тамъ прожить до зимы; здѣсь написаны послѣднія главы (7 и 8) „Онѣгина“ (гдѣ же написаны первыя главы „Онѣгина“, на это авторъ не даетъ никакихъ указаній), „Повѣсти Бѣлкина“, „Скупой Рыцарь“. Въ послѣдній годъ жизни Пушкина часто посѣщало набожное настроеніе (какая часть предложенія – Пушкина—?): плодомъ такого настроенія были (1836) стихотворенія: „Великопостная молитва“, „Памятникъ“.

Что общаго между этими двумя произведеніями? 1837 г. 29 января Пушкинъ скончался.

Вотъ и вся біографія Пушкина.

И коротко, ...но не ясно.

Мудрено, конечно, біографію такой личности, какъ Пушкинъ, представить на трехъ страничкахъ книжки въ восьмую долю листа болѣе содержательно, хотя безусловно можно было бы представить ее болѣе прилично: г. Радонежскому слѣдовало бы отнестись къ своему дѣлу добросовѣстнѣе и вниматальнѣе, а къ самому себѣ нѣсколько строже, и біографическій очеркъ вышелъ бы гораздо удачнѣе, а, слѣдовательно, и полезнѣе для того круга читателей, который имѣлся въ виду авторомъ.

Но перейдемъ ко второй главѣ или статьѣ, не знаю: самъ авторъ не потрудился отмѣтить, что представляютъ изъ себя отдѣльныя изслѣдованія, вошедшія въ составъ его книги.—Глава эта озаглавлена: „Періоды литературной дѣятельности“. Сразу, право, и не смекнешь, о какихъ это періодахъ литературной дѣятельности желаетъ говорить г. Радонежскій; но, сообразивъ, что г. Радонежскій пишетъ вообще о Пушкинѣ, начинаешь догадываться, что, по всѣмъ

вѣроятіямъ, авторъ имѣетъ въ виду періоды литературной дѣятельности Пушкина, а не кого-либо другого. Въ развитіи поэтическаго творчества Пушкина, говоритъ авторъ, обыкновенно отличаютъ три періода (кто это обыкновенно отличаетъ три періода и какихъ?) первый подражательный (1815—1822), къ которому принадлежатъ такъ—называемыя „лицейскія" стихотворенія... Второй періодъ—переходный (1822—1829). Въ первыхъ произведеніяхъ этого періода Пушкинъ хотя является еще какъ ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, но уже „побѣждающій своихъ учителей" и, „по мѣткому выраженію, уже во многомъ обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкинъ" (Оригинальная разстановка кавычекъ!).

Третій періодъ—полной самобытности (1824—1837) начался по возвращеніи Пушкина въ с. Михайловское...

Такимъ образомъ, г. Радонежскій не только очень опредѣленно намѣчаетъ три періода въ общемъ процессѣ умственнаго и поэтическаго развитія поэта, ссылаясь на то, что „въ развитіи поэтическаго творчества Пушкина обыкновенно отличаютъ три періода", но даже находитъ возможнымъ точно указать цыфры годовъ, которыми заканчивалось одно настроеніе поэта и начиналось другое Впрочемъ, цыфры послѣдняго періода поставили насъ втупикъ, такъ какъ предыдущій періодъ отмѣченъ авторомъ годами 1822—1829, а третій начинается 1824-мъ годомъ, заходя такимъ образомъ на цѣлые пять лѣтъ въ предыдущій.

Третья глава брошюры г. Радонежскаго посвящена вопросу о „главнѣйшихъ произведеніяхъ" съ тремя подотдѣлами: лирическія произведенія, эпическія произведенія и драматическія произведенія.

Разбирая лирическія произведенія, авторъ намѣчаетъ четыре основныхъ свойства лирики Пушкина: 1) искренность и задушевность, 2) чистоту чувства, которая

заключается въ томъ, что поэтъ заставлялъ звучать въ душѣ читателей наилучшія струны, какія только могли въ нихъ отзываться. Чувство любви къ женщинѣ въ произведеніяхъ Пушкина, говоритъ авторъ, имѣетъ глубокую серьёзность и чистоту, какой нѣтъ ни у кого изъ поэтовъ...; 3) высшую силу чувства, вдохновенность и 4) образность словеснаго выраженія. Чувство Пушкина, говоритъ авторъ, не расплывается въ смутныхъ очертаніяхъ, а принимаетъ точный, строго опредѣленный, всегда красивый образъ.. Самымъ потаеннымъ движеніямъ души... Пушкинъ придавалъ наглядность картины и т. п.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разборахъ лирическихъ произведеній Пушкина авторъ желаетъ доказать, что поэтъ всегда оставался вѣрнымъ народному чувству (20), что христіанскій идеалъ поэта и русскаго народа былъ одинаковъ (18), что Пушкинъ чтилъ то же, что чтилъ русскій народъ, и любилъ то, что любилъ русскій народъ, доказательствомъ чего служатъ между прочимъ „Великопостная молитва" и стихотворенія историческаго характера. Лица и событія, вдохновлявшія Пушкина, говоритъ авторъ, были предметомъ народныхъ былинъ: Вѣщій Олегъ, Петръ Великій, Екатерининскіе орлы, Отечественная война. Въ стихотвореніи: „Ко гробу Кутузова", Пушкинъ, по замѣчанію автора, является также вѣрнымъ истолкователемъ народнаго сердца: стоя передъ гробомъ Кутузова, каждый русскій подумаетъ то же, что Пушкинъ; но никто такъ не скажетъ, какъ онъ сказалъ (какая прекрасная сравнительная характеристика народности, поэтическаго творчества Пушкина!). Характеризуя грусть Пушкина, которая вообще свойственна природѣ русскаго сердца, авторъ говоритъ: „Грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованьице нѣжной, но слабой души; но всегда грусть души молодой, крѣпкой, и потому глубоко и сильно дѣйствуетъ

на читателя (что за языкъ!): Пушкинъ не расплывается въ грустномъ чувствѣ, но, задумавшись, онъ вдругъ стряхиваетъ головою, какъ левъ гривою (по всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ хотѣлъ сказать—встряхиваетъ), чтобы отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не изгла живая совершенно грусти, даетъ ей какой то освѣжительный и „укрѣпляющій душу характеръ" (стр. 23). Какая великолѣпная картина и сколько поэзіи! Но... только не для учащихся...

На стр. 13 авторъ говоритъ: „рано начавшись, литературная дѣятельность Пушкина съ каждымъ годомъ совершенствовалась, пока ни достигла, къ концу его кратковременной жизни, полной художественной зрѣлости"; на стр. 26 — „поэтическое творчество Пушкина постоянно совершенствовалось; каждое новое произведеніе, сравнительно съ предшествовавшимъ, было крупнымъ шагомъ къ лучшему"... и т. д. На стр. 28 мы читаемъ такое предложеніе: „Въ поэмахъ Байрона, которыя принято называть лиро-эпическими, такъ какъ въ нихъ разсказъ часто прерывается отступленіями, въ коихъ поэтъ то изливаетъ свои личныя чувства, всегда мрачныя и непріятныя относительно людского общества, гдѣ будто бы нѣтъ настоящей добродѣтели, а есть одна ея личина; то восхищается картинами природы, рисуя ихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ". Что же такое дѣлается въ поэмахъ Байрона, и что о нихъ хотѣлъ сказать авторъ, остается неизвѣстнымъ. На стр. 29 г. Радонежскій говоритъ: „Достоинство поэмы (рѣчь идетъ о „Кавказскомъ плѣнникѣ") не въ характерѣ самаго героя, который очеркнутъ (оригинальный, но любимый авторомъ терминъ: его мы встрѣчаемъ также на стр. 27, гдѣ говорится объ удачно очеркнутой, вызывающей смѣхъ, личности хвастуна Фарлафа, затѣмъ на стр. 44, 55, 77) блѣдно, и въ немъ не видать русскаго человѣка, а въ живо-

писныхъ картинахъ природы Кавказа, вѣрномъ очеркѣ быта и нравовъ горцевъ".

Трудно въ краткой библіографической замѣткѣ останавливаться подробно на неправильности такой постановки вопроса о типѣ „плѣнника" и картинахъ кавказской природы —неправильности, которая имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ учебникахъ по исторіи русской литературы, а изъ учебниковъ переходитъ и въ преподаваніе, останавливающее вниманіе учащихся на картинахъ природы и совершенно игнорирующее типъ плѣнника. При всей недостаточности своей обрисовки типъ этотъ, а не картины природы, занимаетъ центральное мѣсто въ поэмѣ: на немъ было сосредоточено все вниманіе поэта, и на его отдѣлку было направлено все усиліе его творческаго таланта. Картины природы вообще играютъ видную роль въ поэзіи Пушкина, но обращая вниманіе на картины природы, не слѣдуетъ упускать изъ вида и болѣе важнаго: изображенія характеровъ и ихъ развитія.

Изученіе какого бы то ни было поэта, а тѣмъ болѣе такого, какъ Пушкинъ, можетъ быть только изученіемъ исторіи развитія его творчества и литературной дѣятельности; всякое другое изученіе не можетъ имѣть мѣста и не приведетъ ни къ какимъ результатамъ. При такомъ, единственно правильномъ, изученіи нельзя выдѣлять изъ общаго процесса развитія поэта одинъ какой либо изъ созданныхъ имъ типовъ и, не считаясь съ исторіей развитія творчества поэта, говорить о томъ, что такой то типъ не заслуживаетъ вниманія, потому что „въ немъ не видать русскаго человѣка". Типъ „плѣнника", о которомъ поэтъ въ письмѣ къ В. П. Горчакову (1821) говоритъ: „я въ немъ (т. е. въ Кавказскомъ плѣнникѣ) хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи

XIX-го вѣка", —типъ этотъ есть одна изъ стадій литературнаго развитія поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ типъ, подготовившій появленіе типа Евгенія Онѣгина,—типъ хотя и не вполнѣ удачный, но совершенно реальный, и при изученіи поэмы: „Кавказскій плѣнникъ", мы обязаны обратить на него особенное вниманіе учащихся, указавъ имъ какъ ту реальную основу, на которой создался этотъ типъ, такъ и его послѣдующее развитіе въ типахъ Алеко и Евг. Онѣгина.

„Полтава", говоритъ г. Радонежскій: „вполнѣ самобытная поэма; съ нея начался періодъ новой литературной дѣятельности Пушкина, когда онъ независимо ни отъ какихъ вліяній, всталъ твердою ногою на пути творчества. Ученики, пользующіеся брошюрой г. Радонежскаго, конечно, усвоятъ это положеніе, и преподаватель, который бы пожелалъ сообщить ученикамъ болѣе правильныя свѣдѣнія о поэтѣ и его развитіи, будетъ уже не въ состояніи освободить учениковъ отъ неправильно усвоеннаго ими положенія и замѣнить его другимъ, болѣе правильнымъ. На стр. 35 мы имѣемъ такую фразу относительно поэмы: „Полтава": „И здѣсь же (т.-е. въ поэмѣ: „Полтава") великій русскій поэтъ въ сіяніи своего могучаго генія, любви къ родинѣ и—боготворимому имъ Великому Петру". На стр. 39 авторъ говоритъ: „романъ („Евг. Он.") изображаетъ картину жизни русскаго общества 20—30-хъ годовъ" и черезъ нѣсколько страницъ повторяетъ то же самое: „Евг. Онѣгинъ", говоритъ онъ: „полная, вѣрная дѣйствительности, художественная картина жизни русскаго общества своего (20—30 хъ годовъ) времени" (стр. 43).

По поводу повѣсти: „Капитанская дочка", г. Радонежскій говоритъ слѣдующее: „Это смиренное величіе маленькихъ людей, коими держалась и держится Русская земля, и коими такъ она, благодареніе Богу! доселѣ была богата, показано на страницахъ повѣсти во всей простотѣ, правдѣ и красотѣ",

Говоря о трагедіи: „Борисъ Годуновъ“ (стр. 59), авторъ особенное вниманіе обращаетъ на то, что, „изучивъ лѣтописи, Пушкинъ глубоко постигъ духъ древняго русскаго иночества: Патріархъ, игуменъ и отецъ Пименъ лѣтописецъ изображены въ трагедіи со всѣми привлекательными свойствами, отличающими наше духовенство: глубокимъ благочестіемъ, простодушіемъ, любовью къ отечеству и преданностью царю“.

На стр. 69 мы встрѣчаемъ такое, безусловно непедагогическое замѣчаніе г. Радонежскаго: „Жидъ Соломонъ выставленъ со всѣми отвратительными качествами своего племени: жадностью къ деньгамъ, лукавствомъ, безсердечностью, трусостью и готовностью, ради наживы, на какую угодно подлость“. Шестая часть изслѣдованія г. Радонежскаго говоритъ объ „общихъ свойствахъ литературной дѣятельности Пушкина“, среди которыхъ намѣчаетъ: 1) истину, благо и красоту, говоря, что „отъ природы геніальный художникъ Пушкинъ любилъ искусство для искусства, поэзію для поэзіи и внѣ ея никакихъ посторонниъ другихъ цѣлей... не имѣлъ въ виду“; 2) многосторонность и разнообразіе творчества (здѣсь повторяется то же самое, что ужъ было сказано на стр 25 и 52); 3) „необыкновенную силу поэтическаго одушевленія“, заключающуюся въ томъ, что „Пушкинъ отдавался весь изображаемому предмету“. См. нѣсколько раньше, стр. 17, гдѣ подъ рубрикой b) сказано: благодаря своей высшей силѣ чувства, вдохновенности... „Пушкинъ отдавался весь затронувшему его сердце предмету“... и т. под.

„Въ произведеніяхъ Пушкина, читаемъ мы на стр. 75, каждая мысль, каждое чувство съ такою полнотою, точностью, ясностью и простотой представляется читателю, съ какою видѣлъ своимъ зоркимъ окомъ самъ поэтъ. Между нимъ и читателемъ не остается ничего недосказаннаго: все

открыто, ясно, понятно"... и т. д.; на стр. 17—„чувство Пушкина не расплывается въ смутныхъ очертаніяхъ, а принимаетъ точный, строго опредѣленный, всегда красивый образъ; въ лирикѣ Пушкина нѣтъ ничего недосказаннаго"... и т. д.

Седьмая часть брошюры посвящена вопросу о „Заслугахъ Пушкина русской литературѣ".

„До него (по всей вѣроятности, до Пушкина), говоритъ авторъ, наша литература свѣтила, какъ луна", а Пушкинъ „самостоятельный русскій народный поэтъ, равный Шекспиру, Шиллеру и другимъ первоклассньмъ европейскимъ писателямъ... Въ отношеніи къ предшествовавшимъ русскимъ писателямъ Пушкинъ то же, что Волга къ своимъ притокамъ... Наша литература послѣ Пушкина есть не что иное, какъ развитіе и продолженіе Пушкина (вѣрнѣе говоря, литературной дѣятельности Пушкина)... Пушкинъ навсегда завершилъ образованіе нашего литературнаго языка (не дай Богъ, если развитіе русскаго языка остановится навсегда на той ступени развитія, на какую поставилъ его Пушкинъ)... Русскій языкъ, благодаря Пушкину, по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы теперь признается даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго". (Вотъ такъ языкъ! слѣдуетъ, несомнѣнно, развивать въ учащихся любовь къ родному слову, но не въ такой же грубой формѣ, какъ это дѣлаетъ г. Радонежскій!).

Девятая и послѣдняя часть изслѣдованія г. Радонежскаго разсматриваетъ вопросъ о „Воспитательномъ значеніи произведеній Пушкина".

...Въ сочиненіяхъ Пушкина, говоритъ авторъ, оставлены полезнѣйшіе уроки, и мы обязаны внимать имъ, какъ драгоцѣнному завѣту, и прежде всего уроки набожности и чистой нравственности. На стр. 83 опять повторяются раз-

сужденія по поводу „Великопостной молитвы“, „Пророка“ и св. Димитрія Царевича, о которомъ говорится въ трагедіи: „Борисъ Годуновъ“.

„Нетлѣнный типъ инока лѣтописца, отысканный Пушкинымъ (до сихъ поръ мы привыкли такъ выражаться только о мощахъ св. угодниковъ и другихъ предметахъ святого почитанія), имъ изваянный и поставленный предъ нами навѣки (оказывается, что нетлѣнный типъ инока лѣтописца не отысканъ Пушкинымъ, а изваянъ имъ), поучителенъ, какъ примѣръ самоотверженнаго подвижничества во имя беззавѣтной любви русскаго народа къ своей вѣрѣ, родинѣ и ея минувшимъ судьбамъ“ (См. по этому поводу также нѣсколько выше на стр. 61). Говоря о значеніи Пушкина, какъ воспитателя патріотическихъ чувствъ, авторъ патріотизму противопологаетъ „оторванность отъ родной почвы высшаго русскаго общества“ и космополитизмъ. Онѣгинъ служитъ „доказательствомъ того, что космополитъ—лицо безполезное, пошлое, ибо не имѣющее своей собственной народной физіономіи“... и т. п.

Вотъ и все, что даетъ намъ, какъ „пособіе для учащихся“, трудъ г. Радонежскаго.

Если г. Радонежскій, составляя свою брошюру и тѣмъ болѣе выпуская ее вторымъ изданіемъ, имѣлъ въ виду тотъ кругъ читателей, о которомъ онъ говоритъ на первой страницѣ своего труда, то онъ долженъ бы былъ также подумать и о той нравственной отвѣтственности, какую беретъ на себя, давая ученикамъ такія представленія о Пушкинѣ, котораго онъ самъ же называетъ общимъ нашимъ Учителемъ,—представленія, далеко не соотвѣтствующія задачамъ изученія исторіи русской литературы.

Н. Державинъ.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1900 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III выпуска.

„Критонъ" или: „Объ обязанностяхъ гражданина"— этическій діалогъ Платона (окончаніе)—переводъ—*С. В. Мышецкаго.*

Одно мѣсто въ „Поученіи" Мономаха"—профессора *А. И. Соболевскаго.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній: „Нива"—А. Майкова, „Три пальмы" и „Вѣтка Палестины"—Лермонтова и „Подражаніе псалму XIV"—Языкова—*К. В. Ельницкаго.*

Нужна ли буква „ять?"—*Д. Н. Ѳомина.*

Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ существованія буквы „Ѣ" въ русской азбукѣ—*С. Н. Прядкина.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ" въ 1901 году.

Очеркъ изъ исторіи европейской драмы (продолженіе)—*А. А. Чебышева.*

Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи—*Н. М. Гальковскаго.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ—*Н. В. Шеметовой.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (продолженіе)—*И. И. Замотина.*

А. Н. Майковъ, какъ поэтъ—*В. П. Брюханова.*

Ученые труды Л. Н. Майкова—*Н. Н. Вакуловскаго.*

О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ—*Д. А. Никольскаго.*

Уроки объяснительнаго чтенія: разборъ басенъ Крылова—*Д. Н. Ѳомина.*

Объяснительное чтеніе нѣкоторыхъ басенъ и стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для приготов. кл. средн. учеб. завед. и низш. школъ—*М. М. Львова.*

Объявленія.

При этой книгѣ прилагается „Указатель" статей „Ф. З." за 13 лѣтъ.

Содержаніе VI выпуска.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1901 г.

Содержаніе I—II выпусковъ

Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова— *Н. К. Рамзевича.*

Вѣнокъ на могилу А. А. Хованскаго.

Содержаніе I—VI в.в. „Филологическихъ Записокъ" за 1900 г.

Содержаніе III выпуска.

Звуки и рѣчи, какъ результаты работъ органовъ— *С. С. Рогозина.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе) *Н. В. Шеметовой.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*Н. Н. Щукина.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ—*В. М. Гуссова.*

Славянскія извѣстія—*А. І. Степовича.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для старшаго отдѣленія приготов. классовъ средн. учебн. завед. и вообще для школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія. (продолженіе)— *М. М. Львова.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ" въ 1902 году.

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ".

Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ"—Гомера)—*І. М.*

Содержаніе VI выпуска.

Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы (окончаніе)—*И. Н. Щукина.*

Воспоминанія объ Алексѣѣ Андреевичѣ Хованскомъ (продолженіе будетъ)—*С. Н. Брайловскаго.*

Эпитеты въ русскихъ былинахъ (продолженіе) - *П. Д. Первова.*

Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ (окончаніе будетъ)—*Н. Ѳ. Бунакова.*

Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средней школы по русскому языку и словесности (окончаніе)—*В. М Гуссова.*

Кто придумалъ слово „временщикъ"?—*А. Г. Суровцева.*

По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія (окончаніе будетъ)—*З. О—ва.*

П. Житецкій. „Теорія поэзіи" Кіевъ. 1898 г.—*А. П. Флёрова.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ (продолженіе)—*М. М. Львова.*

Матеріалы для словаря Пушкинскаго прозаическаго языка (продолженіе будетъ)—*В. А. Водарскаго.*

Содержаніе I—VI выпусковъ «Филол. Записокъ» за 1900 и 1901 г.г.

Объявленія.

Вновь поступившіе въ продажу оттиски статей и научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ".

Прядкинъ С. Н. Памяти А. Д. Хованскаго; I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его. II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна (съ пересылкой) брошюры съ портретомъ 50 к., безъ портрета 40 к., на лучшей бумагѣ съ портретомъ 65 к.

Вся выручка отъ продажи этой брошюры предназначена на увеличеніе фонда имени А. А. Хованскаго.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)". Цѣна съ перес. 10 к., безъ перес. 7 к. 1899 г.

„Памяти А. С. Пушкина". Цѣна съ перес. 20 к., безъ пер. 15 к. 1899 г.

„Памяти Ивана Саввича Никитина". Ц. съ перес. 30 к, безъ пер. 25 к. 1899 г.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки" (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). Ц. съ пер. 25 к., безъ перес. 20 к. 1899 г.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки" (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина" и др.) Ц. съ пер. 25 к. безъ пер. 20 к. 1899 г.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ". Ц. съ пер. 10 к., безъ пер. 7 к. 1899 г.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту буквы „ять" 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

В. М. Г. Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Будде Е. Ѳ. проф. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Барсовъ А. В. „Живое Слово" для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческій очеркъ. 1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. Ц. 20 к. съ перес.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Романовскій В. Е. Объ отношеніи географіи и исторіи къ преподаванію словесности. 1895 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Ѳоминъ. Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ — *для* списыванія). Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Рамзевичъ Н. К. 1) Правильное производство слова „человѣкъ". 2) Замѣтка о словѣ „Русь" *одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. и допущены въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.* Ц. съ пер. 15 к.

1) Правильное производство слова „человѣкъ", 2) замѣтка о словѣ „русь" 3) къ объясненію выраженія въ словѣ о полку Игоревѣ „дорыскаше до куръ тмуторокане" 1899 г. Ц. 20 к. съ пер.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Смѣльницкій И. Н. А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. 1899 г. Ц. 25 к. съ пер. 35 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 20 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ“ Гёте. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

П. К. Г. Темы испытаній зрѣлости по рус. языку предложенныя въ учебныхъ Округахъ М. Н. Пр. въ 1894 по 1897 годъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Мыщецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина“—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

И. Д. Четыркинъ. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук Ѣ. Третье исправл. изд. *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Цѣна съ перес. 30 к.

К. В. Ельницкій. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ 16 №№. 1901 г. Цѣна съ перес. 60 к.

Д. Н. Ѳоминъ. Уроки объяснительнаго чтенія. 1901 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Д. Н. Ѳоминъ. Затруднительные случаи русскаго правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 25 к.

Проф. Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія. Цѣна съ перес. 30 к.

А. А. Чебышевъ. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. Цѣна съ перес. 70 к.

Д. А. Никольскій. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

И. И. Замотинъ. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. 1900 г. Цѣна съ перес. 50 к.

„Указатель" статей напечатанныхъ въ „Фил. Зап." за 13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. Цѣна съ пер. 25 к.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

1) Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. заведеній, 3) Совѣтомъ женскихъ учеб. заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ; 5) на Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Комиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ и 6) журналъ рекомендованъ (отъ 8 апр. 1902) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для пріобрѣтенія въ фундамент. библіотеки Коммерческихъ учебныхъ заведеній.

ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ II—III.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ II—III ВЫПУСКОВЪ.

О ПОДПИСКѢ
на
„ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ"

42-й годъ изд. въ 1902 году, **42-й годъ изд.**

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За изданіе журнала: «Филологическія Записки» редактору А. А. Хованскому на Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

„Филолологическія Записки" издаются безъ предварительной цензуры.

Журналъ «Филол. Зап.» вступая въ 42-й годъ своего существованія, по прежнему остается вѣренъ своимъ задачамъ, неуклонно преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала «Ф. З.» открыты для каждаго желающаго внести свою посильную лепту въ общую сокровищницу, высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Много разъ въ редакцію поступали отъ признательныхъ преподавателей письменныя заявленія, свидѣтельствующія, что «Ф. З.» служатъ необходимой настольной книгой, руководящей ихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много было и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о журналѣ, давно ставшимъ популярнымъ въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, находятся еще и до сихъ поръ лица, по недоразумѣнію, придающія слишкомъ одностороннее научное значеніе «Ф. З.», судя по его заглавію, и тѣмъ болѣе прискорбно, что изъ числа ихъ есть лица, принадлежащія къ учебной корпораціи. Такія лица судятъ о журналѣ по одному его названію, не взглянувъ даже на оглавленіе статей, въ числѣ которыхъ есть много интереснаго и поучительнаго. Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ журнала, редакція охотно высылаетъ по требованію безплатно каталогъ статей, помѣщенныхъ въ «Ф. З.». Кромѣ того, желая принести

посильную пользу педагогамъ, редакція предлагаетъ имъ свое изданіе по уменьшенной цѣнѣ.

Господъ начальствующихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ не безызвѣстно, что «Ф. З.» одобрены и рекомендованы высшими Учрежденіями къ пріобрѣтенію въ библіотеки учебныхъ заведеній, контора «Ф. З.» покорнѣйше проситъ заблаговременно сдѣлать должное распоряженіе о подпискѣ на журналъ для ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній.

Журналъ: «Фил. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16-ти листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ Редакціи журнала «Фил. Зап.», Старо-Московъ. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20 й.

Въ Редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),— за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.

2) Оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Каталогъ этихъ брошюръ по требованію высылается безплатно.

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» 40 к. съ перес. Скоро будетъ напечатанъ «Указатель» и за послѣдніе годы.

Условія для книгопродавцевъ: «Филолог. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. высылаются за **6** р. **20** к. съ пер., за 1899, 1900 и 1901 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15%**.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣд.: за цѣлую страницу—10 р., 1/2 страницы—5 р., 1/4 страницы—3 р., 1/8 стран.—2 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ и**
Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

***) Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—уголъ Богоявлен. и Воскресен. ул., д. Епифанова.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изд. журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы
А. А. Хованскаго.

Вѣнокъ на могилу Гоголя въ пятидесятую годовщину его смерти *).

I.

1852 г. 21 февраля, около 8 часовъ утра, послѣ продолжительныхъ физическихъ и душевныхъ страданій, скончался одинъ изъ величайшихъ писателей первой половины XIX в., Николай Васильевичъ Гоголь. Слава его литературной дѣятельности не только не померкла вмѣстѣ съ угаснувшей жизнью писателя, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все большимъ ореоломъ окружала его имя. Сегодня мы собрались здѣсь, чтобы помянуть добрымъ словомъ высоко плодотворную дѣятельность этого писателя, который украсилъ своими безсмертными твореніями блестящія страницы исторіи родной литературы 30-хъ и 40-хъ годовъ, и священный огонь музы котораго еще и въ наши дни продолжаетъ горѣть въ разныхъ произведеніяхъ современной намъ изящной литературы.

«Годъ рожденія Гоголя точно не установленъ»: быть-можетъ, таковымъ нужно считать 1809 г., возможно же, что—1810. Мѣсто рожденія—с. Сорочинцы Миргородскаго уѣзда Полтавской губ. Дѣтство Гоголь провелъ въ Васильевкѣ, селѣ того же уѣзда. Родители его принадлежали къ числу тѣхъ малорусскихъ помѣщиковъ, простой и незатѣйливый бытъ которыхъ впослѣдствіи великій писатель описалъ въ нѣсколькихъ

*) Рѣчь, читанная въ **, съ нѣкоторыми измѣненіями. Цитаты и буквальныя заимствованія вообще отмѣчены кавычками.

своихъ произведеніяхъ изъ малороссійской жизни. Мѣсто своего рожденія Гоголь также прославилъ своей всѣмъ извѣстной повѣстью («Сорочинская ярмарка»), а садъ въ Васильевкѣ, находившійся при домѣ отца и существующій до настоящаго времени, воспроизвелъ, какъ говорятъ, въ своемъ знаменитомъ описаніи сада Плюшкина въ «Мертвыхъ душахъ». 11-ти лѣтъ отъ роду Гоголь на короткое время поступаетъ въ Полтавскую гимназію, а вслѣдъ за тѣмъ отецъ его опредѣляетъ въ только что открывшуюся тогда «гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ». Здѣсь будущій писатель учился въ продолженіе 7 лѣтъ, возвращаясь подъ родительскій кровъ лишь на каникулярное время. Такимъ образомъ дѣтство и ранняя юность великаго писателя протекли среди роскошной, поэтической природы южной Россіи. Въ юной душѣ будущаго поэта запечатлѣлись яркія картины этой природы, начиная съ необъятныхъ южнорусскихъ степей и кончая образомъ величественной рѣки, омывающей высоты первопрестольнаго города древней Руси. Любопытно отмѣтить, что это въ общемъ все тѣ же впечатлѣнія, какія вдохновляли еще музу древнѣйшаго нашего поэта, знаменитаго пѣвца Игорева похода (Вспомнимъ величественный образъ Днѣпра Словутича, и Донца, «разстилавшаго передъ Игоремъ зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ», а также описаніе природы южныхъ степей).

Возвращаясь къ школьному періоду жизни Гоголя, мы прежде всего должны упомянуть объ отношеніи его къ родителямъ,—всегда тепломъ, сердечномъ, почтительномъ; затѣмъ, нѣсколько остановимся на самой гимназической жизни. Гоголь не принадлежалъ къ числу учениковъ хорошихъ, хотя по нѣкоторымъ предметамъ и оказывалъ блестящіе успѣхи. Такъ, онъ особенно по-

любилъ исторію и литературу, занятіямъ которыми и посвящалъ большую часть своего времени. Кромѣ того, Гоголь любилъ рисовать и особенную страсть питалъ къ театральнымъ представленіямъ. Благодаря его почину, нѣжинскіе гимназисты часто разыгрывали доступныя имъ исполненію пьесы. Будущій авторъ «Ревизора» участвовалъ въ исполненіи послѣднихъ и очень искусно игралъ роль Простаковой въ «Недорослѣ» Фонвизина и няни Василисы въ комедіи Крылова: «Урокъ дочкамъ». Нужно имѣть въ виду, что Гоголь познакомился со сценой еще въ домѣ родителей; именно отецъ его былъ авторомъ нѣсколькихъ малорусскихъ комедій, которыя онъ ставилъ на сценѣ въ домѣ своего родственника не женѣ, извѣстнаго малороссійскаго «магната» Трощинскаго. Домъ послѣдняго, по выраженію одного писателя, представлялъ своего рода «Аѳины временъ Гоголева отца». Кромѣ того, комедіи Василія Аѳанасьевича, нѣкоторыя выраженія изъ которыхъ его знаменитый сынъ помѣстилъ въ видѣ эпиграфовъ въ своихъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни, нужно считать однимъ изъ главныхъ источниковъ вдохновеній Гоголя при изображеніи комическихъ эпизодовъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Въ Нѣжинской гимназіи, какъ и въ царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ воспитывался Пушкинъ, среди учениковъ существовалъ большой интересъ къ литературѣ. И здѣсь издавался ученическій журналъ. Онъ возникъ, опять-таки благодаря почину со стороны Гоголя, носилъ названіе «Звѣзда», редактировался и издавался все тѣмъ же Гоголемъ, который такимъ образомъ уже на школьной скамьѣ сталъ пробовать силу своихъ литературныхъ дарованій. Какъ и всѣ писатели на зарѣ своей дѣятельности, будущій юмористъ началъ съ подражанія

чужимъ образцамъ. Если припомнить, что дѣло происходило въ 20-хъ г.г. прошлаго вѣка, то не трудно догадаться, что это должны были быть главнымъ образомъ произведенія, написанныя высокимъ слогомъ и сентиментально-романтическаго направленія. Однако комическій талантъ Гоголя проявилъ себя уже въ школѣ: извѣстно, что «таинственный карла» (такъ прозвали Гоголя его товарищи за проявлявшуюся въ немъ скрытность) написалъ, напр., сатиру на жителей города Нѣжина, въ которой довольно зло посмѣялся надъ различными слабостями нѣжинскихъ обывателей.

Гоголь уже на школьной скамьѣ сталъ задумываться надъ такими серьезными вопросами, какъ служеніе обществу, государству и даже человѣчеству. Чувствуя въ себѣ присутствіе недюжиннаго таланта, юноша-гимназистъ сталъ мечтать о великой роли, какую, какъ онъ вѣрилъ, готовитъ ему судьба. Такого рода мысли и были причиной того, что Гоголь уже въ гимназіи рѣшилъ искать широкаго поля для своей дѣятельности: такимъ полемъ ему представлялась служба въ Петербургѣ. И вотъ, окончивши курсъ и отдохнувши нѣкоторое время въ родномъ селѣ, Гоголь зимой 1828 г. ѣдетъ въ славный градъ Петра. Будущее рисуется молодому человѣку въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ; онъ вѣритъ въ свою счастливую звѣзду. Первое время однако Гоголю пришлось нѣсколько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: сначала онъ вовсе не могъ найти службы, потомъ долженъ былъ довольствоваться весьма скромной должностью въ одномъ изъ департаментовъ. Въ это же время онъ издаетъ свое первое произведеніе: «Гансъ Кюхельгартенъ». Это была идиллія—поэма, которую Гоголь началъ писать еще въ гимназіи, и которая вскорѣ послѣ своего выхода въ свѣтъ была предана огню

самимъ авторомъ, какъ неудачное и неполнѣйшее недостатковъ произведеніе. Въ 1830-мъ г. Гоголь печатаетъ свою первую повѣсть: «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы». Авторомъ ея заинтересовывается Жуковскій, этотъ добрый геній начинающихъ писателей, а вслѣдъ за нимъ и самъ великій Пушкинъ. Въ это же время Гоголь получаетъ мѣсто учителя исторіи въ младшихъ классахъ женскаго Патріотическаго Института въ Петербургѣ, занимается съ дѣтьми нѣсколькихъ аристократическихъ семействъ, какъ домашній учитель; вообще увлекается педагогической дѣятельностью. Мы не можемъ пройти молчаніемъ того теплаго, сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи, которымъ такъ отличался Гоголь. Онъ не разъ затрогивалъ въ своихъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ педагогическіе вопросы, вывелъ рядъ типовъ современныхъ ему воспитателей дѣтей и юношества, наконецъ, сдѣлалъ попытку набросать характеристику идеальнаго педагога, въ лицѣ наставника Тентетникова, Александра Петровича. Не однажды Гоголь и матеріально помогалъ учащейся молодежи.

Въ 1831—32 г.г. вышли въ свѣтъ знаменитые «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Они имѣютъ большое историко-литературное значеніе, особенно потому, что появились раньше болѣе значительныхъ прозаическихъ произведеній Пушкина. Вообще необходимо имѣть въ виду, что русская читающая публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели (болѣе близко) «познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ». Въ «Вечерахъ» обнаружился уже Гоголевскій юморъ, ярко очерченъ рядъ типовъ изъ малорусской дѣйствительности («безпечный мужъ», «сварливая баба», дьячокъ, цыганъ и др.); въ

изображеніи природы замѣтно выступаетъ глубокій лиризмъ. Замѣчательный юморъ и яркость красокъ при изображеніи народной жизни, къ которой тогда пробудился значительный интересъ въ литературѣ, представляли въ то время нѣчто невиданное и совершенно новое, такъ что сразу на начинающаго писателя обратили серьезное вниманіе такіе цѣнители литературныхъ произведеній, какъ Пушкинъ и Жуковскій.

Возвращаюсь къ педагогической дѣятельности Гоголя. Въ институтѣ преподавалъ онъ въ высшей степени увлекательно и своими чудными разсказами очаровывалъ слушательницъ, навсегда сохранившихъ самыя теплыя воспоминанія о своемъ «добромъ, снисходительномъ учителѣ», какъ онѣ его называли. Въ 1833 г., помимо уроковъ въ институтѣ, Гоголь получаетъ каѳедру исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Но великій поэтъ не былъ рожденъ для кропотливой научной дѣятельности: ни для науки, которую преподавалъ приблизительно два года, ни для своихъ слушателей ровно ничего не сдѣлалъ такого, что бы оставило по себѣ сколько-нибудь замѣтный слѣдъ. Гоголь и самъ чувствовалъ, что его влечетъ къ иной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы готовиться къ лекціямъ, онъ съ юношескимъ пыломъ работаетъ надъ рядомъ повѣстей изъ малороссійской жизни и исторіи, интересуется и жизнью столицы, изображенію которой и посвящаетъ нѣсколько своихъ произведеній («Шинель», «Женитьбу», «Записки сумасшедшаго» и др.). Въ 1835 г. Гоголь теряетъ уроки въ институтѣ и навсегда покидаетъ профессорскую дѣятельность.

Въ этотъ періодъ своей петербургской жизни Гоголь вращается въ избранномъ кругу тогдашнихъ литераторовъ. Въ живомъ общеніи съ выдающимися пи-

сателями того времени и особенно съ Пушкинымъ Гоголь задумалъ и частью окончилъ, частью только началъ всѣ наиболѣе прославившія его имя произведенія. Интересно отмѣтить то, что и безсмертная комедія: «Ревизоръ», и неподражаемая поэма: «Мертвыя души», приняли литературное крещеніе отъ самого Пушкина, который далъ Гоголю сюжеты для обоихъ названныхъ произведеній. Въ живыхъ, задушевныхъ бесѣдахъ съ творцомъ «Полтавы» и «Евгенія Онѣгина» сложилось у Гоголя и то представленіе о высокомъ призваніи писателя-художника, которое потомъ всю жизнь служило путеводной звѣздой для знаменитаго русскаго юмориста.

19-го апрѣля 1836 г. «Ревизоръ» былъ сыгранъ на Петербургской сценѣ. На публику комедія произвела впечатлѣніе ошеломляющее: ничего подобнаго русская сцена до того времени не знала. Пьеса соединяла въ себѣ невиданный дотолѣ реализмъ изображенія съ замѣчательной художественностью отдѣлки и неподражаемымъ комизмомъ. Правда, незадолго передъ тѣмъ русское общество познакомилось съ знаменитою комедіею Грибоѣдова, но не всѣмъ она нравилась; а Чацкій многимъ, въ томъ числѣ и Пушкину, напоминалъ нѣчто въ родѣ ходульной фигуры Стародума въ комедіи Фонвизина: «Недоросль».

Однако голоса хулителей великой комедіи на первыхъ порахъ заглушили восторженные отзывы истинныхъ цѣнителей произведенія, среди которыхъ находился и самъ императоръ Николай Павловичъ. На автора посыпались обвиненія съ разныхъ сторонъ, особенно изъ лагеря тѣхъ лицъ, которыя узнали въ комедіи самихъ себя или близкихъ имъ по характеру дѣятельности людей. Чтобы стряхнуть съ себя всю эту грязь незаслуженныхъ нападокъ и обвиненій и найти душевное успо-

коеніе, Гоголь отправляется путешествовать за границу; побывавъ въ разныхъ городахъ Западной Европы, великій писатель надолго поселяется въ Римѣ. Его художническая натура сильно плѣнялась вѣчнымъ городомъ, и Гоголь сталъ называть Италію второю родиною своею. Три первые года въ Римѣ были «самымъ свѣтлымъ, самымъ блестящимъ» періодомъ жизни творца «Мертвыхъ душъ»; тогда еще не успѣли развиться у Гоголя физическіе недуги; приступы душевной тоски также еще не давали себя чувствовать; онъ съ успѣхомъ работалъ надъ созданіемъ своей великой поэмы, упиваясь тѣми высоко эстетическими наслажденіями, которыя доступны лишь геніальнымъ художническимъ натурамъ. Возвратившись въ 1839 г. ненадолго въ Россію, Гоголь покидаетъ ее снова, чтобы подъ небомъ Овидія и Данта окончить I томъ своихъ «Мертвыхъ душъ». Работа теперь шла ужъ не такъ успѣшно, мелькали уже по временамъ дни скорби и матеріальной нужды. Послѣ окончанія поэмы въ 1841 г., для Гоголя снова «блеснули красные дни», къ нему возвратилось прежнее жизнерадостное настроеніе духа, но затѣмъ, чтобы ужъ навсегда покинуть «великаго меланхолика», какъ называлъ однажды Гоголя геніальный сердцевѣдъ Пушкинъ, какъ бы прозрѣвши будущую судьбу автора веселыхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему десятилѣтію жизни Гоголя, скажемъ нѣсколько словъ о «Мертвыхъ душахъ». Какъ уже упомянуто, сюжетъ поэмы далъ Гоголю Пушкинъ. Насколько можно догадываться по отрывочнымъ признаніямъ самого автора поэмы, Пушкинъ разсчитывалъ въ произведеніи послѣдняго увидѣть нѣчто въ родѣ знаменитаго творенія Сервантеса. Замѣчательно то, что въ этомъ отношеніи прозорливецъ-поэтъ не

ошибся: первый томъ поэмы и по юмору, и по глубинѣ психологической правды, и по литературному значенію имѣетъ точки соприкосновенія съ безсмертнымъ «Донъ-Кихотомъ». Гоголь однако съ теченіемъ времени задумалъ измѣнить тонъ творчества, принятый имъ въ началѣ поэмы. Онъ вообще сталъ впослѣдствіи нѣсколько пренебрежительно относиться къ пріемамъ и характеру творчества своихъ сатирическихъ произведеній. Передъ нимъ, какъ идеалъ, сталъ носиться образъ поэта-отшельника, художника и вмѣстѣ религіознаго подвижника, а образцомъ для подражанія въ области поэзіи, повидимому, стала служить знаменитая «Божественная комедія» Данта. По мысли Гоголя, «мертвая душа» героя поэмы первой части, соотвѣтствующей «Аду» Данта, должна была во второй части пройти горнило нравственнаго очищенія («Чистилище» Данта) и, наконецъ, окончательно духовно очиститься и воскреснуть (у Данта «Рай»). Небезынтересно кстати упомянуть о томъ, что подобный же планъ лежитъ въ основаніи того знаменитаго «Воскресенія», съ которымъ русская литература перешла рубежъ, отдѣляющій XIX в. отъ XX-го. 1-ую часть своей великой поэмы Гоголь сталъ теперь называть «ничтожнымъ крыльцомъ къ великолѣпному строящемуся дворцу». Такимъ образомъ знаменитые типы Манилова, Собакевича, Ноздрева, Коробочки и тому подобныхъ—должны были, по мысли Гоголя, совершенно поблѣднѣть передъ яркими образами иныхъ типовъ, типовъ положительныхъ, которые служили бы для всякаго русскаго человѣка путеводными свѣточами на жизненномъ пути. Въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому, съ которымъ Гоголь продолжалъ поддерживать самыя дружескія отношенія, послѣдній говоритъ, что его уже «давно занимала мысль большого сочиненія, въ кото-

ромъ бы предстало все, что ни есть хорошаго и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы передъ нимъ свойство нашей русской природы». «Мертвыя души» должны были сыграть для русскаго самосознанія ту же роль, какую сыграли, напр., въ свое время Гомеровы поэмы для самосознанія эллинскаго народа. Какъ извѣстно, столь широко поставленная задача не была выполнена Гоголемъ. Онъ самъ оставался не доволенъ результатами своей работы, и дважды сжигалъ II томъ своего великаго произведенія, почему до насъ дошли лишь жалкіе остатки его въ черновыхъ рукописяхъ.

Необходимо отмѣтить то обстоятельство, что съ 1842 г., года изданія I тома «Мертвыхъ душъ», Гоголь не создаетъ уже болѣе никакихъ «творческихъ плановъ». «Мертвыя души»—его послѣднее «поэтическое дѣтище»; созданію II тома поэмы онъ посвящаетъ проблески своего постепенно угасающаго художническаго вдохновенія. Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ почти сплошь тяжелые годы физическихъ недуговъ и душевныхъ страданій. Мы не будемъ останавливаться на этихъ печальныхъ страницахъ его біографіи: укажемъ только на то, что нравственныя страданія великаго писателя были слѣдствіемъ глубокой чувствительности его натуры и результатомъ его слишкомъ широкихъ замысловъ, съ одной стороны, и невозможности ихъ осуществить, съ другой; кромѣ того, и обстоятельства личной жизни поэта складывались весьма неблагопріятно.

Подобно Пушкину, позднѣе Достоевскому и нѣкоторымъ другимъ писателямъ-поэтамъ, Гоголь въ послѣдній періодъ своей литературной дѣятельности выступилъ въ роли учителя жизни не только, какъ авторъ произведеній изящнаго слова, но и какъ публицистъ. Задачи художника у него отступили какъ бы на задній планъ;

и на первое мѣсто выдвинулись вопросы религіозные, нравственные, общественные.

Уже давно, въ годы гимназической жизни, въ переписке съ матерью, а затѣмъ въ продолженіе всей остальной жизни—въ переписке съ друзьями—великій писатель дѣлился со своими корреспондентами мыслями по выше упомянутымъ вопросамъ. Въ 1846 г. онъ рѣшается выступить съ этими мыслями передъ русскимъ обществомъ и выпускаетъ въ свѣтъ сборникъ статей подъ заглавіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Въ этихъ статьяхъ Гоголь является глубоко вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, проповѣдникомъ нравственнаго усовершенствованія человѣка на религіозной основѣ и идейнымъ приверженцемъ существующаго общественнаго и государственнаго порядка. Такъ какъ эта книга большинствомъ публики была понята не такъ, какъ желалъ того писатель, то послѣдній нашелъ нужнымъ высказаться яснѣе и откровеннѣе, такъ сказать, раскрыть передъ читателями свою душу, и вотъ онъ пишетъ «Авторскую исповѣдь». Это произведеніе, въ ряду другихъ подобнаго рода, отличается тѣмъ, какъ выражается его біографъ, что носитъ на себѣ слѣды глубокихъ душевныхъ ранъ автора, причиненныхъ ему многострадальной жизнью; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно проливаетъ свѣтъ на исторію развитія творчества Гоголя и на характеръ его писательской и духовной личности. Вслѣдъ за выходомъ «Исповѣди», въ началѣ 1843 г., Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Это паломничество было осуществленіемъ давнишней мечты писателя. Изъ Іерусалима Гоголь возвращается въ Россію. Онъ «поселился въ Москвѣ, откуда по временамъ выѣзжалъ въ Калужскую губернію, въ имѣніе Смирновой», близкой ему по убѣжденіямъ и

чувствамъ особы,—«въ Малоросію и Одессу». Недуги начинаютъ сильнѣе одолѣвать писателя; «душевная бодрость», чѣмъ дальше, тѣмъ больше «угасаетъ». Роковая развязка быстро приближалась, и неумѣлое лѣченье тогдашнихъ врачей, ихъ неосторожное обращеніе съ паціентомъ ускорили наступленіе конца. 21-го февраля великаго писателя не стало; съ предсмертными загадочными словами: «лѣстницу, лѣстницу», Гоголь отошелъ въ вѣчность.

II.

Какое же наслѣдство оставилъ этотъ многострадальный писатель родной литературѣ, которой онъ всегда служилъ «вѣрой, правдой и силой»? Этотъ вопросъ едва ли не самый запутанный и самый трудный въ исторіи русской литературы XIX вѣка. Наши критики еще не пришли къ окончательному соглашенію относительно разграниченія областей вліяній на исторію новѣйшей русской литературы Пушкина и Гоголя. Въ то время, какъ одни называютъ Гоголя отцомъ текущаго литературнаго направленія, другіе отводятъ ему мѣсто лишь послѣдователя Пушкина, котораго одного и ставятъ во главѣ новѣйшей литературы. Изъ массы разнорѣчивыхъ взглядовъ по этому вопросу мы постараемся извлечь лишь то, что, по нашему разумѣнію, менѣе всего можетъ считаться спорнымъ, и, гдѣ понадобится, укажемъ на факты, которые въ нашихъ глазахъ заслуживаютъ вниманія при рѣшеніи вопроса.

Уже самая возможность спора относительно того, кого изъ двухъ писателей слѣдуетъ ставить во главѣ текущаго направленія литературы, указываетъ на совмѣстную работу обоихъ писателей въ дѣлѣ созданія этого направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый бѣглый про-

смотръ литературныхъ именъ минувшаго столѣтія долженъ быть признанъ характернымъ въ томъ отношеніи, что онъ приводитъ къ заключенію о существованіи рѣзкой грани между двумя подчасъ враждебными лагерями: Майковъ, Фетъ, Полонскій.... и, съ другой стороны, Некрасовъ, Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій.... пусть попробуетъ какой-либо Аристархъ свести обѣ литературныя группы къ одному и тому же роднику вдохновившей ихъ поэзіи! Мало того: есть писатели, которые, если принять во вниманіе ихъ собственныя показанія по интересующему насъ вопросу и, съ другой стороны, въ противовѣсъ этимъ послѣднимъ, просмотрѣть отзывы критики, должны оказаться какъ бы сидящими между двухъ стульевъ (таковы: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій...). Послѣ этого краткаго вступленія перехожу къ изложенію своего взгляда на вопросъ.

За Пушкинымъ остается несомнѣнное преимущество старшинства, какъ за писателемъ, выступившимъ на литературное поприще еще до поступленія Гоголя въ гимназію. Ему же принадлежитъ та заслуга, что онъ «установилъ на русской почвѣ начала искусства» и «положилъ начало реальному направленію въ русской поэзіи» и искусствѣ вообще. Что касается Гоголя, то онъ «развилъ этотъ реализмъ», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приблизилъ его къ натурализму, и является такимъ образомъ отцомъ натуральной школы. Что еще важнѣе съ затронутой нами точки зрѣнія,—Гоголь положилъ начало сатирическому и юмористическому изображенію отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности на основѣ требованій здраваго реализма въ искусствѣ. Авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» далъ намъ непревзойденные до сихъ поръ образцы отрицательно-прекраснаго въ русской поэзіи, и въ этомъ отношеніи

настолько не зависимъ отъ Пушкина и ему противоположенъ, насколько отрицательное и положительное, комическое и серьезное, противоположно одно другому по своей природѣ. Здѣсь умѣстно указать на отмѣченный нѣкоторыми критиками фактъ, что «Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ нашихъ писателей», за однимъ, быть-можетъ, исключеніемъ (Л. Толстой).

Нельзя забывать и того, что прозаическая форма произведеній Гоголя даетъ ему болѣе формальныхъ правъ считаться отцомъ прозаической изящной литературы новѣйшаго времени, чѣмъ Пушкину, проза котораго и запоздала, по сравненію съ появленіемъ Гоголевскихъ произведеній, и была не столь плодотворна въ смыслѣ преемственнаго развитія въ сочиненіяхъ послѣдующихъ писателей. Кромѣ того, Гоголевское вліяніе отразилось на послѣдующемъ поколѣніи писателей въ смыслѣ выбора темъ для произведеній изъ области общественныхъ вопросовъ по преимуществу, между тѣмъ какъ творчество Пушкина по большей части было свободно отъ тенденціозности въ этомъ отношеніи.

Вообще же намъ думается, что вопросъ о взаимоотношеніи Гоголевской и Пушкинской музъ разрѣшилъ лучше всего самъ Гоголь, котораго никакъ уже нельзя обвинить въ умаленіи значенія обожаемаго имъ поэта, въ знаменитой 7-ой главѣ «Мертвыхъ душъ». Здѣсь дается прекрасная формула для опредѣленія значенія каждаго изъ двухъ писателей, и въ мѣстѣ съ тѣмъ устанавливается точка зрѣнія для сравнительнаго обсужденія этого значенія. «Равно чудны стекла, озирающія солнцы (т.-е. телескопъ) и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ» (микроскопъ). Подъ телескопомъ здѣсь великій писатель разумѣетъ творенія поэта

положительной стороны дѣйствительности, какимъ былъ по преимуществу Пушкинъ, а подъ микроскопомъ—сочиненія поэта отрицательной стороны жизни, т.-е. свои собственныя. Для науки одинаково цѣнны и телескопъ, и микроскопъ; они одинаково цѣнны, въ метафорическомъ смыслѣ, конечно, и для искусства. Продолжая сравненіе дальше, мы должны прійти къ тому выводу, что, какъ въ наукѣ сами собою разграничиваются области дѣятельности астронома и ученаго микроскописта (suum cuique), точно такъ же и въ области изящной литературы нельзя забывать точекъ различія между сатирикомъ и поэтомъ положительныхъ идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ Гоголь столь же самостоятеленъ въ своей области, какъ Пушкинъ въ своей, и оба вмѣстѣ они являются какъ бы взаимнымъ дополненіемъ, двумя полюсами, между которыми и шло развитіе послѣдующей литературы, склоняясь то въ сторону одного изъ этихъ полюсовъ, то въ сторону другого.

Спокойная, объективная созерцательность творчества сѣверянина и юморъ уроженца юга, положительное и отрицательное, высокое и пошлое, идеализмъ и натурализмъ, «искусство чистое» и «искусство общественное», рѣчь мѣрная и oratio prorsa—вотъ элементы различія, проводящіе рѣзкую грань *) между характеромъ творчества Пушкина и Гоголя.

Съ другой стороны, одинаковая или почти одинаковая степень поэтическаго дарованія, замѣчательная сила творчества, любовь къ родинѣ и всему человѣчеству, гуманизирующее вліяніе произведеній, сознаніе

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ лишь о господствующихъ тонахъ въ творчествѣ обоихъ писателей.

долга писательскаго передъ обществомъ, пониманіе искусства въ свѣтѣ непреложныхъ законовъ здраваго реализма, наконецъ, почти одновременное прекращеніе художнической дѣятельности (какъ художникъ, Гоголь пересталъ существовать для искусства, строго говоря, лѣтъ черезъ пять послѣ смерти Пушкина)—вотъ тѣ общія звенья, которыя даютъ право слить оба великихъ имени въ одно цѣлое и отъ этого цѣлаго вести начало новѣйшаго періода русской литературы. Этотъ синтезъ именъ, подобно примиряющему философскому синтезу Гегеля, въ то время будетъ указывать и на то, что не можетъ быть слито и должно существовать, какъ нѣчто обособленное и несліянное.

Итакъ, текущій періодъ русской литературы долженъ быть названъ Пушкинско-Гоголевскимъ. Этимъ и должно опредѣляться историко-литературное значеніе великаго Гоголя.

Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ я не достаточно остановился на одномъ. Это одно-самое главное, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно всѣмъ намъ и вообще тѣмъ, кто знакомъ хоть съ однимъ изъ крупныхъ произведеній Гоголя, хорошо извѣстно. Несмотря на цѣлый рядъ протекшихъ десятилѣтій, время до сихъ поръ не осмѣлилось наложить на произведенія великаго писателя своей всесокрушающей руки, и не хочется вѣрить, что эти чудныя и вѣчно-юныя творенія писаны больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ. Юморъ Гоголя «до сихъ поръ остается единственнымъ»; никто еще со времени появленія «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» не смѣялся такъ искренно, такъ «заразительно», и никто еще такъ властно не могъ заставить читателя призадуматься надъ важнѣйшими вопросами повседневной жизни.

В. Гуссовъ.

О вліяніяхъ, подъ которыми слагались личность и творчество Гоголя *).

Свѣжи еще въ памяти звуки рѣчей, хвалебныхъ гимновъ и стиховъ въ честь царя русской поэзіи, А. С. Пушкина; живы еще воспоминанія о томъ славномъ культурномъ празднествѣ 1899 г., которое подтвердило слова поэта, сказавшаго:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой»... Майскія празднества 1899 г., о которыхъ мы теперь невольно вспомнили, объединили въ одномъ дружномъ энтузіастическомъ движеніи всю Русь, привлекли къ нашему празднику просвѣщенія и европейскихъ собратьевъ и доказали передъ лицомъ Европы, что и наше отечество достигло уже той высокой степени цивилизаціи, на которой не только герои и завоеватели, не только великіе административные и военные дѣятели вызываютъ прославленіе и удивленіе потомства, но торжественно чтятся и люди, не занимавшіе высокаго общественнаго положенія, но посвятившіе свои богатыя душевныя силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства, проведенію въ жизнь благородныхъ и возвышенныхъ идей, поднятію умственнаго и нравственнаго уровня соотечественниковъ.

Теперь снова все наше образованное общество

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Варшавскихъ III ж. и VI м. гимназій въ день чествованія памяти Н. В. Гоголя 21 февр. 1902 г. по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его смерти.

сливается въ единодушномъ порывѣ чествованія памяти того русскаго писателя, который явился въ однихъ отношеніяхъ ученикомъ и продолжателемъ Пушкина, а въ другихъ отношеніяхъ совершенно оригинальнымъ художникомъ-реалистомъ, великимъ меланхоликомъ и юмористомъ, то-есть Н. В Гоголь, «творецъ Ревизора, пѣвецъ Вечеровъ, степей Приднѣпровскихъ и сѣчи» [1]), художникъ слова, который «озиралъ всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и невѣдомыя, незримыя слезы».

Трудно и даже невозможно при современномъ состояніи Гоголевскаго вопроса [2]) дать строго научную оцѣнку значенія Гоголя въ общемъ ходѣ русской литературы, но зато можно въ день 50-лѣтія его смерти констатировать фактъ громаднаго вліянія Гоголевскаго творчества на всю русскую литературу XIX ст., можно отмѣтить необыкновенную популярность писателя среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, можно наконецъ сказать, что имя Гоголя не является пустымъ звукомъ и въ Западной Европѣ, на всѣ языки которой переведены его сочиненія; не одно, какъ извѣстно, поэтическое произведеніе было посвящено великому писателю [3]), не одного живописца и музыканта вдохновило его творчество [4]), многіе ученые занимались и занима-

---

[1]) Изъ стих. Гербеля: «Въ дорогу» (см. Гимн. Высш. Наукъ, СПБ. 1881, стр. 9).

[2]) По этому вопросу см. нашу статью: «Гоголь въ русской литературѣ» (библіограф. обзоръ) въ «Гоголевскомъ Сборникѣ», изд. коммиссіей при Институтѣ кн. Безбородко, Кіевъ 1902 г. и отд. изданіе, Кіевъ, 1902 г.

[3]) См. Каллашъ: «Гоголь въ русской поэзіи», Москва, 1902.

[4]) «Гоголевскій Сборникъ» (см. выше) стр. 185—231.

ются выясненіемъ тѣхъ или иныхъ сторонъ Гоголевскаго вопроса [5]), и литература о Гоголѣ составитъ нерукотворный памятникъ, достойный, вѣроятно, стать наряду съ всероссійскимъ рукотворнымъ памятникомъ великому писателю. Какимъ же рисуется намъ образъ того представителя русской литературы, память о которомъ снова сблизила все наше образованное общество?

Подъ какими вліяніями и при какой культурно-исторической обстановкѣ «окрѣпъ, возмужалъ тотъ, кто выше похвалъ,—дивный Гоголь»? [6])

«20 марта 1809 г. у помѣщика В. Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ 22 марта. Воспріемникомъ былъ г. полковникъ Трахимовскій, молитвовалъ и крестилъ священно-намѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій»—такъ гласитъ оффиціальный документъ [7]) церкви въ м. Сорочинцахъ, въ которыхъ родился Н. В. Гоголь.

Малороссія была родиной, помѣщичья семья той средой, подъ вліяніемъ которой совершилось первоначальное развитіе маленькаго «Никоши», какъ его называли родители. Богатыя и разнообразныя впечатлѣнія вынесъ мальчикъ изъ своей золотой поры дѣтства. Поэтическая Украйна, «тотъ край, гдѣ по словамъ поэта, все обильемъ дышетъ, гдѣ рѣки льются чище серебра» [8]) и т. д.—этотъ край не могъ не оставить своими красотами неизгладимаго впечатлѣнія въ чуткой душѣ ребенка, и картины родной стороны, одна другой роскошнѣе, одна другой живѣй не разъ будутъ рисоваться въ воображеніи «Рудаго Панька» и получать

---

[5]) Ibidem, стр. 75—89, 101—102.

[6]) «Гимназія Высшихъ Наукъ», СПБ. 1881, CXVIII.

[7]) «Русск. Мысль», 1900, II.

[8]) Сочиненія гр. Ал. К. Толстого, I, 227 (изд. СПБ. 1893).

поэтическое выраженіе въ «Вечерахъ на хуторѣ» и «Миргородѣ».

Близкая къ простому народу жизнь малорусскихъ помѣщиковъ [9]), общая у народа и господъ любовь къ своему родному краю, къ его многострадальному прошлому поселяли невольное сближеніе между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями на Украйнѣ и сообщали украинскому помѣщику типъ, близкій къ народному. При близости къ народу той среды, изъ которой вышелъ Н. В. Гоголь, было вполнѣ естественнымъ, что мальчикъ съ дѣтства сжился и приглядѣлся къ народному быту, а вмѣстѣ съ тѣмъ рано окунулся въ богатство народной пѣсенной поэзіи съ ея трогательнымъ содержаніемъ, съ ея мелодическими напѣвами.

Однако не только отъ крестьянъ, но и отъ стараго дѣда, и отъ отца, и отъ сосѣднихъ помѣщиковъ гостей, охотно посѣщавшихъ гостепріимный домъ Гоголей, слушалъ юный Гоголь преданія старины, фантастическія сказанія, полные юмора разсказы изъ современной и прошлой жизни Украйны, и природная юмористическая жилка получала развитіе благодаря домашнему вліянію.

Особенно важнымъ и благотворнымъ въ дѣтскіе годы Гоголя является вліяніе его родителей.

Не лишенный поэтическаго дара, образованный по своему времени, Гоголь—отецъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы развить своего даровитаго и нѣжно любимаго

---

[9]) По этому вопросу см. напр. «Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I; статьи: Щеголевъ, «Школьные годы Гоголя», «Ист. Вѣстн.», 1902, II; мемуары южно-русскихъ помѣщиковъ, напр. Гнѣдича, «Мои воспоминанія» и др., наконецъ въ «Ж. М. Н. Пр.» 1902, II статью г. Коробки.

сына: онъ руководилъ чтеніемъ мальчика, онъ ознакомилъ его съ творчествомъ малорусскихъ писателей, и такимъ образомъ создалъ новое звено, соединяющее будущаго писателя съ родной почвой; временами онъ возилъ сына въ домашній театръ ихъ вліятельнаго родственника Трощинскаго, и такимъ образомъ въ душу мальчика заронились сѣмена любви къ театру и драматическому творчеству [10]).

Наряду съ образомъ В. А. Гоголя, имѣвшаго вліяніе на сына, возстаетъ передъ нами и образъ впечатлительной, доброй, романтически настроенной и глубоко религіозной М. И. Гоголь, которая оказала сильное вліяніе на характеръ будущаго писателя [11]): любовное обращеніе съ дѣтьми вызвало такъ отличавшую Гоголя горячую привязанность къ матери и семьѣ; извѣстная доля сентиментальности и наклонности къ лиризму оказала поддержку и питала врожденную Гоголю черту лирическаго воодушевленія; наконецъ глубокая религіозность матери, порой граничащая съ мистицизмомъ, посѣяла тѣ сѣмена религіозности, которыя дали богатые всходы въ душѣ Гоголя и сдѣлали его однимъ изъ немногихъ писателей-христіанъ въ полномъ значеніи этого великаго слова, которыя въ концѣ концовъ создали непосильный для поэта разладъ между его высокимъ идеаломъ и воплощеніемъ идеала въ образы.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. В. Гоголь отлично характеризуетъ вліяніе матери на развитіе въ немъ ре-

---

[10]) См. подробнѣе о Гоголѣ отцѣ у а) Кулиша: «Записки о жизни Н. В. Гоголя», б) Петрова: «Очерки по исторіи украинской литературы XIX ст.».

[11]) См. Кулишъ, Шенрокъ и кромѣ того: Бѣлозерская, «Русск. Ст.» 1887, III и Чернецкая, «Ист. В.» 1889, VI.

лигіознаго настроенія и чувствительности въ пору дѣтства: «одинъ разъ, я живо, какъ теперь, помню этотъ случай», говоритъ онъ; «я просилъ васъ разказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли» [12]). Великое, несомнѣнно, значеніе въ жизни человѣка имѣетъ семья: здѣсь первая житейская школа, здѣсь зародышъ того или иного направленія характера и міровоззрѣнія, здѣсь первыя вліянія, здѣсь первыя остающіяся на всю жизнь впечатлѣнія дѣтсва. Вліяніе родной семьи на духовный ростъ человѣка можетъ, разумѣется, продолжаться многіе годы, но въ дѣтскіе годы, когда оно является почти единственнымъ, оно особенно сильно и важно. Но вотъ приближается пора, когда приходится серьезно позаботиться объ образованіи ребенка. Если и теперь въ интересахъ обученія дѣтей родители сплошь и рядомъ должны разставаться съ ними, то еще необходимѣе была разлука отдаваемыхъ въ школу дѣтей въ началѣ XIX в., когда и число школъ было несравненно меньше, и родители-помѣщики жили въ большинствѣ случаевъ не по городамъ, а по своимъ усадьбамъ, удаленнымъ отъ учебныхъ центровъ. Перенесемся мысленно на нѣсколько 10-лѣтій назадъ, и мы увидимъ, какъ въ 1821 г. въ глухомъ уголкѣ Малороссіи, въ родовой деревнѣ Васильевкѣ, В. А. Гоголь въ заботахъ о горячо люмимомъ сынѣ писалъ прошеніе

---

[12]) Письмо Н. В. Гоголя матери 18 2/X 33.

о зачисленіи мальчика въ только что открытую тогда Гимназію Высшихъ Наукъ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ [13]).

Обучавшійся начаткамъ грамоты у отца и у домашняго учителя, чуждый вліянія иностранныхъ гувернеровъ, молодой Гоголь былъ предварительно отправленъ въ Полтаву для приготовленія въ губернскую гимназію, но послѣ смерти въ Полтавѣ младшаго брата Гоголя, родители рѣшили хлопотать при посредствѣ Трощинскаго о принятіи мальчика въ Гимназію Высшихъ Наукъ, и ихъ желаніе увѣнчалось успѣхомъ.

Н. В. Гоголь былъ однимъ изъ первыхъ питомцевъ вновь открытой школы. 8 лѣтъ жизни великаго писателя протекли въ стѣнахъ Нѣжинской гимназіи, 8 лѣтъ провелъ юноша въ типичномъ малорусскомъ городкѣ, обогатившемъ полученный еще въ дѣтствѣ запасъ впечатлѣній отъ малорусскаго быта и природы.

Учебная сторона дѣла въ молодой Нѣжинской школѣ, при всей обширности и разнообразіи программы, не могла быть названа удачной: не много было среди преподавателей и профессоровъ лицъ, беззавѣтно преданныхъ своему дѣлу, — лицъ, обладавшихъ глубокими научными познаніями и высокимъ нравственнымъ обликомъ, но такія личности, какъ добродушный, справедливый и любившій молодежь директоръ Орлай, одинъ изъ инспекторовъ, даровитый и юный сердцемъ Бѣлоусовъ, проф. Зингеръ Ландражинъ [14]) и др. не могли не оставить свѣтлыхъ воспоминаній въ душахъ воспитанниковъ, отзывчивыхъ на все доброе и будящее мысль; содержательныя, жи-

[13]) Кулишъ. «Записки о жизни Н. В. Гоголя», II, прилож., 272—3.

[14]) Біографія ихъ см. «Гимназія В. Наукъ и Лицей кн. Безбородко», СПБ. 1881.

вые, а порой и блестящія лекціи однихъ, сердечность и благоразумная гуманность другихъ—не могли пройти безслѣдно для умственнаго и нравственнаго развитія питомцевъ, и, несомнѣнно, воспоминаніями юношескихъ лѣтъ былъ навѣянъ Гоголю образъ идеальнаго учителя Александра Петровича во II т. «М. д.».

Но, что особенно важно было для развитія будущихъ талантовъ, вышедшихъ изъ Нѣжинскихъ стѣнъ; что особенно благотворно повліяло на Гоголя въ эпоху его школьной жизни, такъ это—та товарищеская среда, въ которую онъ попалъ, и ея интересы. Уже сами имена Рѣдкина, Прокоповича, Базили, Кукольника говорятъ за себя; если же прибавить, что въ стѣнахъ учебнаго заведенія яркимъ пламенемъ горѣла любовь юношей къ родной литературѣ; если припомнить, что часто, собравшись у кого-либо изъ профессоровъ или товарищей, а то и просто на дерновой скамейкѣ лицейскаго сада, юноши съ разгорѣвшимися, полными молодого одушевленія лицами толковали о современныхъ литературныхъ новинкахъ, при чемъ имена Жуковскаго и Пушкина не сходили съ устъ; если наконецъ не оставлять безъ вниманія того факта, что студенты пробовали свои литерат. силы, издавая рукописные литературные альманахи, завели, съ разрѣшенія Орлая, свою собственную библіотеку, во главѣ которой стоялъ Гоголь, и участвовали въ спектакляхъ, вносившихъ благотворное оживленіе въ учебную жизнь,—если принять все это во вниманіе, то можно съ увѣренностью сказать, что обстановка школьной жизни Гоголя была, какъ нельзя больше, благопріятной для будущаго великаго таланта.

---

[15]) См. «Собраніе сочиненій Н. В. Гоголя», изд. 10-е, т. VII.

Уже на школьной скамьѣ Гоголь началъ пробу своихъ литературныхъ силъ, когда помѣстилъ въ школьныхъ рукописныхъ журналахъ свои первые опыты: «Двѣ рыбки», «Разбойники» «Братья Твердиславичи», «Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ» и т. д. Разсмотрѣніе черновыхъ тетрадей Гоголя, его записныхъ книжекъ [15]), писемъ [16]), сочиненій [17]) и т. д. позволяетъ намъ составить себѣ представленіе объ интеллектуальной жизни и объ интересахъ Гоголя-ученика, но, не останавливаясь на подробностяхъ, я отмѣчу лишь одну выдающуюся черту Гоголя-юноши.

Подъ вліяніемъ сознанія своихъ богатыхъ духовныхъ силъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ товарищей и собственныхъ размышленій зародилась и окрѣпла въ душѣ Гоголя твердая вѣра въ свое будущее. «Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое» [18]), восклицаетъ юноша—Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ (Не знаю, сбудутся ли мои предположенія).

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить,
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить? [19])

Такой вопросъ задаетъ Гоголь въ своемъ «Ганцѣ».

---

[16]) Кулишъ. «Сочиненія и письма Гоголя», т. V и VI изд. 1857. В. И. Шенрокъ. «Письма Н. В. Гоголя». I—IV, 1902.

[17]) 10-е изданіе сочиненій Гоголя.

[18]) Письмо Гоголя Высоцкому $18\frac{26}{VI}27$.

[19]) «Ганцъ Кюхельгартенъ». Сочиненія Гоголя, 10 е изд., т. V, стр. 22.

И отвѣтъ ясенъ: юноша, такъ боящійся жалкой неизвѣстности, такъ стремящійся отмѣтить свое существованіе, и притомъ юноша даровитый, проникнутый идеей служенія родинѣ, добьется своего. А служить родинѣ Гоголь хотѣлъ, когда писалъ еще изъ Нѣжина своему дядѣ: «Еще съ самыхъ лѣтъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я кипѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою полезною для блага государства» [20].

Да и послѣ, вспоминая о прошломъ въ своей «Авторской исповѣди», Г. говоритъ: «Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о будущемъ (а задумываться я сталъ рано, когда всѣ мои сверстники еще думали объ играхъ), мысль о писательствѣ никогда мнѣ не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра» [21].

Приведенныя выше строки сами рисуютъ намъ настроеніе Николая Васильевича на зарѣ его самостоятельной жизни. Съ возвышенными и гордыми мечтами и запросами къ жизни полетѣлъ юный малороссъ въ сѣверную столицу, этотъ умственный центръ, столь привлекательный для молодежи. Но непривѣтливо встрѣтилъ жителя юга городъ Петра. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о климатѣ, непріятномъ и суровомъ для сына Украйны, одна за другой неудачи преслѣдовали молодого Гоголя: государственная служба, объ успѣхахъ которой онъ мечталъ, не ладилась; попытка поступить на сцену не удалась; первый литературный опытъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ», потерпѣлъ полнѣйшую неудачу; само-

---

[20]) Письмо Косяровскому 18 3/X 27.

[21]) «Авторская Исповѣдь», т. IV десятаго изданія «Сочиненій Гоголя».

любіе оскорблялось на каждомъ шагу, и такая то участь выпала на долю того, который говорилъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ: «Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ,—быть въ мірѣ и не означить своего существованія была для меня мысль ужасная» [22]). Подъ вліяніемъ ряда неудачъ, при тяжеломъ душевномъ настроеніи, которое однакоже Гоголь тщательно скрывалъ отъ матери, единственное утѣшеніе находилъ Николай Васильевичъ въ дружескомъ кругу нѣжинцевъ, занесенныхъ судьбою на сѣверъ [23]): тамъ, въ небольшихъ комнаткахъ того или иного изъ нѣжинцевъ, раздавались за чашкой чая малорусскія пѣсни, слышались полныя юмора шутки, лилась непринужденная бесѣда; читались произведенія родныхъ поэтовъ, и велись споры о текущей литературѣ. Мысль юнаго Гоголя, естественно, все чаще и чаще устремлялась на родную Украйну, и возставала она передъ взоромъ скучающаго своего сына съ ослѣпительнымъ блескомъ своего полудня, съ таинственнымъ сіяніемъ звѣздныхъ ночей, съ большими хатами, тонущими въ вишневыхъ садахъ; все чаще, съ любовью и отрадой для сердца, вспоминались образы чернобровыхъ казаковъ, черноокихъ красавицъ,—рисовался весь бытъ родной стороны съ безпредѣльнымъ просторомъ южнорусскихъ степей, съ величавымъ чуднымъ Днѣпромъ, съ пѣснями, обычаями, повѣрьями и суевѣріями то безпечно веселаго, то меланхолически «сумующаго» населенія; однимъ словомъ, при настроеніи Гоголя въ описываемую нами эпоху его жизни, об-

---

[22]) Письмо 18 3/X 27 Косяровскому.

[23]) Воспоминанія Анненкова.

разъ Малороссіи въ воображеніи юнаго поэта идеализировался; идеализація, естественно, пріобрѣтала сентиментальную окраску, но то не была приторная, слезливая чувствительность, а было порой нѣсколько приподнятое, порой туманное, но искренее и глубокое чувство. Передъ взоромъ Гоголя носился, на нашъ взглядъ, тотъ же самый образъ Украйны, который вызвалъ глубоко поэтическія строки у другого нѣжинскаго поэта, сравнивающаго свою поэтическую родину съ чудной красавицей и такъ заканчивающаго посвященное родинѣ стихотвореніе: [24]).

«Какъ дѣвы прелестной лазурныя очи,
Украйны глядятъ небеса;
Какъ поясомъ синимъ на югъ отъ полночи,
Днѣпромъ перевита краса;
Какъ шолкомъ зеленымъ, покрыта степями,
И степи въ цвѣтахъ, какъ въ рубинахъ горятъ,
И стелются нивы, какъ кудри, волнами,
И золотомъ свѣтлымъ шумятъ.
Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Мнѣ въ душу запали глубоко, глубоко
Украины пѣсни моей».

Тѣ же приблизительно образы и чувства найдемъ мы и въ поэзіи «Вечеровъ» и «Миргорода», то же настроеніе породитъ и усиленный интересъ Г. къ народной пѣснѣ, быту и малорусской исторіи, и вотъ уже въ 1830 г. появляются въ печати первыя повѣсти Р. Панька и обращаютъ серьезное вниманіе царя русской поэзіи въ то время на юнаго автора. Живые, полные неподдѣльнаго юмора разсказы вызываютъ похвалы Пушкина; за Пуш-

[24]) Ев. П. Гребенка.

кинымъ привѣтствуютъ Г. и члены П. кружка; протягиваетъ Гоголю дружески руку и тотъ поэтъ, 50 л. со дня смерти котораго совпало съ 50 л. смерти Гоголя. Гоголь принятъ на литературномъ Олимпѣ. Со времени сближенія Г. съ Пушкинскимъ кружкомъ измѣняется понемногу угнетенное состояніе Г. духа, обезпечивается его положеніе, и начинаетъ сказываться вліяніе новыхъ друзей на ихъ юнаго собрата.

Разумѣется, не въ краткомъ очеркѣ исчерпать вопросъ о вліяніи П. кружка на воззрѣнія Гоголя [25]), но и въ немногихъ словахъ можно выразить сущность того вліянія, которое оказалъ этотъ кружокъ на Гоголя, на его взгляды на поэта и поэзію. Если еще въ вѣкъ имп. Екатерины II поэзія считалась не болѣе, какъ развлеченіемъ въ часъ досуга, отъ нечего дѣлать; если смотрѣли на нее, какъ на нѣчто пріятное, сладостное, полезное, «какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ», то иной взглядъ на поэзію установился подъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина.

«Поэзія—религіи небесной сестра земная» [26]); «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», говоритъ Жуковскій. Поэтъ является, по воззрѣнію П., вдохновеннымъ пророкомъ, которому самъ Богъ повелѣваетъ, «обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей» [27]).

Возвышаясь надъ всей окружающей толпой, являясь «избранникомъ Божіимъ», поэтъ, по воззрѣнію и Пушкина, и Жуковскаго, свободенъ въ выборѣ творчества: «Ты-царь! Живи одинъ. Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя

---

[25]) См. по этому вопросу: Шенрокъ. «Матеріалы», т.т. I и II; Пыпинъ, «Исторія русской словесности» т. IV.

[26]) В. А. Жуковскій. «Камоэнсъ».

[27]) А. С. Пушкинъ. «Пророкъ».

свободный умъ», говоритъ Пушкинъ поэту [28]). «Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой», говоритъ устами властителя Рудольфа Жуковскій [29]); «онъ высшую силу призналъ надъ собой: минута ему повелитель: но воздуху вихорь свободно шумитъ; кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ? Изъ бездны потокъ выбиваетъ: такъ пѣснь зарождаетъ души глубина, и темное чувство, изъ дивнаго сна при звукахъ воспрянувъ, пылаетъ». «При указанныхъ возвышенныхъ взглядахъ на роль писателя и цѣли поэтическому творчеству ставятся высокія:

«Нѣтъ, нѣтъ, не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя сердца на высоту,—
Великихъ думъ воспламенителемъ;
Глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, безвѣ-
ріемъ крушимыхъ—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье» [30])...

А. С. Пушкинъ опредѣлилъ задачи истиннаго поэта, сказавши въ своей лебединой пѣснѣ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ» [31]).

Сознаніе высоты и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственности писательскаго поприща, царившее въ Пушкинскомъ кружкѣ, сообщалось и Гоголю; но выборъ путей для выполненія своей высокой миссіи былъ у автора «Ревизора» и «М. душъ» вполнѣ самостоятельнымъ. По мѣрѣ развитія Гоголевскаго таланта, можно наблюдать, что писатель не ограничиваетъ круга своихъ наблюденій и симпатій уз-

---

[28]) А. С. Пушкинъ. «Поэту».
[29]) В. А. Жуковскій. «Рудольфъ Габсбургскій».
[30]) Его же. «Камоэнсъ».
[31]) А. С. Пушкинъ. «Памятникъ».

кой племенной сферой, но посвящаетъ свои богатыя силы служенію всей Россіи,—обстоятельство, которое, по словамъ В. И. Шенрока, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ стремленій [32].

Постепенно зрѣетъ и становится болѣе глубокимъ по своему общественному значенію и смѣхъ Гоголя, и мы, не вдаваясь въ размотрѣніе слишкомъ сложнаго и не выясненнаго еще научно вопроса о постепенномъ измѣненіи характера Гоголевскаго смѣха [33], скажемъ только, что правъ былъ поэтъ, воскликнувшій:

«Черезъ чистый смѣхъ въ сердца гражданъ
Вливалось истины добро святое» [34].

Въ «Ревизорѣ» Гоголь рѣшилъ уже собрать въ кучу все дурное и разомъ посмѣяться надъ всѣмъ, сознавая, что «смѣхъ великое дѣло, что смѣха боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь; что смѣха боится даже тотъ, кто ничего не боится» [35]. Въ 1836 г. появилась въ печати и на сценѣ безсмертная комедія Гоголя.

Вниманіе къ ней государя Николая Павловича, лично разрѣшившаго ее и посѣтившаго первое представленіе; полное сочувствіе къ «Ревизору» всего передового русскаго общества, восторгъ широкой публики, быстро раскупившей новую комедію,—все это могло бы наполнить гордостью и самоудовлетвореніемъ сердце любого автора. Но не то было съ Гоголемъ.

---

[32]) Шенрокъ Вл. Ив., «Матеріалы», I, 3.

[33]) Ап. Григорьевъ. Сочиненія. Т. I.

[34]) Шевыревъ. «Русск. Арх.» 1865, VII (слова относятся къ Гольдони, съ которымъ сравнивается Гоголь).

[35]) Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора».

Его до болѣзненности чуткое сердце было возмущено цѣлымъ рядомъ дошедшихъ до его слуха ложныхъ толкованій относительно смысла комедіи, намѣреній ея автора; его огорчало озлобленіе вмѣсто ожидаемаго авторомъ стремленія къ исправленію со стороны тѣхъ лицъ, намеки на которыхъ были прозрачны; [36]) его наконецъ разочаровалъ результатъ того впечатлѣнія, которое было вынесено обществомъ послѣ представленія «Ревизора». Гоголь ожидалъ большаго и болѣе глубокаго исправляющаго дѣйствія комедіи.

Цѣлый рядъ причинъ породилъ то настроеніе, которое переживалъ Гоголь въ 1836 г., и которое заставило его искать себѣ душевнаго успокоенія въ томъ прекрасномъ чудномъ далекѣ, изъ котораго онъ начинаетъ озирать горячо любимую имъ Русь.

Больной, разочарованный, недовольный, покидаетъ Гоголь Петербургъ и отправляется за границу.

Чудный климатъ Италіи, ея роскошная природа, которой посвящаетъ Г. не одинъ восторженный диеирамбъ; наконецъ вся новая обстановка жизни благотворно вліяютъ на душевное и физическое состояніе писателя: онъ продолжаетъ работу для своей родной литературы, и изъ-подъ пера его выходитъ колоссальный по значенію, выдающійся по широтѣ и глубинѣ захвата и по мастерству изложенія трудъ: «Мертвыя души», вѣнчающія литературный памятникъ, воздвигнутый Гоголемъ самому себѣ.

Не стану повторять хоть и вѣчно юныхъ, но хорошо извѣстныхъ словъ Г. о судьбѣ двухъ писателей, въ которыхъ онъ, нашъ великій писатель, высказалъ ясно и

---

[36]) См. нашъ библіограф. обзоръ: «Гоголь въ русской литературѣ», стр. 14—17.

кратко взглядъ на задачи своего творчества въ періодъ созданія I т. «М. душъ». Сличеніе различныхъ рукописныхъ и печатной редакціи I т. «М. душъ» приводятъ меня къ взгляду, что первоначально Г. твердо держится принятаго еще въ Ревизорѣ пути —[37]) выставлять на всенародныя очи отрицательныя явленія жизни; онъ хочетъ попрежнему бичевать пороки, руководясь при этомъ самой горячей любовью къ родинѣ и человѣку; онъ хочетъ только шире раздвинуть рамки своей картины... Но проходятъ годы... Умеръ Пушкинъ... Кто же изобразитъ свѣтлыя стороны жизни, кто покажетъ міру идеалы, думаетъ Гоголь. И вотъ мы видимъ, какъ и въ позднѣйшихъ редакціяхъ «М. душъ», и въ своихъ письмахъ Г. все больше и больше склоняется къ мысли не ограничиваться уже смѣхомъ, а изобразить въ своемъ творчествѣ и тотъ неизмѣримо высокій, навѣянный христіанствомъ, идеалъ, во имя котораго Г. раньше создавалъ какъ разъ противоположные этому идеалу типы, и во имя котораго «почуются въ сей же самой повѣсти иныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа» и т. д.

Въ Гоголѣ совершается поворотъ къ изображенію лицъ идеальныхъ, а, чтобы создать идеалъ, дѣйствительно высокій, Г. стремится все болѣе и болѣе воспитать собственную душу, такъ какъ только очищенная душа познаетъ истинный идеалъ.

Для той же цѣли, чтобы новые идеальные типы не были безжизненны, надо подыскать подтвержденіе ихъ въ дѣйствительности, и Г. съ усиленной энергіей засы-

---

[37]) По этому вопросу подробно см. въ нашей статьѣ: «Гоголь въ эпоху творчества I т. «Мерт. душъ», Варшава, 1902 (изд. Общества Ист., Фил. и Права при Варш. ун.).

паетъ знакомыхъ и друзей просьбами сообщать ему о всѣхъ видѣнныхъ и слышанныхъ происшествіяхъ и лицахъ. Но каковъ именно былъ идеалъ Гоголя? какого героя и какую героиню хотѣлъ изобразить авторъ «М. душъ»? Отсутствіе послѣднихъ, т.-е. полной II и III частей «М. душъ» оставляетъ вопросъ неразрѣшимымъ, и лишь на основаніи знакомства съ перепиской и настроеніемъ Г. въ послѣдніе годы его жизни можно сказать, что идеалъ Г. былъ неизмѣримо высокъ, и воплотить его въ реальный, невыдуманный образъ было для него задачею непосильною. Страшная душевная драма совершалась въ душѣ писателя.

Передъ величіемъ будущаго творенія, долженствующаго оказать могучее дѣйствіе на міръ, окончательно меркла, по убѣжденію Г., слава всего созданнаго имъ раньше. А между тѣмъ, что же? Авторъ уже много лѣтъ напрягаетъ силы, много уже лѣтъ съ суровостью аскета заботится о своемъ душевномъ дѣлѣ, а великій трудъ, цѣль всего его земного существованія, или не подвигается впередъ, или совсѣмъ не удовлетворяетъ автора.

Такъ что же? Значитъ, «безмолвіе мертвое», котораго такъ боялся Г. съ юныхъ лѣтъ, окружитъ его имя? Значитъ, никакого прекраснаго подвига не совершитъ онъ въ жизни? Значитъ, не принесетъ пользы родинѣ? А силы между тѣмъ убываютъ... одна болѣзнь за другой подтачиваютъ истощенный организмъ... и вотъ ровно 50 л. тому назадъ въ сердцѣ Россіи, въ одномъ изъ дружескихъ Гоголю домовъ, разыгрывается послѣдній, поистинѣ трагическій, актъ жизненной драмы великаго писателя. Однажды, въ глубокую ночь, въ порывѣ религіознаго экстаза Г. предаетъ сожженію послѣднюю свою завѣтную, но не удовлетворявшую автора работу,

а черезъ нѣсколько дней, 21 ф. 1852 г., въ 8 часовъ утра не стало Гоголя, и сказалъ поэтъ:

«Ударилъ часъ, и нѣтъ у насъ его;
Пытливое еще закрылось око,
Еще у насъ не стало одного,
Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.
И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И всѣ сердца наполнились печали,
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы невозвратно потеряли» [38]).

Тяжело было разставанье съ жизнью Н. В. Гоголя; всѣ лучшія, свѣтлыя надежды представлялись ему невозвратно рухнувшими, разъ не былъ выполненъ краеугольный камень его работы.

Но иначе, чѣмъ самъ Г., рѣшило потомство! Въ тѣхъ самыхъ произведеніяхъ, значеніе которыхъ Гоголь ставилъ очень не высоко и въ которыхъ видѣлъ лишь преддверіе къ иному, великолѣпному зданію, потомство увидѣло подвигъ, окружившій ореоломъ безсмертія имя Гоголя и включившій Гоголя въ сонмъ всемірно извѣстныхъ художниковъ слова.

Если послѣдніе годы нашего великаго писателя, помимо его тяжкихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, были омрачены суровыми нападками на него и его враговъ, и даже его друзей, то надъ преждевременной могилой Н. В. Гоголя всякаго взяло раскаяніе:

«И всѣ ко гробу мы спѣшимъ», говоритъ поэтъ, современникъ кончины Гоголя:

«Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомяся,
И плачемъ тамъ, склонясь предъ нимъ

---

[38]) Бергъ. «Надъ гробомъ Гоголя» (См. Каллаша—«Н. В. Гоголь въ русской поэзіи»; М. 1902, стр. 23).

И за душу покойнаго моляся.
Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;
Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
Великій духъ, и мы должны сознаться,
Что въ правѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться» [39]).

Знаменитый «поэтъ скорби народной», отозвавшись на смерть своего великаго собрата извѣстнымъ стихотвореніемъ: «Блаженъ незлобивый поэтъ» и т. д., гдѣ мастерски передана мысль Гоголевскаго лирическаго отступленія о судьбѣ двухъ писателей, такъ заканчиваетъ свое поэтическое произведеніе:

«Со всѣхъ сторонъ его (поэта юмориста) клянутъ,
И только, трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ ненавидя!» [40])

Ненадолго однако и надъ ранней могилой писателя, безпощадно бичевавшаго пороки, смолкли осужденія и упреки: не успѣлъ смолкнуть его «правдивый голосъ обличенія», какъ «дѣти лжи», по словамъ поэта Плещеева [41]), «поднявши буйный толкъ, глумятся надъ великой тѣнью».

«Не долго», продолжаетъ поэтъ, обращаясь къ испорченному современному Гоголю обществу:

«волновала васъ
Тѣхъ словъ пророческая сила:

---

[39]) Бергъ. «Надъ гробомъ Гоголя» (см. у Каллаша стр. 24).
[40]) Некрасовъ. «Блаженъ незлобивый поэтъ» Ibid., стр. 21).
[41]) Плещеевъ. Сочиненія, изд. 1861 г., стр. 147.

Дымятся снова злу кадила,
И все, о чемъ вѣщалъ пророка гласъ,
Корысть и пошлость поглотила».

Однако поэтъ вѣритъ въ лучшее будущее; современникъ Гоголя вѣритъ въ грядущія поколѣнія, которыя достойно оцѣнятъ своего великаго писателя.

«Но день придетъ, и стихнетъ клевета», восклицаетъ поэтъ:

«И вмѣсто криковъ озлобленья
Въ тотъ день великій возрожденья
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!»

И этотъ великій день возрожденья насталъ! его 50 лѣтъ подготовляли ученые изслѣдователи творчества Гоголя [42]), издатели его сочиненій [43]) и все русское общество, знакомившееся съ произведеніями Гоголя и увлекавшееся ими,—и подготовили они этотъ день.

Я смѣло утверждаю, что Н. В. Гоголь самъ явился лучшимъ пророкомъ своей славы, самъ предсказалъ могучее дѣйствіе своихъ твореній на умы и сердца людей, когда такъ выразился о дѣйствіи геніальныхъ произведеній другого великаго писателя:

---

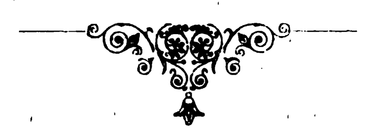
[42]) Помимо колоссальныхъ трудовъ проф. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, слѣдуетъ отмѣтить труды акад. А. Н. Пыпина, проф. А. И. Кирпичникова, проф. А. Веселовскаго, проф. Лавровскаго и др. (подробно см.—«Гоголь въ русской литературѣ»).

[43]) Изъ издателей «до юбилея» особенную услугу дѣлу популяризаціи Н. В. Гоголя оказалъ г. Марксъ; теперь же лучшими изданіями являются вышедшія подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова и акад. А. Н. Пыпина. Драгоцѣннымъ въ научномъ отношеніи остается попрежнему 10-е изд. подъ редакціей Тихонравова и Шенрока.

«Внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша; стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось сверху донизу, превратясь въ одно чувство, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, кого уже много лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ».

П. Заболотскій.

Варшава, 21 февраля
1902 г.



О юморѣ Гоголя *).

Въ Москвѣ, на кладбищѣ Данилова монастыря, изъ-за вѣтвей и цвѣтовъ виднѣется тяжелый могильный камень съ надписью: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся". Подъ этотъ камень 50 лѣтъ назадъ сановники, представители науки, литературы и учащаяся молодежь опустили тѣло безвременно ушедшаго въ иной міръ геніальнаго писателя, Н. В. Гоголя, а любящая рука друзей и почитателей покойнаго начертала на надгробіи знаменательное изреченіе пророка Іереміи, этого печальника библейскихъ временъ. Проникновенныя слова, взятыя для надписи на памятникѣ Гоголю, раскрываютъ передъ нами всю глубину и силу скорби избранника Божія о нравственныхъ немощахъ и заблужденіяхъ человѣчества; печать той же великой скорби почила на творчествѣ Гоголя въ той особенности духа, которой усвоено на языкѣ поэзіи названіе юмора.

Человѣкъ самъ по себѣ и вся жизнь человѣческая преисполнены противорѣчій. Въ нашемъ бытіи, физическомъ и нравственномъ, наблюдаются непостижимыя сочетанія низменнаго и возвышеннаго, прекраснаго и уродливаго; до комизма смѣшное граничитъ съ грустнымъ и трагическимъ. Какъ показываетъ намъ жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ, герой, гроза враговъ, доблестный защитникъ ввѣренной ему крѣпости, въ домашней обстановкѣ оказывается существомъ слабымъ и

---

*) Рѣчь, произнесенная 21 февраля 1902 года въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ, на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память Н. В. Гоголя по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти.

пассивнымъ. Святое чувство материнской любви вырождается въ животный инстинктъ.

Въ глашатаѣ равенства и свободы уживается жестокій деспотъ. Все неразрывно переплелось въ жизни бѣднаго человѣчества: величіе и пошлость, радость и горе, смѣхъ и слезы. Такое непрерывное столкновеніе впечатлѣній, эта душевная неустойчивость, безконечный рядъ противорѣчій и отступленій отъ вѣчныхъ нравственныхъ идеаловъ-добра, правды и красоты, вызываютъ у поэта съ особой внутренней организаціей юмористическое отношеніе къ дѣйствительности, т.-е. такое своеобразное настроеніе, въ которомъ неразрывно соединяются—и чувство веселости—смѣхъ, вызванный созерцаніемъ ненормальныхъ явленій, и грусть, навѣянная сознаніемъ слабости и несовершенства человѣческой природы.—Въ блестящей плеядѣ міровыхъ поэтовъ-юмористовъ, каковы: Аристофанъ, Боккачіо, Сервантесъ, Шекспиръ, Свифтъ, Теккерей, Диккенсъ, Томасъ Гудъ, Гейне, ярко горитъ и дорогое намъ имя Н. В. Гоголя, „озиравшаго", по его же выраженію, „всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы".

Такому соединенію, повидимому, самыхъ противоположныхъ чувствъ въ душѣ писателя и контрасту между идей разумной жизни и тѣмъ, что даетъ дѣйствительность, соотвѣтствуютъ и особые пріемы, и законы въ творчествѣ юмориста.

Сочиненія Гоголя направлены къ изображенію самыхъ мелкихъ будничныхъ явленій жизни; но на обыденность и прозу содержанія поэтъ набрасываетъ фантастическій покровъ чрезвычайности, загадочности и даже сверхъестественности. Не говоря уже о бытовыхъ повѣстяхъ ранняго періода творчества, гдѣ такое видное мѣсто отведено демонологіи малорусскаго народа, на чудесномъ построены петербургскія повѣсти Гоголя: „Носъ" и „Портретъ".

Необычайностью фабулы запечатлѣны величайшія созда-

нія Гоголя: комедія: „Ревизоръ", и поэма: „Мертвыя души". Склонность автора къ таинственному мы видимъ и въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", и въ „Шинели", а развязка „Женитьбы" поражаетъ насъ остроуміемъ и смѣлостію творческой изобрѣтательности. Въ другихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ отдѣльные штрихи безусловнаго вымысла для усиленія комизма: таковъ эпизодъ съ бурою свиньей, утащившей изъ присутственнаго мѣста жалобу Ивана Никифоровича.

Задачей литературной дѣятельности Гоголя было показать во всей силѣ и яркости зло, неправду, безсмыслие и призрачность современной автору русской жизни. И тѣмъ шире и глубже идеи нашего поэта, чѣмъ мельче, ничтожнѣе обобщаемыя ими явленія жизни. Въ произведеніяхъ Гоголя мы не найдемъ явно порочныхъ людей, питающихъ грандіозные преступные замыслы. Тамъ не поражаютъ насъ своею испорченностью или жестокостями закоренѣлые злодѣи; нашу душу не возмутитъ тамъ, не потрясетъ вопіющее насиліе, открытое и наглое попраніе нравственныхъ законовъ или правъ человѣческой личности: въ сочиненіяхъ Гоголя воспроизведена житейская сутолока съ ничтожными случайностями, мелкими страстишками и незначительными людьми. Вотъ унтерофицерская жена Иванова, которую по ошибкѣ высѣкла полиція; ей „неча отказываться отъ своего счастія", и она ищетъ денежнаго удовлетворенія за ошибку городничаго, хотя тотъ и увѣряетъ, что она сама себя высѣкла. Вотъ аршинники, архиплуты и протобестіи — купцы; они позабыли, что городничій помогъ имъ сильно сплутовать при постройкѣ казеннаго моста, и пришли къ мнимому ревизору, къ „Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову", съ жалобой на того же городничаго, что онъ частенько навѣдывается къ нимъ въ лавки, какъ въ собственныя кладовыя. Передъ нами рядъ властей, уѣздныхъ и губернскихъ: онѣ то засѣдаютъ въ присутствіяхъ подомашнему: въ халатахъ, за чаемъ и закуской;

то собираются „подсунуть“ ревизору, чтобы скрыть свои грѣшки, или ловко взимаютъ съ просителей, какъ когда придется, по бѣленькой ли, синенькой, а то и по красненькой на брата. А вотъ и милѣйшій Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, пріѣхавшій для плутней и продѣлокъ въ губернскій городъ N и успѣвшій обворожить весь bon monde, всю администрацію, начиная съ губернатора, о которомъ авторъ только и могъ сказать, что онъ былъ „ни толстъ, ни тонокъ собой, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю“. Да, все, изображ. въ поэзіи Гоголя, мелко, ничтожно и, въ силу той же ничтожности, велико и значительно; таковъ уже „даръ“ писателя „выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“.

Тонкій наблюдатель, сердцевѣдъ и прозорливецъ, Гоголь обладалъ способностью проникать въ сокровеннѣйшія излучины души человѣческой. Подмѣчая и схватывая самыя неуловимыя проявленія нравственнаго безобразія, онъ возводитъ ихъ въ типическія обобщенія, и его неумолимый анализъ показываетъ, до какой ужасающей обыденности доходитъ пошлость жизни; какими незримыми путями погружается человѣкъ въ смрадную тину жалкаго прозябанія. Нарисовавъ отвратительнаго скрягу Плюшкина, поэтъ самъ ужасается силѣ и яркости своей кисти и восклицаетъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости!“

Обаятельная сила Гоголевскаго юмора, его магическое дѣйствіе на читателя заключается въ самой утонченной, подчасъ неуловимой ироніи, гдѣ подъ видомъ простосердечія и

добродушія скрывается глубокая печаль при видѣ грязной дѣйствительности. Самый разсказъ о ничтожныхъ событіяхъ,— разсказъ подробный и медленно движущійся, представляетъ ловко прикрытую ѣдкую насмѣшку надъ изображаемою пошлостью жизни.

То же глумленіе сказывается въ преувеличенно старательномъ выписываніи дѣйствующихъ лицъ, ихъ внѣшности и внутренняго міра, при чемъ „ничтожныя подробности являются въ ужасномъ безобразіи, какъ будто мы вдругъ навели на нихъ увеличительное стекло".

Гоголь пространно разказываетъ про житье-бытье, про нравы двухъ малороссійскихъ помѣщиковъ; описываетъ ихъ домики, потонувшіе въ зелени фруктовыхъ садовъ, ихъ хозяйство; много и охотно говоритъ объ ихъ крѣпкой дружбѣ. „Прекрасный человѣкъ, Ив. Ив.! Ив. Ив. и Ив. Ник. прекрасные люди!" многократно восторгается авторъ. Вглядываясь въ эти лица, мы ничего не видимъ не только прекраснаго, но и стоящаго какого-либо вниманія, развѣ только то, что у одного голова была рѣдькой хвостомъ внизъ, а у другого—рѣдькой хвостомъ вверхъ; Ив. Ив. ходилъ въ бекешѣ со смушками, сильнымъ морозомъ; Ив. Ник... у Ив. Ник. бекеши не было, зато у него были нанковыя шаровары, въ которыя могъ бы помѣститься весь его дворъ съ амбарами и строеніями. А дружескія отношенія ихъ выражались лишь въ томъ, что Гапкины дѣти могли безнаказанно перелѣзать черезъ плетень во дворъ Ив. Ник. и играть съ собаками. Дружба этихъ почтенныхъ миргородцевъ была основана не на нравственныхъ связяхъ, а на взаимной пошлости, праздности и скукѣ, и разрывъ изъ-за вздора, изъ-за пресловутаго гусака, не есть случайность или неожиданность, а необходимый логическій выводъ изъ призрачнаго ихъ расположенія другъ къ другу.

Гоголь не прочь насмѣшить читателя веселой шуткой,

но всѣ юмористическія выходки нашего писателя, начиная съ несуществующаго въ святцахъ подбора именъ въ день рожденія Акакія Акакіевича Башмачкина, имѣютъ глубокій психологическій интересъ, и „цѣлая пропасть между смѣхомъ великаго комика и кривляньемъ балаганнаго скомороха". Уже при самомъ появленіи на свѣтъ вѣчнаго титулярнаго совѣтника въ будущемъ, судьба встрѣтила его неблагосклонно; имена-то ему все выбирались необыкновенныя: Мокій, Соссій, Хоздазатъ, Трифилій, Дула, Варахосій Павсикахій, Вахтисій. Такъ и пришлось назвать новорожденнаго по отцу, Акакіемъ, и у насъ съ именемъ Акакія Акакіевича неразрывно связано представленіе о жалкомъ, забытомъ чиновникѣ, у котораго вся жизнь прошла въ перепискѣ бумагъ, безъ ласки, безъ слова участія, безъ луча радости. А знаменитое паденіе Бобчинскаго во II дѣйствіи „Ревизора"! Можно ли ярче изобразить жалкое любопытство присяжнаго городского сплетника и безсмысленный страхъ уѣздныхъ властей, принимающихъ за важную особу простого канцеляриста, который пріютился въ какомъ-то ветхомъ чуланѣ подъ черной лѣстницей?

Геніальность Гоголя-юмориста просто и неотразимо-наглядно доказывается жизненностью созданныхъ имъ типовъ. Его комическія лица, какъ широкія обобщенія отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности, глубоко проникаютъ въ сущность явленій и восходятъ на степень символовъ, знаменующихъ нѣчто неизмѣнное, постоянно сущее, вѣчное. Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій, Бобчинскій, Чичиковъ, Ноздревъ, Маниловъ, Собакевичъ, какъ идейное выраженіе не только русской дѣйствительности извѣстнаго времени, но и символизація явленій человѣческаго духа такъ же нерушимо прекрасны, такъ же вѣчны, какъ изваянія античнаго искусства, которыя никто не въ силахъ подправить или довершить. Маниловъ навсегда останется образнымъ представле-

ніемъ сентиментальности, какъ Собакевичъ есть поэтическое воплощеніе грубаго матеріализма и жестокости натуры. Типы, созданные творческою силою Гоголя, заслужили вмѣстѣ съ славнымъ именемъ ихъ автора право на безсмертіе: они пережили поэта, они постоянно у насъ на устахъ въ живой рѣчи, ихъ воспримутъ отъ насъ грядущія поколѣнія.

Глубокое пониманіе и истинное значеніе юмора, какъ великой нравственной силы, никому не доступно въ такой степени, какъ самому представителю этого литературнаго направленія.

Гоголь усматривалъ въ комическомъ изображеніи жизни могучее средство моральнаго воздѣйствія на общество, и, по его убѣжденію, высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ. На сѣтованія, что въ „Ревизорѣ нѣтъ ни одного честнаго лица, и потому комедію тяжело смотрѣть, авторъ возражалъ, что такимъ честнымъ лицомъ является смѣхъ, проникающій его пьесу, т.-е. авторъ хотѣлъ сказать, что смѣхъ надъ недостатками окружающей среды оказываетъ на нашу душу такое же возвышающее и облагораживающее вліяніе, какъ и созерцаніе великодушныхъ подвиговъ горячаго энтузіаста-борца за правду и общее счастье. „Смѣхъ излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка“, поучаетъ насъ Гоголь: „не справедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ: возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмущало человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу“.— Психологическою причиною такого умиротворяющаго дѣйствія комическихъ произведеній лежитъ въ міросозерцаніи юмориста. Писатель-юмористъ глубоко постигъ жизнь и людей. Своимъ поэтическимъ прозрѣніемъ проникаетъ онъ въ душу человѣческую, и тамъ, въ глубокихъ тайникахъ, его вдохновенному взору предстаютъ начала добра и зла въ ихъ постоян-

номъ столкновеніи и борьбѣ. Юмористъ знаетъ, что никто изъ смертныхъ не свободенъ отъ ошибокъ, отъ заблужденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забываетъ, что человѣкъ, какъ бы низко онъ ни палъ, хранитъ въ себѣ слѣды божественнаго образа и подобія, и потому юмористъ спокойно относится къ жизни, предвидя паденіе идеализма и ожидая возрожденія отъ сошедшихъ съ пути истины и добра. Съ вѣрою въ нравственныя силы у юмориста соединяется сострадание и любовь къ человѣку. „Въ глубинѣ холоднаго смѣха“, говоритъ Гоголь: „могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви.“ Гоголь смотрѣлъ на пошлость и зло жизни, какъ на явленія временныя, преходящія, и этимъ объясняется его объективность въ изображеніи порока, его уравновѣшенное отношеніе къ своимъ темнымъ героямъ. Много отступленій отъ правды видѣлъ Гоголь въ современной ему жизни; но для его всеобъемлющаго кругозора было ясно, что такія уклоненія отъ требованій разума и этики не представляютъ роковой опасности для общественнаго блага, что они слишкомъ ничтожны сравнительно съ тѣми духовными сокровищами, которыя поэтъ прозрѣвалъ въ душѣ русскаго человѣка. И горячая вѣра въ русскихъ людей, вѣра въ Россію, въ ея духовную мощь озаряютъ немерцающимъ свѣтомъ изображенія презрѣнной дѣйствительности, и мы, подъ обаяніемъ высокой личности поэта, запечатлѣвшейся въ каждомъ актѣ его творчества, приходимъ вмѣстѣ съ нимъ къ конечному убѣжденію, что, какъ ни мрачна нарисованная имъ картина русской жизни, все-таки это наша Россія, намъ въ ней пріютно и тепло, мы у себя дома, подъ своею родною крышей“. Эпическій тонъ повѣствованій Гоголя о несовершенствахъ русской дѣйствительности умѣряетъ наши порывы негодованія, разрѣшаетъ сомнѣнія, вселяя вѣру въ торжество справедливости и добра, а его могучій патріотизмъ, какъ невѣдомая сила, подымаетъ насъ на высоту того паѳоса, съ какимъ поэтъ вдох-

новенно восклицаетъ: „Русь, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?

Такимъ чудо-богатыремъ, богатыремъ слова, русской мысли и духа, и былъ чествуемый просвѣщенною частью русскаго общества нашъ великій писатель-юмористъ. Слава, нашему Гоголю, слава! великому печальнику Русской земли вѣчная память и вѣчная слава!

В. Ляскоронскій.

Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя.

Прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Гоголя, скажемъ о религіозномъ настроеніи его, дабы сдѣлались понятными приводимые ниже факты изъ послѣднихъ дней его жизни.

Николай Васильевичъ Гоголь несомнѣнно былъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Это чувство воспитала въ немъ, еще въ дѣтствѣ, его мать, Марія Ивановна, женщина очень религіозная, благочестивая, добрая и сострадательная. Начиная и оканчивая каждый свой день молитвой и прибѣгая къ молитвѣ же во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ своей жизни, она пріучила и сына своего къ молитвѣ. Строго соблюдая посты и установленные въ православной церкви обряды, она пріучила и сына своего къ такому же соблюденію ихъ. Будучи сострадательной къ нищимъ и обездоленнымъ, она заложила такое же чувство и въ своемъ сынѣ. Кромѣ того, мать сама сообщила своему сыну главнѣйшія основы христіанства. Она говорила ему о Богѣ и Его всемогуществѣ, о Спасителѣ міра и Его страданіяхъ на землѣ для спасенія рода человѣческаго, о страшномъ судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ и лютой мукѣ грѣшниковъ, о святыхъ христіанскихъ подвижникахъ и т. п.

Извѣстно, что, когда одиннадцатилѣтній Гоголь подвергался вступительному экзамену въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, то только по закону Божію онъ оказался очень хорошо подготовленнымъ, по другимъ же предметамъ имѣлъ слабыя познанія.

Впослѣдствіи уроки закона Божія въ гимназіи и главнымъ образомъ собственное размышленіе и самоуглубленіе Гоголя придали опредѣленное выраженіе тому религіозному чувству, основу котораго заложила въ немъ мать. И религіозное благочестіе самою яркой полосой проходитъ чрезъ всю жизнь великаго писателя. Приведемъ хотя нѣсколько фактовъ проявленія религіозности Гоголя.

Извѣщеніе о смерти отца (1826 г.) сильно поразило Николая Васильевича. Онъ скрылъ отъ товарищей свое глубокое горе, отпросился у начальства гимназіи въ городъ и отправился прямо въ церковь. Здѣсь, ставши въ углу, чтобы не быть никѣмъ замѣченнымъ, онъ сталъ изливать свое чувство въ молитвѣ. Чрезъ часъ онъ вышелъ изъ церкви нѣсколько успокоеннымъ. На другой день онъ, между прочимъ, писалъ къ матери: «Я сей ударъ (т.-е. смерть отца) перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался своему горю, но Богъ не допустилъ меня до отчаянія... Благодарю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія горести».

Въ послѣдующихъ письмахъ Гоголя къ матери мы постоянно встрѣчаемъ или утѣшеніе ея надеждой на Промыслъ Божій, или выраженіе своей глубокой вѣры, что всѣми явленіями въ жизни управляетъ Провидѣніе. «Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ», пишетъ онъ: «такъ медлитъ съ помощью, и мы должны благословлять Его святую волю». Или въ другомъ письмѣ: «Какъ будто отъ самого Бога посѣщаетъ меня мысль, что все дѣлается съ намѣреніемъ, что сѣется между нами огорче-

ніе для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью».

Испытывая на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Петербургъ невзгоды, Гоголь обращается тоже къ молитвѣ, какъ къ вѣрному средству утѣшенія. Онъ не начиналъ ни одного дѣла безъ молитвы. Намѣреваясь, напр., издать свою повѣсть: «Ганцъ Кюхельгартенъ», онъ цѣлое утро молится. Вотъ какъ описываетъ это одинъ изъ его біографовъ: «Гоголь всю ночь не спалъ— писалъ. Поутру слуга, заглянувъ въ комнату барина, увидѣлъ Гоголя молящимся въ углу передъ образомъ съ неугасимой лампадой. «Доброе дѣло!» подумалъ слуга. «Какъ ни какъ, а маменька—то благочестію съ малыхъ лѣтъ пріучила». Слуга осторожно притворилъ дверь; но, когда онъ, нѣсколько погодя, открылъ ее во второй, а затѣмъ и въ третій разъ, въ полной уже увѣренности, что теперь-то, конечно, не помѣшаетъ, то, къ большему еще изумленію своему, увидѣлъ барина все тамъ же на колѣняхъ кладущимъ земные поклоны».

Извѣстно, что Гоголь, живя въ 1844 году въ Парижѣ, каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ русскую церковь, изучалъ чинъ литургіи съ помощью одного знатока греческаго языка и писалъ «Размышленіе о божественной литургіи», а, живя нѣсколько позже въ Ниццѣ, онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ русскихъ знакомыхъ читалъ творенія святыхъ отцовъ церкви и велъ разговоры о религіозно—нравственныхъ вопросахъ. Какое вліяніе онъ оказывалъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ, видно изъ слѣдующимъ словъ письма одного изъ нихъ: «Да благословитъ васъ Богъ! вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь,—этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ итти не хочется. На немъ растутъ прекрасныя розы благоуханныя, сладко душу успокаи-

вающія. Если бы мы всѣ хорошо вполнѣ понимали, что душа—сокровище,—мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни; но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякій такъ счастливо находитъ друга, какъ я».

Извѣстно, что Гоголь посѣщалъ монастыри, гдѣ усердно молился; что онъ ѣздилъ въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мощамъ, и что, получивши въ благословеніе отъ преосвященнаго Иннокентія икону Спасителя, онъ несказанно обрадовался этому и, пришедши съ этой иконой въ рукахъ къ Аксаковымъ, весь сіяя отъ радости, сказалъ: «Я ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ. Наконецъ, Иннокентій благославилъ меня, и я ѣду ко гробу Господню». И дѣйствительно, вскорѣ онъ отправился въ Неаполь, а оттуда (въ 1848 г.) въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ. Это было послѣднее его заграничное путешествіе.

Но не въ однѣхъ только молитвахъ и путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ выразилось религіозное настроеніе Гоголя, а также и въ добрыхъ дѣлахъ: такъ, напр., будучи самъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ предназначилъ выручку отъ продажи своихъ сочиненій въ пособіе бѣднѣйшимъ и способнѣйшимъ студентамъ, тщательно скрывая, отъ кого именно идетъ это пособіе. Живя въ Римѣ, онъ постоянно помогалъ бѣднымъ художникамъ, при чемъ, чтобы прикрыть оказываемую имъ помощь, онъ пріобрѣталъ у нихъ картины, которыя потомъ разсылалъ по церквамъ. Чтобы обезпечить мать и сестеръ, онъ отписалъ въ пользу ихъ принадлежащую ему часть имѣнія.

Нужно замѣтить, что Гоголь вообще не любилъ разоблачать передъ другими свой внутренній міръ, свое настроеніе; тѣмъ болѣе онъ скрывалъ отъ другихъ свои религіозныя чувства, и съ людьми, равнодушными къ рели-

гіознымъ вопросамъ или безъ должнаго уваженія относившимися къ этимъ вопросамъ, онъ совершенно не разговаривалъ объ этихъ вопросахъ.

Все изложенное можетъ служить къ вѣрному освѣщенію приводимыхъ ниже фактовъ изъ послѣднихъ дней жизни поэта.

Гоголь отъ природы обладалъ слабымъ здоровьемъ, онъ былъ золотушенъ, хилъ. Это было причиной того, что въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ удалялся отъ игръ, требующихъ физической силы и ловкости, предпочитая оставаться въ уединеніи или отдаваться умственнымъ развлеченіямъ.

Усиленная творческая дѣятельность, которой онъ отдался по пріѣздѣ въ Петербургъ, не могла не отразиться вредно на его организмѣ. Петербургскій климатъ тоже не могъ не вліять вредно на его здоровье. Но не столько труды и климатъ подкашивали его здоровье, какъ тѣ душевныя огорченія, которыя ему приходилось переживать. Гоголь былъ въ высшей степени впечатлителенъ. Къ тому же, всякое горе онъ скрывалъ въ себѣ, не проявлялъ его наружу. А это, какъ извѣстно, сильно подкашиваетъ здоровье.

Пріѣхавши въ Петербургъ съ розовыми надеждами, Гоголь долженъ былъ разочароваться въ самыхъ дорогихъ своихъ надеждахъ. Онъ надѣялся, что съ пріѣздомъ въ Петербургъ ему откроется широкое поле дѣятельности на пользу отечества, въ дѣйствительности же онъ не могъ найти себѣ дѣятельности, и, хотя впослѣдствіи нашлось мѣсто въ департаментѣ, но оно требовало отъ него лишь переписки бумагъ да подшиванія ихъ. Онъ надѣялся, что будетъ жить на лучшей улицѣ столицы, окнами на Неву; въ дѣйствительности же ему пришлось поселиться въ домѣ на одной изъ самыхъ неопрятныхъ улицъ, въ четвертомъ этажѣ. Онъ надѣялся, что въ

столицѣ найдетъ полное удовлетвореніе своимъ высокимъ эстетическимъ потребностямъ; въ дѣйствительности же оказалось, что такое удовлетвореніе требуетъ много денегъ, а ихъ у него не было. Онъ полагалъ, что лица, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма или съ которыми ранѣе былъ знакомъ, встрѣтятъ его съ распростертыми объятіями, въ дѣйствительности же они приняли его довольно холодно, а нѣкоторыя и совсѣмъ не приняли. Все это огорчало и разстраивало его. Деньги, взятыя изъ дому, были на исходѣ: нужно было добыть ихъ, и онъ печатаетъ привезенную имъ изъ Нѣжина повѣсть: «Ганцъ Кюхельгартенъ»; но безпощадная критика смѣшала съ грязью не только повѣсть, но и творца ея, и Гоголь въ отчаяніи собираетъ экземпляры своего «Ганца» и сожигаетъ ихъ въ номерѣ гостиницы.

Съ появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргорода», счастье какъ будто улыбнулось Гоголю; но съ выходомъ въ свѣтъ лучшихъ его произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», снова посыпались на него огорченіе за огорченіемъ: «Ревизора» долго не разрѣшали ставить на сцену, а потомъ, когда онъ появился на сценѣ, всѣ сословія напали на автора его; «Мертвыя души» долго не разрѣшались цензурой къ печатанію,—все это разстраивало Гоголя, мучило его. «Я усталъ душою и тѣломъ», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу толковъ, вызванныхъ «Ревизоромъ»: «клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса». А сколько душевныхъ страданій ему пришлось перенести отъ нападокъ, вызванныхъ «Завѣщаніемъ» и «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями»!

Обстоятельствомъ, при которомъ всѣ невзгоды осо-

бенно живо, болѣзненно воспринимались Гоголемъ, служило его одиночество. Онъ не имѣлъ при себѣ близкихъ лицъ, при которыхъ всякое горе—въ полгоря. Со времени выѣзда изъ родины, при немъ были только люди чужіе: или наемные, или же смотрящіе на него, какъ на «дойную корову». Даже лучшіе, повидимому, люди, у которыхъ ему приходилось жить, мучили его, отравляли его жизнь своею безсердечностью. Приведу хотя слѣдующій фактъ. Будучи въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, Гоголь жилъ на квартирѣ въ домѣ П., издававшаго журналъ: «Москвитянинъ». Журналъ шелъ плохо. Издатель хотѣлъ привлечь къ сотрудничеству Гоголя и его именемъ поднять свой журналъ. Напрасно Гоголь увѣрялъ его, что не имѣетъ ничего готоваго, что не въ состояніи въ данное время писать. Квартирный хозяинъ не допускалъ въ жизни автора такихъ періодовъ, когда ему «не творится», и безпрестанно мучилъ Гоголя, требуя у него статей въ свой журналъ, при чемъ устраивалъ ему непріятныя сцены и распространялъ про него нелестные слухи. Легко понять, какъ болѣзненно дѣйствовали на нервную, впечатлительную натуру Гоголя подобныя требованія, сцены и слухи. Онъ не хотѣлъ ни открыто поссориться съ П., уѣхавъ изъ его дома; ни даже разсказывать другимъ о его неделикатныхъ поступкахъ. Онъ молчалъ, но втайнѣ мучился и раздражался.

Въ одномъ изъ писемъ того времени (1845 г.) онъ говоритъ: «Душа изнывала отъ страшной тоски, и ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ»,

Лучшимъ другомъ Гоголя былъ Пушкинъ. Гоголь благоговѣлъ передъ нимъ, преклонялся и передъ его талан-

томъ, и передъ качествами его души. Пушкинъ былъ для Гоголя и руководителемъ-наставникомъ, и вдохновителемъ. Извѣщеніе о смерти Пушкина сильно поразило Гоголя. Вотъ какимъ воплемъ выразилось въ словахъ горе послѣдняго: «Моя утрата», писалъ онъ Погодину: «всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, а я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго,— всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой («Мертвыя души») есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка моего труда не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ; угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди. Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?».

Всѣ указанныя обстоятельства подтачивали здоровье Гоголя, разстраивали его нервную систему. Онъ становился болѣзненно-раздражительнымъ, скучнымъ. Иногда случались съ нимъ нервные припадки, при чемъ онъ по нѣскольку минутъ оставался безъ движенія, даже безъ сознанія.

Въ 1849 году Гоголь прибылъ изъ Іерусалима въ Москву. Здѣсь онъ вторично сталъ писать второй томъ «Мертвыхъ душъ» (Говорю «вторично», такъ какъ года три передъ тѣмъ онъ, въ минуту душевной тоски, сжегъ рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ», совершенно приготовленую къ печати). Творческая работа под-

вигалась впередъ. Уже нѣкоторыя главы онъ прочитывалъ въ кругу московскихъ знакомыхъ и приводилъ послѣднихъ въ восторгъ ими... Но здоровье Гоголя было въ высшей степени уже разстроено: онъ былъ блѣденъ, худъ и изнуренъ; знакомыхъ онъ посѣщалъ рѣдко, въ большихъ собраніяхъ былъ молчаливъ, разсѣянъ, угрюмъ.

На лѣто Гоголь уѣзжалъ въ деревню, а зиму 1850—51 года прожилъ въ Одессѣ, окончательно отдѣлывая II-ой томъ «Мертвыхъ душъ».

Лѣтомъ 1851 года онъ снова прибылъ въ Москву, чтобы приступить къ печатанію своего произведенія; но медлилъ отдавать его въ печать, продолжая передѣлывать его. Между тѣмъ здоровье его постепенно ухудшалось. Значительную часть своего времени онъ удѣлялъ на чтеніе «Четий Миней» и книгъ духовнаго содержанія; кромѣ того, онъ посѣщалъ монастыри и со слезами молился въ нихъ.

Зиму 1851—52 года онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и разстроеннымъ. Нервное разстройство вызывало въ немъ припадки невыносимой тоски. Скоропостижная смерть Хомяковой, къ которой Гоголь относился съ большимъ уваженіемъ, сильно потрясла его. Имъ овладѣлъ мучительный «страхъ смерти», приступы котораго онъ испытывалъ уже и ранѣе. Онъ сказалъ объ этомъ своему духовнику, и тотъ старался успокоить его, но напрасно. На масляной недѣлѣ Гоголь началъ говѣть. Онъ ничего не ѣлъ, кромѣ просфоры, и проводилъ ночи безъ сна на молитвѣ. Въ четвергъ на той же недѣлѣ онъ исповѣдался у своего духовника— въ отдаленной части города и причастился. Передъ принятіемъ Святыхъ Таинъ Гоголь молился, обливаясь слезами. Священникъ замѣтилъ, что онъ былъ такъ слабъ, что еле держался на ногахъ. Несмотря на такую слабость,

Гоголь вечеромъ пріѣхалъ къ духовнику и просилъ его отслужить молебенъ. Ночью съ пятницы на субботу, когда Гоголь стоялъ на молитвѣ, ему послышались голоса, говорившіе, что онъ скоро умретъ. Онъ послалъ за священникомъ, чтобы пособороваться; но, когда священникъ пришелъ, онъ нѣсколько успокоился и отложилъ совершеніе таинства до другого дня. Онъ позвалъ къ себѣ графа А. П. Толстого, въ домѣ котораго жилъ, и просилъ его взять совершенно приготовленную къ печати рукопись второго тома «Мертвыхъ душъ» и послѣ его смерти отвезти ее къ одному духовному лицу, которое рѣшитъ, что съ нею слѣдуетъ сдѣлать. Толстой не согласился взять бумаги, чтобы не показать больному, что считаетъ положеніе его опаснымъ. Ночью, оставшись одинъ, Гоголь снова испыталъ тѣ ощущенія, которыя описывалъ въ своей «Перепискѣ съ друзьями». Душа его «замерла отъ ужаса при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ»; весь умирающій составъ его застоналъ, «почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся»... Его произведеніе («Мертвыя души») представилось ему, какъ представлялось часто и прежде, исполненіемъ долга, возложеннаго на него Создателемъ. Имъ овладѣлъ страхъ при мысли, что долгъ этотъ выполненъ имъ не такъ, какъ предначерталъ Творецъ, одарившій его талантомъ; что писаніе его вмѣсто пользы, вмѣсто приготовленія людей къ жизни вѣчной, окажетъ на нихъ вредное вліяніе. Долго, со слезами молился онъ; потомъ въ три часа ночи разбудилъ слугу своего, велѣлъ ему открыть трубу

въ каминѣ, вынулъ бумаги изъ портфеля, связалъ ихъ въ трубку и положилъ въ каминъ. Слуга бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не жечь бумагъ, чтобы не жалѣть потомъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло», отвѣчалъ Гоголь и зажегъ бумаги. Углы тетрадей обгорѣли и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и самъ ворочалъ бумаги, крестясь и молясь, пока онѣ ни превратились въ пепелъ. Слуга плакалъ и говорилъ: «Что это вы сдѣлали!»—«Тебѣ жаль меня?» сказалъ Гоголь, обнялъ, поцѣловалъ его и самъ заплакалъ.

Онъ вернулся въ спальню, легъ въ постель и продолжалъ плакать. На утро, когда свѣтъ дня разсѣялъ мрачныя картины, рисовавшіяся воображенію его ночью, онъ сталъ горько сожалѣть, что сжегъ свое лучшее, любимое произведеніе. Когда пришелъ графъ Толстой, Гоголь съ сокрушеніемъ разсказалъ ему, какая судьба постигла второй томъ «Мертвыхъ душъ», и жалѣлъ, что графъ не взялъ у него раньше рукописи. Легко представить себѣ, какую душевную муку переживалъ Гоголь отъ сознанія, что его лучшее твореніе, для созданія котораго онъ употребилъ много времени и труда, и въ которомъ вылились его лучшіе идеалы, не существуетъ.

Гоголь впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ друзей или, когда они приходили, просилъ ихъ удалиться подъ предлогомъ, что хочетъ отдохнуть. Онъ почти ничего не говорилъ, но часто дрожащею рукою писалъ изреченія религіознаго содержанія. Отъ всякаго лѣченія онъ отказывался, увѣряя, что никакое лѣченіе уже не поможетъ. Онъ, видимо, готовился къ переходу въ загробную жизнь. Такъ прошла первая недѣля Великаго поста. Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособоровать-

ся. Съ живою радостью Гоголь принялъ предложеніе. Во время совершенія таинства онъ молился со слезами и за евангеліемъ держалъ слабой рукой свѣчу. Во вторникъ ему стало какъ будто легче, но въ среду у него сдѣлался страшный припадокъ нервной горячки, и въ четвергъ, 21-го февраля, въ 8 часовъ утра, онъ скончался (въ 1852 г.).

Вѣсть о смерти Гоголя поразила его друзей и почитателей, такъ какъ они надѣялись, что онъ еще поправится. Горе ихъ еще болѣе усилилось, когда они узнали, что вторая часть «Мертвыхъ душъ» сожжена и не явится въ свѣтъ.

Тѣло покойнаго, какъ почетнаго члена университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, въ университетскую церковь и оставалось тамъ до выноса. На похоронахъ присутствовали представители литературы и университетской науки, а также многія высокопоставленныя лица, напр.: генералъ—губернаторъ, попечитель учебнаго округа и друг. Гробъ вынесли изъ церкви профессора, а студенты несли его до самаго Данилова монастыря, гдѣ и опустили въ землю рядомъ съ могилой поэта Языкова. На надгробномъ памятникѣ Гоголя вырѣзаны слова пророка Іереміи: «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся».

Закончу эту статью слѣдующими словами И. С. Аксакова, сказанными въ годъ смерти поэта: «Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ, сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ; эта страшная торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть,—все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую

великую, грозную поэму, смыслъ которой остается долго неразгаданнымъ».

Къ этимъ словамъ прибавлю еще слѣдующія слова, сказанныя о Гоголѣ же современнымъ намъ професоромъ Кирпичниковымъ: «Великъ, кто при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ сохранилъ въ себѣ чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу и до самаго тяжкаго конца устремлялъ всѣ силы ея на служеніе общему благу и истинѣ и стремился къ духовному самоусовершенствованію».

К. Ельницкій.

О жизни и твореніяхъ Гоголя *).

Сегодня вся Русская земля празднуетъ славную память геніальнаго русскаго писателя, Николая Васильевича Гоголя, по случаю истекшаго 50-лѣтія со дня его кончины. Во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ концахъ нашего необъятнаго отечества, куда только успѣлъ проникнуть хотя бы слабый лучъ просвѣщенія, чествуютъ этого знаменитѣйшаго послѣ Пушкина представителя нашей національной гордости и славы на поприщѣ словеснаго искусства, чествуютъ—кто какъ можетъ: одни произносятъ торжественныя рѣчи о немъ, другіе устраиваютъ школы его имени, третьи учреждаютъ стипендіи при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, называютъ въ городахъ его именемъ улицы, скверы, и уже давно, еще съ 1880 года, идетъ по подпискѣ собираніе необходимыхъ средствъ на постановку ему величественнаго памятника въ Москвѣ, гдѣ ужъ въ означенномъ году поставленъ памятникъ А. С. Пушкину, его славному учителю, современнику и сподвижнику.

Мы также собрались здѣсь, чтобы почтить память славнаго поэта хотя бы краткимъ воспоминаніемъ о жизни и произведеніяхъ его и прочтеніемъ отрывковъ изъ его геніальныхъ твореній.

Н. В. Гоголь-Яновскій, малороссіянинъ по происхожденію, родился въ малороссійской деревнѣ Васильевкѣ, Миргородскаго у., Полтавской губерніи; дѣт-

---

*) Рѣчь, читанная во 2-й Пензенской гимназіи 21 февраля 1902 г.

ство свое, до 10-лѣтнаго возраста, провелъ въ той же деревнѣ, учился въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко (нынѣ Историко-Филологическій институтъ) въ Нѣжинѣ, Черниг. губ. По окончаніи здѣсь курса, молодой Гоголь отправляется въ Петербургъ (1828 г.), поступаетъ на службу въ одинъ изъ департаментовъ; затѣмъ, оставивъ чиновничью службу, года три занимается преподаваніемъ въ Патріот. институтѣ и Петерб. университетѣ. Здѣсь же, въ Петербургѣ, знакомится и даже вступаетъ въ дружескія связи съ виднѣйшими писателями того времени, въ особенности съ А. С. Пушкинымъ, В. А. Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и Одоевскимъ. Въ 1836 году начинается его скитальческая жизнь: 12 лѣтъ онъ живетъ за границей, преимущественно въ Италіи, лишь изрѣдка посѣщая родину. По возвращеніи въ Россію, окончательно разстроивъ свое здоровье, онъ умираетъ въ 1852 мъ году 21 февраля въ Москвѣ, гдѣ и находится его могила, на кладбищѣ Данилова монастыря.

Прежде всего мы коснемся здѣсь крупнѣйшихъ вліяній, способствовавшихъ развитію богатыхъ природныхъ дарованій нашего писателя; потомъ попытаемся кратко охарактеризовать его произведенія и опредѣлить ихъ значеніе для русской литературы и русскаго общества.

Природа и жизнь Малороссіи, родная семья и близкія къ ней лица, школа и общество—вотъ главные дѣятели, такъ или иначе вліявшіе на духовную личность и на характеръ твореній нашего великаго юмориста.

Отъ природы чуткая ко всему прекрасному душа поэта легко подчинялась обаянію картинъ природы благословенной Малороссіи, ея безграничныхъ равнинъ и степей, ея темно-синяго неба, ея темныхъ и звѣздныхъ ночей, мягко морозныхъ зимою и нѣжно-теплыхъ лѣ-

томъ; ея жаркихъ, ясныхъ, безоблачныхъ лѣтнихъ дней; ея плавно текущихъ рѣкъ съ прибрежными лѣсами. Поэтъ любилъ простоту жизни и поэтическіе обычаи своихъ соплеменниковъ; его нѣжную душу трогали то очаровательныя по содержанію и мотивамъ задушевныя пѣсни его родины, то полныя историческаго смысла знаменитыя думы, въ которыхъ столь живо, столь вѣрно, передаются событія историческаго прошлаго Малороссіи: то бѣдственнаго, то славнаго,—событія борьбы ея съ врагами ея вѣры, языка и народности.

Сильное отъ природы воображеніе поэта питалось многочисленными, то мрачными и страшными, то комическими и забавными, но всегда обаятельно поэтическими народными повѣрьями и сказаніями.

Вмѣстѣ съ родной семьей онъ жилъ жизнью, близкою къ жизни простого народа, какъ и все тогдашнее малороссійское дворянство, не увлекавшееся иностранщиной, не оторванное, подобно дворянству великороссійскому, отъ родного народа.

Вообще, достаточно только вспомнить его юношескіе «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», чтобы убѣдиться въ могущественномъ воздѣйствіи на поэтическія дарованія поэта со стороны малорусской природы и жизни.

Не меньшую роль въ этомъ отношеніи слѣдуетъ приписать и родной семьѣ поэта.

Гармонически спокойныя, проникнутыя живѣйшею искренностью и сердечностью взаимныя отношенія членовъ этой семьи неотразимо благотворно дѣйствовали на юное сердце поэта, отъ природы чувствительное.

Особенною силою отличалось религіозное вліяніе матери, женщины съ рѣдкою глубиною и искренностью религіознаго настроенія. Здѣсь же, въ родной семьѣ,

подъ вліяніемъ послѣдней, возникаютъ и литературныя наклонности и даже самое направленіе ихъ въ будущемъ великомъ юмористѣ, и это должно приписать, во-первыхъ, литературнымъ преданіямъ семьи; во-вторыхъ, тогдашнему раннему знакомству будущаго поэта съ зачатками тогдашней малорусской литературы, особенно же литературнымъ способностямъ и занятіямъ отца его, человѣка, безусловно образованнаго, автора комедій изъ малорусскаго быта, хорошаго разсказчика, большого театрала и актера, постоянно занятаго устройствомъ представленій на домашнихъ театрахъ.

Въ гимназію Гоголь является съ рѣдкою въ его годы наклонностью къ литературнымъ занатіямъ и къ сценѣ, гдѣ эта наклонность вполнѣ обнаруживается.

Прилежаніемъ и успѣхами въ гимназіи онъ не отличался. Тѣмъ не менѣе пребываніе въ ней поэта не можетъ быть признано безполезнымъ для него, ибо «самое общество товарищей, самая возможность обмѣниваться съ ними мыслями и чувствами, удовлетвореніе литературныхъ наклонностей, товарищеская оцѣнка первоначальныхъ литературныхъ опытовъ,—все это питало, возбуждало, укрѣпляло литературныя дарованія Гоголя и подготовляло къ блестящему выраженію этихъ дарованій въ будущемъ» (Лавровскій Н. А.).

Изъ отдѣльныхъ лицъ, вліяніе которыхъ на Гоголя въ семейные и школьные годы не подлежитъ сомнѣнію, слѣдуетъ назвать Трощинскаго, знатнаго родственника Гоголей, жившаго въ сосѣдствѣ и дружбѣ съ послѣдними: на пылкое воображеніе будущаго поэта дѣйствовала, несомнѣнно, самая домашняя обстановка этого пышнаго вельможи и бывшаго министра императрицы Екатерины II, а также его разсказы о жизни въ столицѣ, о службѣ, государственныхъ дѣятеляхъ того времени и

дворѣ и проч. Богатая библіотека Трощинскаго также всегда была къ услугамъ молодого Гоголя.

Но, конечно, только вышедши изъ тѣснаго круга семьи и школы, Гоголь получилъ возможность наблюдать жизнь непосредственно, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Столица, въ которую онъ попалъ вскорѣ по оставленіи гимназіи, дала ему массу матеріала для наблюденій, массу новыхъ, незнакомыхъ провинціалу, впечатлѣній; здѣсь онъ, можетъ-быть, въ первый разъ познакомился съ тою тиною мелочей, пошлостей и вообще всяческой нравственной грязи, которая впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ изображенія въ его сочиненіяхъ. Изъ петербургскихъ знакомствъ Гоголя наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, знакомство съ Пушкинымъ. Своимъ проницательнымъ умомъ, безошибочнымъ художническимъ чутьемъ послѣдній сразу постигъ необыкновенныя дарованія своего новаго пріятеля и внушилъ ему рѣшимость выступить на писательское поприще и затѣмъ сдѣлался его учителемъ, руководителемъ и другомъ.

Вотъ какъ самъ великій ученикъ опредѣляетъ взаимныя свои отношенія съ великимъ учителемъ и значеніе послѣдняго для себя:

«Все наслажденіе мое, все мое высшее наслажденіе», пишетъ Гоголь послѣ смерти Пушкина: «исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя души»),

внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо, и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ былъ для Гоголя Пушкинъ. Изъ московскихъ друзей Гоголя слѣдуетъ упомянуть особенно о писателяхъ славянофильскаго кружка (каковы: Аксаковы, Погодинъ), слѣды вліянія котораго на Гоголя ясны и несомнѣнны (лирическія отступленія въ «Мертвыхъ душахъ»).

Переходя къ характеристикѣ произведеній Гоголя, мы должны сказать, что имя его неразрывно связано съ именемъ Пушкина—не только личными отношеніями, но также и общимъ характеромъ ихъ дѣятельности, содержаніемъ ихъ великихъ твореній и литературно-общественнымъ значеніемъ послѣднихъ: оба они являются величайшими выразителями русскаго народнаго духа, представителями русскаго народнаго самосознанія. Въ ихъ твореніяхъ съ небывалою до нихъ да и послѣ нихъ глубиною, широтою и полнотою отразилась русская жизнь, русская душа, русская природа. Взаимно дополняя другъ друга, изображая—одинъ прекрасную, положительную сторону жизни, другой темную, отрицательную, они составляютъ какъ бы одно гармоническое цѣлое. Эти богатыри русской духовной мощи, русскаго слова, олицетворили въ себѣ весь русскій народъ въ его двухъ главныхъ разновидностяхъ—великорусской и малорусской, подобно тому, какъ былинные богатыри силы тѣлесной олицетворяютъ физическую силу русскаго народа; они воплотили въ себѣ тѣ свойства, которыми онъ отличается отъ другихъ народностей.

Въ исторіи почти каждаго великаго историческаго народа существуютъ такія свойства, такія черты; въ дѣяніяхъ каждаго такого народа замѣчаются обыкно-

венно господствующія, преобладающія цѣли, интересы, идеалы и стремленія: у одного народа преимуществуютъ въ жизни теоретическіе научные интересы, интересы ума; у другого—эстетическіе, интересы искусства; у третьяго этическіе, нравственные, и проч.

Въ исторической жизни русскаго народа красною нитью проходятъ послѣдняго рода стремленія и идеалы, идеалы нравственно-христіанскіе, стремленія къ высшей нравственной правдѣ, къ осуществленію ея въ дѣйствительной жизни, въ отношеніяхъ между людьми—идеалы, то ясно сознанные и выраженные, то лишь смутно чувствуемые.

Но самая высота этихъ идеаловъ и многія условія исторической жизни русскаго народа затрудняли, задерживали проведеніе ихъ въ жизнь, и послѣдняя представляла постоянныя противорѣчія съ этими идеалами. Отсюда постоянная неудовлетворенность русскаго человѣка, недовольство его дѣйствительностью, господство въ русскомъ человѣкѣ отрицательнаго отношенія къ ней, доходящее иногда до уродливыхъ преувеличеній, до самоуниженія, до самооплеванія; отсюда же господство или по крайней мѣрѣ преобладаніе въ русской словесности отрицательныхъ направленій, къ которымъ принадлежатъ, можно сказать, почти всѣ лучшія произведенія русскаго художественнаго слова.

Къ тому же направленію относятся и творенія нашего великаго юмориста; онъ есть самый яркій выразитель идеально-нравственныхъ стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательныхъ явленій жизни.

Отрицательныя явленія жизни, то мелкія, пошлыя, ничтожныя; то безнравственныя и отвратительныя, глубоко противорѣчащія указаннымъ идеаламъ, и составляютъ существенное содержаніе произведеній нашего

великаго поэта. Отношеніе послѣдняго къ означеннымъ явленіямъ выражается въ его юморѣ, представляющемъ одинъ изъ видовъ смѣшного, комическаго.

Но это не есть смѣхъ презрѣнія, вражды, ненависти къ людямъ, уклонившимся отъ идеала, пошлымъ, низкимъ,—это—смѣхъ, соединенный съ грустью, даже со слезами,—«смѣхъ сквозь слезы», какъ выразился о немъ самъ Гоголь. Это не есть смѣхъ Лермонтова, запечатлѣнный стихомъ, «облитымъ горечью и злостью», или злой, бичующій смѣхъ Ювенала,—это скорѣе смѣхъ Сервантеса и Диккенса, не выражающій и не внушающій полнаго отчаянія въ возможности возрожденія падшаго человѣка, въ возможности возстановленія нравственнаго достоинства послѣдняго и возвращенія къ нравственной жизни: съ этимъ смѣхомъ соединена вѣра въ то̀, что даже и въ самомъ падшемъ человѣкѣ сохраняется искра Божія; мало этого: въ немъ, въ этомъ смѣхѣ, заключается даже чувство любви къ падшему, стремленіе возвратить ему образъ Божій. Не во всѣхъ однако сочиненіяхъ Гоголя замѣчается настоящій юморъ и отрицательное содержаніе. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ произведенія ранней юности Гоголя, а именно: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», общимъ содержаніемъ которыхъ служитъ изображеніе малорусской жизни, по преимуществу простого народа, его повѣрія и суевѣрія, его обычаи и бытъ, а также украинская природа.

Веселый смѣхъ «Вечеровъ» существенно отличается отъ юмора въ настоящемъ смыслѣ слова: это беззаботный смѣхъ жизнерадостнаго, безгранично и неудержимо веселаго отъ природы юноши, еще слишкомъ мало знакомаго съ противорѣчіями жизни, съ ея пошлостью, глупостью и безнравственностью. Слѣды настоящаго

юмора здѣсь еще очень слабы и совершенно теряются среди господствующихъ свѣтлыхъ картинъ и настроенiй.

Но уже въ слѣдующемъ по времени сборникѣ: «Миргородъ», эти слѣды становятся много явственнѣе и обильнѣе; здѣсь уже къ молодому, повидимому, невинному смѣху примѣшивается легкая грусть. «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа»,—такими словами заканчиваетъ поэтъ одну изъ своихъ повѣстей второго сборника. Настоящей же силы и глубины достигаетъ юморъ Гоголя въ петербургскихъ повѣстяхъ и особенно въ знаменитой комедiи: «Ревизоръ», и поэмѣ: «Мертвыя души».

Дѣйствительно, не столько смѣшны, сколько печальны эти Сквозники-Дмухановскiе, Ляпкины-Тяпкины, Земляники, Шпекины и другiе представители уѣзднаго чиновничества, наивно забывающiе элементарнѣйшiя требованiя правды, человѣческаго закона и своей совѣсти; не меньшую грусть способны внушить эти, повидимому, только смѣшные прокуроры, предсѣдатели и другiе обыватели губернскаго Олимпа, сознательно нарушающiе законъ ради одного прiятнаго знакомства; эти Чичиковы—«прiобрѣтатели», на словахъ «нѣмѣющiе предъ закономъ», а на дѣлѣ спокойно грабящiе казенныя таможни и открыто предпринимающiе завѣдомо беззаконныя сдѣлки; эти безтолковые, сентиментальные мечтатели Маниловы; злорѣчивые, грубые и чревоугодливые Собакевичи; «эти историческiе человѣки» —Ноздревы, славящiеся широтою и безшабашностью своей натуры, прожиганiемъ жизни; пустоголовые, хвастливые и въ высокой степени мелочные Хлестаковы и вообще всѣ прочiе столичные, губернскiе и уѣздные чиновники и чиновницы, помѣщики и помѣщицы, преданные единственно и исключительно удовлетворенiю своихъ мелочныхъ, пошлыхъ, нерѣдко низменныхъ, беззаконныхъ и

безнравственныхъ склонностей, желаній, страстей и страстишекъ,—чуждые всякихъ мало-мальски серьёзныхъ интересовъ жизни. О степени реальности всей этой безконечной галлереи типовъ свидѣтельствуетъ то, что рѣдкое изъ ихъ именъ не сдѣлалось нарицательнымъ; потомки ихъ еще и въ настоящее время сплошь и рядомъ встрѣчаются на каждой ступени русской общественной лѣстницы.

И эти герои, дѣйствительно, способны вызвать да и вызываютъ въ читателѣ или слушателѣ не столько смѣхъ, сколько глубокую грусть, доходящую до унынія. Такое же душевное состояніе вызвали они и въ самомъ геніальномъ художникѣ, нарисовавшемъ ихъ. Не даромъ же во время чтенія поэмы: «Мертвыя души», у Пушкина вырвалось невольное восклицаніе: «Боже! какъ грустна наша Русь!» Эта грусть нашего геніальнаго юмориста перешла въ настоящую меланхолію, когда ему не удалась его попытка изобразить «прекраснаго человѣка», т.-е. положительную сторону русской жизни и такимъ образомъ обнять всю ее, съ ея достоинствами и недостатками: такого «прекраснаго человѣка» въ русской дѣйствительности не оказалось, и типы 2-го т. «Мертвыхъ душъ» представили явное нарушеніе художественной правды

Значеніе дѣятельности Гоголя и его твореній для русской литературы и русскаго общества, безъ сомнѣнія, огромно, и не легко рѣшить вопросъ о томъ, кому изъ двухъ нашихъ геніальныхъ писателей—Пушкину или Гоголю,—отдать пальму первенства въ глубинѣ, силѣ и широтѣ ихъ вліянія на дальнѣйшій ходъ развитія русской литературы и русскаго общества. Оба они являются, какъ сказано выше, выразителями русскаго народнаго генія; оба они уже свободны отъ вліянія

иноземщины и въ содержаніи, и въ формѣ своихъ замѣчательныхъ твореній и внесли эту свободу окончательно и безповоротно во всѣ роды и виды нашей литературы, окончательно направивъ послѣднюю въ родное русло, изъ котораго отдѣлились новые могучіе рѣки, потоки и ручьи; оба они признали одинаковые законы русскаго художественнаго слова и вообще русскаго искусства и т. д. Но, если Пушкинъ превосходилъ Гоголя степенью своего образованія, силою своего художественнаго генія; если онъ въ иныхъ мѣстахъ своихъ твореній возвышается до общечеловѣческаго значенія и поднимается на тѣ вершины творчества, на которыхъ царятъ міровые геніи Шиллера, Гете, Шекспира, Мицкевича, то все же въ степени, силѣ, широтѣ вліянія на послѣдующее литературное движеніе въ Россіи онъ долженъ, кажется, уступить нашему великому юмористу, своему великому ученику.

За Гоголемъ, по нашему мнѣнію, непосредственно, а не за Пушкинымъ пошли самые могучіе таланты нашей литературы въ изображеніи реальной жизни, каковы: Достоевскій съ его знаменитымъ психическимъ анализомъ, съ его страстнымъ стремленіемъ къ личному нравственному самосовершенствованію, съ его глубокою любовью къ падшему человѣку; Тургеневъ, этотъ, по его собственному выраженію, заклятый врагъ величайшей общественной неправды, крѣпостничества, этого источника всякихъ другихъ неправдъ на Руси; особенно же Щедринъ, съ своими архи-реальными, хотя иногда и хватающими черезъ край, сатирами; Островскій съ цѣлымъ роемъ своихъ комедій, составляющихъ потомство знаменитаго «Ревизора»; даже А. Толстой во многихъ своихъ произведеніяхъ, а также Гончаровъ и Л. Толстой и многіе другіе,—

тогда какъ ближайшее литературное потомство Пушкина составляютъ скромныя имена Дельвига, Языкова, Баратынскаго, двухъ Туманскихъ и проч., изъ коихъ сравнительно большею извѣстностью пользуются только болѣе далекіе потомки геніальнаго поэта—Аполл. Майковъ и Полонскій.

Школу послѣдователей Гоголя можно бы назвать натурально-художественною, а Пушкина—идеально художественною; если послѣдніе, помня завѣтъ своего учителя, предаются лишь «звукамъ сладкимъ и молитвамъ» *), то первые, слѣдуя вмѣстѣ съ Гоголемъ общимъ основамъ Пушкинскаго творчества, принимаютъ участіе, нерѣдко даже самое горячее, и «въ житейскихъ волненіяхъ и битвахъ», въ битвахъ, конечно, не за «корысть», а за тѣ идеалы, за которые страдалъ и боролся ихъ знаменитый учитель.

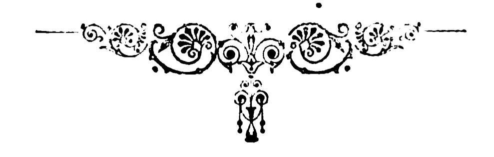
Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію высокое значеніе Гоголя вм. съ Пушкинымъ и для нравственнаго развитія русскаго общества. Будучи самъ лично глубоко проникнутъ религіозно-нравственными основами, дошедши въ своей личной жизни до аскетизма, убѣжденный въ необходимости для писателя возможнаго нравственнаго совершенства, онъ пропиталъ, такъ сказать, тѣми же основами и свои произведенія и тѣмъ могущественно содѣйствовалъ нравственному возрожденію русскаго общества. Къ нему не вполнѣ приложимы слова Пушкина: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ» и проч.: онъ больше

*) Ред. нѣсколько не согласна со сказаннымъ. См. по этому вопросу въ «Фил. Зап.» за 1899 г. ст.: «Памяти А. С. Пушкина».

походилъ на Пушкинскаго и Лермонтовскаго пророка, чѣмъ сами творцы этото образа; онъ, дѣйствительно, по словамъ Пушкина: «глаголомъ жегъ сердца людей». Сила дѣйствія этого жгучаго, пламеннаго пророческаго слова ясно видна изъ того впечатлѣнія, какое произвелъ его «Ревизоръ» на современниковъ автора, изъ коихъ многіе узнали себя въ герояхъ комедіи, но не послѣдовали совѣту пословицы: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

И не больше ли перу Гоголя, чѣмъ Севастопольскому погрому, обязанъ тотъ покаянный вопль, который раздался послѣ этого погрома въ средѣ прототиповъ героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»? Не имъ ли, вмѣстѣ съ ихъ литературнымъ потомствомъ, слѣдуетъ приписать послѣдовавшее затѣмъ рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ, а также другія великія реформы Александра II?

В. Шамраевъ.



Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи русскаго самосознанія *).

Одинъ изъ знаменательныхъ моментовъ переживаетъ сегодня Россія. Накопилось однимъ фактомъ больше въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Не безъ радости и гордости мы можемъ считать себя участниками и свидѣтелями тѣхъ исключительныхъ моментовъ проявленія самосознанія, которые въ назиданіе потомству достойны занесенія да несомнѣнно и будутъ занесены на страницы русской исторіи. Такими моментами проявленія нашего самосознанія являются въ послѣднее время литературныя поминки и юбилейныя торжественныя чествованія выдающихся общественныхъ дѣятелей и особено дѣятелей литературы. Недавно и очень недавно, всего два съ небольшимъ года, на нашу долю выпала высокая честь участвовать въ торжественномъ всероссійскомъ праздникѣ въ память геніальнѣйшаго представителя русской поэзіи—Пушкина,—праздникѣ просвѣщенія,—праздникѣ, объединившемъ духовно не только всю великую и обильную Русь, но и тѣ „славянскіе ручьи,“ которые издавна находятся въ семейномъ, домашнемъ спорѣ. Памятны также, смѣю надѣяться, для всякаго русскаго сердца и торжественные литературные юбилеи и поминки Лермонтова, Кольцова, Григоровича, Бѣлинскаго, Грибоѣдова и др., которые имѣли мѣсто въ концѣ XIX-го столѣтія; памят-

*) Рѣчь, сказанная въ Одесской Ришельевской мужской гимназіи и 2-й городской женской гимназіи 21-го февраля 1902 года.

ны и дни, когда русская публика оплакивала маститаго старца Гончарова или вспоминала 50-лѣтіе со дня появленія въ печати перваго произведенія великаго Достоевскаго. А если всѣ эти моменты памятны для русскаго человѣка, если отмѣчаются обществомъ такіе факты, какъ появленіе въ печати перваго произведенія хотя бы и великаго писателя, то, значитъ, далеко уже ушло то время, когда у насъ вѣнчались лишь герои на полѣ брани; напротивъ, къ общей нашей великой радости, настало время вѣнчать подвиги мысли и просвѣщенія, безкровныя побѣды въ области духа; настала пора вѣнчать людей, которые провозглашаютъ „любви и правды чистыя ученія", „глаголомъ жгутъ сердца людей", и этимъ, а не инымъ путемъ ведутъ насъ къ неотъемлемымъ мирнымъ завоеваніямъ.

И, дѣйствительно, къ такимъ мирнымъ завоеваніямъ въ области духа мы, русскіе, пришли сравнительно въ очень короткій промежутокъ времени благодаря литературѣ, выдвинувъ изъ своей среды цѣлый рядъ величайшихъ на этомъ поприщѣ представителей, признанныхъ не только у насъ въ Россіи, но и у всѣхъ образованныхъ народовъ Западной Европы и Америки. Именно литературой, этимъ важнѣйшимъ факторомъ культуры, а ничѣмъ инымъ, мы прежде всего заявили всему остальному міру о своей великой духовной мощи и самобытности. Вѣдь при отсутствіи литературы у извѣстнаго народа нѣтъ и мѣста этому народу въ общемъ движеніи по пути прогресса. Литература это великая сила, помогающая картинно и наглядно изображать лучшія человѣческія стремленія, извѣстныя подъ именемъ идеаловъ, которые всегда и вездѣ свидѣтельствуютъ о Прометеевой искрѣ въ природѣ человѣческой и которые, подобно маякамъ, освѣщаютъ умственный и нравственный мракъ современнаго состоянія общества; литература учитъ насъ пониманію жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; словомъ, гдѣ существуетъ

литература, тамъ только и возможно самосознаніе общественное, національное, а, слѣдовательно, и движеніе впередъ. Не даромъ же нѣтъ страны, нѣтъ народа, который не гордился бы тѣмъ или инымъ поэтомъ или писателемъ. Греція гордилась Софокломъ и Гомеромъ, Римъ Овидіемъ и Гораціемъ, Италія гордится Данте, Франція—Мольеромъ; Германія—Шиллеромъ и Гёте, Англія—Шекспиромъ и Байрономъ; мы, русскіе, Пушкинымъ и Гоголемъ, Грибоѣдовымъ и Лермонтовымъ, Тургеневымъ и Достоевскимъ, Гончаровымъ и Толстымъ и мн. др. Но собственно вся послѣдующая плеяда знаменитыхъ русскихъ писателей даже до нашихъ дней обязана Пушкину и Гоголю, этимъ по истинѣ столпамъ русской литературы, у которыхъ черпали и продолжаютъ черпать, какъ изъ неизсякаемаго источника, вѣчно юную духовную силу и мощь всѣ послѣдующіе русскіе писатели. Подобно ручьямъ и притокамъ многоводной рѣки, изрѣзывающимъ въ различныхъ направленіяхъ поверхность земли, русскіе писатели, унаслѣдовавъ завѣщанное на всѣ времена Пушкинымъ и Гоголемъ великое духовное богатство, разсѣялись по русской жизни во всѣхъ направленіяхъ, изрѣзавъ ее въ томъ или иномъ отношеніи, вскрывъ наружу всѣ язвы русской жизни, освѣтивъ тотъ дальнѣйшій желательный путь, по которому она неуклонно должна итти, чтобы принести плодъ сторицею.

Гордое сознаніе одушевляетъ насъ, собравшихся сегодня (21 февр.) сюда, какъ и всю Россію, чтобы отдать долгъ почтенія и благодарности одному изъ геніальнѣйшихъ поэтовъ-писателей за все то, что онъ сдѣлалъ для насъ и что завѣщалъ намъ. Вы уже знаете, чье имя объединило духовно насъ сегодня, собравъ всѣхъ вмѣстѣ. Ровно 50-тъ лѣтъ тому назадъ отошелъ отъ насъ въ вѣчность великій человѣкъ, поэтъ—бытописатель земли Русской, Николай Васильевичъ Гоголь. Кому на Руси не извѣстно имя этого великаго писа-

теля? Кто изъ насъ не восхищался его „Тарасомъ Бульбой"? Кто читалъ безъ трепета страшнаго „Вія", полнаго ошеломляющихъ ужасовъ? А смѣшные малороссы въ „Сорочинской ярмаркѣ"?—А добродушные старички—Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна? У кого чело не омрачалось глубокой думой надъ печальными явленіями общественной русской жизни, которыя такъ художественно и ярко изобразилъ Гоголь въ безсмертныхъ типахъ своихъ произведеній: „Ревизоръ" и „Мертвыя души"? Кто, читая малороссійскія повѣсти, не смѣялся вмѣстѣ съ Гоголемъ тѣмъ жизнерадостнымъ, искреннимъ и непринужденнымъ смѣхомъ, которымъ проникнута вся его книга, и кто, наконецъ, изъ русскихъ людей, вдумчиво относясь и слѣдя за изображеніемъ въ произведеніяхъ Гоголя пошлой стороны жизни, не испыталъ на себѣ силы того смѣха сквозь слезы, который, по словамъ самого Гоголя, „весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка... который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы; „безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка" („Театр. разъѣздъ").

Поистинѣ всѣмъ русскимъ людямъ дороги произведенія родного нашего писателя Гоголя и драгоцѣнны такъ же, какъ дорога наша семья, братья и сестры, любимыя наши родныя мѣста, нашъ домъ и садъ, словомъ, все то, что окружаетъ насъ съ младенческихъ нашихъ лѣтъ. Очарованіе и обаяніе произведеній Гоголя такъ сильно и могуче, что даже самый лѣнивый человѣкъ и тотъ—не оторвется отъ книги, разъ онъ её началъ читать. Да, рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ на сѣренькомъ фонѣ русской жизни того времени является Гоголь—поэтъ, Гоголь-бытописатель. А рѣдкіе, великіе люди, какимъ былъ у насъ Гоголь, всѣмъ извѣстно, родятся вѣками. Провидѣніе посылаетъ ихъ только тогда, когда люди нуждаются въ особой помощи свыше для того, чтобы хоть немного имъ приблизиться къ идеалу совершен-

ства. Столь рѣдкое появленіе такихъ людей, какъ Гоголь, обусловливаетъ, конечно, и ихъ значеніе.

Великихъ людей, которые рождаются вѣками и насчитываются не сотнями, а единицами, человѣчество всегда высоко цѣнило и цѣнитъ. Память о нихъ издавна чтилась съ благодарностью и у древнихъ, и у новыхъ народовъ: имена ихъ отмѣчены на скрижаляхъ всемірной исторіи крупными, золотыми буквами. Но изъ всѣхъ когда-либо появлявшихся великихъ людей особеннымъ значеніемъ и почетомъ пользовались всегда поэты, и память о нихъ всегда была особенно дорога человѣчеству по тому вліянію, какое имѣли они на современниковъ и потомство. Къ нимъ, къ этимъ вдохновеннымъ избранникамъ, относилось древнее слово—vates, что означало пророка, возвѣщавшаго людямъ волю боговъ языкомъ божественнымъ. Такимъ-то вдохновеннымъ vates и былъ у насъ, русскихъ, Гоголь, память котораго сегодня и чествуетъ вся Россія,—Гоголь, который вмѣстѣ съ Пушкинымъ создалъ нашу самобытную литературу,—Гоголь, на которомъ воспиталась вся послѣдующая плеяда русскихъ писателей великой и малой величины во главѣ съ Достоевскимъ и Толстымъ,—Гоголь, который оставилъ намъ завѣтъ стремиться къ истинѣ и совершенству, любить добро и восхищаться красотой природы,—который научилъ насъ своими произведеніями любить родную Русь и страдать за нее.

Велики и количественно, и качественно творенія Гоголя, и намъ въ краткой рѣчи представляется крайне затруднительнымъ сколько-нибудь поглубже заглянуть въ нихъ, чтобы выяснить всесторонне значеніе ихъ какъ для современниковъ, такъ и для нашего времени. Я хотѣлъ бы остановиться на выясненіи духовнаго облика незабвеннаго нашего писателя и указать только отчасти на ту роль его произ-

веденій, которую суждено было имъ сыграть въ исторіи развитія нашего самосознанія [1]).

[1]) Невольно считаю нужнымъ оговориться, приступая къ обрисовкѣ духовнаго облика Гоголя. Послѣднее время приходится повсюду: и въ періодическихъ изданіяхъ, и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ наталкиваться на такія разоблаченія относительно личности того или другого писателя: и отошедшаго въ вѣчность, и еще благополучно здравствующаго, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, не умѣстны и скорѣе компрометируютъ самихъ разоблачителей, чѣмъ тѣхъ, которые служатъ виновниками такихъ разоблаченій. Копаться въ душѣ и вытаскивать всякій соръ на свѣтъ Божій —по меньшей мѣрѣ не деликатно, и всякій изъ насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, считая такой поступокъ не только предосудительнымъ, но и прямо недозволеннымъ съ точки зрѣнія свойственныхъ намъ нравственныхъ понятій, старается всякій разъ оградить себя, какъ личность, отъ такихъ услугъ непрошенныхъ пріятелей.

Подобную же услугу, намъ кажется, оказываютъ тому или другому писателю любители разоблаченій интимной ихъ жизни. Особенно непріятное чувство испытываешь, когда приходится читать нѣчто подобное о писателяхъ, сошедшихъ уже со сцены жизни. Пусть даже имъ, какъ людямъ, свойственны были тѣ или другіе недостатки (вѣдь ничто человѣческое не чуждо человѣку), но какое потомству дѣло до ихъ недостатковъ? Умѣстнымъ, намъ кажется, припомнить здѣсь одинъ фактъ. Когда къ одному изъ выдающихся нашихъ писателей, который большую часть своей жизни провелъ внѣ Россіи, обращались его услужливые соотчичи съ просьбой сообщить о своей жизни данныя, то онъ, указавъ на свои произведенія, посовѣтовалъ по нимъ судить о его жизни. Послѣдуемъ же и мы этому совѣту, вѣдь дѣло, которому служитъ человѣкъ,—есть лучшая его характеристика, какъ личности, поскольку она имѣетъ отношеніе и къ современникамъ, и особенно къ потомству.

Обратимся поэтому къ произведеніямъ Гоголя, остановимся на нѣкоторыхъ основныхъ свойствахъ личности Гоголя, насколько они проявляются въ его произведеніяхъ, и насколько ихъ можно замѣтить въ началѣ его развитія. Прежде всего необходимо отмѣтить въ Гоголѣ необыкновенный даръ наблюдательности, живой, поэтической,—наблюдательности, проявившейся въ Гоголѣ съ раннихъ лѣтъ. Объ этой своей чертѣ Гоголь самъ свидѣтельствуетъ въ началѣ VI гл. первой части „Мертвыхъ душъ". „Прежде, давно", говоритъ онъ: „въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: всё равно, была ли это деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой—нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ одинёшенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новой церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, сѣрой, желтѣвшей вдали; съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ"...

„Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую узкую деревянную колокольню или широкую темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали сквозь древесную зелень—красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь“ [2])... Достаточно этого одного отрывка изъ произведеній Гоголя, чтобы судить о той тонкой наблюдательности автора, отъ которой ровно ничто не укрывается: все видитъ, все замѣчаетъ авторъ: и каменный казенный домъ, и куполъ церкви, и уѣзднаго франта, и покрой сюртука, и пѣхотнаго офицера, и купца въ сибиркѣ, и даже ящики съ сѣрой и мыломъ, и банки съ высохшими конфектами, и замѣчательно, что каждый предметъ, каждая вещь, какъ бы она велика или незначительна ни была, воспринимается авторомъ со всѣми ея отличительными особенностями. Для такой наблюдательности мало обыкновеннаго зрѣнія и способности: нуженъ особый даръ, особая способность души! Объ этой удивительной способности души Гоголя свидѣтельствуютъ и школьные товарищи его по гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородка, передавая въ своихъ воспоминаніяхъ о неподражаемомъ талантѣ Гоголя подмѣчать и передавать характерныя черты людей, ихъ привычки, способы выраженія со всѣми оттѣнками. Эта же черта въ Гоголѣ (необыкновенная наблюдательность) прежде всего и сильнѣе всего поражаетъ и Пушкина. Въ своей „Авторской Исповѣди“ Гоголь разсказываетъ, какъ однажды, послѣ того, какъ онъ прочелъ Пушкину одно небольшое изображеніе небольшой сцены, которое однакожъ поразило его больше всего, прежде читаннаго Гоголемъ, Пушкинъ сказалъ

---

[2]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд, 12-е, редакц. Тихонравова, т. IV-й, «Мертвыя души», стр. 120—121.

ему: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ". Далѣе Гоголь передаетъ, что благодаря именно этой чертѣ его Пушкинъ отдаетъ ему сюжетъ „Мертвыхъ душъ", изъ котораго самъ хотѣлъ сдѣлать что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ никому другому [3]).

Наконецъ, вотъ еще одно мѣсто изъ сочиненій Гоголя, гдѣ самъ онъ, основываясь на авторитетѣ приговора Пушкина, опредѣляетъ главную свою особенность, какъ писателя. „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго моего существа не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей" [4]). Да, дѣйствительно, нельзя не согласиться вмѣстѣ съ Пушкинымъ, произнесшимъ этотъ приговоръ, что вся мелочь, которая обыкновенно ускользаетъ отъ глазъ не только обыкновенныхъ людей, но и выдающихся по своей способности наблюдать первоклассныхъ нашихъ писателей, въ произведеніяхъ Гоголя очень и очень рельефно выступаетъ, и замѣчательно при этомъ то, что не только мелочь, неважныя подробности предметовъ и явленій видимыхъ, но и самые мельчайшіе изгибы человѣческой души и сердца не ускользаютъ отъ наблюдательнаго, зоркаго духовнаго ока Гоголя. Вѣроятно, сознавая

---

[3]) «Авторская исповѣдь», стр. 274, т. V-й.

[4]) «Выбранныя мѣста изъ переп.», т. 5-й, стр. 94.

въ себѣ эту рѣдкую черту, Гоголь и повторяетъ неоднократно въ своихъ произведеніяхъ выраженіе: „ястребиный взоръ наблюдателя". Люди, знавшіе Гоголя уже въ періодъ его авторства, отмѣчаютъ въ немъ громадную способность всматриваться въ жизнь: такъ, напр., Тургеневъ, слушавшій его лекціи и потомъ встрѣчавшійся съ нимъ, замѣчаетъ, что у Гоголя было „постоянное проницательное выраженіе лица"; а Анненковъ, біографъ Пушкина, вспоминаетъ „о приросшей къ его лицу наблюдательности".

Надѣленный отъ природы такою удивительною наблюдательностью, какъ то мы видѣли на основаніи собственнаго признанія Гоголя въ его произведеніяхъ и свидѣтельства о немъ товарищей и авторитетныхъ его современниковъ, Гоголь отличался къ тому же необыкновеннымъ искуствомъ разузнавать и разспрашивать. Самъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ 1838 года передаетъ объ этомъ такъ: „Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моими товарищами, и тотъ натурально въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого только было и нужно; я уже былъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ" [5]). Чтобы имѣть истинное представленіе объ умѣньи Гоголя разспрашивать и разузнавать, стоитъ вспомнить, какъ мужики говорили про Плюшкина, отправлявшагося на утреннюю прогулку: „Вонъ ужъ рыболовъ пошелъ на охоту!" стоитъ вспомнить дальше замѣчаніе Гоголя относительно Плюшкина, что „послѣ него незачѣмъ было мести улицу, и что, если баба, какъ—нибудь зазѣвавшись у

[5]) Къ М. П. Балабиной. Письма Гоголя въ 4-хъ томахъ, ред. Шенрока, т. 1-й, стр. 544.

колодца, позабывала ведро, онъ (т.-е. Плюшкинъ) утаскивалъ и ведро"; стоитъ вспомнить это, чтобы безъ преувеличеній имѣть право сказать то же самое и о Гоголѣ. Не даромъ однажды Пушкинъ весело замѣтилъ: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя"; а самъ Гоголь писалъ о себѣ: „Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни". Достаточно для убѣжденія въ особой способности Гоголя—разузнавать и разспрашивать заглянуть въ его письма къ роднымъ и знакомымъ, которыхъ онъ положительно заваливаетъ вопросами самаго разнообразнаго характера,—о томъ, напр., какъ они одѣваются, проводятъ время; нѣтъ ли у нихъ какихъ поговоровъ, и при этомъ онъ всегда проситъ сообщить ему все до „самой послѣдней букашки". И не только—въ письмахъ: Гоголь не стѣсняется и печатно просить всѣхъ—отъ журналистовъ и литераторовъ до читателей невысокаго образованія и простого званія, которыхъ только умудрилъ Богъ грамотой, присылать ему всевозможныя замѣтки по поводу его книги: „Мертвыя души": въ предисловіи ко 2-му изданію перваго тома „Мертвыхъ душъ" Гоголь такъ обращается къ читателю: „Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но, если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ, и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ... Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. При томъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть,

что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ... Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое либо мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее" [6])... Въ концѣ своего предисловія Гоголь заявляетъ, что все будетъ принято имъ съ благодарностью.

Достойно также удивленія и то, что, благодаря поразительной способности запомнить каждую мелочь, Гоголь весь пестрый, до крайности разноколибренный житейскій матеріалъ, добытый имъ въ различные періоды своей жизни, крѣпко держалъ въ своей головѣ. Но для того, чтобы изъ того разнообразнаго матеріала, который при „ястребиномъ взорѣ наблюдателя" накопилъ Гоголь въ разное время своей жизни, вышло какое-либо примѣненіе, необходимо было умѣть имъ воспользоваться. Безподобныя произведенія Гоголя, какъ нельзя лучше, доказываютъ, что Гоголь обладалъ удивительною способностью претворять сырой, разношерстный, хаотическій матеріалъ своихъ наблюденій въ безсмертные, чудные по своей свѣжести и правдѣ образы. Въ этомъ отношеніи Гоголь всецѣло обязанъ особой своей душевной способности—фантазіи и живому, не поддающемуся никакому анализу, воображенію. Богатые задатки этой способности коренились въ самомъ психическомъ складѣ богато одаренной натуры Гоголя. Потребность уноситься въ міръ привлекательныхъ фантастическихъ грезъ замѣтно сказывается уже въ школьный періодъ Гоголя: въ „Авторской исповѣди" онъ говоритъ, что школьные товарищи его отмѣчали уже въ

[6]) Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 281—285.

немъ способность не умѣнья передразнивать, а угадывать человѣка, т. е. „что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей“ [7]). Если мы откроемъ произведенія Гоголя и остановимъ свое вниманіе на его лирическихъ отступленіяхъ, напр. о дорогѣ: „Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога!... Сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ; сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!“ [8])... или на воспоминіи о впечатлѣніяхъ дѣтства въ началѣ VI главы „Мертвыхъ душъ“, когда послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ вниманіе Гоголя, онъ говоритъ: (я) „уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо,—я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ“..., а немного далѣе Гоголь замѣчаетъ, что, подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика и смотря на домъ, онъ старался угадать: „Кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическихъ смѣхомъ, играми и вѣчной красавицей меньшой сестрою, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь да говоритъ про скучную юности рожь и пшеницу“ [9])...; если мы остановимъ

---

[7]) «Авторская исповѣдь», т. V-й, стр. 273.

[8]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 250.

[9]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 121.

свое вниманіе на такихъ мѣстахъ произведеній Гоголя,—мѣстахъ, которыя имѣютъ чисто біографическое значеніе: то должны будемъ признать, что вмѣстѣ съ наблюдательностью жила въ чуткой еще дѣтской душѣ Гоголя богатая фантазія и пылкое воображеніе. Коренясь въ духовномъ складѣ Гоголя, фантазія была одной изъ господствующихъ чертъ въ теченіе цѣлой жизни Гоголя, хотя, правда, степень проявленія ея, насколько то можно судить по его произведеніямъ, и самый характеръ въ различную пору жизни Гоголя различны. Слѣдя постепенно за развитіемъ и характеромъ воображенія Гоголя, насколько оно сказалось въ его произведеніяхъ, можно прослѣдить и постепенный ростъ художественнаго творчества Гоголя. Но для насъ здѣсь болѣе важно указать на характеръ и степень проявленія этой способности въ различные періоды литературной дѣятельности Гоголя. Свѣтлою и радостною является фантазія Гоголя въ первую пору его литературной дѣятельности, какъ то можно судить по характеру чудныхъ, дышащихъ свѣжестью и нѣжнымъ благоуханіемъ грёзъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки". Жажда и потребность прекраснаго заставляла Гоголя въ этотъ періодъ времени погружаться въ поэтическую музыку очаровательныхъ образовъ, рисуя обаятельныя картины родной природы, въ своихъ произведеніяхъ,—очаровательныхъ въ своей простотѣ и наивности дѣвушекъ и дорогія, при всемъ своемъ комизмѣ, стороны родного украинскаго быта. Въ своей „Авторской исповѣди" самъ Гоголь указываетъ на характеръ своихъ первыхъ фантастическихъ образовъ и на тогдашнее свое настроеніе, которымъ вызваны были къ жизни эти роскошные цвѣты его ранняго творчества: „Причина", говоритъ Гоголь: „той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности... Чтобы развлекать

себя самого, я придумывалъ себѣ всё смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости" [10]). Точно также характеризуетъ фантазію первыхъ произведеній Гоголя и Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Вотъ что онъ писалъ: „Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки". Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности... Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ"... Насколько великъ и причудливъ былъ неудержимый полетъ фантазіи въ этотъ періодъ жизни Гоголя, можно судить по его повѣсти: „Вій", въ которой онъ достигаетъ высочайшей точки, кульминаціонная, такъ сказать, пункта своего развитія. Такъ, начавшись съ полукомической прогулки Хомы Брута на вѣдьмѣ, фантазія автора постепенно приводитъ насъ къ ужасной развязкѣ смерти сильнаго человѣка отъ страха. Или напр., поэтическая передача жалобы чудной полячки въ повѣсти: „Тарасъ Бульба",—это одинъ изъ многочисленныхъ образовъ силы полета фантазіи Гоголя. Полячка, по словамъ Гоголя, „отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилася въ жалостливыхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ

---

[10]) «Авторская исповѣдь», т. V-й., стр. 273.

тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятною грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ-то проѣзжающей телѣги“ [11]). Перечитывая эти чудныя строки, невольно удивляешься силѣ того полета пламенной фантазіи, который только и могъ перенести Гоголя отъ „тихихъ жалобъ“ полячки къ „тарахтанью гдѣ то проѣзжающей телѣги“.

Но недолго наслаждался Гоголь свѣтлыми, таинственными, обаятельно чудными, какъ сказки народа, созданіями своей фантазіи,—не долго радовался безпечной радостью художника: жизнь брала свое: уже въ произведеніи: „Вій“, въ которомъ вся природа Украйны говоритъ съ авторомъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, въ безысходной тоскѣ, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдьмой по безконечной степи философа Хомы Брута слышится тоска самого Гоголя и невольно переходитъ на читателя. Съ этой поры характеръ фантазіи Гоголя замѣтно мѣняется—и веселый, жизнерадостный смѣхъ, прихотливое дитя фантазіи его, постепенно уступаетъ мѣсто смѣху горькому, смѣху сквозь „незримыя слезы“. Мы не станемъ останавливаться на выясненіи характера фантазіи и образнаго ея проявленія въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ произведеній Гоголя: скажемъ только, что полетъ ея становился все тише и тише, отражая въ своемъ развитіи всѣ колебанія и перемѣны въ духовной жизни Гоголя. Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь о перемѣнѣ,

---

[11]) «Тарасъ Бульба», т. II-й, стр. 333.

происшедшей въ его духовной жизни, такъ говоритъ: „Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго"... и дальше: „Я самъ почувствовалъ (послѣ „Ревизора"), что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде: что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами" [12]).

Изъ этого свидѣтельства Гоголя о самомъ себѣ ясно видно, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ его духовнаго міросозерцанія мѣняется и характеръ смѣха, который звучитъ въ первыхъ произведеніяхъ, а, слѣд., вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его фантазіи въ творчествѣ, которая порождала этотъ смѣхъ. Творческая фантазія никогда, правда, не оставляла Гоголя, но она существенно отличалась какъ въ характерѣ, такъ и въ образахъ своего проявленія въ зависимости отъ внутренняго состоянія самого автора, и той цѣли, которою обусловливалось самое проявленіе ея въ произведеніяхъ: такъ, фантазія Гоголя могла создавать чудные и вмѣстѣ съ тѣмъ наивные образы разныхъ нечистыхъ, колдуновъ и вѣдьмъ въ „Вечерахъ на хуторѣ", когда въ юной душѣ Гоголя не было еще мутнаго осадка отъ жизни, и живо еще было юношеское влеченіе къ сказочнымъ сюжетамъ; когда же Гоголь вкусилъ отъ древа познанія жизни, со всѣми ея повседневными мелочами, то юношескія грезы фантазіи его уступаютъ мѣсто стремленію къ возстановленію душевнаго равновѣсія, нарушеннаго сутолокой жизни, и фантазія его работаетъ въ направленіи, гораздо болѣе близкомъ къ дѣйствительной жизни, чѣмъ прежде, и, чѣмъ

---

[12]) «Авторская исповѣдь, т. V-й, стр. 274—275.

ярче и выпуклѣе становится въ произведеніяхъ Гоголя изображеніе окружающей его дѣйствительности, тѣмъ больше и больше исчезаетъ наивное проявленіе фантазіи съ ея причудливыми образами, а въ самую сферу изображенія таинственнаго все больше и больше проникаетъ грустный элементъ обыденной житейской прозы. Самая страсть къ вымысламъ фантазіи начинаетъ постепенно ослабѣвать въ Гоголѣ и уступать мѣсто чистѣйшему реализму; читатель уже не можетъ не чувствовать, что авторъ (напр. въ „Невскомъ проспектѣ", „Шинели". „Портретѣ" и др.) прибѣгаетъ къ содѣйствію фантазіи для того, чтобы дать отдыхъ какъ себѣ, такъ и читателямъ, позволяя фантазіи насильственно разорвать преграду, отдѣляющую дѣйствительность отъ міра желаній. Эта-то потребность, жившая постоянно въ душѣ Гоголя,—потребность прибѣгать къ мечтѣ и къ создаваемымъ фантазіей свѣтлымъ образамъ съ цѣлью сколько-либо забыться отъ гнета тоскливой дѣйствительности и удовлетворить хотя на минуту неискоренимому желанію лучшаго,—эта потребность въ самый послѣдній періодъ творчества Гоголя сказалась въ тѣхъ возвышенныхъ безсмертныхъ лирическихъ отступленіяхъ, на которыхъ отдыхаетъ читатель вмѣстѣ съ авторомъ при чтеніи поэмы: „Мертвыя души".

Нельзя не отмѣтить въ Гоголѣ, основываясь на его произведеніяхъ, и высокаго эстетическаго вкуса. Нашъ почтенный критикъ Григорьевъ относительно тонкости эстетитическаго чувства въ Гоголѣ говоритъ: „Можетъ быть, ни одинъ писатель не былъ одаренъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, красоты полной, „существующей для всѣхъ и каждаго"; никто, наконецъ, такъ не полонъ сознанія о „прекрасномъ" физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель (т.-е. Гоголь), призванный очертить пошлость пошлаго человѣка". Да, по-

истинѣ это такъ. Перечитывая произведенія Гоголя, невольно поражаешься, какой неисчерпаемый источникъ красоты носилъ и питалъ въ себѣ Гоголь! Не даромъ же современники отнесли Гоголя къ идеалистамъ 40-хъ годовъ. Рано проявились въ Гоголѣ эстетическіе запросы: такъ, уже его товарищи по школѣ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуютъ о его пристрастіи къ изящной словесности и театру. Дальнѣйшая жизнь также благопріятствовала развитію эстетическаго вкуса и чувства. По пріѣздѣ въ Петербургъ Гоголь черезъ нѣкоторое время попадаетъ въ общество лучшихъ представителей и тонкихъ цѣнителей литературы и испытываетъ на себѣ вліяніе самого Пушкина, этого величайшаго изъ эстетиковъ. Затѣмъ жизнь Гоголя въ Италіи, въ этомъ храмѣ красоты и изящества, не могла не содѣйствовать укрѣпленію и воспитанію въ Гоголѣ именно того эстетическаго вкуса, которымъ запечатлѣна каждая страница его безсмертныхъ произведеній отъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" до послѣдняго включительно его произведенія: „Мертвыя души". Эстетическій вкусъ Гоголя въ равной степени сказывается во всемъ: описываетъ ли онъ картины родной Украйны и ея природы, даетъ ли изображеніе русской деревни, русскаго города, русской природы; рисуетъ ли помѣщичій и чиновничій бытъ, создаетъ ли длиный рядъ разнообразныхъ типовъ,— вездѣ съ изумительной силой чуется эстетическій вкусъ автора и художественное чувство мѣры. Стоитъ раскрыть любую страницу произведеній Гоголя, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вспомнимъ, напр., римскаго князя, любующагося Римомъ съ холма при наступленіи вечера, въ неоконченной Гоголемъ повѣсти „Римъ", и станетъ намъ понятно, какъ сильно было чувство красоты въ душѣ Гоголя, такъ какъ изображенный въ повѣсти римскій князь есть не кто иной, какъ самъ Гоголь. Вотъ это мѣсто: „...князь взглянулъ на Римъ и остановился: передъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ

вѣчный городъ... Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣе и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! какой видъ! Князь объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ“ [13]).

По прочтеніи только этихъ строкъ (а ихъ слишкомъ много у Гоголя), нельзя не воскликнуть: да, упиваться такъ, до самозабвенія, красотой можетъ только человѣкъ, проникнутый до послѣднихъ изгибовъ своей души гармоническимъ сочувствіемъ съ вѣчной красавицей-природой, т-е. человѣкъ, носящій въ своемъ сердцѣ идею красоты, человѣкъ съ высоко развитымъ эстетическимъ вкусомъ и чувствомъ. А такимъ-то и былъ нашъ писатель—Гоголь.

Отличался также Гоголь и способностью глубоко чувствовать. Одинъ изъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, Александръ Ивановичъ Герценъ, относительно произведенія Гоголя: „Мертвыя души“, замѣтилъ, что это—поэма глубоко выстраданная. А самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ своихъ въ 1843 году на вопросъ одного своего пріятеля: „Отчего герои послѣднихъ произведеній и въ особенности „Мертвыхъ душъ“, будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей; будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему близки душѣ, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное“, отвѣчаетъ такъ: „Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу всё: герои мои

---

[13]) «Римъ», т. III-й, стр. 189—190.

потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души" [14]). Это искреннее признаніе Гоголя уже въ то время, когда твердо опредѣлилась въ душѣ Гоголя цѣль и смыслъ его жизни и дѣятельности, даетъ намъ ясно понять, что его герои находили сочувственный отзвукъ въ его душѣ; что онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, переселялся въ нихъ, по крайней мѣрѣ въ моментъ созданія ихъ. И это дѣйствительно такъ. Вспомнимъ, напр, какое сильное, неизгладимое впечатлѣніе произвели слова несчастнаго, обижаемаго своими сослуживцами-чиновниками Акакія Акакіевича. „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" на того молодого человѣка, который по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ. Гоголь разсказываетъ дальше, что молодой человѣкъ послѣ этого „вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ среди самыхъ веселыхъ минутъ представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысинкой на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой". И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и

[14]) »Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ», Полн. собрн. сочин. Гоголя, редакція Тихонравова, 1894 г. изд. 12-е, т. V-й. стр. 93—94.

честнымъ" [15]). Перечитывая эти строки, невольно содрогнешься и подумаешь: это ли не великое любвеобильное сердце, способное такъ глубоко, такъ сильно страдать за ближняго, брата своего! Молодой человѣкъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—это самъ Гоголь. Не станемъ приводить другихъ примѣровъ (ими отъ начала до конца полны произведенія Гоголя), скажемъ только, что всякій читатель, если еще не огрубѣло и не очерствѣло окончательно его сердце, много, слишкомъ много, горячо и сильно перечувствуетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ, читая его книги.

Обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи произведеній Гоголя также и та особенность въ духовной организаціи Гоголя, которая заставляла его слишкомъ быстро переходить отъ веселости къ меланхоліи, мѣнять, такъ сказать, свое душенастроеніе. Эта черта, насколько можно судить по произведеніямъ и нѣкоторымъ письмамъ Гоголя, проходитъ красною нитью черезъ всю его жизнь. Такъ, еще въ дѣтствѣ настроеніе Гоголя мѣнялось слишкомъ быстро. Стоитъ заглянуть въ его письма къ родителямъ изъ Нѣжина отъ 13 и 14 августа 1821 года, чтобы убѣдиться, какъ радость и спокойное свѣтлое состояніе его духа 13 августа смѣнилось наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ на слѣдующій день [16]). Впослѣдствіи эта особенность въ Гоголѣ, уже юношѣ, послужила поводомъ для Пушкина назвать его „великимъ меланхоликомъ". Слѣдя последовательно за проявленіемъ этой черты въ Гоголѣ, мы не можемъ не замѣтить, что произведенія Гоголя—не только позднѣйшія, но даже первой поры его литературной дѣятельности, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ необыкновенно бы-

---

[15]) «Шинель», т. III-й, стр. 97—98.

[16]) «Къ отцу и матери», Нѣжинскія письма. Письма Н. В. Гоголя, ред. Шипрока, стр. 10—11, т. I-й.

струю смѣну душенастроеній въ авторѣ. Уже первая повѣсть Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ запечатлѣна этой чертой автора. Давъ прекрасное изображеніе Сорочинской ярмарки, веселой, пестрой, шумной, какъ всякая ярмарка,—ярмарки, завершающейся счастливой свадьбой, гдѣ и старый, и малый пустился въ плясъ, и на деревенской улицѣ всё понеслось и затанцовало,—Гоголь непосредственно переходитъ къ такому замѣчанію: „Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо“.

„Не такъ ли“, заканчиваетъ свою повѣсть Гоголь: „и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!“ [17]) Спрашивается, что же вызвало такой неожиданный, рѣзкій переходъ въ душенастроеніи автора? Вѣдь въ этой повѣсти, отъ начала до конца одна неудержимая, непринужденная веселость и радость! Ничѣмъ другимъ, конечно, нельзя объяснить грустный конецъ этой повѣсти, какъ только личною чертою автора. Припомнимъ далѣе, какъ Гоголь простодушно принялся было чертить истинно человѣческія фигуры Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и—остановился въ тяжеломъ раздумьи надъ страшнымъ трагическимъ fatum'омъ, лежащимъ въ самой непосредственности ихъ отношенія; вспомнимъ, съ какимъ

[17]) «Сорочинская ярманка», Соч. Гоголя, т. II-й, стр. 40-я.

гиперболически веселымъ юморомъ началъ изображать Гоголь безплодное существованіе Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и какъ, заканчивая свою картину, восклицаетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ припомнимъ замѣчаніе автора, брошенное вскользь при отъѣздѣ Чичикова изъ дома Коробочки:... „На свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ“ [18])... припомнимъ, наконецъ, поэтическія отступленія въ произведеніи: „Мертвыя души“,—отступленія, въ которыхъ слышится въ одно и то же время грусть и радостное, какъ бы торжествующее чувство, и—мы убѣдимся, что переходы отъ веселости къ меланхоліи—основная черта души Гоголя. Этой именно чертою и обусловливается отличительное свойство творчества Гоголя—юморъ, который самъ Гоголь объяснялъ въ себѣ „рѣзкой чертой южнаго россіянина“. „Рѣзкою чертою южнаго россіянина“—юморомъ, въ которомъ слышится одновременно и веселость, и горькое чувство, или иначе: зримый міру смѣхъ, возбуждаемый противорѣчіями жизни, и незримыя и невѣдомыя ему слезы объ уклоненіяхъ человѣка отъ его высокаго назначенія, запечатлѣны всѣ произведенія Гоголя; на юморѣ, какъ основной чертѣ, основывается характеристика всей литературной дѣятельности Гоголя; юморъ, а не что иное, послужилъ поводомъ вырѣзать надписи надъ его гробницей: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“, а на памятникѣ въ Нѣжинѣ, гдѣ учился Гоголь, на лицевой сторонѣ: „Опредѣлено мнѣ чудной властью... озирать жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя и невѣдомыя ему слезы“.

Нельзя пройти молчаніемъ и не замѣтить въ произведеніяхъ Гоголя и еще одной изъ основныхъ его чертъ духовной организаціи—его религіоз-

[18]) «Мертвыя души», т. 4-й, стр. 62.

ности въ связи съ серьёзнымъ отношеніемъ къ нравственной сторонѣ жизни. Религіозное чувство и настроеніе Гоголь вынесъ изъ родительскаго дома. Особенное вліяніе на развитіе религіознаго настроенія въ Гоголѣ имѣла мать: съ первыхъ проявленій сознанія сына она старалась утверждать въ его душѣ то религіозное чувство, которое нашъ великій писатель, храня и оберегая, пронесъ, какъ святыню, невредимо черезъ всѣ стадіи своей жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери въ 1833 году Гоголь такъ отзывается о вліяніи на религіозный čладъ своего духа. „Одинъ разъ“, говоритъ Гоголь въ своемъ письмѣ: „я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“ [19]). Вотъ это-то вліяніе матери въ дѣтствѣ главнымъ образомъ и было причиною повышеннаго религіознаго настроенія въ теченіе всей жизни нашего писателя. Напрасно усиливается критика доказать, что въ жизни Гоголя произошелъ съ 1840 г. якобы рѣзкій, внезапный переломъ въ его религіозномъ настроеніи. Не станемъ ссылаться въ опроверженіе истинности этого взгляда на „Авторскую исповѣдь“ самого автора, въ которой Гоголь искренно и чистосердечно знакомитъ насъ съ постепеннымъ развитіемъ своего религіознаго настроенія,—не станемъ ссылаться потому, что „Авторская исповѣдь“ относится къ тому періоду жизни Гоголя, когда критика признаетъ Гоголя уже въ состояніи религіозной экзальтаціи. Но стоитъ вспомнить только поэтическое обращеніе Гоголя къ Палестинѣ,

---

[19]) «Письма Н. В. Гоголя», ред. Шенрока.

которое относится еще къ 1831 г., когда автору было всего 21 годъ, чтобы убѣдиться, что религіозная настроенность владѣла имъ въ ранніе годы его жизни. Вотъ это поэтическое обращеніе: „Каменистая земля; презрѣнъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка не ровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницей. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ Младенецъ; надъ Нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на Него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда, и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ. Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула древняя Грецiя, опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, пращуръ земли!" [20]) Только въ состояніи высокаго религіознаго настроенія можетъ вылиться изъ души человѣка подобная поэтическая картина при одномъ воспоминаніи о рожденіи Спасителя! Присоединимъ сюда также прекрасное изображеніе инока Григорія въ повѣсти: „Портретъ", написанной въ 1834 г.,—изображеніе, которое возможно примѣнить съ незначительными измѣненіями къ позднѣйшему душевному настроенію Гоголя: „Онъ находился", говорится въ повѣсти: „въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію, и, чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы... Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большой силой. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудны-

20) «Жизнь», т. 1-й, стр. 266.

ми снами. Онъ видитъ на каждомъ шагу видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены, глазъ его уже не видитъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма" [21]). Такихъ проявленій глубоко религіознаго настроенія души Гоголя можно привести много, слѣдя за его произведеніями въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, и они-то неопровержимо свидѣтельствуютъ, что религіозное настроеніе въ Гоголѣ было постояннымъ, но что съ каждымъ годомъ оно возрастало, пока, наконецъ, ни стало господствующимъ и ни овладѣло всѣмъ его существомъ, выразившись въ стремленіи къ самоусовершенствованію въ нравственномъ отношеніи при помощи религіи.

Весьма тѣсно съ религіознымъ чувствомъ Гоголя связано и серьёзное отношеніе его къ нравственой сторонѣ жизни. Кому неизвѣстна та упорная внутренняя работа Гоголя надъ самимъ собой, надъ самоусовершенствованіемъ самого себя, которая предваряла созданіе сожженнаго нѣсколько разъ 2-го тома „Мертвыхъ душъ". Вотъ что пишетъ Гоголь Плетневу въ 1843 году: „Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что и нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій" [22]). И дѣйствительно, для своего нравственнаго просвѣтленія и очищенія Гоголь задумываетъ и приводитъ въ исполненіе свою поѣздку ко гробу Господню въ Іерусалимъ въ надеждѣ очистить свои помыслы, душу и сердце, чтобы исполнить тотъ великій долгъ писателя, за который онъ долженъ дать отчетъ Богу. Стоитъ только быстро

[21]) «Портретъ», т. 1, стр. 210.

[22]) Письмо Гоголя Плетневу 1843 г., Шенрокъ, т. III й.

перелистать „Авторскую исповѣдь“ — Гоголя, чтобы убѣдиться какъ серьёзно, какъ глубоко авторъ относится къ исполненію своего долга, долга писателя, съ того момента, какъ вопросъ о поприщѣ служенія на благо ближнимъ и государству былъ рѣшенъ имъ окончательно и безповоротно. Но не только въ „Авторской исповѣди“, въ этомъ воплѣ измученной и наболѣвшей души, гдѣ всего ярче и нагляднѣе отразился весь умственный и нравственный складъ Гоголя, но и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Гоголь, всегда скрытный передъ самыми близкими людьми, торжественно и всенародно возглашалъ то, что захватывало и переполняло его душу. Вотъ что, напр., въ повѣсти Гоголя: „Портретъ“, старый художникъ, инокъ-отшельникъ, заповѣдуетъ сыну, тоже художнику, отправляющемуся въ Италію, относительно чистоты нравственной: „Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненья... Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту одной каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна“ [23]). Безъ преувеличенія можно сказать, что старецъ-художникъ-это самъ Гоголь съ его возвышеннымъ образомъ мыслей и серьёзнымъ отношеніемъ къ нравственной сторонѣ своего я въ жизни. Судя по этому отрывку нужно удивляться, какія непомѣрныя требованія въ нравственномъ отношеніи предъявляетъ

[23]) «Портретъ», т. III-й, стр. 13.

Гоголь къ себѣ, какъ человѣку, надѣленному талантомъ. Ни одного пятнышка, ни одной капли грязи на свѣтломъ нарядѣ отмѣченнаго талантомъ человѣка не допускаетъ онъ!

Нужно ли говорить о постоянно юной любви великаго сына Украйны къ своей родинѣ—Малороссіи и той возвышенной, восторженной любви, любви, одухотворенной желаніемъ въ роли писателя послужить государю, народу и землѣ своей, которая составляла часть существа нашего писателя и служила ему свѣточемъ въ его жизни и дѣятельности. Взлелѣявъ еще въ дѣтствѣ великую мысль жить не для себя, а для страждущихъ ближнихъ, для пользы своего отечества,—мысль, которую онъ выразилъ матери незадолго до отъѣзда своего въ Петербургъ, Гоголь остается вѣренъ этой мысли въ теченіе всей своей жизни. Онъ такъ сильно проникнутъ мыслью послужить въ качествѣ писателя „Землѣ своей", что даже не перестаетъ усиленно работать въ болѣзненнномъ состояніи, чѣмъ надрываетъ и разстраиваетъ свой и безъ того слабый организмъ и все это только потому, что торопится довести до конца свой трудъ, который казался ему весьма важнымъ и полезнымъ для Россіи. Въ 1841 году въ письмѣ къ С. Т. Аксакову Гоголь, заявивъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ, несмотря на болѣзненное свое состояніе, такъ какъ „созданіе чудное творится въ душѣ" его, и онъ „знаетъ дивныя минуты" вдохновенья, восклицаетъ: „О если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно"... Считая себя обязаннымъ во второй части „Мертвыхъ душъ" изобразить въ назиданіе современникамъ въ рядѣ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ Русской земли и тѣла,—людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ, и этимъ путемъ обновить общественный россійскій организмъ и внести въ него новую жизнь, Гоголь неустанно работаетъ

въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ своей жизни. Недовольный результатомъ своихъ работъ, чрезмѣрно взыскательный къ себѣ, авторъ въ тиши рабочаго кабинета совершаетъ страшное литературное ауто-да-фе цѣлыхъ три раза, по свидѣтельству Анненкова. Въ послѣдній разъ Гоголь сожигаетъ рукопись второго тома „Мертвыхъ душъ" за нѣсколько дней до своей смерти—вѣрнѣе всего въ силу сознанія, что облечь въ „живые образы" тотъ „идеалъ", который онъ такъ желалъ дать русскому обществу и которому онъ придавалъ такое важное значеніе, ему, какъ художнику, не удалось такъ, какъ слѣдуетъ, такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Нужно дѣйствительно руководиться недосягаемо высокими побужденіями и цѣлями, нужно дѣйствительно имѣть великую, исполненную высшихъ соображеній любовь къ своему народу, чтобы имѣть силу воли совершить не человѣческій поступокъ—истребить въ нѣсколько минутъ то, что служило предметомъ вдохновенія въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Эта возвышенная, чистая любовь къ своему народу, къ Россіи, это восторженное, благоговѣйное, трепетно пламенѣющее чувство Гоголя лучше всего сказывается въ его произведеніяхъ, особенно въ лирическихъ его отступленіяхъ, полныхъ вдохновенной поэтической силы. У кого при чтеніи о Руси и ея безпредѣльномъ пространствѣ, о дорогѣ и русской тройкѣ,—при чтеніи этихъ вдохновенныхъ отступленій Гоголя, не рождалось въ душѣ и сердцѣ пламенное чувство любви и вѣры въ идеальную жизнь родной земли, въ ея нравственную мощь! Кто вмѣстѣ съ авторомъ не восклицалъ: „Русь Русь!... Какая непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего

сердца! Русь, чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ всё, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи"... и наконецъ: „Въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто гдѣ развернуться и пройтись ему?" [24]). Да, дѣйствительно горячую любовь ко всему русскому и крѣпкую вѣру въ Россію таило и питало въ себѣ сердце нашего великаго писателя-Гоголя. Унося эту любовь и вѣру въ Россію съ собою въ могилу, незабвенный нашъ писатель- патріотъ завѣщалъ въ своихъ произведеніяхъ и намъ, всѣмъ русскимъ, горѣть такою же любовью къ своему отечеству и, вѣря въ его духовную мощь, послужить ему всѣми силами своей души, какъ сдѣлалъ это онъ самъ, принеся на служеніе землѣ своей всѣ тѣ богатыя дарованія, которыя, какъ мы видѣли, такъ ярко выступаютъ въ его безсмертныхъ произведеніяхъ.

Еще нѣсколько словъ позволяемъ себѣ сказать относительно той роли, которую суждено было сыграть произведеніямъ нашего писателя Гоголя въ исторіи русскаго самосознанія. Въ этомъ отношеніи произведенія Гоголя нужно раздѣлить на двѣ категоріи: на произведенія, сюжеты которыхъ заимствованы изъ жизни родной поэту Малороссіи, и произведенія, въ которыхъ характерно и полно изображается вся Русь, со всѣми этнографическими, атмосферическими и геологическими особенностями,—Русь, гдѣ „какъ точки, какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнинъ ея невысокіе города", и гдѣ въ этихъ непримѣтныхъ городахъ сформировались оригинальные типы людей съ своеобразной жизнью. Роль и

[24]) «Мертвыя души», т. IV-й, стр. 248—249.

тѣхъ и другихъ произведеній Гоголя въ исторіи нашего самосознанія различна.

Въ первыхъ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" и „Миргородъ", такъ поразившихъ русское общество своею поэтическою свѣжестью и жизнерадостностью, Гоголь затронулъ совершенно новую тему. Дѣло въ томъ, что у большинства русскихъ современныхъ Гоголю людей понятія о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ Малороссіи, этой главной составной части громаднаго политическаго организма Россіи, были весьма темныя и сбивчивыя. Гоголь же, живописуя съ горячимъ чувствомъ и полной правдивостью Малороссію въ ея прошломъ и настоящемъ, возбудилъ, самъ того не сознавая, глубокій интересъ во всѣхъ къ изученію своей богатой и привольной Украйны и ея поэтическихъ преданій и такимъ образомъ, какъ нельзя, лучше способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ главныхъ половинъ русскаго народа. Такова въ общихъ чертахъ роль юношескихъ произведеній Гоголя въ исторіи самосознанія русскаго народа.

Но главное, несравненно болѣе важное значеніе въ нашей общественной жизни имѣли послѣднія произведенія Гоголя, въ которыхъ онъ является бытописателемъ русской жизни вообще. Въ этомъ отношеніи особенная, исключительная роль принадлежитъ произведеніямъ его: „Ревизоръ" и „Мертвыя души", по преимуществу. Какъ живая, предстала въ „Мертвыхъ душахъ" современникамъ Гоголя вся необозримая, „отъ моря и до моря", Русь со всѣми своими физическими и духовными особенностями на огромномъ полотнѣ картины съ ея живописными изображеніями мѣстности и высокохудожественными фигурами и

образами дѣйствующихъ лицъ. И невеселая, больше того, грустная это была картина для русскаго сознанія,—картина, всѣмъ понятная и, хотя давно извѣстная, но захватившая каждаго до такой степени, что болѣзненно, невыразимо болѣзненно сжалось сердце русскаго человѣка при созерцаніи этой картины! Гоголь своей картиной не оставилъ никого изъ своихъ читателей озадаченнымъ: до того въ ней было всё просто и правдиво-точно. Всѣ наглядѣлись досыта, наслушались больше, чѣмъ хотѣли слышать. И послѣ этого оказалось смѣшнымъ и жалкимъ многое такое, что ранѣе почиталось явленіемъ совершенно простымъ и правильнымъ. Не разъ порядочный человѣкъ осмѣялъ самого себя самымъ злымъ Гоголевскимъ словомъ, заставъ и уличивъ себя въ безсознательной продѣлкѣ, преисполненной тѣхъ смѣшныхъ свойствъ, которыя до той поры считались непредосудительными, не будучи смѣшны именнно потому, что никто въ нихъ не всматривался. Куда дѣвалась такъ называемая Гоголемъ „благонамѣрѐннная наружность", что сталось „съ дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ"; какъ пришлось многимъ понять всю исторію прекрасныхъ сдѣлокъ, пріятныхъ знакомствъ и дружескихъ проводовъ Чичикова, этого ловкаго пріобрѣтателя, на пространствѣ неизвѣстно сколькихъ верстъ, неизвѣстно какой именно губерніи?... Вліяніе „Мертвыхъ душъ" на современное общество было такъ велико, что ни одинъ читатель не оставался пассивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, которое опредѣляло его положеніе въ свѣтѣ, опредѣляло его нравственную физіономію, и всѣ безъ исключенія пострадали. „Нашлось въ русскомъ обществѣ много такихъ господъ, которые непріятно поморщились, увидѣвъ, какъ правильно и точно объясняетъ великій худужникъ самыя сложныя проявленія натуръ темныхъ, неблагообразныхъ; какъ просто раскрываетъ онъ сокровенныя движенія души человѣка, въ

которомъ давно покосились всѣ понятія, всѣ чувства Очень не ловко стало многимъ, когда узнали они, что имена Чичикова. Манилова, Собакевича, Коробочки и всей фаланги Гоголевскихъ героевъ могутъ быть и нарицательными. Но главнымъ образомъ оскорбился, возмутился преимущественно тотъ, у кого явилось горькое сознаніе, что всё подлежитъ анализу и обсужденію человѣческому, что некуда уйти отъ анализа, что волей или неволей а заставятъ его, милостиваго государя, пройтись по широкой аренѣ его жизни, разглядятъ и разскажутъ о немъ именно то, чего бы ему не хотѣлось никому показывать или разсказывать, но что втайнѣ составляетъ его особенность, его любовь, его „задоръ". Почувствовали огорченіе и тѣ изъ читателей, которые, подглядѣвъ въ Чичиковѣ и его знакомыхъ пріятеляхъ бездну силъ и страшную способность наслаждаться, сами имѣли страшное желаніе пожить, выражаясь словами Гоголя, жизнью господина средней руки, жизнью помѣщика, прожигающаго насквозь жизнь,—жизнью полицмейстера, искусно согласившаго всѣ противорѣчія городской администраціи и своей частной жизни, — полицмейстера, съ спокойною совѣстью заглядывающаго въ купеческій погребъ и рыбный рядъ, какъ въ свою собственную кладовую. Огорчились также лица различныхъ категорій, которыя, въ тревогѣ прочитавъ „Мертвыя души", упомнили сгоряча всѣ обидныя по своей обнаженной справедливости выраженія и чуть не наизусть выучили мѣста, подрывающія якобы ихъ свѣтскіе авторитеты. Наконецъ, испугались по прочтеніи „Мертвыхъ душъ" многіе истинно любящіе сыны Россіи, увидѣвъ размѣры царящей въ ней пошлости и безмыслія, но испугались вмѣстѣ съ авторомъ, любя и страдая за свою родину. Словомъ, обнаруженіе въ книгѣ Гоголя многихъ тайнъ человѣческой души и русской жизни скорбно отозвалось въ сердцѣ русскаго современнаго общества. И склонилась смиренно Русь передъ пригово

ромъ Гоголя, увидѣвъ, какъ въ зеркалѣ, свое отраженіе. А послѣ, когда всѣ разглядѣли ясно свое изображеніе, каждаго потянуло къ простой и разумной дѣятельности, каждый сталъ подрываться и подкапываться подъ свою дотолѣ сонную и лѣнивую жизнь и заботиться о самоисправленіи и улучшеніи русской жизни. Въ этомъ-то и сказалось вліяніе „Мертвыхъ душъ“ на актъ самосознанія современнаго Гоголю русскаго общества.

Но удѣлъ великихъ произведеній геніальныхъ творцовъ мысли и слова не ограничивается только такимъ или инымъ отношеніемъ къ извѣстному обществу, послужившему живымъ матеріаломъ для нихъ: они имѣютъ громадное значеніе и сильное вліяніе и на потомство. И дѣйствительно, произведенія Гоголя оказывали, оказываютъ и будутъ оказывать самое плодотворное вліяніе во всякое время до тѣхъ поръ, пока пороки и недуги въ обществѣ будутъ имѣть значеніе стихійныхъ силъ, пока сила страстей будетъ имѣть захватывающую власть надъ русскимъ человѣкомъ. Мы не можемъ сказать, что свободны въ извѣстной степени отъ тѣхъ недуговъ, которыми больны герои Гоголевскихъ произведеній, хотя и прошло полвѣка съ того времени. Поэтому чтеніе произведеній Гоголя, въ которыхъ развертывается захватывающая душу картина жизни и при томъ жизни русской, не можетъ пройти безслѣдно для насъ, не можетъ не оказать и на насъ благотворнаго вліянія. Въ произведеніяхъ Гоголя мы находимъ изумительное разнообразіе характеровъ съ родовыми чисто русскими чертами, которыя знакомятъ насъ съ самыми разнообразными проявленіями русской духовной природы. Давно уже всѣмъ стало извѣстно, почти вошло въ поговорку, что русская натура широка, не знаетъ удержу и не терпитъ се-

редины, и, если русскій человѣкъ подпадаетъ вліянію извѣстной страсти или пороку, то не можетъ устоять: подчиняется ему всецѣло. И вотъ, читая произведенія Гоголя, мы видимъ предъ собою цѣлую галлерею лицъ, изъ которыхъ каждое подчинено дѣйствительно извѣстному преобладающему настроенію, выдавая такимъ образомъ загадку русской натуры: предъ нами въ произведеніяхъ Гоголя проходитъ цѣлая вереница чисто на русскій ладъ праздныхъ мечтателей, расчетливыхъ стяжателей, пустыхъ сплетницъ—дамъ, „просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“,—неумѣренныхъ чревоугодниковъ, „заплатанныхъ“ скрягъ, плутоватыхъ хозяевъ—пріобрѣтателей, не знающихъ себѣ преградъ ни въ законѣ, ни въ совѣсти, и много другихъ носителей русскихъ пороковъ, русскихъ слабостей. Мало этого: въ произведеніяхъ Гоголя, кромѣ высоко художественныхъ типовъ, этихъ носителей чисто русскихъ пороковъ и слабостей, которые, кстати сказать, очерчены авторомъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и объективностью, мы находимъ еще глубокій психическій анализъ. Благодаря этому психическому анализу намъ становятся ясными тѣ причины, въ силу которыхъ герои произведеній Гоголя сдѣлались такими, а не иными. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ знакомитъ насъ съ условіями воспитанія и образованія своихъ героевъ, раскрываетъ обстоятельно предъ нашими глазами внутреннія и внѣшнія побужденія, почему и какъ та или другая страсть, развиваясь постепенно, въ томъ или другомъ случаѣ получаетъ могущественную власть надъ человѣкомъ; а, благодаря тому, что мы не только видимъ ту или другую страсть въ моментъ ея господства надъ человѣкомъ, но и ясно представляемъ себѣ на основаніи сочиненій Гоголя всѣ послѣдовательныя стадіи развитія этой страсти, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ; мы научаемся отмѣчать эти

страсти въ образѣ живыхъ людей и въ самой жизни и опредѣлять свое къ нимъ отношеніе, научаемся стоять на стражѣ своего внутренняго міра и предупреждать, и парализовать въ себѣ въ зародышѣ возникающую часто противъ воли и почти безсознательно, подъ вліяніемъ различныхъ побужденій, нехорошую склонность къ чему-либо. Слѣдовательно, произведенія Гоголя для насъ служатъ нѣкоторымъ образомъ книгою жизни, съ тою только разницею, что въ жизни представляется все сложнымъ и запутаннымъ, туманнымъ и заботливо припрятаннымъ отъ посторонняго глаза, а въ произведеніяхъ Гоголя—все ясно, просто и понятно: и самое явленіе, и породившія его причины.

И не только мы, обыкновенные смертные, почерпаемъ богатые уроки изъ произведеній Гоголя: на Гоголѣ и Пушкинѣ учились и воспитались и всѣ послѣдующіе великіе наши писатели; на нихъ же продолжаютъ учиться и современные намъ авторы. Не даромъ же Гоголь и Пушкинъ стоятъ рядомъ въ исторіи русской литературы; не даромъ эти два могучіе богатыря-поэта: великороссъ и малороссъ, служатъ воплощеніемъ неразрывнаго союза всей Россіи, всего русскаго народа въ его главныхъ отрасляхъ. Стоитъ вскользь взглянуть на всю послѣдующую русскую литературу, чтобы убѣдиться въ истинности того, что Пушкинъ и Гоголь, а не кто другой, представляютъ то драгоцѣнное основаніе, на которомъ покоится и возросло величественное зданіе всей русской художественной литературы. И это дѣйствительно такъ. Великій ученикъ-Гоголь выучился у столь же великаго учителя-Пушкина правдивому воззрѣнію на явленія дѣйствительности; въ свою очередь, нарисовавъ широкую общую картину русской жизни и давъ общее же представленіе о противорѣчіи русской дѣйствительности идеалу, Гоголь указываетъ послѣдующимъ писателямъ, что̀ изображать, гдѣ искать и ка̀къ

искать служенія литературы обществу. Такимъ образомъ, Гоголь указываетъ дорогу и послѣдующимъ писателямъ: имъ сразу открывается возможность прямо примѣнять свои силы, не расходуясь на розыски. И мы видимъ, что послѣ Гоголя на литературной аренѣ почти одновременно появляются блестящею плеядой великіе наши писатели: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Григоровичъ, затѣмъ Островскій, Писемскій, Л. Толстой и др. Одинъ изъ этой славной русской плеяды, выдающійся художникъ-писатель, Тургеневъ, прямо сознается, что всѣ они учились творить на Акакіи Акакіевичѣ Гоголя, на его безсмертной повѣсти „Шинель". Ближайшіе къ Тургеневу писатели: Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, оказываются еще болѣе послушными учениками Гоголя. Такъ, Достоевскій начинаетъ свою литературную дѣятельность съ передѣлки повѣсти: „Шинель", въ „Бѣдныхъ людей"; „Записки сумасшедшаго"—Гоголя ложатся въ основу его произведенія: „Двойникъ"; Гончаровъ въ своемъ „Обломовѣ" изучаетъ и возсоздаетъ едва набросанный Гоголемъ типъ Тентетникова; Островскій до поразительности ученикъ Гоголя-драматурга. Достойно вниманія также и то, что всѣ эти писатели, представляя собою людей, далеко неодинаковыхъ дарованій и способностей, пошли, независимо другъ отъ друга, въ одномъ и томъ же направленіи, именно въ томъ, которое указалъ Гоголь. Неясно ли отсюда, какое громадное вліяніе оказалъ Гоголь на всю ближайшую литературу, литературу 60-хъ и 7 -хъ годовъ, а чрезъ эту литературу, безъ сомнѣнія, отъ Гоголя въ прямой зависимости все болѣе талантливое, болѣе зрѣлое и лучшее и въ современной намъ литературѣ; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи Гоголь является также нашимъ учителемъ, хотя уже болѣе косвеннымъ образомъ, чѣмъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ.

Вотъ въ чемъ сказалось вліяніе Гоголя и его произведеній на насъ и наше самосознаніе.

Къ вамъ, учащаяся молодежь, позволяю себѣ обратиться съ послѣдними словами. Безсмертны заслуги Гоголя, этого великаго ума и высокой натуры человѣка,—человѣка, который первый представилъ намъ насъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, который первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ихъ. Сегодня всѣ мы являемся свидѣтелями того духовнаго единенія, которое не только насъ собрало всѣхъ вмѣстѣ здѣсь, въ этомъ залѣ, но и свидѣтелями единенія всей Россіи, которая „отъ моря до моря", отъ захолустьевъ до столицъ, въ духовномъ порывѣ старается выразить свою глубокую признательность и благодарность одному изъ великихъ сыновъ своихъ—Гоголю. Причина этого единенія въ томъ, что великія произведенія Гоголя, какъ геніальнѣйшаго поэта и высоко нравственнаго человѣка, остаются свѣжи и вѣчно юны,—въ томъ, что о нихъ можно сказать—„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!" и, наконецъ, въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ тѣ „любви и правды чистыя ученія", которыя нашъ незабвенный поэтъ съ любовью завѣщалъ потомству. Чествованія, подобныя сегодняшнему, всегда возбуждали и освѣжали интересъ къ чтенію произведеній давно сошедшихъ со сцены жизни поэтовъ и писателей. Позволяю себѣ надѣяться, что то же случится теперь и съ вами въ отношеніи къ произведеніямъ Гоголя, нынѣ чествуемаго въ 50-ю годовщину со дня его кончины. Поэтому, перечитывая его произведенія, постарайтесь, насколько каждый сможетъ, проникнуться тѣми возвышенными чувствами къ родинѣ, которыя одушевляли и наполняли самого поэта при созданіи ихъ,—постарайтесь

проникнуться уваженіемъ и любовью къ самому поэту, который, любя молодежь всѣмъ сердцемъ, въ порывѣ лирическаго вдохновенія въ одномъ изъ своихъ произведеній воскликнулъ къ ней: „Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ, юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее юношество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!" [25])

И. Н. Смѣльницкій.

20-е февраля,
1992 года,
г. Одесса.

[25]) «Мертв. д.» VI гл., стр. 141, IV т.

Ученическіе годы В. А. Жуковскаго.

Мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ объ ученическихъ годахъ В. А. Жуковскаго, которые являются важнымъ періодомъ его жизни, но почти совершенно не затронуты біографами.

В. А. Жуковскій, какъ извѣстно, по особымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ А. Ив. Бунина, богатаго и извѣстнаго въ свое время помѣщика Тульской губ., съ ранняго дѣтства былъ поставленъ въ обстановку, которая сильно содѣйствовала развитію его прирожденныхъ способностей. Семья Буниныхъ принадлежала къ числу тѣхъ помѣщиковъ, которые не считали образованіе дѣтей лишнею обузой. Ихъ единственный сынъ, умершій незадолго до рожденія Жуковскаго, обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ. Самъ Бунинъ, не обладая большимъ образованіемъ, тѣмъ не менѣе высоко ставилъ его, и домъ его славился въ околодкѣ, какъ средоточіе умственныхъ и литературныхъ интересовъ. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, была женщина, по словамъ Зейдлица, «рѣдкой для своего времени образованности и читала все, что было напечатано на русскомъ языкѣ» [1]).

Поэтому маленькому Васѣ, который замѣнилъ теперь Бунинымъ ихъ единственнаго сына, рѣшено было дать должное и соотвѣтствующее духу времени воспитаніе и образованіе. Но прежде надо было научить его

---

[1]) «Жур. Минист. Нар. Пр.» 1869., ч. 142., стр. 378.

грамотѣ. И вотъ, какъ только «Васѣ» исполнилось 6 лѣтъ, Бунинъ выписалъ для него наставника изъ Москвы, по обычаю того времени, изъ нѣмцевъ. Вызванный педагогъ, «незабвенный Якимъ Ивановичъ» [2]), какъ называетъ его Зейдлицъ, оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Онъ былъ изъ породы Вральмановъ, вышелъ на педагогическое поприще изъ мастерской своего соотечественника—портного и послѣ неудачныхъ попытокъ пристроиться въ богатомъ домѣ въ Москвѣ, рѣшилъ поѣхать въ провинцію, гдѣ и поселился у Буниныхъ. Главнымъ педагогическимъ средствомъ Якимъ Ивановичъ почиталъ розги и т. п. наказанія. Само сабою понятно, что избалованный въ семьѣ мальчикъ отъ такихъ пріемовъ воспитанія и обученія сильно возсталъ противъ своего учителя и при каждомъ примѣненіи къ нему этого педагогическаго средства подымалъ въ домѣ страшный крикъ, который дошелъ до ушей Аѳанасія Ивановича, и незабвенный педагогъ принужденъ былъ покинуть домъ Буниныхъ и возвратиться къ прежней своей профессіи. Послѣ этого дѣломъ воспитанія Васи занялся Андрей Григорьевичъ Жуковскій (онъ оффиціально и усыновилъ Жуковскаго). Это былъ бѣдный помѣщикъ Кіевской губ., проживавшій въ домѣ Буниныхъ ни то на правахъ родственника, ни то приживальщика. Отличаясь мягкимъ и добродушнымъ характеромъ, будучи сильно привязанъ къ общему любимцу семьи, Андрей Григорьевичъ не особенно обременялъ своего воспитанника. Все дѣло обученія ограничивалось тѣмъ, что ученикъ «вмѣсто черченія буквъ на аспидной доскѣ рисовалъ мѣломъ на столѣ и на полу разныя рожи!» [3]). На-

[2]) Тамъ же стр. 381.—
[3]) Тамъ же стр. 382.—

стольной книгой для чтенія обыкновенно служилъ псалтирь или часословъ.

Въ 1790 году Бунины, покинувъ свое помѣстье, поселились въ Тулѣ. Тутъ будущій поэтъ помѣщенъ былъ въ славившійся въ то время въ Тулѣ—пансіонъ Христофора Филипповича Роде. Пансіонъ этотъ, кажется, ничѣмъ не отличался отъ другихъ подобныхъ ему пансіоновъ, какіе тогда обыкновенно открывались на Руси пріѣзжими иностранцами и, въ виду отсутствія другихъ школъ, пользовались значительнымъ успѣхомъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ пансіонѣ, какъ и въ другихъ, поставлены были иностранные языки; удѣлялось вниманіе и общеобразовательнымъ наукамъ, математикѣ и др., но русскій яз. былъ обыкновенно въ загонѣ. Что касается личности основателя и директора пансіона, то объ этомъ свѣдѣній пока не имѣемъ. Въ этомъ пансіонѣ Жуковскій былъ сначала полупансіонеромъ, а потомъ пансіонеромъ. Непріученный въ семьѣ къ правильному, систематическому труду, онъ никакъ не могъ примѣниться къ регулярнымъ занятіямъ въ пансіонѣ, и поэтому не удивительно, что оказался далеко не въ числѣ первыхъ. По закрытіи пансіона, за смертію его директора, что случилось черезъ два года послѣ поступленія въ него Жуковскаго, послѣдній былъ переведенъ въ Тульское городское училище. Главнымъ учителемъ въ немъ былъ знаменитый для своего времени педагогъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, оказавшій сильное вліяніе на Жуковскаго. Этотъ учитель и прежде давалъ уроки ему въ качествѣ репетитора, когда онъ обучался въ пансіонѣ Роде. Прежде чѣмъ выйти на педагогическое поприще, Покровскій получилъ очень солидное для того времени образованіе, которое началось въ Сѣвской семинаріи и закончилось въ С. Петер-

бурской учительской гимназіи. Спустя три года по окончаніи курса въ этой гимназіи (1786 г.) онъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ въ названное училище и съ жаромъ отдался принятому на себя дѣлу. Ревностное и добросовѣстное отношеніе его къ обязанностямъ воспитателя вскорѣ снискало ему уваженіе со стороны родителей его учениковъ и одобреніе начальства. Херасковъ, извѣстный поэтъ, въ то время кураторъ Московскаго университета, хвалилъ «мысли и чувства Покровскаго» [4]) Не будучи спеціалистомъ по какой-либо одной наукѣ, Покровскій принялъ на себя однако только преподаваніе математики.

Считая просвѣщеніе разума одною изъ задачъ человѣчества, будучи твердо увѣренъ, что корень преступленій есть «невѣжество со всѣми наперсниками своими», Покровскій однако одно просвѣщеніе разума признавалъ недостаточнымъ для человѣка: «могутъ ли люди назваться прямо просвѣщенными, ежели не добродѣтельны?—Просвѣщенный разумъ, но развращенное пороками сердце пагубнѣе самого невѣжества... Просвѣщеніе и добродѣтель! вотъ главнѣйшіе предметы и цѣль истиннаго воспитанія,—воспитанія, толико уважаемаго просвѣщенными народами, колико пренебрегаемаго невѣждами!—цѣль истиннаго благополучія человѣка и всего человѣчества» [5]). Понятно, что при такихъ взглядахъ Покровскій не ограничился сухимъ преподаваніемъ математики, а заботился вообще объ улучшеніи преподаванія въ училищѣ, но главнымъ же образомъ старался о просвѣщеніи юношескаго сердца, о насажденіи въ

4) «Иппокрена», V, 294.

5) «Пріятное и полезное препровожденіе времени» XIX, 25.

немъ началъ добродѣтели. Такой методъ воспитанія, какъ нельзя лучше отвѣчалъ душевному складу Жуковскаго, мальчика съ чуткой и воспріимчивой душой и нуждавшагося болѣе въ развитіи чувства, нежели разума. И дѣйствительно, если Жуковскій и здѣсь не обнаружилъ особеннаго прилежанія къ наукамъ, зато онъ сильно увлекся свѣтлою личностью самого Покровскаго, воспринялъ многое изъ того, что было духовнымъ достояніемъ послѣдняго. Сильное вліяніе учителя на молодую, воспріимчивую натуру будущаго поэта объясняется еще тѣмъ, что Жуковскій имѣлъ возможность видѣть и слышать Покровскаго очень часто у себя дома. Этотъ послѣдній, какъ образованный человѣкъ Тульскаго общества, часто посѣщалъ домъ Юшковыхъ, гдѣ жилъ Жуковскій, и здѣсь при многочисленныхъ собраніяхъ читалъ свои литературныя произведенія, которыя потомъ печаталъ въ періодическихъ изданіяхъ. На этихъ чтеніяхъ не возбранялось присутствовать и дѣтямъ; поэтому Жуковскій имѣлъ полную возможность съ жадностью ловить каждое слово своего наставника, а такъ какъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, литературное направленіе Покровскаго сильно гармонировало съ духовною природою Жуковскаго, то и не удивительно, что оно сильно подѣйствовало на послѣдняго.

Въ своихъ произведеніяхъ Покровскій предается прелестямъ сельской жизни. Въ «сельской неприхотливой» кущѣ своего друга онъ наслаждается закатомъ солнца, въ пріятныя минуты деревенской жизни—минуты, въ которыя онъ слагаетъ съ себя все бремя бездѣйственной суетности, онъ чувствуетъ бытіе свое... Только въ пріятномъ уединеніи селъ несокрушимы еще жертвенники невинности и счастья». Большіе города представляются ему «великолѣпными темницами». Мечтанья

въ лунную ночь возбуждаютъ въ немъ «чувство человѣколюбія» къ узникамъ тюрьмы, а вечерняя прогулка по темному лѣсу заставляетъ его чувствовать бѣдствія человѣческія и призывать благотворителей для ихъ исцѣленія. Въ одномъ произведеніи, тронутый разсказомъ крестьянина, потерявшаго на войнѣ руку и обѣ ноги, нашъ литераторъ восклицаетъ: «Человѣки! существа благородныя! Съ какимъ чувствомъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдущему! Загляните внутрь сердца вашего: съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ оно возбуждаетъ васъ къ священной должности любить! Разсматривайте натуру, сію милостивую мать вашу, и учитесь у нея благотворить. Сія ночь, сіи ароматы, сія роса, сей сонъ суть очевидные знаки ея милосердія, которымъ она васъ благословляетъ» [6]).

Не встрѣчаемъ ли мы подобныхъ мыслей и чувствъ въ раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго, написанныхъ еще до его знакомства съ образцами западной литературы!?

Но и въ училищѣ Жуковскій, избалованный прелестями дѣтскихъ забавъ, какъ мы сказали, оказался далеко не способнымъ къ ученію. Учитель, выведенный изъ терпѣнія невнимательностью своего ученика, вѣрнѣе же: въ назиданіе другимъ ученикамъ исключилъ будущаго поэта изъ училища.

Неудачное ученіе Жуковскаго, а также дворянскія традиціи того времени заставляютъ родныхъ его позаботиться поскорѣе объ опредѣленіи избалованнаго Васи въ военную службу; но, такъ какъ попытка эта не

---

[6]) Тамъ же XV, 13—14.

увѣнчалась успѣхомъ, то въ 1897 г. мы видимъ его въ школѣ, которая, по словамъ одного изъ біографовъ Жуковскаго, «имѣя много данныхъ для раскрытія дарованія будущаго поэта».

Въ январѣ того же года Бунина привезла Жуковскаго въ Москву и помѣстила его въ Университетскій благородный пансіонъ.

Такъ какъ пансіонъ этотъ, замѣчательное для своего времени учебное заведеніе, до сихъ поръ не нашелъ для себя достойнаго историка и изслѣдователя, то сказать нѣсколько словъ о немъ не будетъ излишнимъ.

Какъ извѣстно, при Московскомъ университетѣ, на первыхъ порахъ его существованія, было двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Обѣ онѣ по мѣрѣ увеличенія интереса къ образованію все болѣе и болѣе пополнялись воспитанниками, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что въ дворянской гимназіи не хватало мѣстъ для пансіонеровъ. Это случилось въ послѣдніе годы XVIII в., когда большинство русскихъ дворянъ возымѣло желаніе помѣстить своихъ дѣтей въ гимназіи за приличное вознагражденіе на полный пансіонъ. Въ виду этого университетское начальство позаботилось о пріискаиіи особаго помѣщенія для такихъ воспитанниковъ и остановило свой выборъ на отдѣльномъ флигелѣ, который помѣщался тутъ же на университетскомъ дворѣ, куда въ 1779 г. и вывело лишній контингентъ пансіонеровъ изъ дворянской гимназіи. Такъ какъ содержаніе этого новаго пансіона составляло одну изъ экономическихъ статей въ университетскомъ бюджетѣ, то и надзоръ какъ за содержаніемъ пансіона, такъ и за поведеніемъ въ немъ жившихъ пансіонеровъ былъ возложенъ на эконома университета—Ивана Прохоровича Крупенникова. Помощниками его были маіоръ Пальмъ и про-

фессоръ Панкевичъ. Инспекторами же, на которыхъ возложенъ былъ высшій надзоръ за пансіономъ,— извѣстный въ свое время профессоръ Геймъ, потомъ Страховъ. Воспитанники этого новаго пансіона на уроки ходили въ классы дворянской гимназіи и по ученію оставались наравнѣ съ другими гимназистами: такимъ образомъ они были вмѣстѣ и воспитанники пансіона, и ученики гимназіи. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ пансіона увеличилось; классы университетской дворянской гимназіи стали тѣсны; чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классной гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей словомъ, создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи. Въ виду этого въ 1790 г. пансіонъ, съ согласія куратора университета, переведенъ былъ на Тверскую, въ домъ межевой канцеляріи, который, по ходатайству тогдашняго московскаго военнаго губернатора П. Д. Еропкина, императрица пожаловала для этой цѣли университету. Съ этого времени пансіонъ получаетъ самостоятельное отъ университета существованіе. Въ немъ были устроены особые классы, назначены особые преподаватели, и, наконецъ, самый планъ преподаванія начинаетъ измѣняться. Измѣненія эти главнымъ образомъ начинаются съ 1791 г., когда инспекторомъ пансіона былъ назначенъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ—Антонскій, состоявшій раньше преподавателемъ въ пансіонѣ, онъ же въ 1791 г. написалъ и новый уставъ для него. Подобно многимъ общественнымъ дѣятелямъ нашей исторіи, Антонскій происходилъ изъ духовнаго званія; отецъ его былъ приходскимъ священникомъ въ Малороссіи, потомъ протоіереемъ. Года рожденія Антонскаго мы не знаемъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, которая про-

цвѣтали тогда «попеченіями и щедростію митрополита Гавріила Кременецкаго». «Академія своими малыми средствами», говоритъ біографъ Антонскаго: «своимъ экономическимъ устройствомъ могла внушить Антонскому ту бережливость и образовать въ немъ ту хозяйственную распорядительность, посредствомъ которыхъ онъ умѣлъ изъ малого извлекать многое» [7]). Въ 1782 г. Антонскій перешелъ изъ академіи въ Московскій университетъ, гдѣ и воспитывался вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ на средства Дружескаго ученаго общества. По окончаніи университетскаго курса въ 1787 г. Дружеское общество хотѣло послать Антонскаго для усовершенствованія въ наукахъ за границу, но кураторъ университета, Мелиссино, замѣтивъ богатыя способности у молодого студента, оставилъ его при себѣ въ качествѣ секретаря по университетскимъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ году мы видимъ Антонскаго уже адъюнктомъ съ занятіемъ каѳедры энциклопедіи и натуральной исторіи, въ 1790 г. экстроординарнымъ профессоромъ, а въ 1791 г., какъ мы уже сказали, принимаетъ на себя воспитаніе и руководство русскимъ юношествомъ, обучающающимся въ Благородномъ пансіонѣ.

Съ этого времени начинается самый дѣятельный и плодотворный періодъ въ жизни Антона Антоновича. Будучи по природѣ педагогомъ, воспитанный Дружескимъ обществомъ и черезъ это общество хорошо знакомый съ недостатками русской школы, [8]) онъ прежде

---

[7]) «Біографическій Словарь профес. Москов. Универ.» стр. 13.

[8]) Дружеское о-во обнаружило свою дѣятельность не только изданіемъ трудовъ, но также и, пожалуй, глав. обр. обратило вниманіе на улучшеніе нашей школы. См. Сл. Тихонравова т. III, ч. II. стр. 92—93.

всего задается цѣлью обратить вниманіе на эти недостатки и, насколько возможно, исправить ихъ. Преподававшій раньше въ пансіонѣ естественную исторію новый инспекторъ теперь выдвигаетъ на первый планъ исторію и за нею ставитъ знанія физическія и математическія; преподаваніе древнихъ языковъ было отодвинуто на послѣднее мѣсто: ихъ постепенно начали замѣнять языки новые. Такимъ образомъ пансіонъ въ своемъ учебномъ планѣ постепенно началъ уходить отъ плана гимназіи, пока ни сталъ въ совершенную противоположность къ ней. Задача гимназіи приготовлять студентовъ къ университету была забыта, и все вниманіе было сосредоточено на приготовленіи людей къ военной и гражданской службѣ. Въ 1797 г., когда Жуковскій поступилъ въ пансіонъ, этотъ послѣдній представлялъ изъ себя не классическую гимназію, гдѣ получали образованіе его будущіе товарищи по литературной дѣятельности (Блудовъ, Уваровъ), а нѣчто въ родѣ камеральнаго факультета: изъ древнихъ язык. преподавался одинъ латинскій; довольно мѣста было отведено преподаванію естественныхъ наукъ, математики и наукъ юридическихъ. На изученіе иностранныхъ языковъ, на развитіе литературнаго вкуса и любви къ отечественной словесности обращалось особое вниманіе. Преподаваніе не сосредоточивалось на основательномъ изученіи отдѣльныхъ классовъ предмета, но всѣ предметы были обязательны для всѣхъ; понятно, что такая постановка учебнаго дѣла не давала возможности воспитанникамъ преуспѣвать во всѣхъ наукахъ; да это и не требовалось: достаточно было, если воспитанникъ успѣвалъ въ одномъ какомъ-либо предметѣ. Если же еще къ этому присоединялось благонравіе его, то вполнѣ достаточно было, чтобы поставить воспитан-

ника въ числѣ первыхъ. Антонскій, подобно многимъ членамъ Дружескаго общества, признавалъ что «просвѣщенье безъ добродѣтели ничто», а потому больше старался о развитіи въ своихъ питомцахъ чувства, чѣмъ разума. Наилучшимъ средствомъ къ этому онъ считалъ религію. «Всѣ средства, какія зависятъ отъ воспитателя, чтобы водворить въ сердцахъ питомцевъ духъ религіи, употреблялъ Антонскій. Ежедневно, послѣ утренней молитвы, отличные ученики поочередно читали мѣста изъ апостола и евангелія, какія въ тотъ день читались въ церкви. Инспекторъ нерѣдко спрашивалъ учениковъ, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ о томъ, что было прочитано. Читать молитвы утреннія и вечернія поручалось лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ поочереди. Быть въ числѣ такихъ учениковъ считалось отличіемъ... Труды старшихъ и отличныхъ учениковъ печатанные были всѣ исполнены религіознаго чувства. Они раздавались въ награду ученикамъ, составляли одно изъ любимыхъ чтеній для младшихъ товарищей и питали постоянно въ нихъ то же самое чувство». Конечно, прокрадывались иногда въ пансіонъ тайкомъ и недозволенныя книги. Но все, чѣмъ только возможно было предупредить это, не упускалось изъ виду. Надзоръ за выборомъ книгъ былъ очень строгъ. Пустыхъ романовъ не давали въ руки. Когда же случайно заставали за такою книгою, она безпощадно, какъ это и теперь практикуется, летѣла въ огонь» [9]).—Значеніе наукамъ и даже добродѣтели придавалось постольку, поскольку онѣ озарялись религіей: «Мудрость! Добродѣтели! .. Но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли,—религія, пре-

---

[9]) «Біографическ. Словарь», 29.

образующая, обновляющая внутренняго человѣка, возносящая его надъ всѣмъ бреннымъ, ничтожнымъ, и отверзающая предъ нимъ врата неба», говорилъ Антонскій въ своемъ разсужденіи о воспитаніи [10]). Подобный методъ воспитанія, пожалуй, больше, чѣмъ методъ Покровскаго, отвѣчалъ духовному складу Жуковскаго. Отсутствіе необходимости усидчивыхъ занятій въ связи съ благонравіемъ, которое такъ цѣнилось въ пансіонахъ, и которымъ съ ранняго дѣтства отличался Жуковскій, не замедлили выдѣлить его изъ среды другихъ воспитанниковъ. И дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году, по вступленіи Жуковскаго въ пансіонъ, Антонскій на торжественномъ актѣ читалъ воспитанникамъ, которые заслужили титло первыхъ въ благонравіи, С. Костомарову и В. Жуковскому, наставленіе и излагалъ особыя обязанности этихъ благонравныхъ учениковъ по отношенію къ другимъ. Не лишнее будетъ привести эти наставленія, такъ какъ они отчасти бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на дисциплину, господствовавшую въ то время въ пансіонѣ.

Эти благонравные воспитанники 1) должны были внушать другимъ воспитанникамъ своего возраста «духъ покорности и почтенія не только къ наставникамъ своимъ и попечителямъ, но и къ старшимъ по лѣтамъ и ученію товарищамъ своимъ, дабы съ самыхъ раннихъ лѣтъ научились они уважать заслуги и симъ уваженіемъ поощряли другъ друга къ прямо благородному поведенію и отличнымъ успѣхамъ... Если же въ семъ послѣднемъ случаѣ (т.-е. въ устраненіи непристойностей въ словахъ и поступкахъ) окажется какое упорство, то каждый изъ лучшихъ среднихъ и меньшихъ дастъ вамъ тихонько знать о такомъ своемъ сверстникѣ».

---

[10]) Тамъ же 30.

2) Слѣдить за чтеніемъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ и руководить младшими воспитанниками при ихъ чтеніи полезныхъ книгъ. «Вечернія молитвы давайте лучшимъ изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ Свящ. писанія и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы «Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года», «книга премудрости и добродѣтели и пр.» читайте сами или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ [11]). Антонскій любилъ помпу ежегодныхъ публичныхъ экзаменовъ и торжественныхъ актовъ, которые, по его мнѣнію, сближали пансіонъ съ обществомъ. На этихъ торжественныхъ собраніяхъ всегда присутствовала масса постороннихъ, начиная съ высокопоставленныхъ и чиновныхъ особъ. Лучшіе воспитанники на этихъ собраніяхъ должны были читать свои литературныя произведенія въ стихахъ или прозѣ. Пробѣгая оффиціальныя описанія этихъ торжественныхъ собраній съ 1797 г. до 1800 г., т.-е. за время пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ, мы видимъ, что безъ литературнаго участія В. Жуковскаго не обходился ни одинъ актъ, ни одно торжественное собраніе. Такъ отличало пансіонское начальство этого способнаго, благонравнаго, но далеко не прилежнаго питомца. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Жуковскаго, назначенныхъ для торжественнаго чтенія и, несомнѣнно, тщательно редактированныхъ инспекторомъ, преобладаетъ одна мысль: «просвѣщеніе ничто безъ добродѣтели». Такъ, напримѣръ, въ рѣчи, произнесенной имъ на актѣ 14-го ноября 1798 г. мы читаемъ: «Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдь звенящая, кимвалъ бряцаяй, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель!—

---

[11]) «Москвитянинъ» 1847, г. III, стр. 61--62.

соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, да царствуютъ оны совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему должны стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество, ожидаютъ благотворные наши попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды, о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо счастливыми. Безчисленны къ намъ ихъ благодѣянія, но дѣла ихъ, но добродѣтельный примѣръ ихъ есть то, что мы драгоцѣннѣйшаго отъ нихъ получили» [12]). Но наряду съ этими, такъ сказать, оффиціальными произведеніями, которыя писались по предложенію или приказанію начальства, Жуковскій создаетъ нѣсколько самостоятельныхъ произведеній, гдѣ уже начинаютъ сказываться особенности его собственной природы въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя потомъ такъ обильно были развиты въ его зрѣлой поэзіи. Такъ, въ стихахъ: «Майское утро», написанныхъ въ первый годъ пансіонской жизни, Жуковскій говоритъ о жизни, какъ безднѣ страданій и слезъ, и о счастіи того, кто достигъ берега и спитъ мирнымъ сномъ. Потомъ пишетъ «Мысли при гробницѣ», «Мысли на кладбищѣ», въ которыхъ мы видимъ тотъ же меланхолическій сюжетъ, который повторяется позже въ знаменитой элегіи: «Сельское кладбище» (1802.) Эта-то черта въ поэзіи Жуковскаго, которою отчасти объясняютъ восточнымъ элементомъ въ его происхожденіи, особыми обстоятельствами, сопровождавшими его дѣтство, находила литературную подержку, съ одной стороны, въ трудахъ Покровскаго, а, съ другой—въ мистико—религіозномъ направленіи пансіона, но главнымъ образомъ

[12]) Соч. Жуковскаго, изд. 10-е 1901 г., стр. 779.

въ томъ кружкѣ, въ которомъ вращался Жуковскій, выходя иногда за стѣны пансіона. Мы разумѣемъ тотъ кружокъ, который группировался вокругъ директора университета И. П. Тургенева. Послѣдній былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Буниными, поэтому, когда Жуковскій былъ привезенъ въ Москву, то тотчасъ вошелъ въ домъ Тургенева, гдѣ и былъ принятъ, какъ родной. Скоро неразрывная дружба связала Жуковскаго съ дѣтьми Тургенева: Андреемъ и Александромъ, особенно съ первымъ, тѣмъ болѣе, что оба они учились въ пансіонѣ. Въ домѣ Тургенева Жуковскій встрѣтилъ любовь къ литературѣ, увлеченіе тѣмъ направленіемъ, которое потомъ дѣлается достояніемъ его собственной поэзіи, и, наконецъ, здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ въ то время поэтомъ Каменевымъ, который своею балладою: «Громвалъ», «упредилъ баллады Жуковскаго». Тутъ же было положено и начало знакомства будущаго нашего поэта съ нѣмецкою литературой. Особенно сильно вліяніе этого кружка стало сказываться по выходѣ Жуковскаго изъ пансіона, когда онъ сознательнѣе сталъ относиться къ его идеямъ.

Подводя итоги выше сказанному, невольно задаешься вопросомъ, что же вынесъ Жуковскій изъ этого разсадника просвѣщенія на рубежѣ XVIII—XIX вв. Вопреки мнѣнію біографа его г. Загарина, мы должны сказать, что школа эта очень немного дала нашему поэту въ смыслѣ общаго образованія. Единственно, что онъ получилъ отъ нея—такъ это возможность свободно предаваться литературнымъ занятіямъ. Правда, біографъ Антонскаго говоритъ: инспекторъ пансіона «своею ученостью много улучшилъ и возвысилъ учебную часть заведенія; своею неутомимою дѣятельностью онъ оживилъ духъ въ ученикахъ», но это надо отнести къ бо-

лѣе позднему времени, но не ко времени пребыванія въ немъ Жуковскаго. Не имѣя возможности указать всѣхъ недостатковъ пансіонскаго преподаванія, мы ограничимся только указаніемъ на эти недостатки одного изъ воспитанниковъ пансіона, товарища Жуковскаго, Александра Ивановича Тургенева. Онъ изъ Лейпцига въ 1827 г. писалъ брату своему Николаю: «Опять слушалъ Линднера о педагогикѣ и опять съ большимъ любопытствомъ, ибо онъ сильно нападалъ на недостатки здѣшнихъ и вообще нѣмецкихъ педагоговъ и управленія училищнаго. Что бы сказалъ онъ при видѣ Антонскаго педагогики? Почти всѣ замѣченные недостатки существуютъ у Антонскаго. Но главный недостатокъ состоитъ въ нарушеніи правила, что въ низшіе классы должно сажать лучшихъ учителей» [13]). Правда, иногда Жуковскій очень восторженно отзывался о заведеніи, его воспитавшемъ, такъ напр., въ одномъ письмѣ къ А. А. Антонскому отъ 8 іюля 1815 г. онъ пишетъ ему о Царскосельскомъ лицеѣ. «Едва ли когда—нибудь лицей будетъ для Россіи то, что пансіонъ университета». Въ 1809 г. въ «Вѣстникѣ Европы», въ примѣчаніи къ стихотворенію А. Раевкаго: «Любовь къ ближнимъ», Жуковскій замѣтилъ: «Стихи сіи произнесены были молодымъ авторомъ на публичномъ актѣ, бывшемъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Отцы и матери воспитанниковъ, которые были главными зрителями и участниками сего торжества, имѣли случай радоваться успѣхами своихъ дѣтей, въ которыхъ подъ надзоромъ дѣятельнаго воспитателя образуются полезные граждане, могущіе со временемъ воздать пекуще-

[13]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу (Лейпцигъ 1872 г.), стр. 105.

муся о нихъ отечеству подвигами, его достойными» [14]).
Но рядомъ съ этими полуоффиціальными отзывами идутъ въ интимныхъ письмахъ Жуковскаго горькія сѣтованія на скудость своего образованія: «Я совершенный невѣжда въ исторіи... Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе... Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая-нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторійка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ?... Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени!» «Для мужчины въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ отъ другихъ отставать не должно, въ этихъ наукахъ (исторіи, географіи, натуральной исторіи) нужно знаніе фундаментальное—я самъ вамъ въ этомъ примѣръ! Мнѣ часто приходитъ плохо отъ недостатка въ этомъ фундаментальномъ знаніи! И я бы не желалъ, чтобы съ дѣтьми вашими бывало то же, что со мною» [15]). А между тѣмъ исторію и естественныя науки Антонскій ставилъ на первомъ мѣстѣ въ ряду знаній, болѣе споспѣшествующихъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка. Чувствовалъ Жуковскій и потребность познакомиться съ латинскимъ языкомъ и съ греческимъ. Въ 1810 году онъ «находитъ удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса»... «Теперь», пишетъ онъ на 27 году своей жизни: «главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикомъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій».

---

[14]) «В. Е.» 1809, № 2, стр. 109.
[15]) «Рус. Старина». 1883 г. Сентябрь стр. 539.

Въ 1822 г. Жуковскій проситъ Гнѣдича прислать ему латинскую грамматику. «Люди увѣряютъ, что я перевожу Энеиду», пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ: «а я просто учусь по-латински и, чтобъ затверживать слова, перевожу изъ «Энеиды» отрывки». Въ 1845 г. онъ пишетъ фонъ-деръ Брилену: «Я часто, часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ латинскомъ и греческомъ языкѣ» [16]). Собственный горькій опытъ заставляетъ Жуковскаго желать, чтобы дѣти А. П. учились «обоимъ древнимъ языкамъ». Жуковскій самъ почти безъ руководителя, по своему собственному плану, начинаетъ учиться исторіи (по сочиненіямъ Гаттерера и Геерина), латинскому языку, нѣмецкому языку; начинаетъ знакомиться съ нѣмецкой литературой. «Я бы желалъ», пишетъ онъ Ѳ. Г. Вендриху въ 1805 г.: «если бы не боялся васъ отяготить, чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы: нѣмецкая литература мнѣ мало знакома». Знаменательныя слова Жуковскаго въ письмѣ къ А. П. Елагиной: «Университетъ, не повредя бы ихъ (дѣтей А. П.) нравственности, приготовилъ бы ихъ для дѣятельной жизни» [17]). Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ Жуковскаго мы видимъ, что онъ далеко не былъ доволенъ своимъ образованіемъ. Что же касается пробужденія въ немъ интереса къ духовной жизни, который въ этотъ періодъ особенно сильно начинаетъ проявляться, то, по нашему мнѣнію, главная инициатива въ этомъ пробужденіи принадлежитъ не столько вліянію пансіона, сколько собственной природѣ Жуковскаго. Заслуга пансіона заключа-

[16]) Тамъ же стр. 536.
[17]) Тамъ же стр. 540.

лась, пожалуй, въ томъ, что онъ не мѣшалъ развитію духовнаго интереса въ Жуковскомъ [18]).

Аркадій Соловьевъ.

Г. Юрьевъ. 1902
16/IV.

[18]) Мы ничего не сообщаемъ новаго относительно «собранія воспитанниковъ Благороднаго Пансіона», а потому желающихъ ознакомиться съ этимъ отсылаемъ къ труду Загарина: «В. А. Жуковскій и его произведенія».

Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи" Жуковскаго современные и послѣдующіе критики *).

ВВЕДЕНІЕ.

Глубокая истина, высказанная еще Цицерономъ въ рѣчи за Архія [1]) относительно того, что гораздо больше значатъ природныя дарованія безъ научнаго образованія, чѣмъ наоборотъ, имѣетъ, конечно, свое особенное значеніе примѣнительно къ поэтамъ, на что указалъ тотъ же ораторъ и въ той же знаменитой рѣчи [2]).

Тогда какъ всѣ другія занятія находятся въ прямой зависимости отъ изученія извѣстныхъ правилъ и искусствъ, поэтъ творитъ по самой своей природѣ, порывами своего поэтическаго генія возбуждается къ творчеству и какъ бы вдохновляется какимъ-то наитіемъ свыше, и то, чего не въ силахъ сдѣлать ученый, не одаренный поэтическимъ даромъ, способенъ создать поэтъ, не напитанный ученостью, но надѣленный творчествомъ, богатой фантазіей и прозрѣніемъ—чутьемъ, проникающимъ въ духъ отдаленной, уже давно отжившей эпохи.

Жуковскій и его переводъ «Одиссеи»—наглядный примѣръ высказанной Цицерономъ истины.

Почти вовсе не зная греческаго языка, Жуковскій

---

*) Рѣчь, произнесенная въ Императорской Казанской I-й гимназіи 23 апрѣля 1902 года.

1) Cic. Arch. 7, 15.

2) Ibid. 8, 18.

рѣшился перевести «Одиссею». Подъ руками у поэта были нѣмецкій стихотворный переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ: одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ, по собственному выраженію Жуковскаго, архиглупый прозаическій пересказъ [3]).

Главную же услугу при переводѣ оказалъ Жуковскому боннскій профессоръ Грасгофъ, который переписалъ для поэта подлинный текстъ «Одиссеи», поставилъ подъ каждымъ греческимъ словомъ нѣмецкое слово и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго [4]).

При такихъ пособіяхъ, благодаря трудолюбію, Жуковскій совершилъ свой великій подвигъ, который современники называли «великимъ», а самый переводъ «Одиссеи» считали литературной достопримѣчательностью [5]). Сила поэтическаго таланта, глубокое знаніе отечественнаго языка, опытность, пріобрѣтенная долговременнымъ упражненіемъ въ переводахъ; любовь и ревность къ занятію—сдѣлали то, что въ каждой пѣснѣ перевода Жуковскаго мы находимъ по нѣскольку такихъ мѣстъ, которыя могутъ считаться превосходными образцами художественнаго стиха. Должно даже къ удивленію сказать, что именно подобныя мѣста въ переводѣ Жуковскаго замѣчательны вмѣстѣ и своей поразительной близостью къ подлиннику [6]).

---

[3]) Ср. П. Загаринъ, «В. А. Жуковскій и его произведенія». М. 1883 г. прил. VI, стр. XXXI.

[4]) См. новыя стихотворенія В. Жуковскаго. Т. II Одиссея I—XII пѣсни, СПб. 1849. Вмѣсто предисловія. Отрывокъ письма, стр. XV.

[5]) «Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 68 сл. Ср. СПб. Вѣд. 1849, № 268.

[6]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 91 «Отеч. Зап.» 1849 № 3, 7, т. 63, отд. V, стр. 23.

«Одиссея» въ переводѣ Жуковскаго представляется, такимъ образомъ, самымъ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ 1849 года [7]) и, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ важный фактъ какъ въ исторіи отечественной литературы вообще, такъ въ частности въ исторіи нашего знакомства съ классической поэзіей и въ литературной жизни Жуковскаго [8]), тѣмъ болѣе, что переводъ «Одиссеи» представлялся оригинальнымъ и самому поэту, не знакомому съ языкомъ подлинника [9]).

Одинъ изъ современниковъ Жуковскаго при появленіи перевода «Одиссеи», между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Жуковскій, послѣдній изъ поэтовъ, беретъ за руку самаго первагo поэта, слѣпого пѣвца, этого дряхлаго, но всегда «божественнаго» Гомера... и, являясь съ нимъ передъ своими соотечественниками, торжественно зоветъ насъ на пиръ прекраснаго» [10]).

Самый процессъ перевода «Одиссеи» доставилъ Жуковскому много утѣшительныхъ минутъ: онъ жилъ надеждой, что въ своемъ Гомерѣ оставляетъ своему отечеству вѣчный памятникъ поэтической жизни, который между внуками долженъ сохранить о немъ доброе воспоминаніе [11]).

Жуковскій переводилъ для личнаго удовольствія, для наслажденія; о славѣ онъ не мечталъ, переводилъ

---

[7]) См. «Одиссея и журнальные толки о ней». «Современникъ» 1850, № 3, т XX, отд. III, стр. I.

[8]) «Отеч. Зап.» 1850, № 1, т. 68, отд. V, стр. I.

[9]) Ср. Стихотворенія Жуковскаго т. IV, изд. 9-е, СПб. 1894. Письмо къ гр. С. С. Уварову, стр. 2.

[10]) Сенковскій, Сочиненія т. VII. СПб. 1859, стр. 332.

[11]) «День» 1862, № 41, стр. 18 (изъ писемъ Жуковскаго къ Зейдлицу)—Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго. СПб. 1883, стр. 225 сл. Ср. Гоголь, Письма (ред Шенрока), СПб. 1901, т. IV, стр. 255; Сенковскій, соч. т. VII, стр. 335; Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 1, ч. 61, отд. VI, стр. 83.

за границей, гдѣ ни передъ кѣмъ не могъ гордиться своимъ переводомъ, такъ какъ тамъ русскаго языка не понимали [12]).

Поэтическій переводъ обширной поэмы, какъ въ другомъ случаѣ созданіе всякаго оригинальнаго произведенія, былъ важный актъ въ жизни самого поэта: онъ переживалъ безконечныя волненія, извѣстныя только ему самому. Къ этому труду поэтъ готовилъ себя цѣлые годы и всѣ свои мысли, чувства, настроенія внесъ въ свою работу, онъ ею жилъ, лелѣялъ ее, боготворилъ. Въ то же время при изданіи своего труда переводчикъ, безъ сомнѣнія, трепеталъ за то, какъ отнесется къ его созданію публика, какой переворотъ произведетъ его трудъ, что новаго принесетъ онъ съ собой, кто его будетъ читать, какъ его будутъ читать, и что останется отъ чтенія. Всѣ эти размышленія были такъ серьезны и такъ тревожны, что невольно наводятъ на мысль, не былъ ли трудъ Жуковскаго жертва съ его стороны и жертва добровольная, съ цѣлью передать своимъ соотечественникамъ свое любимое дѣтище—младшую дочь, какъ называлъ самъ поэтъ свой переводъ «Одиссеи» [13]).

Въ данномъ случаѣ трудъ Жуковскаго, какъ переводчика, былъ особенно полонъ тревогъ: Жуковскій былъ увѣренъ, что каждый могъ смотрѣть на переводъ съ своей точки зрѣнія: одинъ могъ сравнивать переводъ въ отношеніи близости къ подлиннику, другой въ смыслѣ пониманія духа оригинала, третій со стороны языка и т. д.

Переводъ Гомера безусловно во всѣ времена пред-

[12]) Зейдлицъ, стр. 226.
[13]) Ibid. ср., напр., стр. 225.

ставлялся труднымъ: новѣйшему переводчику не легко проникнуться живымъ эллинскимъ простодушіемъ, еще труднѣе найти въ своемъ языкѣ соотвѣтствующія формы для передачи его многочисленныхъ и оригинальныхъ эпитетовъ.

Современное общество опередило Гомерову эпоху почти на три тысячелѣтія, да и самъ Гомеръ необъятно великъ: боги, полубоги, чудеса; военная и мирная жизнь, любовь и гнѣвъ, месть и жалость, смѣхъ и горе,—все занимало слѣпого пѣвца. Самый міръ понятій въ поэмахъ Гомера обширнѣе и цѣльнѣе нашихъ воззрѣній на природу, ибо сама природа, окружавшая грека и славянина, многоразлична: тамъ—море, горы и яркій блескъ солнца, здѣсь—степь, лѣсъ и порывы холоднаго вѣтра и зимнихъ мятелей.

Несмотря на всѣ эти затрудненія и свои преклонные годы, Жуковскій принялся за переводъ «Одиссеи» и послѣ семилѣтней упорной работы надъ нимъ съ успѣхомъ довелъ переводъ до конца [14]).

Какъ заслуженнаго вознагражденія за свой многолѣтній трудъ Жуковскій долженъ былъ ждать обстоятельной оцѣнки своего перевода.

По поводу «Одиссеи» Жуковскаго появилось значительное для своего времени количество журнальныхъ и газетныхъ статей. Всѣ эти отзывы объ «Одиссеѣ» Жуковскаго важны, какъ любопытный фактъ въ исторіи русской журналистики. Разсмотрѣніе этихъ рецензій, разнообразныхъ по своему содержанію, и имѣетъ предметомъ настоящая рѣчь.

Мнѣнія объ «Одиссеѣ» Жуковскаго были высказа-

[14]) Стихотворенья Жуковскаго, т. IV, изд. 9-е, СПб. 1894, стр. 479.

ны еще до выхода въ свѣтъ самого перевода поэмы, и, какъ преждевременные отзывы, эти мнѣнія оказали свое вліяніе не только на современную переводу критику, но и на отзывы послѣдующаго времени, и лишь сравнительно въ недавнее время на трудъ Жуковскаго взглянули съ объективной точки зрѣнія и оцѣнили его надлежащимъ образомъ.

I.

Мнѣнія объ „Одиссеѣ“, переводимой Жуковскимъ, до ея окончательнаго выхода въ свѣтъ. Вліяніе этихъ мнѣній на критику.

«Произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, появляются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству»—такъ высказался Пушкинъ о литературной критикѣ нашихъ журналовъ, какъ разъ въ то самое время, когда появился переводъ «Иліады», исполненный Гнѣдичемъ (1830 г.) [15]). Еще рѣзче, еще рѣшительнѣе выразился о томъ же предметѣ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Н. Я. Прокоповичу (отъ 29 марта 1850 г.): «Какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не подымаются руки» [16]). Слова Гоголя имѣли прямое отношеніе къ его занятіямъ послѣдняго времени жизни, къ «Мертвымъ душамъ», и, какъ увидимъ ниже, высказаны были подъ вліяніемъ критическихъ отзывовъ, появившихся по поводу выхода въ свѣтъ «Одиссеи» въ переводѣ Жуковскаго.

---

[15]) Сочиненія Пушкина изд. 8-е, М. 1882, т. V, стр. 76.

[16]) Письма Гоголя т. IV, стр. 312.

Аналогія въ сужденіяхъ Пушкина и Гоголя о современной литературной критикѣ на переводъ «Иліады» и «Одиссеи» невольно возбуждаетъ въ насъ желаніе получить отвѣты на вопросы, какъ смотрѣлъ на трудъ Гнѣдича самъ Пушкинъ, и какъ относился Гоголь къ переводу «Одиссеи» Жуковскаго. Отвѣтъ на первый вопросъ можно найти въ перепискѣ Пушкина съ Гнѣдичемъ; отвѣтомъ на второй вопросъ будутъ нѣсколько мѣстъ изъ недавно обнародованныхъ писемъ Гоголя къ его друзьямъ.

«Иліада» въ переводѣ Гнѣдича вышла въ свѣтъ въ 1830 г., ровно черезъ 20 лѣтъ, т.-е. въ 1849 г. появился переводъ «Одиссеи» Жуковскаго. Пушкинъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за выходомъ въ свѣтъ всѣми ожидаемаго перевода «Иліады», свидѣтельствомъ чему являются многія мѣста его писемъ [17]) и восторженное двустишіе, написанное по поводу появленія въ свѣтъ «Иліады».

Незнаніе греческаго языка помѣшало Пушкину приступить къ полному разбору «Иліады» [18]), и поэтъ долженъ былъ ограничиться лишь написаніемъ нѣсколькихъ строкъ «О выходѣ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича» [19]). Переводъ Гнѣдича, по сужденію Пушкина, былъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ

---

[17]) Ср. соч. Пушкина изд. 8-е, т. VII, стр. 71, 75, 172, 284. См. также Пав. Черняевъ «А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ». Казань 1899, стр. 53 сл. и С. Любомудровъ: «Античный міръ въ поэзіи Пушкина» Москва 1899, стр. 44. Послѣдняя работа написана подъ сильнымъ вліяніемъ труда Пав. Черняева (ср., напр., стр. 4, 8—9, 30, 49 у Л—ва и стр. 8, 18—21, 66, 4—у Ч—ва).

[18]) См. т. VII, стр. 76.

[19]) Т. V, стр. 76.

отечествѣ [20]), единый, высокій подвигъ [21]). Эти похвальные отзывы Пушкина навлекли на него подозрѣніе въ пристрастіи, и поэту пришлось прибѣгнуть къ литературнымъ объясненіямъ [22]).

Такимъ образомъ услуга, оказанная Пушкинымъ своему другу, была, какъ видимъ, не совсѣмъ кстати: она породила праздные толки въ литературѣ и вызвала, быть-можетъ, далеко не беспристрастные отзывы о трудѣ Гнѣдича, на который переводчикъ употребилъ половину своей жизни.

Другъ Жуковскаго Гоголь поступилъ, сдается намъ, еще неосмотрительнѣе. За нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ перевода «Одиссеи» Жуковскаго Гоголь письмомъ къ Н. М. Языкову («Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ») [23]) оповѣстилъ публику объ имѣющемъ появиться трудѣ. Это письмо Гоголя—famosa epistola, какъ называетъ его одинъ изъ рецензентовъ перевода «Одиссеи» [24]), послужило яблокомъ раздора между критиками.

Какъ ни странно, но суровые и нерѣдко несправедливые приговоры, въ большинствѣ случаевъ, выпадаютъ на долю такихъ произведеній, появленія которыхъ ожидаютъ долго и съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Отсюда понятно, почему «Одиссею» Жуковскаго, какъ и «Иліаду» Гнѣдича, при выходѣ ихъ въ свѣтъ, постигла одна и та же судьба: критика отнеслась къ нимъ, особенно къ «Одиссеѣ», съ заранѣе предвзятой мыслью, такъ какъ о переводахъ обѣихъ поэмъ Гомера задолго до ихъ

[20]) Т. VII, стр. 75.

[21]) Т. V, стр. 76.

[22]) Ср. «Объясненіе къ замѣткѣ объ «Иліадѣ» т. V, стр. 95 сл.

[23]) См. Сочиненія Гоголя М. 1867, т. III, стр. 354—363.

[24]) Ср. Отеч Зап. 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 33.

появленія высказаны были восторженныя похвалы такими видными представителями современной литературы, какъ Пушкинъ и Гоголь. Аналогія въ конечной судьбѣ этихъ преждевременно произнесенныхъ сужденій еще болѣе поразительна.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ Гоголь Языкову: «Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу [25]); это не переводъ, но скорѣе возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе Гомера» [26]).

Восторженный Гоголь приписывалъ «Одиссеѣ» какое-то магическое дѣйствіе какъ вообще на всѣхъ, такъ и отдѣльно на каждаго. Народъ, такъ думалось Гоголю, извлечетъ изъ «Одиссеи» то, что ему слѣдуетъ изъ нея извлечь, т.-е. что человѣку вездѣ, на всякомъ поприщѣ, предстоитъ много бѣдъ; что нужно съ ними бороться: для того и жизнь дана человѣку, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву къ Богу, которую въ минуту бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ» [27]). Нѣсколько сдержаннѣе высказана подобная же мысль въ письмѣ Гоголя къ П. А. Плетневу [28]), гдѣ такъ говорится объ «Одиссеѣ»: «Ея появленье въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали: весьма можетъ быть, что въ

---

[25]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 354.

[26]) Ibid. стр. 355.

[27]) Ibid. стр. 357.

[28]) Письма Гоголя т. IV, стр. 231 сл.

пору нынѣшняго лихорадочнаго своего состоянья большая часть читающей публики не только не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь, и у которыхъ сердце пріуныло отъ смуты и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ, должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободренье и освѣженье въ наши души»...

Въ своемъ извѣстномъ письмѣ Языкову Гоголь писалъ [29]: „Я увѣренъ, что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею (т.-е. «Одиссеею») возбужденные, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ» [30]).

Гоголь слѣдилъ за самымъ ходомъ перевода «Одиссеи» [31]), спрашивалъ Жуковскаго письмомъ, имѣетъ ли онъ Дидотовское изданіе Гомера [32]), и даже подавалъ совѣты, какъ бы надо было издать переводъ «Одиссеи» [33]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому [34]) Гоголь такъ выражается о переводѣ «Одиссеи»: «Что же мнѣ написать тебѣ объ «Одиссеѣ». Сказавши въ первомъ письмѣ [35]), что много есть въ Россіи людей, тебѣ особенно за нее благодарныхъ, и что она совершенство, я сказалъ все. Да и что сказать о трудѣ, въ которомъ всѣ части приведены въ такую стройность и согласіе?

---

[29]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 357.
[30]) Ibid. стр. 359 сл.
[31]) Письма Гоголя т. IV, стр. 255.
[32]) Ibid. стр. 141.
[33]) Ibid. стр. 243 сл.
[34]) Ibid. стр. 303 сл.
[35]) Ibid. стр. 287.

Если бы что-нибудь выступало сильнѣй другого, или было обработано лучше, или же отстало, тогда бы нашлись рѣчи; а теперь вся оцѣнка сливается въ одно слово: прекрасно! Притомъ, если даже и хвалить картины, то похвалы всѣ достанутся Гомеру, а не тебѣ. Переводчикъ поступилъ такъ, что его не видишь: онъ превратился въ такое прозрачное стекло, что, кажется, какъ бы нѣтъ стекла».

Въ одномъ письмѣ къ П. А. Плетневу Гоголь пишетъ [36]: «объ «Одиссеѣ» не говорю. Что сказать о ней? Ты, вѣрно, наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!»

О томъ, какъ выполненъ Жуковскимъ переводъ «Одиссеи», Гоголь отозвался со свойственнымъ ему энтузіазмомъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ восторженно. «Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ» [37].

Такъ думалъ Гоголь о трудѣ своего друга. Къ подобному гиперболическому сужденію о переводѣ Жуковскаго положительно ничего нельзя было прибавить, а убавить было что. И это хорошо понялъ самъ Гоголь, когда увидѣлъ, какъ приняла публика переводъ Жуковскаго [38], и какъ встрѣтила этотъ трудъ современная переводчику литературная критика. Тогда именно восторженное настроеніе Гоголя перешло поистинѣ въ уныніе. Въ Гоголѣ зародилась мысль, что его «Мертвыя души» ждетъ участь, подобная судьбѣ «Одиссеи» Жуковскаго, и очень можетъ быть, что пріемъ, ока-

[36]) Ibid. стр 290.

[37]) Письма Гоголя т. III, стр. 11.

[38]) См. прим. 5-е къ письму на стр. 287 въ IV т.

занный «Одиссеѣ», имѣлъ роковое значеніе на дальнѣйшій ходъ какъ вообще литературныхъ занятій Гоголя, такъ въ частности и на его безъ того незавидное здоровье [39]). По крайней мѣрѣ къ такому выводу приводятъ насъ нѣсколько мѣстъ изъ переписки Гоголя съ его искренними друзьями. Такъ, Гоголь писалъ А. С. Данилевскому [40]): «Не такое время, чтобы печатать что-либо; да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссеѣ». Если Гомера встрѣтили равнодушно [41]), то чего же ожидать мнѣ?»

Въ письмѣ къ Жуковскому читаемъ такую тираду [42]): «Появленіе «Одиссеи» было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые нѣсколько разъ сряду прочли «Одиссею», съ полной признательностью и глубокой благодарностью къ переводчику. Но такихъ (увы!) немного. Никакое время не было еще такъ бѣдно читателями хорошихъ книгъ, какъ наступившее».

«Мертвыя души», сообщалъ Гоголь П. А. Плетневу [43]), тоже тянутся лѣниво. Можетъ-быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить теперь. Дѣло въ томъ, что время еще содомное; люди, доселѣ не отрез-

---

39) Письма Гоголя т. IV, стр. 312, прим. 5-е.

40) Ibid. стр. 236 сл.

41) Изъ письма Жуковскаго къ Н. В. Нащокину узнаемъ, что почти ни одинъ изъ знакомыхъ не увѣдомилъ поэта о полученіи «Одиссеи». Ср. Загаринъ, прил. V, стр. XXVIII.

42) Письма Гоголя т. IV, стр. 287.

43) Ibid. стр. 289.

вившіеся отъ угару, не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему «Одиссеи» Два—три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло».

Однако разсмотримъ, правъ ли былъ Гоголь, утверждая, что публика встрѣтила «Одиссею» Жуковскаго только равнодушно.

По поводу перевода «Одиссеи» были высказаны не двѣ—три критики, какъ это можно было бы заключить изъ только что приведенныхъ словъ Гоголя, а гораздо болѣе. Врядъ ли и въ наше время пронеслось бы столько мнѣній о переводѣ «Одиссеи», сколько высказали ихъ современники Гоголя, между которыми были безспорно талантливые знатоки греческаго языка. Имена многихъ этихъ лицъ украшали тогда страницы лучшихъ русскихъ журналовъ,—то были люди, умѣвшіе излагать свои мысли бойко, живо, увлекательно.

Критиковъ того времени по характеру ихъ рецензій на «Одиссею» Жуковскаго можно раздѣлить на три разряда: панегиристовъ, противоположныхъ имъ хулителей и умѣренныхъ. Больше всего числомъ было послѣднихъ, меньше первыхъ и очень ограниченное количество вторыхъ.

Почти въ каждомъ критическомъ отзывѣ была своя доля правды, высказываемая или въ формѣ желанія, или въ формѣ требованія.

Однако, прежде чѣмъ начать разбираться въ критическихъ статьяхъ, появившихся по поводу выхода въ свѣтъ «Одиссеи» Жуковскаго, мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе, въ которомъ подробно приведемъ

какъ взглядъ самого переводчика на свой трудъ, такъ и его собственныя объясненія касательно перевода. Это сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что вступительныя слова переводчика, представляющія собою отрывокъ письма, послужили для многихъ критиковъ, какъ увидимъ ниже, исходной точкой ихъ сужденій о переводѣ.

Цѣль перевода, какъ узнаемъ изъ этого предисловія—отрывка письма та, что Жуковскій захотѣлъ повеселить душу первобытною поэзіей, потѣшить самого себя на просторѣ поэтическою болтовнею [44]). Жуковскій хотѣлъ «быть вѣрнымъ представителемъ Гомера». Незнаніе Гомерова языка не помѣшало ему, по его собственнымъ словамъ, достигнуть этого, благодаря особымъ пріемамъ перевода, которые онъ самъ и объясняетъ. Во время своей заграничной жизни Жуковскій нашелъ въ Дюссельдорфѣ профессора Грасгофа [45]), великаго эллиниста, который въ особенности занимался объясненіемъ Гомера [46]). Грасгофъ для Жуковскаго собственноручно весьма четко переписалъ въ оригина-

[44]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т. II, СПб. 1849, стр. XIII сл.

[45]) Странно, что Жуковскій не обратился за содѣйствіемъ къ Фоссу (1785—1847), сыну извѣстнаго переводчика Гомера, который также занимался этимъ писателемъ и въ то время, какъ и Жуковскій, жилъ въ Дюссельдорфѣ.

[46]) Вся ученость этого «знатока» Гомера сводится какъ кажется, къ написанію лишь двухъ-трехъ небольшихъ работъ по греческому эпосу, таковы двѣ его программы, вышедшія до 1840 г.: 1) Ueber d. Schiff bei Homer und Hesiod. 4⁰ pr. 1834 p. 32 и 2) Ueber d. Fuhrwerk bei Homer und Hesiod. 4⁰ pr. 1846 p. 41. Настоящими знатоками Гомера въ это время были слѣд. ученые: Doederlein I. L. Chr. W. (1791 - 1863), профессоръ СПб. университета Freytag Th. F. (1800—1858), замѣчаніями котораго на первыя двѣ пѣсни «Иліады» пользовался Негельсбахъ, далѣе Kayser K. L. (род. 1808 г.), Nitzsch G. W. (1790—1861), Nüsslin F. A. (1780 - 1863) и др.

лѣ всю «Одиссею» и, какъ выше было сказано, подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово и подъ каждымъ нѣмецкимъ-грамматическій смыслъ оригинальнаго [47]). Такимъ образомъ Жуковскій имѣлъ передъ глазами какъ буквальный переводъ «Одиссеи», такъ и весь порядокъ словъ.

Работа Грасгофа была поистинѣ египетская, которую можно было сдѣлать трудолюбивому нѣмцу и по особому заказу. Трудъ Жуковскаго состоялъ въ томъ, что ему надлежало «изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо». «Въ этомъ отношеніи и переводъ мой, пояснялъ Жуковскій, можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ».

Высказавъ затѣмъ свой взглядъ на Гомера и на переводъ его поэмъ, Жуковскій заявлялъ: «все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ» [48]).

Сопоставляя, съ одной стороны, широковѣщательныя слова Гоголя объ «Одиссеѣ» [49]) съ «поэтическою исповѣдью» самого Жуковскаго [50]), нѣкоторые критики вполнѣ основательно находили мнѣніе Гоголя относительно того, что «Одиссею» будутъ читать всѣ съ увлеченіемъ. Такъ, одинъ изъ критиковъ рѣзко, но справедливо за-

---

[47]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т. II. СПб. 1849, стр. XV.

[48]) Ibid. стр. XVII. Высказавъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій весьма правильный взглядъ на переводъ Гомера, Жуковскій при переводѣ «Одиссеи» во многомъ отступилъ отъ своего взгляда.

[49]) Соч. Гоголя М. 1867, т. III, стр. 357 сл. См выше прим 23.

[50]) См. Новыя стихотворенія Жуковскаго т II, СПб. 1849, стр. XIX.

мѣтилъ, что «ни въ какой землѣ и ни въ какое время и самый страстный любитель Гомера не воображалъ, чтобы можно было метать Гомеровскій бисеръ передъ дѣтей обоего пола, мужиковъ, лакеевъ; одному Гоголю могла прійти на умъ столь геніальная идея [51]).

По поводу «поэтической исповѣди» Жуковскаго тотъ же критикъ писалъ: «нечего было выгадывать, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи. Сличая съ подлинникомъ Фоссовъ переводъ, вразумляешься вполнѣ, до какой степени сей послѣдній вѣренъ и классически совершанъ [52]). Однако въ данномъ случаѣ критикъ былъ не вполнѣ правъ: переводъ Фосса (1751—1826), правда, точенъ, но признать его «классически» совершеннымъ есть большая ошибка: это тяжелый нѣмецкій переводъ, изобилующій чудовищными по своимъ размѣрамъ словами, нарочито для этого перевода придуманными.

Далѣе, критикъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы Жуковскій, рѣшившись перевести «Одиссею» и располагая свободнымъ временемъ, не ознакомился предварительно, хоть сколько-нибудь, съ греческимъ языкомъ.

Положимъ, трудъ Грасгофа, замѣчаетъ критикъ, оказывался нужнымъ при первыхъ пѣсняхъ; но мы почти увѣрены, что съ четвертой или пятой пѣсни Грасгофъ былъ уже лишній для Жуковскаго, достаточно уже знакомаго какъ съ языкомъ, такъ и съ особенностями Гомера [53]). Это мнѣніе также нельзя не признать справедливымъ.

---

[51]) Баронъ Розенъ: «Новыя стихотворенія В. Жуковскаго», «Сынъ Отечества» 1849, январь, отд. VI, Крит. и библ. стр. 7.

[52]) Ibid. стр. 18.

[53]) Ibid. стр. 19.

Въ заключеніе своей критики авторъ высказываетъ пожеланіе видѣть въ русскомъ переводѣ гигантскій трудъ Грасгофа.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному обозрѣнію собственно критическихъ отзывовъ объ «Одиссеѣ» Жуковскаго.

II.

Какъ встрѣтила и оцѣнила „Одиссею" Жуковскаго современная переводчику критика.

При обзорѣ различныхъ взглядовъ, высказанныхъ объ «Одиссеѣ» Жуковскаго современной переводчику критикой, мы перечислимъ прежде всего тѣ, въ которыхъ преимущественно указывались достоинства перевода, затѣмъ приведемъ сужденія о недостаткахъ труда Жуковскаго.

Критики-панегиристы старались распространить мнѣніе о своевременности перевода «Одиссеи» и о его вліяніи на общество, подмѣтили соотвѣтствіе въ настроеніи переводчика духу греческаго оригинала, слѣдствіемъ чего было пониманіе Жуковскимъ подлинника, нашли въ переводѣ совершенное изящество языка и красоту стиха, въ цѣломъ же увидѣли въ трудѣ Жуковскаго высокое поэтическое настроеніе, выдержанность тона и умѣлыя характеристики героевъ.

Такъ, Шевыревъ въ своемъ разборѣ прежде всего изображаетъ тѣ впечатлѣнія, какія производитъ переводъ Жуковскаго на современную публику, привыкшую къ инымъ литературнымъ возбужденіямъ. Впечатлѣнія

отъ перевода «Одиссеи» двоякаго рода: освѣжающее и успокоительное [54]).

То литературное время было раздраженное, и сама поэзія, какъ произведеніе такой жизни, по большей части была раздражительна. Гомерова поэзія прямой контрастъ этому настроенію: она дѣйствовала на читателя успокоительно и въ то же время животворящимъ образомъ. Такая сила животворнаго успокоенія принадлежала подлиннику, русскому поэту удалось ее постигнуть и сообщить своему переводу.

Именно Жуковскій, а никакой другой поэтъ, сумѣлъ постичь эту прелесть успокоенія потому, что онъ одинъ могъ почувствовать внутреннія красоты «Одиссеи», воспитавъ себя до той тишины полнаго и яснаго міросозерцанія, среди которой захотѣлось ему, какъ онъ самъ говоритъ, повеселить душу первобытной поэзіей.

Нѣмецкая критика даже подмѣтила глубокое сродство души сѣдовласаго пѣвца съ душою сѣдовласаго его переводчика [55]).

Не значило ли это, скажемъ мы отъ себя, что поэтъ удачно выбралъ какъ вообще время для своего перевода, предугадавъ, такъ сказать, чарующее дѣйствіе спокойнаго эпическаго сказанія на нервно возбужденное общество; также не менѣе удачно избрано поэтомъ для перевода «Одиссеи» время собственной жизни—старческіе годы, какъ бы затѣмъ, чтобы на закатѣ своихъ дней побесѣдовать на чужбинѣ съ мирной музой слѣпого Гомера. Изъ соотвѣтствія этого настроенія перевод-

---

[54]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI. стр. 88—«Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 45 сл.

[55]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв» 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 68 сл.—«СПб. Вѣд.» 1849, № 268; ср. Гоголь, соч. т. III (М. 1867), стр. 354 сл.; Письма т. IV, стр. 248 сл.

чика духу оригинала естественно вытекаетъ и болѣе глубокое пониманіе имъ подлинника.

Жуковскій понялъ духъ подлинника. Вотъ какъ объ этомъ выражается Дестунисъ (1818—1895), известный филологъ, грекъ по происхожденію, впослѣдствіи профессоръ С. Петербургскаго университета. «Никогда еще ни одинъ переводъ не соединялъ въ равной степени высоту и поэтичность настроенія, колоритъ Гомеровой правды и красоты со всею научною исправностью и съ колоритомъ всѣхъ частностей: если должны преобладать или первыя условія, или вторыя, то конечно первыя, по тому самому, что имъ преимущественно обязанъ Гомеровъ эпосъ своимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. Вѣрность этимъ общечеловѣческимъ, глубоко-поэтическимъ началамъ «Одиссеи» именно и господствуетъ въ новомъ переводѣ» [56]).

Жуковскому, конечно, надо было обдумать и глубоко прочувствовать Гомера, прожить его жизнью, иначе говоря, понять бытъ эллинскій, претворить греческое въ родное,—надо было быть далеко видящимъ, чтобы обозрѣть эту давно пережитую жизнь и чрезъ тень вѣковъ уловить міросозерцаніе слѣпого старца [57]).

И Жуковскій, несмотря на свое незнаніе языка подлинника, лучше Гнѣдича понялъ духъ первоначальной, простой поэзіи Гомера [58]).

Какъ знатокъ отечественнаго языка и профессоръ русской литературы, Шевыревъ главнымъ образомъ вос-

---

[56]) Дестунисъ Г. «О переводѣ «Одиссеи» В. А. Жуковскимъ», «Журн. Мин. Нар Просв.» 1850, № 8, ч 67, отд. II, стр. 63 сл., ср. стр. 86.

[57]) Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 69 сл.

[58]) Водовозовъ, «Новая русская литература», СПб. 1866, стр. 51.

торгался языкомъ переводной «Одиссеи». И въ самомъ дѣлѣ, если въ чемъ другомъ грѣшитъ диѳирамбическая, мѣстами туманная, критика Шевырева, то въ этомъ случаѣ рецензентъ выражается вполнѣ опредѣленно и не безъ вѣскихъ основаній признаетъ достоинство перевода Жуковскаго по отношенію къ преимуществу русскаго языка.

Впечатлѣніе, производимое собственно переводомъ «Одиссеи», «есть полная торжественная радость за нашъ языкъ» [59]). Языкъ въ «Одиссеѣ» похожъ болѣе на самый чистый каррарскій мраморъ безъ жилокъ, а искусство Жуковскаго на вдохновенный и самый опытный рѣзецъ ваятеля.

Позже Шевырева другой знатокъ русскаго языка, Катковъ, такъ выражается объ «Одиссеѣ» Жуковскаго: «Языкъ этого перевода есть чистый и изящный языкъ современной литературы нашей [60]). Это изящество, по замѣчанію Деступиса, касается не только характеровъ и страстей, но и образовъ, предложеній, размѣра [61]).

Строгій и добросовѣстный разборъ г. Лавровскаго (1827—1886) [62]) убѣждаетъ, что переводъ «Одиссеи» со стороны чистоты языка обладаетъ многими неоспоримыми преимуществами надъ переводомъ Гнѣдича: онъ

---

[59]) «Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 48.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 88 сл.

[60]) Ср М. Катковъ, «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ» «Пропилеи», кн. IV, М. 1854, стр. 551.

[61]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч 67, отд. II, стр. 97.

[62]) «Эта первая дѣльная статья о Гомерѣ, вполнѣ соотвѣтствующая важности своего предмета» (Ср. Дружининъ, соч. т. VI, СПб. 1865, стр. 79) помѣщена въ «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд V, стр. 1—58. Ея заглавіе: «Сравненіе перевода «Одиссеи» Жуковскаго съ подлинникомъ на основаніи разбора 9-й рапсодіи».

читается несравненно легче; въ немъ не мало народныхъ выраженій, соотвѣтствующихъ подлиннику [63]).

Что касается собственно стиха, то гекзаметры у Жуковскаго, по выраженію Шевырева, походятъ на проволоку, которая вытягивается такъ, что онъ дѣлаетъ изъ нея всё, что захочетъ [64]). Отсюда происходятъ сила и текучесть періода по емкой и покорной формѣ очаровательнаго стиха, все побѣждающаго своимъ могуществомъ.

При поэтичности настроенія, по замѣчанію Деступиса, почти вездѣ выдержанъ тонъ рѣчи: важный и игривый, колкій и ласковый, остроумный и рѣшительный. Чувства переданы большею частью такъ вѣрно, что тамъ даже, гдѣ микроскопъ филологіи не откроетъ въ переводѣ Жуковскаго всѣхъ соотвѣтствующихъ словъ,—тонъ чувства переданъ правильно [65]). По наблюденіямъ Водовозова [66]), извѣстнаго знатока русской литературы, у Жуковскаго, въ сравненіи съ Гнѣдичемъ, больше безыскуственной красоты, больше художественной отдѣлки въ рѣчи. Если слѣдить за характеристиками отдѣльныхъ лицъ, то и онѣ съ тѣми же оттѣнками у Жуковскаго, что и у Гомера [67]).

Слѣдовательно, поэтичность настроенія при выдержанности тона и умѣнье характеризовать дѣйствующія лица—вотъ то общее впечатлѣніе, какое получается отъ

---

[63]) Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 89 сл. Особенно удачно, нужно замѣтить, выбраны Жуковскимъ изъ народнаго языка тѣ выраженія, которыя указываютъ на то или другое душевное состояніе человѣка.

[64]) Ibid. стр. 88 сл.—«Москвитянинъ» 1849, № 1, отд. IV, стр. 48.

[65]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 71.

[66]) Ср. Водовозовъ, «Новая русская литература», СПб. 1866, стр. 54.

[67]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 86.

перевода «Одиссеи». «Преодолѣть всѣ эти затрудненія вѣрнымъ поэтическимъ инстинктомъ, вывести изъ этого хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней греческой красотѣ—вотъ въ чемъ будетъ навсегда состоять слава Жуковскаго. Можно предсказать навѣрное, что этотъ переводъ «Одиссеи» составитъ въ отечественной литературѣ самый нетлѣнный ученый монументъ поэтическому имени Жуковскаго»—такъ писалъ извѣстный Сенковскій [68]).

Если критики-панегиристы находили въ «Одиссеѣ» Жуковскаго по большей части одни только хорошія качества, то критики противоположнаго лагеря отыскали въ переводѣ этой поэмы многія дурныя стороны и преимущественно тѣ именно, отсутствію которыхъ радовались критики-панегиристы.

Въ виду этихъ діаметрально-противоположныхъ взглядовъ, высказанныхъ журнальными рецензентами обоего рода по поводу сущности такого важнаго дѣла, какъ переводъ «Одиссеи» Гомера, ученые спеціалисты не преминули высказать и свое сужденіе.

Спеціалисты однако взялись за перо тогда лишь, когда увидѣли, что многіе диллетанты и самозванные знатоки наговорили много вздору, много глупостей по поводу общихъ положеній, неоспоримыхъ сужденій, истинъ, аксіомъ. Это была защита правды предъ смѣшаннымъ синедріономъ слѣпыхъ судей, то былъ свѣтлый праздникъ науки въ буквальномъ значеніи этого слова, истинное торжество здравой, зрѣлой мысли; побѣда надъ казовой ученостью, граничащей иногда съ

[68]) Соч. т. VII стр. 335.

пустымъ, ни на чемъ не основаннымъ фразерствомъ.

Авторъ статьи: «Одиссея» и журнальные толки о ней», [69]) приблизительно слѣдующими словами характеризуетъ эту «диллетантскую» критику. Большинство критиковъ греческаго языка не знало; критикъ «Сѣверной Пчелы» (1849, № 242, 31 октября) г. Кл. утверждалъ, что будто можно превосходно перевести по ясновидѣнію поэму, написанную на неизвѣстномъ переводчику языкѣ. Статья этого критика, имѣющая много общаго съ диѳирамбами Гоголя и Шевырева, полна софизмовъ и отступленій; авторъ означенной рецензіи безъ основанія нападаетъ на тѣхъ, кто отважился замѣтить недостатки въ переводѣ Жуковскаго [70]). Фельетонъ Булгарина, обнаружившаго въ своемъ отзывѣ («Сѣверная Пчела» 1849, № 44) полное незнаніе греческой жизни [71]), г. Брантъ называетъ «сильной и удачной критикой» [72]), малопонятную же и шутливую статью Сенковскаго [73]) онъ именуетъ обширнымъ историко-филологическимъ изслѣдованіемъ.

Лирическій диѳирамбъ Шевырева написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ письма Гоголя къ Языкову и заключаетъ въ себѣ много страннаго и неяснаго въ родѣ,

---

[69]) «Современникъ» 1850, № 3, т. XX, отд. III, стр. 1—16. Вторая статья того же автора, помѣщенная въ № 4 того же тома и отдѣла на стр. 27—44, по содержанію своему не соотвѣтствуетъ заглавію.

[70]) Ibid. стр. 3 и 5 сл.

[71]) Ibid стр. 3 сл.

[72]) Ibid. стр 4. Статья Бранта помѣщена въ «Сынѣ Отечества» 1849, № 4.

[73]) Статья Сенковскаго носитъ заглавіе: «Одиссея» и ея переводы». По поводу перевода «Одиссеи» Жуковскаго; она помѣщена въ «Библ. для чтенія» 1849, №№ 1—2 (соч. т. VII, стр. 380—520). Правильный взглядъ на эту статью высказалъ Дружининъ, см. соч. т. VI, СПб. 1865, стр. 62 79, 91.

напр., такихъ сужденій, какъ «хитрость восходитъ на степень свѣтлаго, высокаго разума». Въ критикѣ Шевырева много нейдущаго къ дѣлу [74])—это, можно сказать, одна изъ самыхъ слабыхъ журнальныхъ статей славнаго московскаго профессора.

Что же нашли въ переводѣ Жуковскаго ученые спеціалисты? Разобравъ детально почти каждый стихъ переведенной поэмы, они пришли къ тому заключенію, что Жуковскій не понялъ духа Гомеровой эпопеи, или, правильнѣе сказать, понялъ его по-своему, вслѣдствіе чего переводъ отличается невыдержанностью тона, написанъ тяжелымъ періодическимъ языкомъ, чуждымъ греческому оригиналу.

Переводъ Жуковскаго въ своемъ родѣ весьма оригинальное произведеніе, это—переводъ, взятый безъ отношенія къ подлиннику [75]) Трудъ Жуковскаго носитъ на себѣ яркій отпечатокъ современнаго литературнаго стиля и собственной, личной поэзіи переводчика [76]).

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ поэмы переводной замѣтенъ характеръ романтическаго раздумья, совершенно чуждаго «Одиссеѣ». Такъ, сравнивая переводъ первыхъ 85 стиховъ VI ой пѣсни съ подлинникомъ, мы замѣчаемъ, что Жуковскій не просто опускалъ нѣкоторые эпитеты или ставилъ одни вмѣсто другихъ и прибавлялъ отъ себя слова, не противорѣчащія духу подлинника: онъ мѣстами придалъ особый, нѣсколько идеальный оттѣнокъ мысли и отчасти романтическую привлекательность образу, таковы, напр., въ

[74]) «Современникъ» 1850, № 3, т XX, отд. III, стр 4 сл.

[75]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр 1; ср. «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 20.

[76]) «День» 1862, № 41, стр. 17; ср. «Молва» 1857, № 11.

означенномъ отрывкѣ выраженія: сердечная заботливость, тайная дѣвичья спальня, сладчайшее сіяніе Олимпа, несказанныя утѣхи боговъ [77]; или выраженія въ XI-ой пѣснѣ: бѣдный... на вѣкъ усыпляющій... сокрушенный... тяжко, глубоко вздохнулъ [78]).

Словомъ, Жуковскій былъ субъективный переводчикъ, сумѣвшій претворить переводимое имъ въ свою собственность и запечатлѣвшій переводы своею личностью [79]): онъ взялся за переводъ «Одиссеи» съ предвзятой мыслью о всепроникающей меланхоліи у Гомера [80]).

Переводъ отличается пышностью, идеализаціей, мѣстами отвлеченностью и крайней вычурностью выраженій (ср. напр. въ п. IX, ст. 169: говоръ волнъ)—чертами, чуждыми греческой «Одиссеѣ». Конечно, этихъ недостатковъ было бы меньше и даже, можетъ-быть, ихъ не было бы вовсе при непосредственномъ знакомствѣ переводчика съ текстомъ [81]).

---

[77]) «Несказанный»—любимое слово Жуковскаго. Ср. Водовозовъ, стр. 52. Вообще при переводѣ «Одиссеи» Жуковскій обильно расточалъ эпитеты изъ того богатаго запаса, которымъ онъ располагалъ. До нѣкоторой степени было бы даже не безъ интересно прослѣдить, какъ много въ переводной «Одиссеѣ» такихъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ предшествующихъ сочиненіяхъ Жуковскаго, и какъ велико число таковыхъ прикрасъ, вновь составленныхъ спеціально для «Одиссеи».

[78]) См. п. XI, ст. 14, 51—52, 57—58, 171, 209, 387, 391, 489, 539. 563—564 Ср. еще романтическія мѣста: п. XXII, ст. 33 и 41; п. XXIV, ст. 36—74 См Загаринъ, прил. VI, стр. XXXVII и XXXIV; «Современникъ» 1850, т. XX, № 4, отд. III, стр. 40.

[79]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 21

[80]) См. Жуковскій, соч. т. IV, СПб. 1894, стр. 3. (Письмо къ гр. С. С. Уварову) и стр. 7. (Отрывокъ изъ письма къ И. В. Кирѣевскому); Водовозовъ, стр. 54 и Загаринъ, прил. VI, стр. XXXVI.

[81]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 97.

Жуковскій внесъ въ «Одиссею» много морали, сентиментальности, даже нѣкоторыя почти христіанскія понятія, вовсе незнакомыя автору языческой поэмы [82]).

Что касается собственно языка, то языкъ перевода тяжелый [83]). Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, во 1-хъ, искусственное и часто неправильное образованіе эпитетовъ въ родѣ, напр., слѣдующихъ: звонко-пространныя сѣни, мягкоупругое ложе, пурпурногрудый корабль, тучнополянистый городъ, привѣтнорѣчивая богиня, сердцеусладное пѣнье, многодарная земля, сладкоцвѣтущая трава, сладкотающій медъ, свѣтозарно-кудрявая Эосъ, свѣтлокудрявая Артемида, свѣтлобожественная риза (воды), звѣдно-безтучное небо, многотѣнная роща, дерзко-обидный поступокъ, притворно-обидная рѣчь, шумно-неистовый сонмъ, мѣдно-лапитный шеломъ, солнечно-свѣтлая Итака и др. [84]); во 2-хъ, искусственныя выраженія, каковы, напр.: учредить путь, длинно-острая мѣдь меча, зрѣлися лики златые отроковъ и т. п.; въ 3-хъ, церковно-славянскія слова, придающія простому разсказу чуждую ему торжественность [85]); въ 4-хъ, неологизмы въ родѣ, напр., такихъ, какъ: защитная кровля, оплождать, наелеить тѣло, добычникъ, былъ отсутственъ (XIII, 189), гостелюбецъ и большая часть своеобразныхъ эпитетовъ Жуковскаго, какъ-то: вкусно-обильный, длинно-огромный, обволнитель земли и т. д.; въ 5-хъ, неясность выраженій (ср. напр. II, 19 сл.), происшедшая отъ неправильнаго словорасположенія (ср. напр. VII,

---

[82]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 26.

[83]) «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 31; Водовозовъ, стр. 54; «День» 1862, № 41, стр. 17.

[84]) Ср. Загаринъ, прил. VI, стр. XXXIII.

[85]) Такъ, напр., скудель—любимое у Жуковскаго слово; ср. понеже, покуда и др.

241); въ 6-хъ, явная нелогичность выраженій, въ родѣ: мѣдь нетлѣнная (XIII, 368); въ 7-хъ, наконецъ, въ переводѣ мѣстами наблюдается тривіальность выраженій [86]), или, наоборотъ, поставлены такія слова и выраженія, которыя отзываются утонченностью нравовъ, этикетомъ [87]).

Въ области слога замѣчается совершенно излишняя періодическая связность, длинные, иногда запутанные періоды (ср. напр. II, 48 сл.), изобилующіе дѣепричастіями [88]), между тѣмъ какъ у Гомера вовсе нѣтъ «безконечно-длинныхъ періодовъ», о нахожденіи которыхъ въ переводѣ Жуковскаго извѣстилъ русскую публику Гоголь [89]): У Гомера каждый стихъ—законченная мысль.

Не вездѣ безукоризненна и самая форма стиха, такъ, попадаются гептаметры, т.-е. семистопные стихи [90]) и пентаметры—пятистопные стихи, напр., въ XII-ой пѣсни [91]).

Во многихъ мѣстахъ собственныя имена исковерканы до неузнаваемости [92]), а постоянныя выраженія Гомера переиначены [93]).

Къ числу существенныхъ недостатковъ «Одиссеи» Жуковскаго слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что

---

[86]) «День» 1862, № 41, стр. 17.

[87]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр 2.

[88]) Водовозовъ, стр. 54.

[89]) «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр 2 и 6 Ср еще слѣд мѣста, изобилующія періодами: п. XIX, ст. 325—345; ст. 370—385 и др.

[90]) Ibid стр. 7; ср. п. XI, ст. 186; п. XII, ст. 480. См. «Современникъ» 1850, № 4, т. XX, отд. III, стр. 36; ср. п. II, ст. 33.

[91]) Соч. Жуковскаго т. IV, СПб. 1894, стр. 483.

[92]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 33.

[93]) «Современникъ» 1850, № 4, т. XX, отд III, стр. 40.

переводъ его не снабженъ примѣчаніями [94]), вслѣдствіе чего читатель о многомъ, что касается греческой жизни, получаетъ превратное представленіе, такъ, напр., упоминаемый въ 81 ст. VI-й пѣсни «крѣпкоздаенный домъ царя Эрехеа» есть въ дѣйствительности храмъ Аѳины, а не «царскій дворецъ», какъ это можетъ вполнѣ естественно показаться съ перваго взгляда.

Указывая на упомянутыя недостатки перевода «Одиссеи», нѣкоторые критики однакоже старались оправдать Жуковскаго отъ многихъ нареканій, объясняя происхожденіе ошибокъ въ переводѣ тѣмъ, что профессоръ Грасгофъ, главный помощникъ Жуковскаго, будто бы переводилъ поэму не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода [95]), и многаго, какъ кажется, не объяснилъ переводчику [96]),—вотъ почему въ переводѣ Жуковскаго простыя нимфы, Цирцея и Калипсо, называются «богинями богинь»; по тому же самому получилось странное выраженіе: «безъ платы (=не отмщенные) погибнете» (I, 373).

Далѣе, у переводчика Одиссей, когда онъ, прицѣпившись къ брюху барана, выбирается изъ циклоповой пещеры, «размышляетъ въ то время о многомъ», или, подъѣзжая къ Итакѣ, видитъ всѣ огни (X. 30), между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ не такова была минута, чтобы можно было размышлять, а во второмъ—уже самый гористый видъ Итаки позволяетъ видѣть далеко не всѣ огни.

Въ одномъ мѣстѣ VI-й пѣсни (ст. 142) Одиссей

---

[94]) См. Водововъ, стр 54; «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 20—1850, № 7, т 71, отд. V, стр. 1.

[95]) Сенковскій, т. VII, стр. 362; «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 3 сл.

[96]) «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 23.

не знаетъ, «оба ль колѣна обнять у прекрасно-кудрявыя дѣвы»;—очевидно, здѣсь «оба ль» прибавлено совершенно напрасно, такъ какъ выходитъ, что Одиссей не зналъ, что приличнѣе, оба ль колѣна обнять у прекрасной дѣвы, или одно» [97]).

Что касается отсутствія въ переводѣ необходимыхъ примѣчаній, то это, добавимъ мы отъ себя, общій недостатокъ всѣхъ нашихъ переводчиковъ: Гнѣдичъ и Минскій не снабдили примѣчаніями перевода «Иліады», Шершеневичъ—перевода «Энеиды» [98]).

Предъявляя болѣе или менѣе опредѣленныя требованія къ переводу «Одиссеи», критики Жуковскаго не могли обойти молчаніемъ и вопроса: какъ надо переводить Гомера? «А разъ они рѣшили затронуть этотъ вопросъ, имъ слѣдовало дать образцы и своего, какъ бы сказать, идеальнаго перевода. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ критиковъ сдѣлали то и другое, при чемъ, конечно, не могли не впасть и въ крайности.

Сенковскій писалъ, между прочимъ, вотъ что: Русскій буквальный переводъ долженъ несравненно чище нѣмецкаго напомнить физіономію греческаго подлинника [99]). Для достиженія такого буквальнаго перевода надлежитъ передавать всѣ до единой частицы, такъ какъ, по мнѣнію Сенковскаго, частицы—богатство и признакъ простонароднаго языка, искры его краснобайства, орудіе его живости, душа его выразительности; это—размашистые жесты черной рѣчи [100]). Весь

---

[97]) Ibid. стр. 26 сл

[98]) Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1869, № 8, ч. 144, отд. III, стр. 80 и «Энеида Виргилія» Пер. Н. Квашнинъ-Самаринъ. СПб. 1893, предисловіе, стр. VI.

[99]) Соч. Сенковскаго т. VII, стр. 337.

[100]) Ibid. стр. 338.

тонъ и отличительный типъ «Одиссеи», писалъ Сенковскій, состоитъ не въ торжественности и благородствѣ, а въ развязной шутливости умнаго, смѣлаго, размашистаго просторѣчія [101]); самый характеръ поэмы существенно-шутливый, а не торжественный [102]). Надо было, пояснялъ Сенковскій, переводить всѣ собственныя имена и прозвища (эпитеты), такъ какъ въ нихъ вся сила Гомера, вся его прелесть и замысловатость [103]).

При такомъ взглядѣ на характеръ поэмы и ея переводъ нѣчего удивляться, если въ буквальной передачѣ Сенковскаго Полифемъ обратился въ Ярослава [104]), Гекторова жена изъ Андромахи стала «мужетузихой», т.-е. «женщиной, имѣвшей привычку тузить своего мужа» [105]); появились въ переводѣ и такіе эпитеты, какъ мѣткоцѣлъ Меркурій [106]), боемыслъ Одиссей [107]), обливной островъ [108]), тучевалъ Юпитеръ [109]) и т. д. Для тѣхъ, кто знакомъ съ подлинникомъ Гомера, эти эпитеты еще нѣсколько понятны, но для публики — они смѣшны; если не сказать больше, это «карикатурные обороты», которые Сенковскій, будто шутя, выставилъ на судъ публики [110]). Сенковскій, въ своей погонѣ за просторѣчіемъ, выражаясь словами автора одной анти-

---

[101]) Ibid. стр. 358.

[102]) Ibid. стр. 396

[103]) Ibid. стр. 427; ср. стр. 453.

[104]) Ibid. стр. 431. Ср. Ярославъ и πολύ и φημί.

[105]) См. соч. Дружинина т. VI, стр. 97. Ср. Андромаха и ἀνήρ и μάχομαι.

[106]) Соч Сенковскаго т. VII, стр. 400.

[107]) Ibid. стр. 402.

[108]) Ibid стр. 403.

[109]) Ibid. стр 404.

[110]) Соч. Дружинина, т. VI, стр. 62.

критики, зашелъ рѣшительно въ лѣсъ, изъ котораго и самъ подъ конецъ не зналъ, какъ выбраться [111]).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что мысль о переводѣ Гомѣра простонароднымъ языкомъ и во времена Сенковскаго не была новостью. Еще Капнистъ въ своемъ письмѣ къ гр. С. С. Уварову писалъ, что переводъ Гомера долженъ походить своимъ тономъ и простотою изложенія на сказки и пѣсни народныя. Языкъ Сенковскаго, въ его образчикахъ перевода изъ «Одиссеи» на простую рѣчь, есть языкъ книжный, искусственный, дѣланный, а не подслушанный у народа. Хотя Сенковскій и былъ ученѣе Капниста, но коренной русскій языкъ онъ зналъ много меньше, чѣмъ творецъ «Ябеды» [112]).

Другой критикъ (Лавровскій П. А.), не затрогивая вопроса о передачѣ именъ боговъ, также требуетъ перевода всѣхъ частицъ Гомера, хотя и убѣжденъ, что «совершенный переводъ относительно частицъ есть идеалъ, никогда не достижимый». Чтобы болѣе приблизиться къ этому идеалу, надо переводить поэмы Гомера современнымъ народнымъ языкомъ, заимствуя слова въ особенности изъ памятниковъ нашей древней народной поэзіи, главнымъ же образомъ изъ сказокъ. «Переводъ произведеній Гомера только на языкъ чисто народный и при томъ преимущественно заимствованный изъ памятниковъ древней нашей поэзіи, можетъ ожидать себѣ въ возможной степени полнаго успѣха» [113]).

Такое мнѣніе о переводахъ Гомера было основано

---

[111]) «Отеч. Зап.» 1850, № 1, т. 68, отд. V, стр. 11.

[112]) Ibid. стр. 12

[113]) «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 30 прим. и «Журн. Мин Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд VI, стр. 90.

на томъ убѣжденіи, что поэмы Гомеровы были произведенія народныя: ихъ читали и ими восхищались всѣ греки безъ различія образованія, званія и возраста,— стало быть, и переводъ долженъ производить подобное же дѣйствіе: онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ читателямъ безъ различія. Говоря иначе «Иліада» и «Одиссея», въ переводѣ на русскій языкъ, должны сдѣлаться народною книгою» [114]).

Третій критикъ—Ордынскій (1822—1861) настоятельно требуетъ перевода Гомера «простонароднымъ языкомъ и при томъ прозой, а не гекзаметромъ», такъ какъ «Гомеровъ гекзаметръ—это тѣло, русскій—скелетъ» [115]). Что касается частицъ, то ихъ, по мнѣнію этого критика, нельзя перевести [116]).

Въ своей критикѣ Ордынскій даетъ читателямъ и образецъ собственнаго перевода одного мѣста изъ «Одиссеи» (XIV, 462—506). Приводимъ этотъ оригинальный переводъ цѣликомъ.

«Послушай-ко, Эвмей и вы всѣ, братцы! Похвастаюсь, слово нѣкое скажу. Велитъ вино глупое, которое и многоразумнаго человѣка нудитъ пить, сладко улыбаться, плясать; и иное слово такое выпускаетъ, что лучше бы и не говорить. Ну, ужъ коли разинулъ ротъ, не скрою. Охъ, если бъ молодъ я былъ, да была бы у меня прежняя сила, какова была тогда, когда мы

---

[114]) Соч. Дружинина т. VI. стр. 80.

[115]) Ордынскій, профессоръ Московскаго университета, извѣстный знатокъ греческаго языка. См. «Отеч. Зап.» 1850, № 7, т. 71, отд. V, стр. 8 сл.

[116]) Ibid. стр. 14 сл.

на засаду ходили подъ Трою! Напереди шелъ Одиссей и Анфеичъ Менелай: третьимъ вождемъ я былъ; сами мнѣ приказали. Вотъ мы и подошли къ городу и высокой стѣнѣ, запрятались въ кустахъ частыхъ, въ тростникѣ и болотѣ, прилегли тамъ съ оружіемъ. Поднялся Борей, наступила злая ночь, морозная. Снѣгъ, словно градъ, валилъ преходлодный; на щитахъ льду сколько намерзло! Ну, у другихъ у всѣхъ были хитоны и хлены, и они спали—себѣ преспокойно, покрывши плечи щитами. А я, дуракъ, уходя изъ лагеря, оставилъ хлену у товарищей: вовсе не думалъ, что озябну. Только и было на мнѣ, что щитъ, да поясъ. Прошло уже двѣ трети ночи, взошли звѣзды. Я и толкнулъ локтемъ Одиссея: онъ возлѣ лежалъ. Тотъ обернулся, я и говорю: «Діогенъ Лаертовичъ, многохитрый Одиссей! Не быть мнѣ въ живыхъ; доконаетъ меня холодъ. Хлены у меня нѣтъ: попуталъ нелегкій въ одномъ хитонѣ пойти: Пропаду теперь, да и только!» Такъ говорилъ я; а онъ придумай такую штуку: онъ былъ горазд и ратовать и придумать что. Шопотомъ говоря, сказалъ онъ мнѣ слово: «Молчи теперь: чтобы кто другой изъ ахеянъ тебя не услыхалъ». Сказалъ и подперъ голову локтемъ, и молвилъ рѣчь: «Слушайте, братцы! божественное видѣніе приходило ко мнѣ во снѣ... Далеко, весьма далеко зашли мы отъ кораблей... не возьмется ли кто повѣстить Агамемнону Атреичу, пастырю людей—прислалъ бы онъ съ кораблей сюда побольше народу». Такъ сказалъ. Затѣмъ поднялся Ѳоантъ, сынъ Андремона, и мигомъ побѣжалъ на корабли, а хлену пурпуровую скинулъ. А я подъ одеждой его славно пролежалъ. Засвѣтила златопрестольная заря. Кабы теперь былъ я молодъ, да была бы у меня прежняя сила—далъ бы кто-нибудь изъ пастуховъ въ сараѣ хлену, и по дружбѣ,

и изъ уваженія къ хорошему человѣку. А теперь не уважутъ: плохаа, вишь, одёжа на тѣлѣ» [117]).

Ордынскій много трудился надъ своимъ переводомъ «Иліады» простонароднымъ языкомъ, напечаталъ 12 первыхъ пѣсней этой поэмы, но довести до конца перевода всей «Иліады» ему не удалось, или правильнѣе сказать, не захотѣлось: на него посыпались упреки въ непониманіи имъ термина «народность» и въ смѣшеніи понятій о народности, принадлежащихъ двумъ разнообразнымъ эпохамъ Да и въ самомъ дѣлѣ, хотя бы въ только что приведенномъ отрывкѣ, какъ-то странно съ точки зрѣнія народности переплетены между собой такія понятія, какъ: хитонъ, хлена, дуракъ, попуталъ нелегкій. Простой народъ не употребитъ «хитона» и «хлены», а литературно-образованный человѣкъ постарается избѣжать употребленія бранныхъ словъ, въ родѣ: дуракъ, попуталъ нелегкій.

Вотъ какой взглядъ, между прочимъ, высказали по этому поводу Дружининъ и Катковъ. Первый писалъ: Гомеръ былъ простолюдинъ, но онъ былъ грекъ; пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» былъ русскій человѣкъ и оба они жили въ разномъ климатѣ, въ разное время, и между народомъ, развитымъ совершенно различно одинъ отъ другаго [118]). Катковъ со свойственной ему откровенностью высказался еще рѣшительнѣе, еще смѣлѣе: «Ужъ лучше», писалъ Катковъ: «покажите намъ Гомера въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалого русскаго ямщика: пусть ужъ лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ не

[117]) Ibid. стр. 30—31; ср. «Отеч. Зап.» 1849, № 8, т. 65, отд. V, стр. 12 сл.

[118]) Соч. Дружинина т. VI, стр. 63.

ясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова» [119]). Оба эти взгляда вполнѣ справедливы.

Каковъ же долженъ быть языкъ Гомерова перевода, спросимъ мы опять. Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даетъ тотъ же Катковъ.

При переводѣ Гомера можно допускать славянскія реченія и вотъ почему. Гомеровскія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій языкъ, въ самой простотѣ своей, былъ у грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго, какъ у насъ славянскій. Богатою сокровищницею славянскаго языка переводчику слѣдуетъ пользоваться особенно, черпая изъ него характеристическія красоты.

Для языка самого перевода цѣлесообразно изучить старинные, собственно русскіе памятники нашей письменности, грамоты, лѣтописи, юридическіе акты, а не пѣсни, въ которыхъ языкъ простонародный [120]).

Переводъ не долженъ быть простонароднымъ: въ переводѣ должно употреблять свѣжее, обновленное и сильное слово, для чего надо прислушиваться къ живой народной рѣчи: мѣткое слово, схваченное изъ живого говора, хотя бы ни разу и не было въ книжномъ употребленіи, будетъ умѣстно въ художественномъ языкѣ [121]).

Въ наше время о переводѣ Гомера высказалъ оригинальный взглядъ Янчевецкій, издатель журнала: «Гимназія», и переводчикъ Гомеровыхъ поэмъ. Еще Деступисъ

---

119) Катковъ (см. прим. 60), стр. 554.

120) Ibid. стр. 561.

121) Ibid. стр. 562.

писалъ: «Сколько затрудненій встрѣчаетъ тотъ, кто пере водитъ стихами! У него передъ глазами данная мысль, облеченная въ данныя слова, даннаго размѣра стихъ, и еще данное, или лучше, внушенное самою музой требованіе стиха стройнаго, прекраснаго, стиха гармоническаго!» [122]). И въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ гекзаметра представляется непреодолимая трудность, такъ какъ «форму, основанную на звукахъ, приходится отливать въ форму, основанную на содержаніи»; выражаясь иначе—греческое или латинское одно слово приходится замѣщать двумя, даже тремя словами.

Просмотрѣвъ стихъ за стихомъ всю «Иліаду» и всю «Одиссею», Янчевецкій сдѣлалъ подсчетъ отдѣльныхъ понятій, заключающихся въ каждой гекзаметрической строкѣ. Изъ этого подсчета выяснилось, что громадное большинство гомеровыхъ стиховъ заключаетъ по четыре понятія, необходимыя для перевода, а остальное—нарѣчія и союзы. Такимъ образомъ, переводя гекзаметромъ, приходится постоянно вставлять лишнія слова, да и гекзаметръ самъ по себѣ довольно длинный и потому тяжелый стихъ.

Наиболѣе употребительной поэтической формой для передачи героическаго содержанія былъ бы, по мнѣнію Янчевецкаго, четырехстопный съ трехстопнымъ амфибрахій, какимъ, напр., написана Пушкинымъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», или Лермонтовымъ—«Воздушный корабль» [123]).

---

[122]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, №8, ч. 67, отд. II, стр. 83.

[123]) Г. Янчевецкій, какъ переводить Гомера. Изъ предисловія къ переводу «Иліады» и «Одиссеи» Гомера. Съ приложеніемъ образцовъ новаго перевода: «Одиссея» XXIV—«Иліада» II, 1–483. «Гимназія» 1899, CXXI, в. I, стр. III.

Въ этомъ взглядѣ Янчевецкаго есть своя и притомъ значительная доля правды.

Для образца приведемъ три мѣста изъ переведенной Янчевецкимъ XXIV-ой пѣсни «Одиссеи».

1) *Рѣчь Нестора* (ст. 54—66):

«Постойте, ахеевъ сыны! Не бѣгите, аргеи! То мать и ея всѣ безсмертныя сестры морскія изъ моря идутъ, чтобы сына умершаго встрѣтить. Сказалъ; и сдержали свой страхъ крѣпкодушны ахеи; и дочери старца морского тебя окружили съ рыданіемъ горькимъ; одѣли въ безсмертныя платья, и музы, всѣ девять, чредой пѣли скорбныя пѣсни на голосъ прекрасный. Безъ слезъ никого не нашелъ бы ты тамъ: столь прискорбные звуки тогда раздавались! И вотъ мы семнадцать такъ дней и ночей надъ тобою рыдали, безсмертные боги и смертные люди; а въ день восемнадцатый, множество тучныхъ убивши овецъ вкругъ тебя и округлыхъ быковъ, сожигали».

2) *Похвала Пенелопѣ* (ст. 191—202):

«Душа Агамемнона такъ Амерімеду сказала: «Счастливецъ, Лаертовъ ты сынъ, Одиссей многохитрый! Супругу имѣешь ты, истинно, качествъ великихъ. О, какъ хороша была вѣрность въ душѣ Пенелопы, Икарія дочери! Какъ она помнила мужа всегда, Одиссея супруга! Зато ея слава во всѣхъ не погибнетъ, а смертнымъ безсмертные будутъ прекрасными пѣснями вѣрную пѣть Пенелопу. Не то Тиндареева дочь: та замыслила злое дѣянье: супруга убила! И страшная пѣсня по людямъ пойдетъ; она послухъ тяжелый на женщинъ накинула слабыхъ, слывущихъ и доброю славой»

3) *Встрѣча Одиссея съ Лаертомъ* (ст. 232—255):

«Увидя его, угнетеннаго старостью, въ сердцѣ носящаго тяжкую скорбь, Одиссей многострадный, вели-

кій, подъ грушей высокою сталъ и заплакалъ. И въ сердцѣ своемъ, и въ душѣ размышлялъ онъ: припасть ли, обнять ли родителя, все разсказать, что онъ здѣсь есть, вернулся и прибылъ на родину милую въ домъ свой, или же сперва разспросить обо всемъ и развѣдать. И въ думахъ такихъ показалось ему, что сначала пригоднѣе болѣзной рѣчью его попвѣдать.

Въ такихъ помышленьяхъ пошелъ Одиссей къ нему прямо. Тотъ чистилъ все дерево, голову внизъ опустивши, а сынъ его славный, приблизившись, молвилъ такое: «Старикъ! Пониманья за садомъ ходить ты довольно имѣешь: уходъ твой хорошій, какъ видно, повсюду. Все здѣсь: виноградъ и маслина, и смоквы, и груши, и зелень, и грядки,—весь садъ подъ уходомъ хорошимъ; но я и другое скажу: только ты не гнѣвися: тебѣ-то ухода хорошаго нѣтъ, а ты старость несешь, въ непригожее платье одѣтъ, безпризоренъ. И вѣрно, хозяинъ не цѣнитъ тебя не за лѣность; да ты и слугой не глядишь: на тебя посмотрѣвши, на ростъ и лицо, я сказалъ бы, что царь ты какой-то. Такому, какъ ты, подобаетъ помыться, покушать да послѣ на мягкомъ покоиться почестью старцевъ».

Отзывы объ «Одиссеѣ» Жуковскаго не переставали появляться въ печати и много лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ самого перевода. Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ своимъ предметомъ сообщеніе краткаго содержанія этихъ отзывовъ.

III.

Какъ цѣнили переводъ «Одиссеи» Жуковскаго послѣдующіе критики.

Изъ сужденій, высказанныхъ о переводѣ «Одиссеи» въ послѣдующее время, особенною рѣзкостью отличаются мнѣнія проф. Буслаева и гр. Льва Толстого. Буслаевъ пишетъ: «Задумавъ дать русской публикѣ въ переводѣ одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній греческой народной поэзіи, Жуковскій съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ классическому обученію на Руси, что не вмѣнилъ себѣ въ обязанность выучиться по-гречески и не призналъ необходимымъ изъ самаго подлинника почерпать свое вдохновеніе... Его «Одиссея» оказалась чужда античной жизни и вылилась въ изношенномъ слогѣ «Сѣверной Пчелы» временъ Булгарина и Греча [124]).

Слѣдовательно, по мнѣнію Буслаева, недостатками перевода Жуковскаго служатъ: во 1-хъ, незнаніе переводчикомъ языка подлинника, отчего его переводъ оказался чуждымъ эллинскаго духа, и, во 2-хъ, особенный слогъ перевода, далеко не заслуживающій похвалы.

Хотя это рѣзкое сужденіе и было высказано мимоходомъ, не въ спеціально критической статьѣ объ «Одиссеѣ», а въ научномъ изслѣдованіи, все же оно не ускользнуло отъ вниманія читающей публики и, безъ сомнѣнія, вызвало цѣлую бурю негодованій. Другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, написалъ по поводу отзыва Буслае-

---

[124]) Ср. «Русскій богатырскій эпосъ» «Русскій Вѣстникъ» 1862, № 3, стр. 11.

ва статью въ газетѣ: «День» [125]). Въ своей статьѣ Зейдлицъ пишетъ, что Жуковскій зналъ греческій языкъ, и русскіе обязаны защитить переводъ Жуковскаго, чтобы потомство ихъ не отнеслось со временемъ съ презрѣніемъ къ нынѣшнимъ литературнымъ или критическимъ прогрессистамъ на Руси. О смѣлой выходкѣ Буслаева Зейдлицъ говоритъ: «Такое храброе поруганіе чистой, свѣтлой памяти поэта, мастерски владѣвшаго русскимъ литературнымъ языкомъ, напоминаетъ время, когда вообще дерзость рѣчи, неуваженіе къ добросовѣстнымъ литературнымъ дѣятелямъ прежней эпохи вмѣнялись въ достоинство и были въ большой модѣ; мы думали, что время прошло, но г. Буслаевъ доказываетъ противное».

Такимъ образомъ, рѣзкій взглядъ Буслаева открываетъ намъ непригляднуую, но поучительную картину изъ исторіи нашей критики: русскій профессоръ позволилъ себѣ незаслуженную издѣвку по отношенію къ великому русскому поэту, за котораго заступился его другъ—нѣмецъ. Гр. Л. Толстой писалъ еще болѣе рѣзко.

Гомеръ только изгаженъ нашими, взятыми съ нѣмецкаго образца, переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломящаго зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ онъ еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ» [126]).

---

[125]) 1862, № 41, стр 16—18: «Г. Буслаевъ: «Одиссея, въ переводѣ Жуковскаго». См. особенно стр. 17.

[126]) А. Фетъ: «Мои воспоминанія», М. 1890, стр. 225—«Гимназія», 1897, CXIII, вып. 5.

Мнѣніе гр. Л. Толстого, высказанное также вскользь, такъ сказать, между прочимъ, осталось незамѣченнымъ въ общей литературѣ критическихъ взглядовъ на «Одиссею» Жуковскаго, да если бы этотъ взглядъ и замѣтили, на него не обратили бы никакого вниманія, такъ какъ для всякаго ясно, что въ этомъ случаѣ мнѣніе нашего философа-писателя не имѣетъ особенной цѣны: онъ взялся не за свое дѣло, какъ раньше Гоголь [127]). Тотъ и другой—оба великіе писатели смотрѣли на переводъ Жуковскаго ошибочно, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія,—только у Гоголя, сдается намъ, было гораздо больше, такъ сказать, инстинктивнаго пониманія античной жизни.

Много правильнѣе смотрѣлъ на переводъ Жуковскаго Загаринъ, который выражается такъ: «нужды нѣтъ, что Гомера Жуковскій передалъ не такъ, какъ бы слѣдовало передать его; все же донынѣ по-русски никто не передалъ его лучше» [128]). Трудъ Жуковскаго капитальный, и его переводъ Одиссеи остается до сихъ поръ лучшимъ русскимъ переводомъ. Правда, въ переводѣ Жуковскаго духъ поэмы пострадалъ: въ немъ не видно простой и наивной рѣчи Гомера, имѣвшей характеристичнымъ своимъ выразителемъ обиліе словъ [129]); всюду видны затѣйливые эпитеты и пріемы, обычные для поэта-романтика. Религіозное и меланхолическое настроеніе Жуковскаго нашло себѣ пищу въ источникѣ Гомера [130]): переводъ имѣетъ лирическую окраску и лишенъ простодушія и наивности, столь характерныхъ въ эпопеяхъ Гомера.

---

[127]) См. прим. 89.

[128]) Стр. 531 (см. прим. 3).

[129]) Ibid. прил. VI, стр. XXXII.

[130]) Ibid. стр. XXXIV и XXXVI.

Переходя къ послѣднему отдѣлу нашего изложенія, мы должны будемъ сказать о томъ значеніи перевода «Одиссеи» Жуковскаго, какое онъ имѣетъ съ точки зрѣнія собственно нашего времени.

IV.

„Одиссея“ въ переводѣ Жуковскаго съ современной точки зрѣнія.

Если принять во вниманіе двадцатилѣтній промежутокъ времени, протекшій между появленіемъ въ свѣтъ «Иліады» Гнѣдича и «Одиссеи» Жуковскаго, и разницу въ языкѣ этихъ переводовъ, то намъ станетъ ясно, какъ много работалъ Жуковскій надъ своимъ трудомъ. Вотъ что говоритъ самъ переводчикъ о своей работѣ: «Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда». Поэту хотѣлось отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра [131]). «Я пожилъ со святою поэзіей сердцемъ, мыслію и словомъ—этого весьма довольно», писалъ поэтъ П. В. Нащокину [132]); и дѣйствительно, Жуковскій, несмотря на свои уже старые годы, съ наслажденіемъ, свойственнымъ юношѣ, занимался переводомъ Гомера [133]).

Говоря короче, Жуковскій сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Семейныя невзгоды и собственная ста-

[131]) Загаринъ, стр. 535.
[132]) Ibid прил. V, стр. XXVIII.
[133]) Ibid прил VI, стр XXXIV.

рость и болѣзнь, быть-можетъ, помѣшали ему изучить греческій языкъ такъ, какъ это слѣдовало бы для перевода Гомера [184]); но онъ и въ этомъ случаѣ, насколько могъ, не хотѣлъ допускать невольныхъ ошибокъ; кромѣ печатныхъ переводовъ, онъ избралъ себѣ еще живого толкователя въ лицѣ нѣмецкаго профессора Грасгофа.

Конечно, можно бы желать большей простоты для совершеннаго приближенія къ колориту эллинской жизни и языка,—желать полной точности въ воссозданіи всѣхъ выпуклостей и впадинъ, всей физіономіи этого чуднаго словеснаго изваянія, которое зовется греческимъ эпосомъ. Но совершенства можно только желать: за наслажденіе же, которымъ пользуемся, читая переводъ, до нѣкоторой степени «близкій къ совершенству», мы должны благодарить того, кому этимъ наслажденіемъ обязаны [185]).

Разумѣется не вездѣ, но во многихъ случаяхъ поэтъ постигъ прелесть первобытной простоты Гомера; для примѣра достаточно назвать переводъ того мѣста изъ VI-ой пѣсни, гдѣ богиня Аѳина ведетъ бесѣду съ царевной Навзикаей (ст. 25—40), начиная ее словами:

«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая!» Или разсказъ изъ той же пѣсни «Одиссеи», гдѣ Навзикая проситъ у отца повозки; свою просьбу царевна начинаетъ такими наивными словами:

«Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ Дать мнѣ» [186]).

Дестунисъ нашелъ нѣсколько превосходно переве-

---

184) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 88 сл.

185) Ibid. стр. 96 сл.

186) Водововозъ, стр. 52.

денныхъ мѣстъ въ XIX-ой пѣснѣ [137]), Шевыревъ особенно восторгался V-ой пѣснью перевода [138]); К. С. Аксакову нравилась вся вторая половина (п. XIII—XXIV) «Одиссеи» Жуковскаго [139]).

Даже самые строгіе критики находили въ переводѣ Жуковскаго превосходно переданныя мѣста, а весь переводъ въ цѣломъ считали наиболѣе приближающимся къ идеальному [140]). Значитъ, переводчикъ не только самъ наслаждался первобытною поэзіей Гомера, но и доставилъ наслажденіе другимъ. Преслѣдуя сначала чисто эгоистическія цѣли—желаніе «потѣшить самого себя поэтическою болтовнею» [141]), Жуковскій незамѣтно превратился въ альтруиста: услаждая самого себя, онъ услаждалъ многихъ своихъ современниковъ и завѣщалъ эту усладу потомству.

Заключеніе.

Если въ настоящее время трудъ Жуковскаго болѣе или менѣе удовлетворяетъ просвѣщенныхъ любителей словесности, людей, много читавшихъ и читающихъ, то трудъ этотъ становится уже весьма цѣннымъ; большинство читателей должно само уже возвышаться до способности понимать его [142]).

Какъ бы то ни было, но переводъ Жуковскаго нѣсколько развилъ въ Россіи пониманіе Гомера, въ чемъ

137) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 87.
138) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч. 63, отд. VI, стр. 89.
139) «День» 1862, № 41, стр. 17.
140) «Отеч. Зап.» 1849, № 3, т. 63, отд. V, стр. 25 сл.
141) Соч. Жуковскаго т. IV, СПб. 1894, стр. 1.
142) Дружининъ т. VI, стр. 81.

нѣтъ никакого сомнѣнія, и возбудилъ въ извѣстной степени любовь къ нему и къ греческой литературѣ вообще. Появленіе этого перевода было важнымъ моментомъ въ исторіи русскаго образованія: вслѣдъ за переводомъ Жуковскаго появился цѣлый рядъ переложеній «Одиссеи» для дѣтскаго чтенія [143]).

Надо знать, что Жуковскій перевелъ «Одиссею», какъ человѣкъ, глубоко проникнутый ея поэтическою стороною; его переводъ во всякомъ случаѣ назначенъ не для тѣхъ, кто изучаетъ древность, а для тѣхъ, кто хочетъ послушать Гомера на родномъ языкѣ [144]).

Совершеннаго перевода Гомера мы никогда не дождемся. «Пока изучаются греческія произведенія, и читаются безсмертныя поэмы Гомера, безконечное число рукъ (т.-е. переводчиковъ) повторятъ все тотъ же вѣчно привлекательный, но никогда вполнѣ не удовлетворяющій опытъ» [145]).

Со стороны Жуковскаго была сдѣлана смѣлая попытка пересадить поэзію Гомера на родную почву, и въ этой попыткѣ замѣтно, въ сравненіи съ Гнѣдичемъ, значительное движеніе впередъ. Жуковскій вступилъ съ Гомеромъ въ неравный бой, но все же, выражаясь восторженными словами П. А. Вяземскаго [146]), произнесенными на торжествѣ пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго

... «древній міръ картинъ и сладкозвучій
Имъ обновленъ младою красотой».

П. Черняевъ.

---

[143]) Ср «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 4, ч. 66, отд. VI, стр. 69.

[144]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1850, № 8, ч. 67, отд. II, стр. 62 сл.

[145]) Загаринъ, прил. VI, стр. XXX.

[146]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 7, ч 53, отд. VI, стр. 101.

Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя († 21 февр. 1852 г.), Жуковскаго († 12 апр. 1852 г.) и Никитина († 16 окт. 1861 г.) для русской литературы и развитія самосознанія русскаго общества *).

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ».

«Мертв. души»—*Гоголя.*

Русь! Русь!.. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно въ тебѣ... ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ устахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря,

*) Рѣчь, читанная въ Маріинской Воронежской женской гимназіи 21 февраля 1902 г. на литературно-вокальномъ утрѣ, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя.

Программа утра.

1) Рѣчь о значеніи литературной дѣятельности Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и И. С. Никитина прочтетъ *С. Н. Прядкинъ.*
2) «Гимнъ Н. В. Гоголю»—муз. Главача испол. *хоръ ученицъ.*
3) «Сладость молитвы»—стих. И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Слѣпнева.*
4) Монологъ Жанны д'Аркъ изъ «Орлеанской дѣвы»—пер. В. А. Жуковскаго—уч. VI кл. *Бурьянъ.*
5) Сцену изъ I дѣйствія ком.: «Ревизоръ»—Н. В. Гоголя исполнятъ уч. VI кл.—*Ипатова, Лукина, Никольская.*

пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ?»... такимъ наше родное отечество представлялось въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія нашему геніальнѣйшему писателю-учителю, Н. В. Гоголю, горячо и глубоко любившему родную Русь. Какою же была эта Русь лѣтъ на полтораста-двѣсти раньше, до появленія этихъ безсмертныхъ строкъ Гоголя? какими путями она шла къ свѣту?—Чтобы понять это состояніе Россіи, указать, что сдѣлалъ онъ для нея, а также Жуковскій и Никитинъ; какое мѣсто каждый изъ нихъ занимаетъ въ ряду нашихъ великихъ, я позволяю себѣ бросить бѣглый взглядъ на прошедшее Россіи, очертить «земли родной минувшую судьбу», но не политическую, а умственный и нравственный ростъ—ея по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ литературныхъ памятникахъ.

6) Тройка—отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ»—Н. В. Гоголя произнесетъ уч. VI кл. *А. Петрова.*
7) «Гимнъ просвѣщенію»—муз. Бранскаго *исп. хоръ ученицъ.*
8) «Теонъ и Эсхинъ»—элегію В. А. Жуковскаго—произнесетъ ученица VI класса *Сапожникова.*
9) Смерть Арины—отрывокъ изъ поэмы: «Кулакъ»—И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Боровикова.*
10) Эпилогъ изъ поэмы: «Кулакъ»—И. С. Никитина произнесетъ уч. VI кл. *Зорина.*
11) Пятое дѣйствіе «Ревизора»—Н. В. Гоголя исполнятъ ученицы VI класса—*Ипатова, Бурьянъ и друг.*
12) Русь—отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ»—Н. В. Гоголя произнесетъ ученица VI кл. *Чеховичъ-Ляховицкая.*
13) «Боже, Царя храни»—муз. Львова *исп. хоръ ученицъ.*

Цѣлью рѣчи было уяснить значеніе названныхъ выше поэтовъ въ рус. литер. и жизни. Разучиваніе стихотвореній и отрывковъ начато было еще въ концѣ 1901 года, до полученія предписанія почтить память Гоголя и Жуковскаго, незадолго до 21-го февраля. Вотъ почему рѣчь построена авторомъ такъ, чтобы напомнить учащимся о значеніи жизни и дѣятельности трехъ названныхъ писателей въ связи съ дѣятельностью другихъ русскихъ писателей. *Авторъ.*

I.

До-Петровская Русь имѣла образъ человѣка, который изнемогалъ отъ разныхъ недуговъ; но—человѣка, не безнадежно больного. Этотъ человѣкъ имѣлъ отъ природы могучій организмъ, способный преодолѣть болѣзнь; но ему, этому организму, необходима была помощь. Въ самомъ дѣлѣ, печально, тяжело было нашей родинѣ вслѣдствіе разныхъ внутреннихъ нестроеній. Главнѣйшими причинами этого нестроенія были—невѣжество, за немногими исключеніями, во всѣхъ сословіяхъ, косность въ силу установившихся привычекъ, обычаевъ, и горе было тому, кто рѣшался указать на язвы государственныя, общественныя, семейныя. Предки наши инстинктивно чувствовали, что что-то неладное творится на Руси, но были равнодушны къ этому. Да и кому было все взвѣсить, сообразить, указать истинный путь жизни!? Духовенство, бѣлое и черное, было само невѣжественно: новгородскій архіепископъ Геннадій съ горечью въ сердцѣ заявлялъ главѣ нашей церкви, что некого поставить въ священники, потому что трудно было найти грамотныхъ людей; князья и бояре, даже окружавшіе царскій престолъ, въ большинствѣ были не грамотны, преслѣдовали свои личные интересы, думали только о своей родовитости, были грубы, жестоки и жестоки даже въ отношеніяхъ своихъ, къ своей же семьѣ. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельство въ «Домостроѣ». Авторъ этой книги—энциклопедіи своего времени, давая совѣтъ, какъ владыка дома долженъ наказывать членовъ семьи и «домочадцевъ», говоритъ: «А про всякую вину по уху не бить и по лицу не бить, ни кула-

комъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто отъ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку иному вывихнетъ, и головная боль, и зубная болѣзнь»...

Яркую картину жизни до-Петровской Руси мы имѣемъ въ слѣдующихъ строкахъ *): «Бѣдность и односторонность литературы, вращавшейся почти исключительно въ кругу религіозно-церковныхъ интересовъ; тугое развитіе книгопечатанія, появившагося у насъ только чрезъ сто лѣтъ послѣ его изобрѣтенія на Западѣ; общая отсталость въ искусствахъ техническихъ и изящныхъ, недостатокъ школъ и научныхъ пособій; круглое невѣжество низшаго духовенства, церковный расколъ, какъ плодъ этого невѣжества; слабое распространеніе грамотности даже среди высшихъ сословій, мелочность ихъ интересовъ, вращавшихся на кормленіи да на мѣстническихъ счетахъ; множество дикихъ предразсудковъ, опутавшихъ всѣ классы общества; бѣдность жизненной обстановки, полуазіатскіе обычаи, безобразные пиры съ несчетными блюдами, съ бражничаньемъ и дракой между людьми первыхъ чиновъ государства—вотъ тѣ слишкомъ извѣстныя черты, изъ которыхъ складывается печальный образъ до-Петровской Руси». Слѣдовательно, необходимъ былъ геній, который могъ бы все видѣть, познать болѣзнь и указать средства для исцѣленія больного, и на Руси народился такой человѣкъ—богатырь, съ орлинымъ зрѣніемъ, великій нашъ Преобразователь, первый нашъ императоръ; но преждевременная смерть его не дала ему возможности привести въ исполненіе

*) Петровъ. «Коренной источникъ и смыслъ Петровской реформы». «Историч. хрест.»—Покровскаго.

все, что онъ задумалъ. Онъ главнымъ образомъ двинулъ Русь въ политическомъ отношеніи, въ другихъ же — или указалъ, что сдѣлать и какъ сдѣлать; или только намѣтилъ, набросалъ планъ; Русь при своей привычкѣ къ косности, по смерти великаго государя, очутилась въ тяжеломъ положеніи; она хорошо не сознавала, какимъ ей итти путемъ къ свѣту.

II.

Русь, по смерти Петра Великаго, въ отношеніяхъ умственномъ и нравственномъ очутилась въ положеніи людей, ищущихъ новыхъ мѣстъ для поселеній, — людей, у которыхъ не стало вожака, — людей въ безпредѣльномъ пространствѣ, надъ которымъ нависъ густой мракъ, — въ пространствѣ, по которому много дорогъ, а они не знаютъ, по какой итти. Но вотъ среди этой народной массы находятся лица, у которыхъ что-то копошится въ головѣ: начинаютъ они соображать, вглядываются въ небесный сводъ и, какъ болѣе другихъ надѣленныя смысломъ, обладающія способностью проницательности, видятъ свѣтящіяся точки на небесномъ сводѣ и по нимъ стараются угадать направленіе пути, по которому должно итти. Но не всѣ они, эти лица, въ одинаковой степени обладаютъ орлинымъ зрѣніемъ, почему нѣкоторыя изъ нихъ, объятыя среди невѣдомаго пространства мракомъ и страхомъ, направляются къ мнимо свѣтящимся точкамъ, другія остановились въ раздумьи, третьи медленно, но стойко пошли по направленію къ этимъ свѣтящимся точкамъ, но не мнимымъ, а истиннымъ. Таковыми неопытными вожаками по пути къ умственному и нрав-

ственному самосовершенствованію, отдававшими предпочтеніе одни одному, другіе другому направленію были въ нашей литературѣ писатели XVIII вѣка. Кто изъ нихъ не отказывался отъ родного, національнаго, тотъ шелъ по направленію къ настоящей свѣтящейся точкѣ среди мрака. Видя несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни, идеалу національному, идеалу человѣчества, послѣдніе, съ одной стороны, подчинялись иноземному вліянію, съ другой, и искали своихъ путей къ свѣту. Къ такимъ писателямъ принадлежалъ, напр.: Державинъ, внесшій свѣтлое, родное начало въ русскую литературу, а также и безсмертный нашъ драматургъ-сатирикъ Фонвизинъ, въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ статьяхъ обличавшій общественные недуги современнаго ему общества. Но богатыря въ области литературы, подобнаго богатырю въ области политической, какъ Петру Великому, — въ области науки — какъ Ломоносову, на Руси еще не было. Карамзинъ, европейски образованный человѣкъ, понимавшій глубину, силу творчества Шекспира, не могъ постигнуть, что сентиментализмъ — ложное направленіе; Батюшковъ или создавалъ эротическія пѣсни, воспѣвавшія мутныя наслажденія въ жизни; или элегическія, въ которыхъ отражалъ свои болѣзненныя проявленія души (классическихъ его созданій общество или не понимало, или мало понимало, во всякомъ случаѣ не зачитывалось ими) *). Прекрасно понимали свое назначеніе, назначеніе художниковъ-поэтовъ — Крыловъ и Грибоѣдовъ: но баснями Крылова больше увлекались, какъ очаровательными фантастическими разсказами, а не тою моралью, которая заключалась въ нихъ; безсмертная же комедія Грибоѣдова: «Горе отъ ума», могла появиться въ печати только въ 30-хъ годахъ XIX ст.

*) См. «Критико-Біограф. словарь» — С. А. Венгерова.

III.

Почетное мѣсто въ ряду нашихъ писателей занимаетъ В. А. Жуковскій (р. 29/I 1783 г. † 12/IV 1852 г.), пятидесятилѣтіе со дня смерти котораго исполнится въ текущемъ году, 12 апрѣля.

По содержанію поэзіи своей онъ не примкнулъ ни къ предшественникамъ своимъ, писателямъ ложно-классическаго направленія и сентиментальнаго, ни къ новому, оригинальному направленію въ литературѣ, которому начало положилъ Пушкинъ. Самъ Жуковскій называетъ себя «родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ англійскихъ».

По происхожденію своему онъ—сынъ дворянина Бунина и турчанки. Отчество и фамилію онъ получилъ отъ крестнаго отца—бѣднаго дворянина, по фамиліи Жуковскаго. Несмотря на то, что воспитывался онъ въ барскомъ домѣ, онъ не могъ не чувствовать того, какого онъ происхожденія, какъ къ нему относятся окружающіе,—не могъ не страдать, видя отношеніе родныхъ по отцу къ матери своей, какъ къ «госпожѣ-служанкѣ»: она должна была стоя выслушивать приказанія г-жи Буниной. Легче жилось ему въ домѣ Протасовой, старшей дочери Буниныхъ: тамъ окружали его юныя нѣжныя сердца дочерей Протасовой, которыхъ онъ училъ и воспитывалъ, и изъ которыхъ нравилась ему старшая, Марья Андреевна; онъ лелѣялъ въ себѣ мечту, что она въ будущемъ составитъ его счастіе; но не позволялъ себѣ пока и подавать видъ, что онъ любитъ её. Тѣмъ не менѣе Марья Андреевна чувствовала въ сердцѣ своемъ ту

сердечную теплоту, съ которой онъ къ ней относился. Никакихъ доводовъ Василія Андреевича—о возможности брачныхъ узъ мать любимой дѣвушки не принимала, считая подобный бракъ грѣхомъ, въ виду родства по отцу. И годы не измѣнили ея взгляда: она, въ силу стѣснительныхъ обстоятельствъ, убѣдила дочь выйти замужъ за одного доктора (Мойера); но ей не долго пришлось жить на свѣтѣ: въ 1823 г. Жуковскій горько оплакалъ ея кончину и рѣшилъ въ сердцѣ своемъ не забывать свою 1-ю любовь до гроба. Эта любовь, сначала съ надеждою на счастье, а затѣмъ платоническая, на всю жизнь положила отпечатокъ на душевномъ настроеніи поэта. Вотъ двѣ причины, которыя мѣшали ему въ дѣтствѣ и юности жить спокойно, не дали возможности отрѣшиться отъ этого гнёта душевнаго и позже, когда онъ былъ принятъ при дворѣ, сдѣлался воспитателемъ наслѣдника престола А. Н., впослѣдствіи императора Александра II.

Это душевное настроеніе отразилось въ его поэзіи какъ оригинальной, такъ и переводной, потому что для переводовъ онъ выбиралъ такія произведенія, которыя гармонировали съ его душевнымъ настроеніемъ. Глубокая вѣра въ Бога примиряла его съ неизбѣжными въ мірѣ горестями. Онъ смотрѣлъ на земное существованіе, какъ на конечное, временное, а на страданіе, какъ неизбѣжное въ этой жизни,—какъ на благодѣяніе, посылаемое свыше для вразумленія человѣка. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Страданіе—творецъ великій: оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви». Самую любовь онъ понималъ возвышенно. Такимъ обра-

зомъ, мы видимъ, что жизнь его текла, нельзя сказать, чтобъ радостно, и это сказалось на его характерѣ, на поэтическомъ творчествѣ, своеобразномъ, лично ему присущемъ *).

Оригинальнаго у Жуковскаго, сравнительно съ переводами, очень мало, о чемъ онъ самъ заявляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «У меня почти все чужое или по поводу чужого, и все однако мое».

Жуковскій въ душѣ своей былъ романтикъ, но романтизмъ его—своеобразный, субъективный, вытекавшій изъ глубины сердца его, пережившаго много тяжелаго, мучительнаго въ жизни.

Въ чемъ же состоитъ его романтизмъ, какъ литературное направленіе? Существенныя черты этого литературнаго направленія видны въ элегіи: «Теонъ и Эсхинъ». Эта элегія говоритъ намъ о томъ, что Жуковскій не допускалъ полнаго, безъ страданій, счастія на землѣ: «Что можетъ разрушить въ минуту судьба», говоритъ онъ устами Теона Эсхину: «то на свѣтѣ не наше». Можетъ доставлять счастіе здѣсь «любовь и сладость возвышенныхъ мыслей», а также размышленіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ: «При мысли великой, что я человѣкъ, всегда возвышаюсь душою», говоритъ онъ устами Теона Эсхину. Любовь есть временное, земное счастье и—въ томъ случаѣ, когда любящіе другъ друга находятся въ разлукѣ временной, земной, или вслѣдствіе смерти одного изъ нихъ: «Страданье въ разлукѣ есть та же любовь: надъ сердцемъ утрата безсильна». Несовершенство жизни волей-неволей заставляло Жуковскаго искать идеала, но не на землѣ (гдѣ все имѣетъ

*) См. объ этомъ у Л. Н. Майкова.

конецъ), а въ загробной жизни: «Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь, отворится... жду и надѣюсь; за нимъ ожидаетъ сопутникъ меня, на мигъ мнѣ явившійся въ жизни», говоритъ Теонъ Эсхину, указывая на гробъ, въ которомъ спитъ непробуднымъ сномъ его другъ; слѣдовательно, Жуковскій въ своей поэзіи указываетъ на идеалъ, на торжество этого идеала въ загробной жизни. Если бы мы имѣли возможность прослѣдить всѣ произведенія Жуковскаго, оригинальныя и переводныя, то убѣдились бы въ томъ, что онъ изображаетъ вообще состоянія человѣческаго сердца, но преимущественно свѣтлыя: тихую грусть, ропотъ, возвышенную любовь, надежду на лучшее въ жизни земной и за гробомъ, вѣру въ Провидѣніе, скорбь о неизвѣстномъ, стремленіе въ даль, томленіе въ разлукѣ земной и вслѣдствіе смерти,—все это основные мотивы его поэзіи. Жизнь, такая грустная, тяжелая для его сердца, была причиною того, что онъ, съ одной стороны, не примкнулъ къ Карамзиновскому сентиментализму, съ его типичною чертою—грустью, меланхоліей,—съ другой—къ новому направленію со времени Пушкина, и только, подъ конецъ жизни его, мы видимъ, что для переводовъ своихъ онъ выбираетъ такія произведенія, какъ «Наль Дамаянти», «Одиссея» и др., когда онъ женился, когда, слѣдовательно, достигъ желаемаго на землѣ, возможнаго счастія семейнаго. Новость содержанія, жизненныя картины, разнообразіе сюжетовъ въ переведенныхъ произведеніяхъ поэтовъ разныхъ временъ и народовъ, простота, доступность для пониманія, «стиховъ плѣнительная сладость»,—стиховъ мягкихъ, нѣжныхъ, пѣвучихъ, воздушныхъ (если такъ можно выразиться) во многихъ его произведеніяхъ, а также необыкновенная гуманность, доступность, несмотря на положеніе его, какъ воспитателя наслѣдника

престола, которому передалъ все лучшее своей души *); наконецъ, свѣтлый, возвышенный взглядъ на поэзію: для него «жизнь и поэзія одно», для него «поэзія небесной религіи сестра земная»; а также и на религію,—все это, при второстепенности таланта Жуковскаго, привлекало къ нему тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы, и заставляло читателей его произведеній по нѣскольку разъ перечитывать его созданія и извлекать изъ нихъ божественный бальзамъ для сердца, въ чемъ особенно нуждалось русское общество до появленія самобытныхъ произведеній въ русской литературѣ.

IV.

Но не Жуковскому суждено было положить начало самобытной русской литературѣ: для этого необходима была сила могучая, обаятельная,—для этого необходимъ былъ геній, подобный генію Петра Великаго, который Россію вздернулъ на дыбы въ политическомъ отношеніи,—подобный генію Ломоносова, указавшаго, какъ надо работать въ наукѣ на пользу «любезнаго отечества», и такимъ геніемъ въ области литературы явился Пушкинъ, не примкнувшій ни къ одному изъ литературныхъ направленій, господствовавшихъ въ нашей литературѣ со времени Ломоносова (ложно-классицизмъ, сентиментализмъ, роман-

*) Припомнимъ его сердечное отношеніе въ С.-Петербургѣ и въ Воронежѣ (когда онъ былъ здѣсь съ наслѣдникомъ престола) къ нашему поэту А. В. Кольцову, а также —къ Пушкину, Гоголю и др.

тизмъ). Кипучая натура, жизнерадостный, воспитанный въ либеральную эпоху Александра Благословеннаго, Пушкинъ своими самыми разнообразными созданіями художественными началъ періодъ самобытной русской литературы; въ своихъ произведеніяхъ, не нарушая правды, онъ изображалъ главнымъ образомъ свѣтлыя стороны русской дѣйствительности; по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, его поэзія—земля, проникнутая небомъ; Пушкинъ въ литературѣ, а, слѣдовательно, и въ жизни былъ новымъ «краснымъ солнышкомъ», озарившимъ путь, по которому пошли послѣдующіе поэты, изъ которыхъ—одни стали изображать темныя стороны жизни, другіе свѣтлыя,—одни, бичуя пороки и недостатки общества, къ каковымъ принадлежалъ Лермонтовъ,—другіе, въ своихъ произведеніяхъ уловляя важнѣйшіе моменты умственнаго и нравственнаго развитія, какъ Тургеневъ,—третьи, осмѣивая мракъ, невѣжество, косность. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ Н. В. Гоголь, благоговѣвшій предъ своимъ учителемъ—Пушкинымъ. Въ поэзіи Пушкина мы встрѣчаемъ постоянно розы, но розы съ шипами; у Грибоѣдова преобладаетъ горькое чувство негодованія при видѣ несовершенства жизни; Лермонтовъ своими созданіями въ стихахъ, «облитыхъ горечью и злостью», заявляетъ, что нѣтъ смысла изображать, подобно Пушкину, свѣтлое, когда этого свѣтлаго мало (Татьяна Ларина, Чацкій... но больше Скалозубы, Фамусовы, Молчалины, Печорины...); что необходимо бичевать за пороки, за уклоненіе отъ идеаловъ, и преемники Пушкина, будучи сами великими, подобно ему, въ рѣдкихъ случаяхъ рисуютъ, какъ я уже сказалъ, идеальное: они предпочитаютъ бороться съ врагами родной земли—невѣжествомъ, пороками,—бить въ самое сердце читателя,—въ сердце, въ кото-

ромъ, по выраженію Прудона, звѣрь сидитъ, указываютъ иной жизненный путь,—путь по слову евангельскому. Къ числу такихъ-то величайшихъ писателей принадлежитъ и Н. В. Гоголь, имѣющій особыя типическія черты души и творчества.

V.

Малороссъ по происхожденію, любимецъ и баловень матери, благоговѣвшей передъ сыномъ; надѣленный отъ природы необыкновенною способностью проникать въ глубину человѣческаго сердца, Н. В. Гоголь, упивавшійся въ юности красотами южно-русской природы, жизнерадостный, какъ и сама природа Малороссіи; глубоко вѣрившій въ торжество идеала, съ самого начала своей сознательной жизни былъ убѣжденъ въ томъ, что принесетъ великую пользу родной землѣ; но, по мѣрѣ развитія своего, встрѣчаясь съ «грязною дѣйствительностью», все больше и больше уразумѣвая жизнь, глубокую испорченность нравовъ своихъ согражданъ, онъ при смѣхѣ надъ тѣмъ, что противорѣчило идеямъ истины, красоты, и добра,—при видѣ несовершенства братій, начинаетъ смѣяться и въ то же время скорбѣть, а затѣмъ и проливать «незримыя, невѣдомыя міру слезы». Прекрасно охарактеризованъ этотъ даръ Гоголя въ одномъ стихотвореніи:

«Въ безстрашной дерзости нахально торжествуя,
Гуляли по свѣту порокъ, уродство, грѣхъ,
И вдругъ встревоженно попрятались, почуя
Опаснаго врага: то былъ всесильный смѣхъ,
Не ядовитый смѣхъ слѣпого озлобленья—
Нѣтъ, тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ, чиста, свѣтла,

Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнущихъ въ оковахъ духа зла.
Какъ Божьи вѣстники, спасительныя грозы,
Сметаютъ прочь съ небесъ ряды зловѣщихъ тучъ,
Такъ этотъ чудный смѣхъ, всѣмъ видимый —
сквозь слезы,
Никѣмъ незримыя, понесся смѣлъ, могучъ» *).

Смѣхъ Н. В. Гоголя, измѣнявшійся вмѣстѣ съ ростомъ генія этого писателя, наконецъ, обратился въ смѣхъ сквозь слезы... Въ самомъ дѣлѣ—въ началѣ литературнаго поприща великій нашъ писатель чувствуетъ упоеніе при видѣ малороссійской степи въ маѣ, пестрѣющей разными цвѣтами,—при видѣ величественной рѣки, на которой раскинулся Кіевъ, «мать городовъ русскихъ»,—слыша жужжаніе насѣкомыхъ, нескончаемое пѣніе птицъ, жизнерадостно смѣется, видя, какъ приплясываетъ пьяный Калениккъ, или—какъ чортъ ловитъ мѣсяцъ, чтобы спрятать его въ карманъ, или—какъ суевѣрные малороссы принимаютъ за сатану бабу, очутившуюся въ хатѣ, подъ замкомъ, по желанію разгулявшихся паробковъ **) и т. д. Въ одномъ стихотвореніи это настроеніе души Гоголя изображено слѣдующимъ образомъ:

«Смѣхъ его лаской, любовью дышалъ:
Злобы въ немъ не было дикой.
Какъ увлекался онъ синимъ Днѣпромъ!
Свѣтомъ украинской ночи!
Съ дѣвственно чистымъ воспѣлъ онъ огнемъ
Южной красавицы очи!..
. . . .

*) В. В. Каллашъ: «Н. В. Гоголь въ русской поэзіи» (Стих. П. И. Вейнберга). М. 1902 года.

**) «Майск. ночь, или утопленница».

Сказку, легенду, преданье ль народное
Съ новыхъ поэтъ освѣщаетъ сторонъ,
Но и въ него добродушье природное
И теплоту вноситъ онъ!» *).

Но проходитъ это упоеніе... начинаетъ поэтъ постигать жизнь, и смѣхъ его измѣняется: Гоголь смѣется и грустить, видя предъ собою людей, подобныхъ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, Ив. Ивановичамъ и Ив. Никифоровичамъ; а затѣмъ начинаетъ проливать сквозь смѣхъ «незримыя, невѣдомыя слезы», встрѣчая въ согражданахъ людей, подобныхъ городничему (въ «Ревизорѣ») и его синклиту, или—Чичикову, Ноздреву, Собакевичу, Плюшкину и др., или—подобныхъ женѣ городничаго и дочкѣ ихъ, «дамѣ, просто пріятной» и—«пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», Маниловой, Коробочкѣ и др. Создавъ эти типы, Гоголь, безпредѣльно любившій Русь, пришелъ въ ужасъ отъ той пошлости, ничтожности, «грязной дѣйствительности», которая выступила въ его созданіяхъ предъ всенародныя очи, въ особенности—при мысли, что, со смертью Пушкина, не стало писателя, которому было дано въ удѣлъ изображать свѣтлыя стороны жизни, и задумалъ создать типы, противоположные тѣмъ, которые изображены въ «Ревизорѣ», «Мертвыхъ душахъ» и другихъ его произведеніяхъ,—задумалъ создать свѣтлые типы, для чего рѣшилъ пересоздать себя: онъ сдѣлался подъ конецъ жизни аскетомъ: та религіозная искра, которая заложена была въ его душѣ матерью его, обратилась въ жаркое пламя и сожгло его отъ природы слабый организмъ. О его душевномъ состояніи предъ смертью Н. Бергъ говоритъ:

... «Когда межъ нами жилъ
И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ геній,

*) См. у В. Ѳ. Каллаша стр. 49 и 50-ю.

Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ,
И тайныхъ, неразгаданныхъ видѣній:
Тогда вполнѣ его не понималъ
Никто изъ насъ, по-своему толкуя
О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.
И малодушно былъ онъ осужденъ,
И много въ немъ увидѣли пороковъ,
И много нареканій вынесъ онъ,
И горько оскорбительныхъ упрековъ,
Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали...
И умеръ онъ» *)...

То же состояніе души Гоголя изображено Тройницкимъ въ слѣдующихъ стихахъ, обращенныхъ къ великому писателю:

«Ты мыслилъ много и страдалъ,
И умеръ. Не осуществился
Тебя томившій идеалъ:
Изъ дальняго переселился
Ты въ оный міръ»... **)

Поэтъ отошелъ въ другой міръ со словами на устахъ: «Лѣстницу!... лѣстницу!»... Но смѣхъ, сначала «заразительный», а затѣмъ перешедшій постепенно въ горькій, вызывающій у читателей безсмертныхъ произведеній великаго сердцевѣда-юмориста слезы, живетъ и теперь и будетъ жить, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ». Этотъ-то смѣхъ и есть та поэтическая особенность творчества Гоголя, которая рѣдко встрѣчается не только въ русскихъ литературныхъ памятникахъ,

*) В. В. Каллашъ. «Сборникъ»... стр. 23.
**) Тамъ же стр. 27.

но и въ произведеніяхъ всемірной литературы.

Кромѣ этой черты души, великій писатель-юмористъ отличался необкновенною наблюдательностью: «Воображеніе мое»... говоритъ онъ: «не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ». Дѣйствительно, Гоголь во все всматривался, вдумывался; всему хотѣлъ знать причину: онъ анализировалъ душу человѣческую, подобно анатому, при помощи разныхъ иструментовъ изучающему мелчайшія частички тѣла: изображая, напр., «прорѣху на человѣчествѣ» (Плюшкина), ловкаго дѣльца-эгоиста Чичикова и др., онъ указываетъ, почему они были такими, а не другими. Подобнымъ изображеніемъ жизни Гоголь положилъ начало реализму въ русской литературѣ,—реализму художественному,—не тому, который позже появился въ западной литературѣ и дошелъ подъ перомъ Золà до nec plus ultra: нашъ великій писатель—реалистъ, изображая реально «пошлость пошлаго человѣка», все возводилъ «въ перлъ созданія»:

«Родного юмора создатель незабвенный,
Поэтъ и реалистъ, мыслитель вдохновенный,
Въ своихъ твореніяхъ онъ силу реализма
Сумѣлъ соединить съ душевностью лиризма!» *)

Въ-третьяхъ, реализмъ, соединенный съ необыкновенной наблюдательностью и глубокимъ анализомъ души человѣческой, не мѣшалъ быть великому писателю-юмористу въ то же время и истиннымъ художникомъ, понимавшимъ, что изображеніе злобы дня, изображеніе жизни съ предвзятою цѣлью, не есть

*) В. В. Каллашъ: «Н. В. Гоголь въ рус. поэзіи», стр. 37.

назначеніе его. Вотъ почему его Маниловъ, Ноздревъ, Коробочка, Собакевичъ, Плюшкинъ, Чичиковъ, городничій, полицъ-мейстеръ и др.—дѣйствительно живыя лица, художественные типы; вотъ почему большинство этихъ типовъ обратилось въ нарицательныя имена.

Въ-четвертыхъ, изображая Ѳетинью, Петрушекъ, Осиповъ, Селифановъ и др., Н. В. Гоголь пробуждалъ въ сердцахъ читателей состраданіе къ этимъ забитымъ, запуганнымъ крѣпостнымъ людямъ; а, выставляя «на всенародныя очи» умственное и нравственное ничтожество, убожество, «мертвыя души» людей, подобныхъ Чичикову, Плюшкину, Хлестакову, Иванамъ Ивановичамъ, Бобчинскому и Добчинскому и др., обращалъ вниманіе на то, что подобная жизнь людей,—людей съ «мертвыми душами»—противорѣчитъ представленію о человѣкѣ, какъ «разумномъ Божьемъ созданьи»,—вызывалъ у читателей (по контрасту) представленіе жизни противоположной,—вызывалъ образы людей съ живыми душами,—по контрасту вызывалъ (да и теперь вызываетъ) въ душахъ читателей идеалы, къ которымъ они, читатели, должны стремиться. Въ данномъ случаѣ великій нашъ писатель исполнялъ завѣтъ великаго своего учителя,—завѣтъ, высказанный въ стихѣ: «Глаголомъ жги сердца людей», при чемъ Пушкинъ «жегъ сердца людей» при помощи «звуковъ сладкихъ и молитвъ», т.-е. создавая истинно поэтическія произведенія, вполнѣ художественныя, оказывающія на сердца читателей такое же вліяніе, какъ и горячая, искренняя молитва *); Гоголь же «жегъ сердца людей», юмористически изображая «пошлость пошлаго человѣка», дерзая

*) См. въ «Фил. Зап.» за 1899 г., въ вып. I—II нашу ст.: «Памяти А. С. Пушкина».

«вызвать» наружу все, что ежеминуто предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь; всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога»,—дерзая «крѣпкою силою неумолимаго рѣзца выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи». Вотъ почему великій ученикъ великаго учителя—Пушкина, оцѣнивая свои произведенія и своего учителя, сказалъ: «равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ».. Пушкинъ далъ намъ, напр., поэтическій свѣтлый образъ Татьяны Лариной, Марьи Ивановны Мироновой; Грибоѣдовъ—съ одной стороны, Чацкаго, съ другой—Фамусова и его родичей по умственному и нравственному убожеству, а «великій меланхоликъ»—юмористъ, рисуя «грязную дѣйствительность», говоритъ читателямъ и читательницамъ: не будьте подобны Марьѣ Андреввѣ, Марьѣ Антоновнѣ Сквозникъ-Дмухановскимъ, Маниловой, Коробочкѣ, «дамѣ, просто пріятной», и «дамѣ, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» (интересъ жизни послѣднихъ—бантики, фестончики, матеріи лапками... завлеканіе сердецъ Павловъ Ивановичей Чичиковыхъ...); избѣгайте той «пошлости пошлаго человѣка», которую видите у Сквозника-Дмухановскаго, Хлестакова, Земляники, Добчинскаго и Бобчинскаго, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, Чичикова, у представителей губернскаго города N. и пр. . и пр...

Въ-пятыхъ, какъ поэтъ-художникъ, Н. В. Гоголь такъ умѣлъ пользоваться богатствомъ и красотами родного языка, какъ весьма немногіе изъ русскихъ писателей: картины природы, сцены изъ жизни, характеры лицъ и проч., изображенные имъ, по языку—это «пер-

лы созданій» (мы не приводимъ цитатъ: кто изъ насъ не увлекался живымъ, картиннымъ языкомъ его произведеній?).

Бѣглыхъ моихъ замѣтокъ, думаю, достаточно для того, чтобы представить великій духовный образъ нашего писателя, которымъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ созданы—наша національная литература, нашъ литературный языкъ: Пушкинъ и Гоголь, идеализмъ и реализмъ, въ нашей литературѣ, тѣсно связаны другъ съ другомъ; ученикъ и учитель, братья по духу, они оба горячо любили родную Русь, оба пошли безъ колебанія къ истиннымъ свѣтящимся точкамъ и повели за собою народную, читавшую ихъ созданія, массу, представители которой—писатели XVIII и начала XIX в.в. не могли попасть на путь истины,—оба они «соединены тѣсною связью съ развитіемъ общественнаго самосознанія, переходившаго подъ ихъ вліяніемъ отъ чисто художественныхъ впечатлѣній къ размышленію о нравственномъ достоинствѣ человѣка и, наконецъ, примѣнявшаго эти размышленія къ практическимъ явленіямъ общественности»; но между ними было и большое различіе: оно «сказалось въ историческомъ осуществленіи ихъ вліянія въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Они были близко родственны въ своихъ представленіяхъ о высокихъ задачахъ искусства, которое должно... стремиться только къ исполненію того, что внушается поэтическимъ, почти божественнымъ вдохновеніемъ»... Пушкинъ и Гоголь были двѣ художественныя натуры весьма различнаго склада: оба высоко ставили искусство, но одинъ былъ художественный созерцатель, у котораго жизненныя впечатлѣнія слагались въ объективныя художественныя картины; другой къ «всеобщей (по старому выраженію Плетнева) поэзіи былъ и равно-

душенъ, и неспособенъ, его наблюденіе направлялось исключительно на окружавшую его русскую дѣйствительность, и при томъ не въ смыслѣ объективнаго изображенія, а, напротивъ, въ тонѣ глубокаго юмора, который останавливается на повседневныхъ явленіяхъ и въ «смѣхѣ сквозь слезы» раскрываетъ ихъ внутренній смыслъ и отъ комическаго доходитъ до трагедіи и глубокаго нравственнаго дѣйствія». Съ «Мертвыми душами», безсмертнымъ созданіемъ Гоголя, «въ русскую литературу вступалъ новый тонъ искусства, и Пушкинъ былъ въ числѣ первыхъ, которые въ самомъ началѣ признали его законность и его сильное дѣйствіе. То же самое дѣйствіе почувствовано было читателями Гоголя: въ немъ увидѣли совершенно новую силу, и когда ея дѣйствіе оказалось на дальнѣйшихъ явленіяхъ литературы, то именно въ немъ многіе увидѣли начинателя нашего художественнаго реализма и юмора, которые придали нашей литературѣ по преимуществу общественный характеръ. За Пушкинымъ осталась великая заслуга установить на нашей почвѣ начала искусства, Гоголю предоставлено было открыть съ глубокимъ художественнымъ анализомъ изображеніе русской дѣйствительности» *), т.-е. и Пушкинъ, и Гоголь—оба велики, оба—равносильныя величины: они положили начало самобытной русской литературѣ съ идеалистическо-реалистическимъ направленіемъ, указали путь, по которому пошли послѣдующіе писатели; оба они, рисуя одинъ свѣтлыя стороны жизни, а другой темныя, развивали въ современномъ имъ обществѣ правильный, идеальный взглядъ на литературу и жизнь. Взглядъ великихъ своихъ предшественниковъ на поэзію и жизнь раздѣлялъ и провелъ въ своихъ созданіяхъ И. С. Никитинъ.

*) А. Н. Пыпинъ. «Истор. рус. литер.» т. IV, стр. 559 и 560.

VI.

Считаемъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ въ этотъ свѣтлый для Россіи день и о нашемъ воронежскомъ поэтѣ И. С. Никитинѣ: онъ умеръ 16 окт. 1861 г. и сороколѣтіе со дня смерти его, слѣдоват., исполнилось въ прошедшемъ 1901 году. Вы въ 1899 г. уже слышали слово мое о нашемъ поэтѣ-страдальцѣ, и теперь я только въ общихъ чертахъ напомню вамъ о жизни и поэтическомъ его творчествѣ.

И. С. Никитинъ, въ силу жизненныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, своего развитія, взгляда на жизнь, примкнулъ къ тому направленію въ литературѣ, которому начало положено Пушкинымъ и Гоголемъ.

«Литература наша», говоритъ Ап. А. Григорьевъ: «развиваетъ его (Пушкина) задачи, въ особенности же типъ Бѣлкина... Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры» *)... Гоголь по природѣ своей, да и по характеру самой жизни русской, представлявшей мало свѣтлаго, еще реальнѣй сталъ изображать эту жизнь, темныя ея стороны («пошлость пошлаго человѣка»), чтобы читатели вникли умомъ въ эту жизнь и почувствовали къ ней отвращеніе въ своихъ сердцахъ. Лермонтовъ пошелъ дальше въ этомъ отношеніи: онъ не скорбѣлъ при видѣ несовершенства жизни, не проливалъ слезъ, подобно Гоголю, а негодовалъ на людей, погрязнувшихъ въ житейскихъ мелочахъ,—бичевалъ въ своихъ произведеніяхъ пороки.

---

*) Ап. Григорьевъ. Собр. соч. I т. СПБ. 1876 г.

Въ предисловіи къ своему роману: «Герой нашего времени», онъ говоритъ: «Довольно людей кормили сластями»... имъ «нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины».

Нашъ поэтъ изображалъ въ своихъ созданіяхъ жизнь реально, но не позволялъ себѣ, при изображеніи горькихъ страданій обездоленнаго люда, ни смѣяться надъ нимъ, ни негодовать на него за его слабости и пороки; мало этого: онъ, считая грѣхомъ допускать подобное отношеніе поэта-сатирика къ людямъ (см. стих. 1860-го года: «Поэту обличителю»), избралъ иной, ему судьбою назначенный, способъ изображенія жизни, о чемъ онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ своей поэмы: «Кулакъ»:

«Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ:
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!»...

Отъ природы надѣленный необыкновенно крѣпкимъ организмомъ, что давало ему возможность въ юности съ четырьмя пудовыми гирями, привязанными къ рукамъ и ногамъ, подниматься по довольно высокой лѣстницѣ на сѣнникъ (послѣ спора съ товарищами-сверстниками о томъ, кто сильнѣе, чтобы показать свою молодецкую удаль *); жившій въ эту цвѣтущую пору жизни богато, нашъ поэтъ вскорѣ послѣ этого (вслѣдствіе того, что матеріальное состояніе отца, имѣвшаго годовой торговый оборотъ въ 100,000 руб. ассигнаціями, рухнуло) принужденъ былъ до окончанія курса выйти изъ духовной семинаріи и, имѣя отъ природы богатыя силы души, навсегда похоронить свои мечты объ университет-

*) См. нашу замѣтку относительно «Матеріаловъ для біографіи И. С. Никитина» за 1901 г. въ IV—V в.в. «Филолог. Зап.».

скомъ образованіи. Нужда, борьба изъ-за насущнаго, почти постоянно пьяный отецъ (а первые годы нужды, по выходѣ изъ семинаріи, и мать); иногда небрежное отношеніе къ своему здоровью *), горькая, безысходная жизнь обездоленнаго люда, среди котораго онъ вращался, и многое другое—были причиною его преждевременной смерти (со дня которой 16 окт. прошедшаго 1901-го исполнилось сорокъ лѣтъ). Но, несмотря на эти тяжелыя жизненныя обстоятельства, несмотря на горькую чашу, которую ему пришлось испить въ теченіе своей кратковременной жизни, И. С. Никитинъ не зарылъ въ землю своего таланта: онъ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, читалъ, вдумывался въ прочитанное, наблюдалъ, изучалъ «бѣдность горемычную» мѣщанъ и крестьянъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, какъ слугѣ и хозяину постоялаго двора,—переживалъ своимъ сердцемъ горе и страданіе, свое и чужое, и эту-то горькую жизнь изображалъ въ своихъ произведеніяхъ или, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ: «воплощалъ боль сердца въ звуки»... или въ другомъ мѣстѣ:

«Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя;
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается:
. . . .
Бѣдность голодная, грязью покрытая;
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая...
. . . .
Гибнетъ она, и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...

*) См. объ этомъ въ біографіи Никитина, написанной Де-Пуле и напечатанной при собр. соч. нашего поэта.

Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!»...

Искренность, горячая любовь къ страдающимъ мѣщанамъ и крестьянамъ—чрезъ бѣдность, жестокость, невѣжество и т. п. (см. его произведенія: «Могила дитяти», «Жена ямщика», «Ссора», «Старый слуга», «Старикъ—другоженецъ», «Бурлакъ», «Внезапное горе», «Безталанная доля», «Портной», «Хозяинъ» и др.,—поэму: «Кулакъ»)—вотъ что заставляло нашего поэта «воплощать боль сердца въ звуки»... Этотъ-то горькій даръ, выпавшій на долю его, и есть одна изъ основныхъ и симпатичнѣйшихъ чертъ творчества И. С. Никитина. Кромѣ того, онъ 1) горячо любилъ «Русь державную», 2) глубоко вѣрилъ въ смыслъ жизни, въ Провидѣніе; 3) любилъ бывать въ полѣ, лѣсѣ, на рѣкѣ, т.-е. среди природы, которая была для него «другомъ и наставникомъ». Все это служило для него отрадою, утѣшеніемъ среди горестей и страданій, которыя преждевременно свели его въ могилу, и все это ярко отразилось въ его поэзіи.

Несомнѣнно, поэзія Никитина вызывала и будетъ долго вызывать у читателей щемящее состояніе сердца яркимъ изображеніемъ горестей и страданій,—сострадаміе къ «бѣдности горемычной» *). Объ этой бѣдности и вліяніи ея на человѣка говоритъ и Некрасовъ въ стихахъ:

«Придавила меня бѣдность грозная;

*) Подробный анализъ и значеніе поэтической дѣятельности Никитина см. у И. И. Иванова («Р. Мысль»), у И. М. Камова («Р. Филол. Вѣстн.») и въ нашей статьѣ («Филол. Зап.» 1899 г., V в.), а также и отд. брошюру: «Памяти И. С. Никитина».

Запугалъ меня съ дѣтства отецъ;
Безталанная долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ»; но у кого больше правды, искренности, у Никитина ли, или у Некрасова, объ этомъ извѣстно каждому образованному человѣку. Что касается нашего поэта, то онъ, несмотря на безотрадное въ жизни, боролся со всѣмъ, что мѣшало ему итти къ свѣту. Это безотрадное въ жизни, между прочимъ, имъ изображено въ двухъ автобіографическихъ его стихотвореніяхъ: «Ахъ, у радости быстрыя крылья»... «Ахъ, ты, бѣдность горемычная»...

Въ стихотвореніи: «Ахъ, ты, бѣдность горемычная»... поэтомъ названо почти все, что бываетъ съ человѣкомъ вслѣдствіе матеріальной необезпеченности:

«Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!
Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая;
Къ богачу придешь,—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая;
Ты плывешь, куда водой несетъ;
Стороной бредешь, гдѣ путь дадутъ;
Просишь солнышка, гроза идетъ;
Скажешь правду, силой ротъ зажмутъ.
У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости;
Вѣкъ ты мучишься да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,

На могилѣ травка дикая».

Въ слѣдующемъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что радостью поддерживается бодрость духа; но у него—больше «кручинушка, ночь безъ разсвѣта: радость при «бѣдности горемычной» желанная, но неумолимая гостья:

«Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ,—вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою, и лаской:
Отъ тумана глаза бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни бъ сложились...

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ, съ вѣтромъ...
При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ въ головѣ помутится.

Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ,—
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ:
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла».

Это безотрадное въ жизни прежде времени свело его въ могилу, сокрушивъ его могучій организмъ; но умственно, нравственно нашъ поэтъ остался невредимъ до послѣднихъ минутъ жизни. Слѣдовательно, мы имѣемъ право сказать, что И. С. Никитинъ и своею страдальческою жизнью указывалъ современникамъ и указываетъ намъ, какъ должно жить, чтобъ имѣть право называться «разумнымъ Божьимъ созданьемъ»...

Заключеніе.

Русь, въ лицѣ своихъ великихъ людей въ разныхъ областяхъ науки и искусства (а также и въ жизни практической), со времени Петра Великаго дѣйствительно пошла, какъ свидѣтельствуютъ наши литературные памятники, гигантскими шагами по пути къ свѣту. Къ этой-то Руси Гоголь и обратился съ словами: «Русь, куда жъ ты несешься?» Но вѣдь это были только единицы!.. остальная Русь—это Русь, изображенная въ произведеніяхъ Кантемира, Державина, Фонвизина, Крылова, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова и др.,—это та Русь, которая являлась мачехой для всѣхъ великихъ, въ томъ числѣ Гоголя и Никитина,—была причиной страданій нашихъ писателей и нерѣдко преждевременной ихъ смерти. Въ силы первой и возможность воскресенія второй Гоголь (и др. писатели) вѣрилъ и любилъ ту и другую; чтобы пробудить отъ сна вторую, темную Русь, «горькимъ смѣхомъ своимъ смѣялся» надъ нею, горько плакалъ «незримыми, невѣдомыми міру слезами», видя, что въ XIX вѣкѣ, даже въ день Свѣтлаго Воскресенія христіанинъ, «безъ стыда и не дрогнувъ душою, говоритъ: «Я не могу обнять этого человѣка: онъ мерзокъ, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ... неужели мнѣ обнять такого человѣка, какъ брата?»

Далеко ли мы, простившіеся недавно съ XIX вѣкомъ (до пятидесятилѣтней годовщины со дня смерти Гоголя, оставившаго намъ эти горькія строки), ушли по пути къ свѣту, къ которому звали и зовутъ насъ на-

ши великіе писатели? Исполняемъ ли мы ихъ завѣты? Нѣтъ, имѣемъ мы право сказать за нашихъ великихъ. Русь просвѣщенная мчится впередъ болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ: развѣ нѣтъ среди русскаго общества, среди насъ, лицъ, похожихъ на Чичикова, Ноздрева, Коробочку, Маниловыхъ?... Развѣ русская женщина отрѣшилась вполнѣ отъ тѣхъ правилъ—путъ свѣта, которыя подчеркнулъ Гоголь, изображая, напр., воспитаніе и образованіе Маниловой?!..

Наша задача, особенно въ школѣ, пока есть возможность «да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье», изучать и изучать разумно произведенія нашихъ великихъ писателей, воспринимать идеи ихъ, заключающіяся въ ихъ произведеніяхъ, не однимъ только умомъ, но и сердцемъ (и сердцемъ болѣе, чѣмъ умомъ: «умственности» у насъ достаточно), чтобы мы, хоть въ день Свѣтлаго Воскресенія, могли забыть про рознь, обнять брата, и тогда не будетъ слышаться изъ могилы голосъ Гоголя съ упрекомъ: и въ свѣтлое Христово Воскресеніе не обыметъ братъ («во Христѣ») брата!... Многія русскія женщины, главная надёжа свѣтлаго будущаго Россіи,—женщины съ образованіемъ, увлекаются (и увлекаются болѣе, чѣмъ женщины другихъ народовъ!) тѣмъ, что составляло суть жизни «дамы, просто пріятной», и «дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ»!...

Побольше же, дѣти, глубокаго изученія созданій нашихъ великихъ писателей; поразумнѣй же воспринимайте сердцемъ своимъ тѣ завѣты, которые оставлены намъ великими писателями въ ихъ произведеніяхъ для борьбы съ эгоизмомъ, царящимъ въ жизни; побольше пріобрѣтайте знаній, вносящихъ свѣтъ въ наши души:

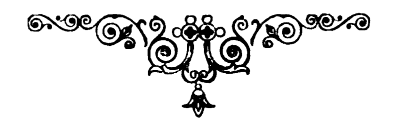
«Наша сила—наука и знанiе;
Наша почва—простые умы;
Наша цѣль человѣка возстанiе
Изъ невѣжества, праха и тьмы»...

—знанiй серьёзныхъ, облагороживающихъ наши сердца, способныхъ избавить насъ отъ того, что выставилъ «на всенародныя очи» Гоголь, что бичуетъ въ своихъ произведенiяхъ Лермонтовъ,—избавить отъ холоднаго отношенiя къ страдающимъ, о которыхъ говоритъ въ своихъ созданiяхъ нашъ поэтъ-страдалецъ Никитинъ и другiе наши великiе писатели.

Если же мы попрежнему будемъ апатично относиться къ святымъ завѣтамъ нашихъ великихъ писателей, не будемъ воспринимать этихъ завѣтовъ своими сердцами: то они, всѣ великiе наши писатели, постоянно словами нынѣ чествуемаго Н. В. Гоголя будутъ говорить намъ вмѣстѣ съ послѣднимъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» и мы будемъ виновниками страданiй и даже преждевременной смерти современныхъ намъ писателей, какъ чрезъ грѣхи нашихъ предковъ страдали и въ расцвѣтѣ силъ душевныхъ сошли въ могилу—Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Никитинъ и др. свѣточи великой нашей «Руси державной, нашей родины православной», которую они такъ горячо любили.

С. Прядкинъ.

Воронежъ.
18—21 февраля 1902 г.



Содержаніе рѣчи.

I. Умственное и нравственное состояніе Руси во 2-й половинѣ XVII в. и при Петрѣ В.

II. То же состояніе Руси по литературнымъ памятникамъ XVIII в.

III. Типическія черты творчества Жуковскаго и значеніе его въ литературѣ и жизни русскаго народа.

IV. Бѣглый взглядъ на рус. литер. до появленія на литературн. поприщѣ Гоголя.

V. Особенности творчества Гоголя и значеніе его литературной дѣятельности. Пушкинъ и Гоголь положили начало оригинальной русской литературѣ.

VI. Никитинъ шелъ по пути, указанному Пушкинымъ и Гоголемъ. Умственный и нравственный кругозоръ Никитина. Особенности его творчества и главнѣйшіе мотивы его поэзіи.

Заключеніе. Одною изъ самыхъ серьёзныхъ задачъ учащихся должно быть разумное изученіе литературныхъ произведеній, въ которыхъ хранятся великіе завѣты писателей потомству.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

9.

Бракъ. Значеніе показаній свадебныхъ пѣсенъ.

Всѣ разсмотрѣнные нами виды чувства могли возникать и развиваться совершенно самостоятельно, но ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить о самостоятельности молодыхъ людей въ вопросѣ брачномъ: это не былъ вопросъ чувства, а вопросъ прежде всего экономическій, связанный съ матеріальными интересами, затрогивавшими всѣхъ членовъ рода. Естественно было придать браку возможно бо́льшую огласку и обезпечить его юридически. Съ способами заключенія брака въ древности знакомитъ насъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ. Указаніямъ этихъ пѣсенъ мы должны отдать даже особенное преимущество и признать за ними степень наибольшей исторической давности, хотя и предполагаютъ, что самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ свадебныхъ пѣсенъ не старѣе XVII в. (Терещенко. „Бытъ рус. народа“, II, 111). Дѣло въ томъ, что это пѣсни обрядовыя. Какъ ни мѣнялась и ихъ форма съ теченіемъ времени, какъ ни подновлялся ихъ языкъ, но давности ихъ содержанія мы можемъ довѣрять въ гораздо большей степени, чѣмъ въ обыкновенныхъ лирическихъ пѣсняхъ. Произволъ пѣвцовъ, которые сознательно или безсознательно, подъ влія-

*) Продолж. См. в.в. IV—VI за 1900 г., I—III, IV—V, VI за 1901 г. и I 1092 г.

ніемъ охватывающаго ихъ поэтическаго настроенія, вводятъ разныя варіаціи въ распѣваемую ими пѣсню, въ пѣсняхъ обрядовыхъ въ значительной степени сковывается тѣмъ значеніемъ, которое эта пѣсня имѣетъ: она распѣвается только въ извѣстныхъ случаяхъ жизни, при извѣстной обстановкѣ, къ которой она приноровлена; возникла она несомнѣнно въ глубокой древности и имѣла первоначально сакраментальное значеніе; торжественность свадебнаго ритуала долгое время сохраняла её отъ порчи; строго соотвѣтствовавшая первоначальному обряду, она сопровождалась извѣстными дѣйствіями, что сообщало ей живой драматическій характеръ; подобная пѣсня, сопровождаемая дѣйствіями, конечно, должна была удержаться въ памяти крѣпче, чѣмъ слова, описывающія какое-нибудь личное, часто мимолетное чувство. „Народную свадьбу", говоритъ А. Н. Веселовскій: „не разъ называли драмою; я предпочелъ бы названіе сводной мистеріи: это накопленіе хоровыхъ мимическихъ дѣйствій, отвѣчающихъ тому или другому моменту одного связнаго цѣлаго" („Ж. М. Н. Пр." 1899 г., кн. 3, 97). „Обычай есть ничто иное, какъ реализиривaнныя мысли и воззрѣнія народа; между послѣдними и первымъ существуетъ и неизбѣжно должна существовать связь", говоритъ г. Горожанскій, разбирая причитанія сѣвер. края („Русс. Фил. Вѣст.", 85 г., 231). Важнымъ ручательствомъ за древность бытовыхъ свадебныхъ пѣсенъ является большое сходство, которое онѣ имѣютъ у разныхъ славянскихъ народностей (Сумцовъ, „О свадебныхъ обрядахъ, преимущ. русскихъ", 174). И по сю пору въ свадебныхъ обрядахъ уцѣлѣли дѣйствія, имѣющія связь съ древними миѳологическими вѣрованіями. Многіе годы, по словамъ пр. Сумцова, должны были пройти прежде чѣмъ обыкновеніе выливать чарку водки черезъ голову на землю изъ чисто религіознаго сдѣлалось исключительно бытовымъ (ibid. 151). То же самое, конечно, слѣдуетъ ска-

зать и о всѣхъ прочихъ подробностяхъ свадебнаго ритуала. Съ теченіемъ времени вырабатывались, конечно, кое-какія видоизмѣненія въ самыхъ обрядахъ. То, что прежде было чертою живой дѣйствительности, что было наглядно и ясно для каждаго, то постепенно обращалось въ символъ, сперва понятный, а потомъ и темный. Истинный смыслъ нѣкоторыхъ изъ этихъ символовъ болѣе и болѣе забывался и въ наше время уцѣлѣлъ уже какъ простое переживаніе.

10.

Воля старшихъ имѣетъ рѣшительное значеніе въ брачномъ вопросѣ.

По этимъ свадебнымъ пѣснямъ замужество дѣвушки никогда не зависитъ отъ ея выбора. Въ нихъ невѣста всегда является лицомъ пассивнымъ, судьба ея рѣшается батюшкой, матушкой и проч. родными. И совершенно неосновательно поклонники древне-русской жизни, видящіе въ ней какой-то золотой вѣкъ для женщины, предполагаютъ, что „въ естественномъ состояніи браки всегда подготовлялись сердечными связями“, и только вліянію татарщины и крѣпостного права приписываютъ то обстоятельство, что теперь браки крестьянскіе устраиваются иногда довольно насильственнымъ образомъ (Н. Соловьевъ... „Искусство и Жизнь“ III, стр. 143). Мы видѣли уже, что множество любовныхъ пѣсенъ говорятъ о довольно свободныхъ отношеніяхъ между молодыми людьми обоего пола, и дѣвушка въ нихъ представляется лицомъ, по своей охотѣ избирающимъ себѣ того или другого милаго. Но это можно принимать только съ значительными ограниченіями. Во-1-хъ, намъ кажется, что здѣсь говорится о дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ низшимъ

общественныхъ состояніямъ: дочери родителей достаточныхъ даже и въ болѣе древнее время испытывали на себѣ всѣ прелести терема, дочери родителей бѣдныхъ—относительно свободны. Кромѣ того, надо помнить, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ рисуются психологическія отношенія только двухъ лицъ, говорится о сердечномъ влеченіи ихъ другъ къ другу, которое безъ сомнѣнія во всѣ вѣка было свободно. Что же касается до тѣхъ послѣдствій, къ которымъ ихъ приводило это сердечное влеченіе, эта свободно зарождавшаяся въ нихъ любовь, то въ самыхъ разобранныхъ пѣсняхъ почти нѣтъ указаній на то, чтобы результатомъ ея былъ непремѣнно бракъ. Совершенно наоборотъ. Надо полагать, что именно вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія родительскаго авторитета, вслѣдствіе права вмѣшательства въ брачный вопросъ и остальныхъ членовъ рода,—вмѣшательства неизбѣжнаго потому, что переговорами о калымѣ и о приданомъ затрогивались общіе матеріальные интересы цѣлой группы, та взаимная привязанность, которая возникала между молодыми людьми, очень рѣдко могла совпадать со всѣми этими столь разнообразными интересами. Гораздо чаще дѣло оканчивалось мимолетными связями, заходившими болѣе или менѣе далеко,—связями, на которыя родители, благодаря невыработанности тогдашней морали, могли смотрѣть сквозь пальцы, или которыя поддерживались безъ ихъ вѣдома, потихоньку (Шеинъ, 378, 401—403, 454, 471, 472, 529, 535, 539, 542 543, 562—564, 575—577, 589, 644, 646, 683, 1166; Соболевскій, II, № 42 и многіе др.). Но есть отцы и матери, которые держатъ свою дочь въ строгости: красна дѣвица сидитъ, отца съ матерью бранитъ: „Что за отецъ, да что за мать, не даютъ волю гулять?“ (Ш. 781). „У меня ли грозенъ батюшка, погрознѣе того матушка:—не пущаетъ на улицу гулять“ (Соболев., II, №№ 45—49, 69, 72—82). Бываетъ, что за любовь къ

холостому молодчику дѣвушкѣ приходится принять такіе побои, отъ которыхъ ей три недѣли не можется (Ш., 802, 1218; Собол., II, № 62—67). Разгнѣванный на обезславившую его дочь отецъ строитъ ей темницу безъ окошекъ или же снимаетъ съ нея цвѣтное платье, надѣваетъ платье черное, сгоняетъ съ двора долой. Матушка, узнавшая про легкомысленное поведеніе дочери, въ наказаніе заставляетъ её усиленно работать (Соболев., II, № 94—102, 195). Итакъ, вотъ примѣры, показывающіе, какимъ ограниченіямъ въ дѣйствительности подвергалась свобода личнаго чувства въ древней Руси. Когда же поднимался вопросъ о бракѣ, объ этой свободѣ и рѣчи не было. Примѣровъ въ нашей народной поэзіи не оберешься. На приглашеніе молодого перевозчика выйти за него замужъ дѣвушка отвѣчаетъ: „въ этомъ воля не моя, воля батюшкина, воля матушкина“ (Соболев., II, № 205—210, 214—216, 243).

„Запоручалъ меня родимый
За поруки крѣпки,
Запоручалъ меня горькую
Батюшка-то родной!
Ты торгомъ торговалъ
Моей волнистой косой“.

Добрый молодецъ, желая получить невѣсту, бьетъ челомъ батюшкѣ, кланяется матушкѣ, выпрошаючи у нихъ дѣвушку (Терещенко, „Б. Р. Н.“, II, 168, 169).

„Я не знала, молода,
Какъ просватана была:
Я узнала, молода:
Пріѣхали сватовья.
Сватовья на дворѣ,
Женихи-то въ теремѣ,
Какъ взяли молоду
За правую за руку,

Повели меня, младу,
Ко вѣнчаньицу".

(Ш., 607). У невѣстушки невзгодушка знобитъ сердечушко: отца-батюшки приказаньице, родной матушки повеленьице (Терещ., II, 211, 220).

11.

Слѣды древнихъ формъ браковъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Для насъ представляется въ высшей степени цѣннымъ тотъ взглядъ на послѣдовательную эволюцію брака у славянъ, который высказалъ пр. Н. Ѳ. Сумцовъ на основаніи пристальнаго изученія брачныхъ обрядовъ; въ немъ мы находимъ подтвержденіе мыслей Кавелина о трехъ ступеняхъ въ развитіи брака: умычки, купли невѣсты и брака съ приданымъ за невѣстой отъ ея родителей, при чемъ послѣднее не исключало вѣна со стороны жениха. Всѣ три формы брака существовали у славянъ бокъ о бокъ („О свадебн. обычаяхъ", 32—34). На древнее похищеніе женщинъ указываетъ множество мѣстъ въ свадебныхъ пѣсняхъ. Гости поютъ, прохлаждаются, храбрымъ поступкомъ похваляются. Подлѣ невѣсты за столъ сажаютъ стражу, чтобы она не ушла. „Ужъ мы вѣдь тебя не въ полонъ дадимъ", утѣшаютъ невѣсту.—„Ужъ вѣдь мы тебя замужъ выдадимъ" (Терещенко, „Б. Р. Н.", II, 185, 188, 212, 217, 453). За женщину происходила борьба съ нападающими у ея собственнаго рода, и вотъ отголоски этой борьбы до сихъ поръ слышатся въ нашихъ пѣсняхъ: „Быть саду да полоненному, всему роду да покоренному". Поѣзжане жениха пріѣзжаютъ „съ боемъ да со грабежомъ, ограбятъ батюшку, полонятъ матушку, повезутъ меня, молоду" (ibid.,

219, 254). Женихъ — лихой наѣздникъ, погубитель, отъ котораго невѣста умоляетъ подругъ схоронить ее (ibid., 267, 272, 326, 343, 581). Въ Щигровскомъ уѣздѣ жениха и теперь называютъ „молодой князь, войничекъ, разбойничекъ“ (Халанскій, „Свѣдѣнія и замѣтки о говорѣ“, „Р. Ф. В.“, 1886 г., № 12 и 15, 229). Родители женятъ сыновей „съ борзыхъ коней“, дочерей выдаютъ „съ высока терема“ (Терещ. VII, 54). Въ малорусскихъ пѣсняхъ женихъ — ворогъ. Нелестныя наименованія жениха и его поѣзда: „татары, литва“, говорятъ также о враждебномъ настроеніи къ нихъ невѣсты. Представленіе бояръ жениха врагами и именно Литвою, по мнѣнію Потебни, могло войти въ пѣсни наши еще задолго до того времени, когда южная Русь вошла въ составъ Литовскаго княжества; на основаніи пословицы: „къ людямъ Богородица, а къ намъ все Литва“, онъ полагалъ, что дѣло идетъ о „поганой“, еще языческой Литвѣ („Русс. Фил. Вѣст.“ 1885 г., 280). Тотъ же ученый полемизировалъ съ пр. Сумцовымъ, принимающимъ всѣ указанія народныхъ пѣсенъ на насильственный захватъ невѣсты за черты вполнѣ бытовыя, и предполагалъ, что во времена лѣтописца насильственнаго добыванія женъ уже не было, а что отдѣльные, рѣдкіе случаи насилія не могли повести къ созданію идеала воина, которымъ величали каждаго жениха („Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ, Р. Ф. В.“, 86 г., 652—659). Конечно, въ высшей степени трудно установить точно хронологическую черту для опредѣленія времени возникновенія или исчезновенія какого-нибудь народнаго обычая, но намъ кажется, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ не объ отвлеченной теоріи, а о реальномъ жизненномъ фактѣ, предпочтительнѣе брать самыя простыя объясненія, и именно мнѣніе пр. Сумцова о бытовомъ происхожденіи всѣхъ названныхъ указаній народныхъ пѣсенъ и отличается наибо́льшею простотою. Что же касается во-

проса о времени превращенія умычки, то первыя страницы лѣтописей, описывая событія въ княжеской семьѣ, даютъ основаніе предполагать, что насильственный захватъ женщинъ, по крайней мѣрѣ какъ военной добычи, даже и у полянъ еще не совершенно исчезъ, а у другихъ племенъ, болѣе отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и ютившихся среди лѣсовъ, онъ безъ сомнѣнія процвѣталъ въ полной силѣ еще долгое время *).

Но постепенно перешли къ добыванію женъ мирнымъ путемъ, и умычка уступила мѣсто покупкѣ женъ, просуществовавъ, впрочемъ, нѣсколько времени рядомъ съ нею. О чемъ, какъ не о самой форменной торговлѣ дѣвушками свидѣтельствуетъ хороводная игровая пѣсня:

„Какъ у насъ на Руси дѣвки дороги:
Перва дѣвка во сто рублей,
Друга дѣвка во тысячу,
А третьей дѣвицѣ цѣны нѣтути!"

(Шейнъ, 377; Соболев. I, №№ 472—479). Хороводныя игровыя пѣсни о сѣяньѣ проса еще глубже захватываютъ въ древность: онѣ драматически воспроизводятъ стремленіе первобытныхъ мужчинъ захватить себѣ женщину насиліемъ и постепенную замѣну вытекающей отсюда формы брака мирными переговорами о настоящей продажѣ дѣвушки одного рода другому за извѣстное вознагражденіе. Тутъ, какъ указано Потебнею, древенъ и припѣвъ: „дидъ ладо", и описаніе самыхъ первобытныхъ способовъ земледѣлія: „а мы чищу чистили",—прежде чѣмъ обратить её подъ пашню, и сортъ засѣваемыхъ на ней злаковъ—просо, и, наконецъ,

*) По словамъ Боплана кража невѣстъ практиковалась въ Украйнѣ въ XVII в. Въ южно-славянскихъ земляхъ отмица (умычка невѣстъ) держалась и въ XIX ст., несмотря на то, что законъ грозилъ за это висѣлицей.

глубоко архаичны столкновенія двухъ сторонъ изъ женщинъ, сперва враждебныя, а потомъ принимающія болѣе и болѣе мирный характеръ (Шеинъ, 382—385; также изъ обрядовыхъ праздничныхъ, распѣваемыхъ на игрищахъ, 1058, 1207, 1221, 1222). Есть и указанія на тотъ не менѣе первобытный способъ уплаты калыма, который и у насъ при господствѣ натуральнаго хозяйства былъ, вѣроятно, довольно употребителенъ и который упоминается еще въ библіи при сватовствѣ Іакова за дочерей Лавана: уплата родителямъ невѣсты со стороны жениха личною на нихъ работою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; среди нашихъ сибирскихъ инородцевъ этотъ обычай держится и по сіе время („На Каменномъ Мысу". „Вѣстн. Евр." 1899 г., кн. VI). У насъ поется:

„Ты, раздушенька—холопъ,
Поживи со мной годовъ!
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою." (Шеинъ, 434—436).

При господствѣ родового строя въ брачномъ вопросѣ принималъ участіе весь родъ жениха и невѣсты. Съ постепеннымъ (у насъ въ Россіи крайне медленнымъ) ослабленіемъ родовыхъ связей это участіе отдаленныхъ родственниковъ болѣе и болѣе отодвигается назадъ, а центръ тяжести въ рѣшеніи дѣла переносится на главу семьи въ нашемъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Въ изысканіяхъ пр. Н. Ѳ. Сумцова мы находимъ дальнѣйшія подтвержденія тѣхъ мнѣній среди послѣдователей теоріи родового быта, по которымъ утверждалось, что отдѣльная личность совершенно терялась въ родѣ, подчинялась родоначальнику, какъ общепризнанному главѣ, власть котораго однако съ другой стороны, въ вопросахъ экономическаго свойства, ограничивалась общимъ совѣтомъ родичей. По словамъ этого ученаго, брач-

ными обрядами и пѣснями вполнѣ подтверждается участіе въ продажѣ невѣсты всего ея рода, также и то обстоятельство, что покупателемъ являлся не столько самъ женихъ, сколько его родъ. Дѣвушку отдаютъ по батюшкиному хлѣбу-соли, по матушкиному благословенью, по сестрицыну повелѣнью, по брателкиному приказанью; сватъ кланяется и отцу, и всей семьѣ, и всей роднѣ (Шеинъ, 398, 578—581, 1163; Соболевскій, II, № 181—186). И теперь въ крестьянствѣ свадьбы откладываются на нѣсколько дней, чтобы лучше обдумать и не обидѣть своихъ родственниковъ, не спрося у нихъ хоть изъ приличія ихъ совѣта (Терещенко, II, 143). По мнѣнію пр. Сумцова большое количество малороссійскихъ сватовъ есть остатокъ того времени, когда они посылались отъ цѣлаго рода; обыкновеніе же избирать именно двухъ сватовъ возникло съ тѣхъ поръ, когда въ брачномъ вопросѣ выступили на первый планъ именно родители жениха („О свадеб. обряд.", 24). Участіе рода въ продажѣ невѣсты этотъ изслѣдователь усматриваетъ въ слѣдующихъ моментахъ свадебныхъ славянскихъ обрядовъ: въ созывѣ на сговоръ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, въ торжественномъ оповѣщеніи жителей того села или города, гдѣ живетъ невѣста, въ поклонахъ невѣсты всѣмъ встрѣчнымъ, въ потчеваніи виномъ всѣхъ проходящихъ мимо дома невѣсты, въ приготовленіи свадебнаго обѣда или одного короваи на приношенія всѣхъ гостей, въ загораживанѣ дороги поѣзду невѣсты... и въ куничномъ („О свадеб. обр.", 21). Мы сюда же отнесемъ еще подарки невѣстѣ отъ ея родныхъ (Терещенко, II, 325), которые, по всей вѣроятности, являются пережиткомъ того времени, когда всѣ члены рода принимали участіе въ приданомъ для одной изъ своихъ женщинъ. Но въ древней Россіи даже и глава семьи уже послѣ паденія родового строя не былъ все-таки абсолютно свободенъ въ бракѣ своихъ дѣтей: онъ связанъ былъ

разными общественными условіями, міромъ, приходомъ, въ которому принадлежалъ; властью князя помѣщика, на землѣ котораго жилъ; а потомъ, съ установленіемъ крѣпостного права, эта послѣдняя власть приняла уже совершенно безапелляціонный характеръ. Но все это множество связей возникало и развивалось постепенно, историческимъ путемъ, замѣнивши болѣе древнія и болѣе примитивныя связи родового быта, господствовавшаго раньше. Съ принятіемъ христіанства, когда освященіе брака перешло въ руки духовенства, разныя пошлины съ брачущимися стали важною статьею дохода для духовныхъ. Епископъ получалъ плату за „вѣнечную память“, священникъ съ причтомъ—за совершеніе обряда; платилось и епископскимъ чиновникамъ: такъ, владычній десятникъ получалъ убрусъ, сперва натурою, а потомъ вмѣсто него—3 деньги; кромѣ того, если невѣста выходила въ чужую волость, то волостелю платилась выводная куница въ размѣрѣ двухъ алтынъ, а если она оставалась въ своей волости, то онъ получалъ только одинъ алтынъ *). На мѣропріятіи Ольги, которая „отрѣши княжее“ и замѣнила его платою по чернѣ кунѣ въ пользу князя и боярина,

*) Потебня признаетъ неправильнымъ отождествленіе свадебной куницы съ куницею въ смыслѣ размѣнной цѣнности. Онъ говоритъ, что первое слово встрѣчается только съ такимъ суффиксомъ и ведетъ свое начало не отъ куна, куны въ смыслѣ размѣнной цѣнности, а отъ спеціальнаго значенія куница, шкурка mustelae, какъ плата тестю или всему роду. . Между куницей и выкупаемой на неё дѣвицей до сихъ поръ чувствуется связь сходства: куница—плата за дѣвицу потому, что дѣвица=куница... «Куница» тестю есть форма болѣе древняя, чѣмъ куница князю (княжее) и его посадникамъ, затѣмъ пану, попу. («Обзоръ поэтич. мотивовъ». «Русс. Фил. Вѣст.» 1888, 355—357).

взимаемой съ жениха, какъ о мѣрѣ, упоминаемой однимъ Татищевымъ и до сихъ поръ представляющей спорный вопросъ въ наукѣ, мы останавливаться не будемъ. Въ вышедшемъ томѣ сборника Шеина есть только пѣсня, насмѣшливо разсказывающая о необходимости удовлетворять разнымъ поборамъ духовенства, требовавшаго всегда своей части при брачныхъ расходахъ:

„Попу-то—куницу,
Дьякону—лисицу,
Дьячку-то бѣдному,
Бѣлу горностайку,
Пономарю-то горюну,
Хоть сѣраго зайку,
Просвирнѣ, горюшѣ,
Хоть заячьи уши,
Чтобъ они не мѣшали,
Съ дѣвкой обвѣнчали" (Ш., 590).

Интересна также одна изъ пѣсенъ, приводимыхъ Терещенко: невѣсту берутъ „по Божьему повелѣнью, по царскому уложенью, по господскому приказанью, по **мирскому** приговору" („Б. Р. Н.", II, 186). Послѣднія слова указываютъ на наиболѣе древній строй отношеній, а предыдущія на развившіяся позднѣе царскую власть и крѣпостное право.

12.

При господствѣ экзогаміи дѣвушку выдавали замужъ далеко; нерѣдокъ полный разрывъ съ собственною семьею.

Дѣвушку выдавали замужъ обыкновенно далеко. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что князья отдавали своихъ дочерей за владѣльцевъ очень отдаленныхъ удѣловъ.

Интересно свидѣтельство Татищева, что князь Всеволодъ Константиновичъ, съ разрѣшенія своего дяди Юрія Всеволодовича, посѣщаетъ князей смоленскихъ, черниговскихъ и другихъ для того, чтобы самому выбрать невѣсту, какая понравится (Татищевъ, III, 447). Члены княжескаго рода были, конечно, поставлены въ исключительныя условія при выборѣ себѣ невѣсты, которая была бы имъ ровнею; но несомнѣнныя свидѣтельства народной поэзіи указываютъ намъ, что и дѣвушки изъ народа испытывали такую же участь, какъ и княжны, что и имъ приходилось совсѣмъ отрываться отъ родимой семьи и часто порывать всѣ связи съ нею, уже по причинѣ отдаленности отъ прежняго мѣста жительства. Такъ, конечно, и должно было быть при существованіи у славянъ экзогаміи. Въ древнѣйшее время разбойническіе набѣги для добыванія невѣсты обязательно было предпринимать подальше отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были населены членами того же рода. Нападенія эти, чтобы быть удачными, должны были быть неожиданными, направляться въ ту сторону, откуда никакъ не могли ожидать появленія нежданыхъ гостей, чтобы не успѣли сдѣлать приготовленій къ защитѣ отъ нихъ. Позднѣе, когда отъ умычки перешли къ болѣе мирнымъ способамъ пріобрѣтенія женщинъ, брачныя связи продолжали заключаться тоже на сторонѣ. Въ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ обыкновенно изображается пріѣзжающимъ издалека: онъ ожидаетъ возвращенія дружки въ чистомъ полѣ, за темными лѣсами, за зелеными лугами и быстрыми рѣками; тамъ онъ подъ шатромъ полотнянымъ гуляетъ со своею дружиною (Терещ., „Б. Р. Н.“, II, 189—190. См. также Соболевскаго, II, № 260, 261). Въ свадебныхъ причитаніяхъ онъ называется „чужимъ чужаниномъ“. Свату приходится итти не путемъ-дороженькой, а по заячьимъ тропочкамъ, по собачьимъ лазеечкамъ, полями по запольицамъ, деревнями по задворьицамъ; при этомъ онъ

истаптываетъ трое лаптей (Терещенко, II, 234). Очевидно, его обязанность нелегкая, и надо употребить много хитрости, прежде чѣмъ уговорить членовъ какого-нибудь рода выдать дѣвушку. Невѣсту снаряжаютъ „на чужу сторону, какъ во темный лѣсъ, во чужу семью незнамую, незнакомую“ (Терещ., II, 325; на это же указываютъ и переговоры малороссійскихъ сватовъ, ibid., 491). Обычай присаживаться передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, по словамъ пр. Сумцова, указываетъ на то отдаленное время славянской жизни, когда малочисленное населеніе было разбросано на большомъ пространствѣ, и выданной замужъ дѣвушкѣ приходилось далеко ѣхать. Отсюда необходимость временнаго отдыха передъ отправленіемъ молодой въ домъ мужа („О свадеб. обр.“, 30). По словамъ Потебни, Михалушка, „препышный стрѣлецъ“, ѣдетъ жениться въ такую сторону, гдѣ не будетъ ему ни проходу, ни проѣзду, какъ говорится въ одной пѣснѣ, кажется, весьма древняго происхожденія, по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать упоминаніе о сизомъ орлѣ, о лани, о стрѣльцѣ (отзвуки давняго звѣроловнаго быта), о помощи, оказываемой животными человѣку—остатокъ очень древняго наивнаго воззрѣнія на міръ, когда человѣкъ жилъ еще въ большой близости къ природѣ и смотрѣлъ на нее наивно-робкимъ, почтительнымъ взоромъ *) (Шеинъ, 1191). По словамъ Потебни, въ малорусскихъ свадебныхъ и другихъ пѣсняхъ остались многочисленные слѣды того представленія, что именно невѣста въ ожиданіи жениха мостить мосты, гатитъ гати, кладетъ кладки. Отсюда эти образы перехо-

*) Объ этомъ мотивѣ смотри у Потебни, «Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ», «Р. Ф. В.», 1885 г., 273, 319—357; о глубокой древности свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются олень, соколъ, пава и щука см. у Сумцова, «О свадеб. обрядахъ», 171—174).

дятъ къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще („*Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ*", 132). Для насъ здѣсь важно неизбѣжно повсюду входящее представленіе о томъ, что женихъ непремѣнно долженъ пріѣхать издалека, отдѣленный отъ своей суженой огромнымъ разстояніемъ по самымъ неудобнымъ путямъ сообщенія. Далѣе, роль невѣсты при прокладываніи ему дороги должна уже пониматься аллегорически: отъ нея будетъ зависѣть установить добрыя родственныя связи между своими и мужниными родными. Мощенье мостовъ—обыкновенный символъ въ свадебныхъ пѣсняхъ. Потебня толкуетъ эпитетъ моста „калиновъ" такимъ образомъ: это мостъ дѣвства,—мостъ, ведущій къ браку, калина же—дѣвица; къ образамъ брака относится и перевозъ невѣсты черезъ рѣку, перенесеніе ея соколомъ.

Но женщина, отданная въ чужой родъ, не всегда въ силахъ подѣйствовать примиряющимъ образомъ на отношенія между своими кровными родственниками и вновь пріобрѣтенными. Мужчина отнималъ, покупалъ или другимъ способомъ пріобрѣталъ нужную ему женщину изъ чужого рода, потому что въ силу принципа экзогаміи обязанъ былъ искать её на сторонѣ, но изъ этого еще не слѣдовало, чтобы между нимъ и введенною въ его домъ женщиной устанавливалась какая-нибудь нравственная связь, чтобы она стала близка ему духовно, чтобы и ему стало близко то, что ей было дорого. Во многихъ пѣсняхъ поется о полной враждебности мужа къ жениной роднѣ. Когда къ женѣ пріѣзжаютъ два родные брата навѣстить её, она думаетъ, что теперь именно очень удобный моментъ для пріема гостей, такъ какъ свекра нѣтъ дома, свекровь на пирушкѣ, деверья на охотѣ, невѣстки въ гостяхъ, золовушки въ бесѣдѣ, но все-таки ей нужно доложиться мужу, справиться у милаго лады, и слышитъ она рѣзкій и грубый отвѣтъ: „отойди прочь! жена,

мнѣ не мила, мнѣ родня твоя вся постыла". Только изъ окна бѣдная женщина можетъ сообщить братьямъ негостепріимный отвѣтъ мужа и переслать черезъ нихъ по поклону всему роду своему (Шеинъ, 836—839). Тамъ, гдѣ подобныхъ препятствій для свиданія женщины съ своими родственниками и не воздвигалось, свиданія эти приносили ей только мимолетное облегченіе и, пожалуй, еще больше вередили ея сердечныя раны. „А и ты, сестрица, горестница", говоритъ ей братъ на упрекъ, что онъ не заѣзжаетъ въ гости:

„Я пріѣду—а ты плачешь,
Я и поѣду—а ты возрыдаешь".

Правда, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ роли мѣняются: и братъ не принимаетъ къ себѣ сестру въ гости, потому что у него „свѣтелка маленька, и своя ли семейка",—дѣло въ томъ, что онъ въ этомъ случаѣ слушаетъ наущенія своей жены (Соболевскій, III, 222—224). Также грустно разставанье молодой женщины съ навѣстившей её матерью, которую она провожаетъ далече въ чисто поле (Шеинъ, 839, 1165; Соболев., II, 481—485). Дорогой гость-батюшка наѣзжаетъ рѣдко, не долго гостюетъ, одну ночку ночуетъ, да и ту протоскуетъ, глядя на тяжелое житье дочери (Соб., III, № 157—160). При разбросанности славянскихъ поселеній, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, дѣвушка, захваченная насильно или проданная въ чужой родъ, становилась дѣйствительно совершенно отрѣзаннымъ ломтемъ отъ собственной семьи. Она по три, по четыре года, а то и больше не видится ни съ кѣмъ изъ своихъ. Ѣхать въ гости къ матери ей придется черезъ три поля широкія, черезъ три луга зеленые, черезъ три рѣчки широкія; отъ такого дальняго пути „тѣлежоночка разломилася, кобылёночка заморилася, и сама она ѣхала—не доѣхала" (Ш. 841, 842). Дѣвушку отдаютъ „за лѣсъ далеко", провожаютъ „до синя моря",

„во чужую дальню сторону, незнакомую“ (Шеинъ, 847, 851). Заброшенная такъ далеко на чужбину, оторванная отъ всего, что ей дорого и близко,—безо всякой защиты предоставленная на жертву подозрительнымъ, а то даже и открыто враждебнымъ отношеніямъ мужниной родни, молодая женщина находитъ единственное утѣшеніе въ мечтахъ о возможномъ свиданіи со своею собственною родною семьею. Но какъ трудно на самомъ дѣлѣ осуществленіе этой мечты! Мысленно оборачивается она вольною пташечкой; за три года стосковавшися, проситъ она „горе — бѣдная“ у ласточки крыльевъ, у соловушки голосочку, у кукушечки „жалобочку“ и собирается летѣть на свою родимую сторонку. Родные не узнаютъ тамъ несчастную женщину, превратившуюся такимъ образомъ „въ ласточку косатую, перепелочку крылатую“. Одинъ братъ хочетъ её застрѣлить, другой спугнуть; ихъ останавливаютъ—то отецъ, то мать, то меньшой братъ, которые узнаютъ её: „Не наша ли, горькая, съ чужой стороны?“ Мать удивляется жалобнымъ пѣснямъ косатушки:

„Гдѣ ты, мое дитятко, причеты взяла,
Гдѣ ты, мое милое, научилася?
Научила, матушка, чужая сторона:
На осинѣ листвице безъ вѣтру шумитъ,—
Чужая сторонушка дѣвицу сушитъ;
Чужой ли отецъ и мать безъ вины бранятъ,
Чужой ли отецкій сынъ зубами скрежетъ,
На меня молодешеньку кулачки зажметъ“ (Ш., 849).

Родная семья, обрадованная появленіемъ нежданной гостьи, приглашаетъ её въ высокъ теремъ: „Ты пойди, пойди, сестрица! свое горе разскажи, наше разспроси“ (Шеинъ, 841—853, Терещенко, II, 381; Соболевскій, III, №№ 19—35, 39—40, 47—56). Очень часто забитой и загнанной на чужой сторонѣ женщинѣ приходилось до-

вольствоваться только такими мечтами: помимо и безъ того большихъ трудностей свидѣться съ родными, живущими очень далеко, этимъ свиданіямъ препятствуетъ мужъ и его родня: на просьбу жены отпустить её погостить къ родному батюшкѣ и родной матушкѣ мужъ отвѣчаетъ:

„У насъ это въ дому не водится,
Упрося въ гости не просятся,
Твоему свекру это не понравится
И свекрови не полюбится“ (Шеинъ, 1159; Соболев. III, 11, 188—191). Простая жертва экономическихъ расчетовъ родителей, выданная при такихъ условіяхъ замужъ дѣвушка готова смотрѣть на свое замужество, только какъ на результатъ родительскаго гнѣва:

„Меня батюшка не любитъ,
Отдаетъ меня замужъ.
Зарекся мой батюшка
Вѣчно въ гости не бывати,
Въ глаза меня не принимати“.
„Отдаетъ меня батюшка далеча замужъ,
Государыня-матушка еще дальши таво;
Не велѣлъ мнѣ батюшка семь лѣтъ не бывать,
Государыня-матушка—хоть вѣкъ не видать“ (Шеинъ, 846, 848).

13.

Тяжелое положеніе молодой женщины въ новой семьѣ. На женщину смотрятъ, какъ на рабочую силу.

Если, какъ мы видѣли, и въ дѣвичествѣ женщина находится въ подчиненномъ положеніи и пользуется только иногда условною свободою, то съ выходомъ

замужъ она только мѣняетъ своихъ повелителей и большею частью къ собственной невыгодѣ. Мы видѣли, какъ ея дѣвическая зависимость неизбѣжно сглаживалась подъ смягчающимъ вліяніемъ кровной близости. Тутъ же нѣтъ ничего подобнаго. Вѣдь при патріархальныхъ порядкахъ вообще только чувство крови и можетъ смягчать людскія отношенія, и трудно ожидать молодой женщинѣ ласки и привѣта отъ человѣка, который её „не самъ породёмши, да не самъ вскормёмши“ (Шеинъ, 1183). Ея новая семья смотритъ на неё, какъ на новую рабочую силу, и по степени ея пригодности въ этомъ отношеніи дѣлаетъ ей и соотвѣтственную оцѣнку. Да хорошо еще, если подобная оцѣнка производится безпристрастно, если ея старанія угодить въ новой семьѣ всѣмъ и каждому достигаютъ своей цѣли. Въ эту семью она прямо рекомендуется мужемъ, какъ вѣковѣчная ключница, вѣковѣчная платьемойница для батюшки и матушки и вѣковѣчная жена для него самого (Сахаровъ, I, № 22). Самое вступленіе молодой женщины въ новое жилище не обѣщаетъ ей ничего хорошаго. Отдалъ дѣвушку батюшка „не въ малую семью, не въ согласную таку“. Члены новой семьи встрѣчаютъ её непривѣтливо, они предубѣждены противъ нея заранѣе; свекоръ говоритъ: „къ намъ медвѣдицу ведутъ“, свекровь называетъ её „лихой змѣей“, деверья—„непряхой“, золовки—„неткахой„, тётки—„нестряпкой“ (Шеинъ, 606; Соболевскій, II, №№ 586—599). Молодая невѣстка становится настоящею прислужницею старшихъ членовъ семьи: поперемѣнно то одинъ, то другой изъ нихъ зоветъ её къ себѣ то за тѣмъ, то за другимъ; она должна всюду поспѣть, чтобы всѣмъ угодить: „свекоръ кличетъ, работы пытая“; свекровь кличетъ за тѣмъ же, „золовушки кличутъ, да чесаться хочутъ,... деверьюшки кличутъ, да гуляти хочутъ“. Къ свекру она спѣшитъ съ мягкими калачами, съ сладкою сытою; къ свекрови съ бѣлымъ кужелеч-

комъ, къ золовкамъ съ частымъ гребешочкомъ, къ деверьямъ съ красною дѣвицей, съ веселою музыкой (Шеинъ, 450; Соболевскій, II, № 606, 607). Чтобы такимъ образомъ стать пріятною всѣмъ членамъ новой семьи, она должна обладать и физической силой, и большимъ запасомъ житейской мудрости, угодливости; должна глотать обиды молча, имѣть всегда ласковый, привѣтливый видъ. Благоразумная невѣстка должна быть „привыклива къ чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ живучи, чужимъ людямъ угождаючи". Ей нужно ранешенько вставать, подавать умываться свекру, подавать ему полотенце; для свекрови рано банюшку топить; деверя среди двора встрѣчать, коня у него принимать, напоить, накормить, въ конюшнѣ поставить; золовкѣ—дробно косушку плести, да при этомъ угодливо приговаривать, чтобы коса эта красовалася, а милый по ней стосковался и т. д. (Шеинъ, 832; Соболев., III, № 37). Въ глубинѣ души она все-таки сознаетъ, что она загнана, обижена; какъ она ни старается стать своею въ чужой семьѣ, но она понимаетъ, что

„Не быть ленку
Супротивъ тынку;
Не быть тестю
Противъ батюшки,
А свекровушкѣ
Противъ матушки" (Шеинъ, 1670; Соболевскій, II, №№ 578—585). Большая разница между жизнью у свекра, гдѣ поздненько поляжутъ, раненько возбудятъ, чтобы она принималась за работу, да еще и назовутъ „негожею", и жизнью у роднаго батюшки, гдѣ раненько поляжутъ, поздненько возбудятъ: „Уставай, дочушка, уставай, кукушка! Дѣвки молодушки на улицу вышли. Дѣвки гуляютъ и тебя гукаютъ" (Шеинъ, 1182). Но при условіи физической выносливости и нравственной покладливости жить еще можно.

Но бѣда организму слабому, не выносящему тяжелой

работы, которая усиленно наваливается именно на молодую невѣстку всѣми женщинами мужниной родни. Налагаютъ на неё работы непосильныя:

„Посылаетъ свекоръ молоду
Скрозь ночь темну по́ воду;
А я, молода, горюша,
Одна ночью боюся“ (Шеинъ, 1183).

Бѣда сердцу нѣжному, ищущему привязанности, которое никакимъ смиреніемъ, никакой покорностью не можетъ утишить глухой, часто совершенно безпричинной вражды, выражающейся тысячами способовъ, къ которымъ подаетъ поводъ совмѣстная жизнь съ ея неизбѣжными повседневными, мелкими, будничными столкновеніями. Эта вражда проявляется то тайными ковнями, то открытымъ глумленіемъ надъ несчастной молодой женщиной, а иногда переходитъ въ явное тиранство. Свекоръ по отношенію къ невѣсткѣ является грозливымъ, свекровь—воркотливой, деверь—насмѣшникомъ, золовка—смутьянкой (Шеинъ, 439). Ужасныя по своей какой-то тяжеловѣсной грубости сцены рисуются въ народныхъ пѣсняхъ: невѣстка жалуется своему брату, какъ её побилъ свекръ „не легкимъ, ни тяжелымъ дубовымъ полѣномъ по самымъ колѣнамъ“ (Шеинъ, 443). Или ковни стараго чорта свекра, старой чертовки свекрови и колотовокъ-золовокъ приводятъ къ тому, что у молодой женщины „русы косы всю ночь просвистѣли, осинова грядка всю ночь проскрипѣла“ (ibid., 442). Когда разгнѣванный мужъ принимается за суровую расправу съ молодою женою, и она ищетъ защиты у родныхъ мужа, то они не только не заступаются за неё, но еще и издѣваются надъ нею: „свекоръ-батюшка на печкѣ лежитъ... велитъ больше бить, велитъ кровь пролить; свекровь-матушка на печи лежитъ, какъ змѣя шипитъ, велитъ больше бить, велитъ кровь пролить“ (Шеинъ, 463; Соболевскій, II, №№ 524—528, 531—537;

также III, №№ 53—65). Возстановленіе сына противъ его жены является по преимуществу спеціальностью свекрови: „Накучу я, намучу сынку на любимую невѣстушку". Такой отвѣтъ сына на эти злыя внушенія матери, какъ въ слѣдующей пѣснѣ, является исключеніемъ: „Не бѣда вѣдь мнѣ жену свою учить, съ головы кожу до пятъ спустить, Да вѣдь съ ней-то мнѣ вѣкъ будетъ изжить" (Сахаровъ, I, № 18; Соболевскій, II, №№ 131, 545—550; III, 588, 589). Не разъ козни свекрови увѣнчивались успѣхомъ, и она разрушала добрыя отношенія между сыномъ и его женою; въ народной поэзіи она изображается иногда сама губящею невѣстку въ отсутствіе сына (Пѣсни о кн. Михайлѣ, Кирѣевскій, V, 68, 76; VII, 19, 25—29, 34—36; объ этомъ мотивѣ см. у И. Н. Жданова, „Русскій былевой эпосъ", 524—572). Всѣ эти условія жизни въ чужой семьѣ народная пѣсня резюмируетъ такъ: на вопросъ брата, каково на чужой сторонѣ, она отвѣчаетъ:

„Привези, братъ, возъ костра,
Да середь двора свали,
Ты костру запали,
На ней лягъ—полежи.
Каково будетъ тебѣ
Во полымѣ, во огнѣ,
Таково живется мнѣ
На чужой сторонѣ" (Шеинъ, 1186).

Отвѣтъ, какъ видимъ, весьма образный! „Тяжело мое уздыханье на чужой, дальней сторонкѣ, у чужова у батьки, у чужой у матки!" Тамъ протекаетъ рѣка слезовая; около нея лѣсочекъ, въ которомъ пташки, кукушки день и ночь кукуютъ, „а меня, молоду, усе прослезуютъ на чужой, дальней сторонкѣ" (ibid., 1169). Жизнь дѣвушки, отданной въ чужой родъ, сравнивается съ положеніемъ лебедушки, приставшей къ стаду сѣрыхъ гусей:

„Не успѣла лебедушка,
Не успѣла бѣлешенька
Къ сѣрымъ гусямъ пристать,—
Начали лебедушку
Гуси сѣрые щипать,
Бѣлешенькую клевать“.

Лебедушка молитъ о пощадѣ, говоритъ, что она не своею охотою къ нимъ залетала, а занесло её великою погодою. Также и невѣстка, приставшая ко чужому роду-племени,

„Не успѣла, свѣтъ, головушки оправить,
Началъ свекоръ батюшка журить,
А свекровь матушка бранить,
А свѣтъ княгиня-боярыня плакать
И родного батюшку кликать“.

Также встрѣчается сравненіе съ утушкой, отставшей отъ синя моря, отъ свѣжей воды и приставшей ко болотищу, ко мутной водѣ (Терещенко, II, 152, 220, 247, 338, 411 454).—И въ малорусской народной поэзіи тѣ же горькія жалобы на чужую семью, въ которую судьба забрасываетъ молодую женщину,—тотъ же страхъ передъ грознымъ свекромъ; и тамъ жизнь въ замужествѣ столь же счастливая, какъ и въ дѣвичествѣ, представляется исключеніемъ (Потебня. „Обзоръ поэтич. мотивовъ“. „Р. Ф. В.“ 1886 г., 635). Съ удивительнымъ единодушіемъ пѣсни велико-мало—и бѣлоруссовъ говорятъ о тяжеломъ положеніи невѣстки въ чужой семьѣ.

Нужно обладать, конечно, удивительною кротостью и громаднымъ запасомъ терпѣнья, чтобы въ теченіе долгихъ лѣтъ выносить проявленія открытой враждебности людей, съ которыми живешь вмѣстѣ; слышать воркотню свекрови, переносить помыканія золовокъ, насмѣшки братьевъ мужа и даже ощущать иногда на своемъ тѣлѣ грозу свекра и, несмотря на все это, не озлобиться. Ангельски

кроткіе характеры хотя и попадаются между людьми, но все-таки—какъ рѣдкость. Въ большинствѣ же случаевъ испытываемое насиліе вызываетъ въ человѣкѣ негодованіе. Если нѣтъ энергіи, чтобы выступить въ открытую борьбу, нѣтъ надежды одолѣть сильнѣйшаго противника, то въ душѣ гонимаго человѣка тѣмъ съ бо́льшею и бо́льшею силою разгорается чувство глухой непримиримой вражды противъ обидчика. Недобрыя чувства должны накопиться въ душѣ женщины, когда она знаетъ, что единственная надежда на ея освобожденіе отъ ежедневнаго домашняго ада относится къ тому времени, когда „свекоръ грозливый скоро въ землю пойдя“, деверь женится, а золовка—смутьянка сама пойдетъ замужъ (Шеинъ, 439—441). Надежда на освобожденіе отодвигается дальше,—пока надо еще терпѣть, продолжать приневоливать себя, терпѣть изъ страха или изъ своекорыстныхъ расчетовъ, потому что, хотя „свекровь воркотлива, но добра у ней много“. Очень часто это злобное отношеніе невѣстки выражается въ самыхъ нелестныхъ пожеланіяхъ по адресу мужниной родни съ самою грубою ироніею:

„У насъ дома не здорово:
Свекоръ съ печки свалился,
За корыто завалился,
Ветчиною подавился“...

„Когда бъ я это знала“, продолжаетъ дальше благожелательная сноха:

„Я бы выше подмостила,
Свекру голову сломила“.

И она же „за всю правду свекрову“ готова ему послать постелюшку мякохонькую:

„Все въ три ряда каменья,
На каменьяхъ-то кременья,
На кременьяхъ-то шипицу—колючую,
Чтобъ мягче спать,

Веселѣй вставать,
Чтобы болесть въ ногахъ,
Кумоха (лихорадка) въ головахъ:
Она бьетъ и трепетъ,
Ални взбрасываетъ" (Шеинъ, 608, 609; Соболевскій II, №№ 618, 619, 622). Иногда дѣло ограничивается только такими пожеланіями, потому что, если отъ мысли до слова недалеко, то между словомъ и дѣломъ лежитъ все-таки очень большой промежутокъ. Но въ иныхъ, болѣе энергичныхъ, натурахъ возможенъ переходъ къ открытому протесту: прямое ослушаніе воли старшихъ, не только неисполненіе приказаній, а умышленное ихъ искаженіе, порча на зло заданной работы. Когда на святкахъ всѣ дѣвки идутъ на улицу, а свекровь не пускаетъ туда своей снохи и заставляетъ её овинъ молотить, она готова пометать цѣпы въ печь и уйти на улицу. Когда при подобныхъ же обстоятельствахъ свекровь заставляетъ её натыкать красна вмѣсто того, чтобы итти на игрища съ подругами, невѣстка со зла рветъ красна, выламываетъ берды и идетъ туда же (Шеинъ, 1049—1051). Иногда гнѣвъ на стѣсненіе свободы не ограничивается такимъ все-таки нѣсколько пассивнымъ протестомъ, а „съ сердцовъ" сноха готова причинить и болѣе значительный матеріальный ущербъ свекру батюшкѣ лихому за то, что онъ „не пущаить её на горушки": она готова устроить ему три бѣды: подослать воровъ, чтобъ покрали коровъ,--людей, чтобъ покрали клѣтей, и куманей, чтобъ увели коней (Шеинъ, 1167; Соболевскій, II, №№ 615—617, 623). У самостоятельной, непокорной снохи свекрова гроза вызываетъ презрѣніе:

„Ужъ я свекрову грозу да въ узелочекъ завяжу,
Въ узелочекъ завяжу да въ уголочекъ положу,
Гдѣ-ка узолъ—отъ лежитъ, тутъ и уголъ—отъ дрожитъ"

(Шеинъ 1206; Соболевскій, II, №№ 543, 544). Если случалось, что женщина, отданная въ чужой родъ, проявляла большую силу характера, значительную умственную зрѣлость и ясность сужденія, что было, впрочемъ, рѣдкостью, такъ какъ обыкновенно дѣвушекъ отдавали замужъ очень молодыми *): то она пыталась хоть на первыхъ порахъ побороть путемъ убѣжденія то враждебное къ себѣ отношеніе, которое она замѣчала въ родныхъ мужа:

„А какъ я, молода,
Во смыслу замужъ шла.
Какъ я стала, молода,
Посередь избы,
Какъ я стала, молода,
Отговаривать:
Медвѣдихи, батюшка,
Во темныхъ во лѣсахъ;
Щеголиха, матушка,
Что попова попадья;
Расточиха, деверекъ,
Большая сноха;
Щекотуха, матушка,
Сорока на дворѣ“ (Шеинъ, 607, 608).

Но такъ смѣло „отговаривать далеко умѣла не всякая, когда новая родня согласнымъ хоромъ привѣтствовала её названіями „медвѣдицы, щеголихи, расточихи и сороки“.

Подневольное положеніе дѣвушки въ брачномъ вопросѣ очень картинно изображается въ пѣснѣ о гнилой соломѣ и маковомъ цвѣтѣ:

---

*) «Спородивъ, родимая
Невѣстой назвала;
Не собравшись съ умомъ-разумомъ,
Замужъ отдала».

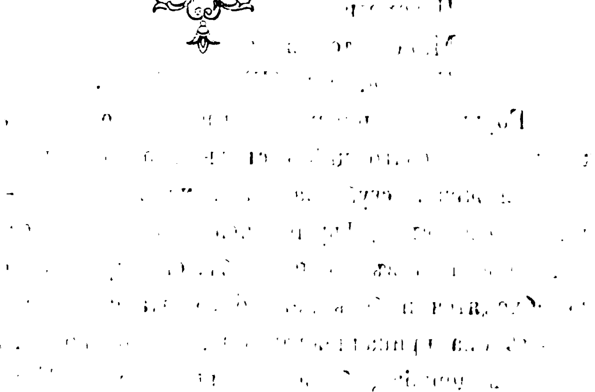
„Гнилая-то солома
По загуменью лежитъ,
Маковъ-то цвѣтъ
Въ огородѣ цвѣлъ.
Гнилая-то солома
Пошла свататься,
Маковъ-то цвѣтъ
Пошелъ прятаться.
Гнилая-то солома
Сосваталася,
Маковъ-то цвѣтъ
Спрятался.
Гнилая-то солома
Вѣнчаться пошла,
Маковъ-то цвѣтъ
За ней во слѣдъ.
Гнилая-то солома
Лежитъ да трещитъ,
Маковъ-то цвѣтъ
Стоитъ да дрожитъ.
Гнилая-то солома
Поворотится,
Маковъ-то цвѣтъ
Поклонится“ (Шеинъ, 376).

Горькимъ сарказмомъ дышитъ это сопоставленіе прекраснаго маковаго цвѣта съ гнилою соломою. Молодая прекрасная жизнь сгублена, какъ жертва чьихъ-то постороннихъ расчетовъ. Дѣвушка испугана возможностью предстоящей перемѣны въ своей судьбѣ, она прячется отъ немилаго, но обходятся и безъ нея её сосватали въ ея отсутствіе, и отнынѣ она принадлежитъ ему. Безвольно слѣдуетъ она за нимъ въ церковь, безвольно идетъ домой. Новая и тяжелая жизнь ждетъ её за порогомъ ея новаго жилища. Мужъ те-

перь ея законный повелитель: передъ нимъ красавица стоитъ да дрожитъ, онъ командуетъ, нахально развалившись, а она должна ему только кланяться. Эта коротенькая пѣсенка отличается значительными поэтическими достоинствами: въ ней до конца строго выдержано одно и то же настроеніе; дѣйствіе развивается быстро, но съ правильною постепенностью, безъ скочковъ; съ самаго начала слушателя поражаетъ это рѣзкое противопоставленіе юности, цвѣтущей красотою, и поблеклою, надломленной годами, а, можетъ-быть, и пороками жизнью, которымъ вдругъ по капризу судьбы приходится соединиться навѣки. Тягостное впечатлѣніе слушателя все болѣе и болѣе усиливается при дальнѣйшемъ теченіи пѣсни и доходитъ до высокаго напряженія, когда въ заключительныхъ строфахъ приподнимается завѣса уже наступившей для молодой женщины новой жизни со всею ея приниженностью.

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.



Нѣсколько словъ о положеніи русскаго языка въ средней школѣ.

Неоднократно раздаются сѣтованія на то, что изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній выходятъ молодые люди совершенно безграмотными. Вмѣстѣ съ этимъ и сами преподаватели русскаго языка жалуются на то, что въ младшихъ классахъ учащіеся дѣлаютъ меньше ошибокъ, нежели въ старшихъ. Причиной этого явленія выставляется прекращеніе диктовокъ и другихъ спеціально ороографическихъ упражненій въ старшихъ классахъ. Дѣйствительно, фактъ увеличенія количества ошибокъ въ письменныхъ работахъ учениковъ старшихъ классовъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ же точно, какъ и то, что причиной этого явленія должно считать прекращеніе спеціально ороографическихъ упражненій, замѣнившихся въ старшихъ классахъ такъ называемыми сочиненіями. Поэтому можно было бы думать, что, если бы такія ороографическія упражненія практиковались и въ старшихъ классахъ, то указанное явленіе не имѣло бы мѣста. Между тѣмъ въ старшихъ классахъ проходятся обширные курсы теоріи и исторіи словесности, и практикуются спеціальныя письменныя упражненія, для упражненій же въ правописаніи не остается времени.

Но является вопросъ: дѣйствительно ли такъ важно упражнять учащихся въ правописаніи во все продолженіе курса средней школы? Вѣдь если доказано, что учащіеся пишутъ сравнительно грамотно только до тѣхъ поръ, пока упражняются въ правописаніи, то очевидно,

что по окончаніи курса заведенія они въ концѣ концовъ опять начнутъ писать съ ошибками, и нареканія на то, что наши учебныя заведенія не выучиваютъ грамотѣ, останутся въ прежней силѣ.

Ясно, что зло коренится не въ прекращеніи спеціальныхъ орѳографическихъ упражненій въ то или другое время, а въ самомъ способѣ усвоенія учащимися правописанія. Бѣда заключается въ томъ, по нашему мнѣнію, что въ изученіи правописанія въ нашей средней школѣ нѣтъ сознательности. Одинъ ученый назвалъ грамматику «алгеброй языка.» Между тѣмъ при преподаваніи алгебры учащимся показывается весь ходъ логическихъ разсужденій, приведшихъ къ опредѣленному выводу, тогда какъ при преподаваніи грамматики даются только выводы, которые приходится принимать на вѣру и усваивать только памятью. Если бы учащіеся могли съ самаго начала сознательно усваивать правила правописанія, то они не забыли бы ихъ и въ старшихъ классахъ, и по выходѣ изъ заведенія. Между тѣмъ сознательнаго изученія правописанія въ средней школѣ нѣтъ и быть не можетъ. Правда, что искусному преподавателю, основывающему преподаваніе грамоты на постоянныхъ письменныхъ и устныхъ орѳографическихъ упражненіяхъ, въ концѣ концовъ путемъ страшныхъ усилій удается добиться того, что ученики его пишутъ сравнительно грамотно. Какихъ усилій это стоитъ, объ этомъ могутъ сказать преподаватели русскаго языка, сами испытавши, что значитъ обучать грамотѣ сразу 40—50 человѣкъ, а иногда и болѣе. При этомъ врядъ ли кто нибудь изъ нихъ сомнѣвается, что это только «натаскиваніе,» а не сознательное усвоеніе правилъ правописанія. Въ самомъ дѣлѣ, весь обширный и сложный курсъ этимологіи частей рѣчи полагается пройти

въ первомъ классѣ съ дѣтьми въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Между тѣмъ мы видимъ, что люди взрослые, развитые и образованные, имѣющiе навыкъ писать, не могутъ усвоить всѣхъ тонкостей правописанiя: достаточно заглянуть въ наши газеты и журналы, чтобы убѣдиться въ этомъ. Какъ же требовать, чтобы дѣти въ такомъ раннемъ возрастѣ усваивали въ теченiе 9 учебныхъ мѣсяцевъ всю этимологiю частей рѣчи, а во II классѣ и остальныя части этимологiи, когда въ ней встрѣчаются такiя явленiя, которыя не поддаются объясненiю безъ ссылки на исторiю языка или грамматику старо-славянскаго языка? Какъ объяснить, напримѣръ, въ I или во II классѣ, что слова: «сонъ» и «спать», «дуть» и «надменный», «польза» и «легкiй» и т. д. одного корня? А между тѣмъ грамматика старо-славянскаго языка проходится только въ IV классѣ, когда съ русской этимологiей уже давно покончили. Большинство явленiй руской этимологiи находитъ себѣ объясненiе въ старо-славянскомъ языкѣ, поэтому я полагаю, было бы правильнѣе съ самаго начала проходить параллельно русскую и старо-славянскую грамматики, распредѣливъ, конечно, изученiе этимологiи по крайней мѣрѣ между тремя первыми классами, а къ четвертому отнести систематическое повторенiе русской и старо-славянской грамматикъ, при соотвѣтственныхъ письменныхъ и устныхъ упражненiяхъ. Въ пользу такого распредѣленiя учебнаго матерiала въ младшихъ классахъ говорятъ двѣ истины: во-первыхъ, высказанное уже положенiе, что только при знанiи грамматики старо-славянскаго языка можно сознательно относиться къ законамъ русской грамматики: во-вторыхъ, сравнительный методъ изученiя и мышленiя есть наиболѣе легкiй и полезный для дѣтей. Противъ такого распредѣленiя обыкновенно возражаютъ,

что необходимость пройти въ первомъ классѣ русскую этимологію вызывается тѣмъ, что со второго класса надо начать изученіе грамматикъ новыхъ или классическихъ языковъ. Думаю однако, что врядъ ли стоитъ жертвовать основательнымъ знаніемъ отечественнаго языка въ пользу изученія иностранныхъ языковъ, да и неужели же нельзя распредѣлить учебный матеріалъ по грамматикамъ иностранныхъ языковъ такъ, чтобы въ каждомъ классѣ проходились тѣ отдѣлы, которые въ предыдущемъ были усвоены по русской грамматикѣ?

Предлагаемое мною распредѣленіе учебнаго матеріала въ младшихъ классахъ средней школы дало бы возможность не только основательнѣе пройти русскую ороографію, но оставляло бы еще достаточно времени для чтенія образцовъ лучшихъ писателей XIX в., а о пользѣ такого чтенія, конечно, говорить не приходится. Скажу только, что это чтеніе дало бы возможность съ перваго класса не ограничиваться одними ороографическими письменными упражненіями. Извѣстно, что дѣти очень охотно «сочиняютъ». Конечно, эти сочиненія всегда бываютъ подражательнаго характера. Эту склонность дѣтей къ сочинительству положительно слѣдуетъ развивать, давая учащимся съ перваго класса легкія темы для сочиненій описательнаго и повѣствовательнаго характера, аналогичныхъ съ прочитанными и разобранными въ классѣ отрывками изъ лучшихъ литературныхъ произведеній. Изъ личной своей преподавательской практики могу засвидѣтельствовать, что къ подобнымъ письменнымъ упражненіямъ дѣти относятся съ большимъ интересомъ. Конечно, на первыхъ порахъ подражаніе образцу будетъ очень велико, но это-то и даетъ возможность ребенку усвоивать слогъ и способъ изложенія мыслей лучшихъ мастеровъ пера. Послѣ нѣсколькихъ такихъ упражненій

въ работахъ учащихся замѣчается попытка освободиться отъ простого подражанія образцу и внести въ описаніе или разсказъ нѣкоторыя такія черты, которыхъ въ образцѣ нѣтъ. Разумѣется, на первыхъ порахъ необходима помощь учителя, указывающаго планъ и объемъ сочиненія. Такимъ образомъ съ младшихъ классовъ вырабатывается у учащихся слогъ и способность связно и стройно излагать свои мысли, а это тоже не маловажно, и жалобы на неумѣнье нашей молодежи излагать слышатся такъ же часто, какъ и жалобы на безграмотность.

Итакъ, программа по русскому и старо-славянскимъ языкамъ въ младшихъ классахъ средней школы приблизительно могла бы быть такова:

I класса.

Имя существительное. Имя прилагательное. Мѣстоименіе. Глаголъ.

Примѣчаніе. Знаніе характера и свойствъ звуковъ русскаго и старо-славянскаго языковъ должно требовать при поступленіи въ I классъ въ объемѣ учебниковъ Кирпичникова и Кузьмина.

Практическія занятія.

1) Грамматическій разборъ (устно и письменно) русскаго и старо-славянскаго текста. 2) Параллельное упражненіе въ русскихъ и старо-славянскихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ. 3) Объяснительное чтеніе. 4) Заучиваніе наизусть стихотвореній съ упражненіемъ въ выразительномъ произношеніи ихъ. Диктовка объяснительная и провѣрочная. 6) Устный и письменный пересказъ прочитанныхъ и разобранныхъ въ классѣ небольшихъ ста-

тей описательнаго и повѣствовательнаго характера. 7) Самостоятельные описанія и разсказы, аналогичные съ прочитанными и разобранными въ классѣ.

II классъ.

1) Ученіе о членахъ простого предложенія.

2) Имя числительное. Нарѣчіе. Предлогъ. Союзъ. Междометіе.

Практическія упражненія тѣ же, что и въ первомъ классѣ, соотвѣтственно курсу и развитію учащихся.

III классъ.

1) Синтаксисъ простого и слитнаго предложенія. Предложенія главныя и придаточныя.

2 Окончаніе этимологіи.

Практическія занятія.

1) Грамматическій разборъ. 2) Объяснительное чтеніе съ цѣлью показать строеніе или планъ читаннаго разсказа. 3) Подробное и краткое устное изложеніе прочитаннаго разсказа. 4) Заучиваніе наизусть стихотвореній и небольшихъ прозаическихъ произведеній или отрывковъ съ упражненіемъ дѣтей въ выразительномъ произношеніи. 5) Объяснительная и провѣрочная диктовка. 6) Письменное изложеніе и составленіе плана прочитаннаго. 7) Составленіе повѣствованій по плану и безъ плана.

IV классъ.

1) Окончаніе синтаксиса, сводъ правилъ о знакахъ препинанія и систематическое повтореніе всего синтаксиса.

2) Систематическое повтореніе русской и старо-славянской грамматики.

Практическія упражненія тѣ же, что и въ предыдущихъ классахъ, соотвѣтственно развитію учащихся. Разборъ и составленіе небольшихъ разсужденій.

Можно возразить, что я предлагаю пройти въ три года тотъ курсъ, который теперь изучается въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ защиту предлагаемаго мною распредѣленія учебнаго матеріала въ четырехъ младшихъ классахъ могу сказать, что, во-первыхъ, я предполагаю, что сознательное усвоеніе русской грамматики потребуетъ меньше времени, чѣмъ существующее въ настоящее время и основанное главнымъ образомъ на запоминаніи; во-вторыхъ, курсъ синтаксиса отодвинутъ мною на годъ впередъ и, въ-третьихъ, курсъ стилистики, изучаемый въ реальныхъ училищахъ параллельно со славянской грамматикой, я предполагаю совершенно исключеннымъ изъ курса средней школы (см. «Конспектъ учебнаго плана для средней школы»).

Обращаясь къ новому «Конспекту учебнаго плана для средней школы», читаемъ: «При обученіи русскому языку въ младшемъ отдѣленіи должно главнымъ образомъ заботиться о развитіи въ учащихся способности ясно и отчетливо выражать свои мысли какъ устно, такъ и письменно Ученики должны быть пріучены къ правильному выразительному чтенію статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, и умѣнью пересказывать содержаніе прочитаннаго устно и письменно. Граматика родного языка должна быть усвоена всѣми учащимися настолько хорошо, чтобы переходящіе въ высшее отдѣленіе школы (4 классъ) были грамотны». При сознательномъ и нормальномъ изученіи русской грамматики можно было бы достиг-

нуть и грамотности и выполнить остальныя требованія «Конспекта». «Конспектъ» не говоритъ подробно о томъ, какъ распредѣлить учебный матеріалъ по русскому языку въ первыхъ трехъ классахъ школы, но къ IV кл. отнесено опять-таки чтеніе и разборъ «Остромирова еванг.» съ разборомъ славянскихъ формъ и сопоставленіемъ ихъ съ русскими» и систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса. Отсюда можно заключить, что распредѣленіе учебнаго матеріала по русскому языку въ младшихъ трехъ классахъ останется то же, а, слѣдовательно, и результаты будутъ тѣ же.

Разсматривая далѣе программу русскаго яз. по «Конспекту», мы замѣчаемъ, что курсъ теоріи словесности совершенно исключенъ изъ програмны средней школы. Съ этимъ нельзя не согласиться. Многія теоретическія опредѣленія до сихъ поръ еще не установлены наукой, а тѣ опредѣленія словесныхъ произведеній, которыя даются нашими учебниками словесности, никоимъ образомъ нельзя считать научными, а часто они положительно не правильны. Такимъ образомъ время, затрачиваемое на изученіе теоріи словесности (въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ—годъ, а въ реальныхъ училищахъ—два), должно считать потеряннымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ теоретическія свѣдѣнія не трудно сообщить учащимся при историко-литературномъ разборѣ различныхъ произведеній словесности.

Однако, на ряду съ исключеніемъ курса теоріи словесности, мы видимъ и почти полное уничтоженіе и курса исторіи древней литературы. Я говорю «почти», такъ какъ въ курсъ VI класса введены сказки, былины и пѣсни, а въ курсѣ VII класса находимъ Кирилла и Меѳодія, «Лѣтопись Нестора» и «Слово о полку Игоревѣ». Если знакомство съ отечественной стариной для нашего

юношества признано безполезнымъ, съ чѣмъ врядъ ли можно согласиться, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ введены отрывочныя свѣдѣнія изъ древней русской литературы? Если же знакомство съ родной стариной считается полезнымъ, то свѣдѣнія о ней должны даваться систематически, чтобы учащіеся могли получить понятіе о ходѣ и развитіи русской письменности и образованности. Какими же свѣдѣніями обогатятся учащіеся, если послѣ длиннаго ряда новѣйшихъ писателей имъ сообщать о Кириллѣ и Меѳодіи, «Лѣтописи Нестора» и «Словѣ о полку Игоревѣ»? Я не отстаиваю изученіе каждаго памятника древней письменности въ отдѣльности, но можно было бы знакомить учащихся съ характеромъ каждой эпохи, останавливаясь только на типичнѣйшихъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи сокращенный курсъ «Исторія русской литературы» г. Пыпина представилъ бы прекрасный учебникъ для средней школы.

Не понятно также, почему въ курсъ исторіи новѣйшей литературы не попалъ С. Т. Аксаковъ, «Воспоминанія» и «Семейная хроника» котораго до сихъ поръ почти цѣликомъ входили въ хрестоматіи и давали богатый матеріалъ для чтенія, разбора и пересказа. Почему Кольцовъ совсѣмъ исключенъ изъ программы, а изъ новѣйшихъ поэтовъ вошелъ только А. Толстой?

Нельзя не порадоваться, что курсъ средней школы обогатился такими писателями, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Л. Толстой, Достоевскій, Григоровичъ. Введеніе этихъ писателей въ программу значительно оживитъ курсъ словесности, такъ какъ произведенія ихъ съ живымъ интересомъ читаются юношествомъ, и, слѣдовательно, преподаватель словесности будетъ разбирать такія произведенія, которыя всѣмъ его слушателямъ хорошо знакомы, тогда какъ до сихъ поръ—

увы! въ большинствѣ случаевъ ему приходилось говорить о томъ, о чемъ учащіеся знаютъ только по наслышкѣ. Если учитель обладаетъ способностью хорошо излагать, то учащіеся внимательно слушаютъ его объясненія, но, когда приходится имъ самимъ прочесть что-нибудь изъ произведеній хотя бы даже Карамзина или Жуковскаго, берутся за это очень неохотно, да большинство и не читаетъ, а между тѣмъ при переполненности нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній учителю нѣтъ возможности ни провѣрить, всѣ ли читали, хотя бы по хрестоматіи, то, что разбирается,—ни прочесть въ классѣ. Скажу больше: нерѣдко обнаруживается, что даже крупнѣйшія произведенія Пушкина и Лермонтова мало знакомы учащимся, а изъ мелкихъ ихъ стихотвореній знаютъ только тѣ, которыя помѣщены въ ихъ хрестоматіи. Очевидно, что при такихъ условіяхъ преподаваніе словесности не достигаетъ цѣли. Надо подробнѣе останавливаться на произведеніяхъ тѣхъ писателей, которые ближе къ современной дѣйствительности, а потому и больше интересуютъ юношество; надо развивать слогъ и мысль учащихся на твореніяхъ Турегнева, Л. Толстого, Достоевскаго, а Кантемиры, Ломоносовы и пр. уже мало говорятъ уму и сердцу юноши. Если даже къ сочиненіямъ Пушкина уже почти пропалъ интересъ у юношества, то это происходитъ отъ того, что, ограничиваясь тѣми свѣдѣніями, которыя даетъ о писателяхъ учебникъ Галахова, учащіеся не могутъ понять значенія Пушкина и той связи, которая существуетъ между нимъ и послѣдующей плеядой русскихъ великихъ писателей. А что не понятно, то скучно. Мнѣ кажется поэтому, что и весь до-Пушкинскій періодъ исторіи русской литературы можно было бы проходить въ общихъ чертахъ, чтобы дать понятіе учащимся о тѣхъ направленіяхъ, которыя,

пережила русская литература въ XVIII и въ началѣ XIX в. в.; и подробно останавливаться только на Крыловѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ.

«Конспектъ» ничего не говоритъ о предѣлахъ и способахъ ознакомленія учащихся съ произведеніями новѣйшихъ писателей. Но «Объяснительная записка къ программѣ словесности» въ средней школѣ существующихъ типовъ гласитъ:

«Что же касается до историко-литературныхъ свѣдѣній, относящихся къ разбираемому произведенію, то они должны быть сообщаемы учащимся въ самомъ ограниченномъ объемѣ и ни въ какомъ случаѣ не должны быть подробнѣе тѣхъ, которыя находятся въ учебникѣ исторіи русской словесности А. Д. Галахова (для среднихъ учебныхъ заведеній), «объясняя, что ученики должны знать»: 1) кто былъ авторъ разбираемаго произведенія, 2) когда онъ жилъ, т. е. годъ его рожденія и смерти, какое получилъ образованіе, 3) какое значеніе онъ имѣетъ въ русской литературѣ, 4) какое вообще направленіе господствовало въ его время, или какое направленіе сообщилъ онъ русской литературѣ». Но неужели названый учебникъ А. Д. Галахова даетъ всѣ эти свѣдѣнія? Неужели для того, чтобы понять личность автора и сущность его произведеній, достаточно знать, когда и гдѣ онъ родился и умеръ и гдѣ воспитывался, а знать, какъ онъ воспитывался, при какихъ условіяхъ и какъ онъ творилъ—не нужно? Если знаменитый французскій критикъ Сенъ-Бевъ отказывался понимать и критиковать произведенія тѣхъ писателей, обстоятельствъ жизни и творчества которыхъ онъ не зналъ въ подробностяхъ, то тѣмъ болѣе нельзя ожидать, чтобы юноша, не имѣющій еще достаточной критической эрудиціи, сознательно отнесся къ взятому особнякомъ

сочиненію писателя, жившаго нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда личность самого писателя остается для него въ какомъ-то туманѣ. А даетъ ли біографическій очеркъ жизни А. С. Пушкина въ учебникѣ Галахова какое-нибудь представленіе о колоссальной личности поэта? А вся біографія Гоголя не занимаетъ и одной страницы; біографія Лермонтова умѣщается на полустраницѣ, всѣ свѣдѣнія о Кольцовѣ заключены въ двадцати строчкахъ. Не говорю о томъ, что въ настоящее время многія свѣдѣнія, даваемыя учебникомъ Галахова, врядъ ли можно считать точными и научными. Нельзя, конечно, требовать, чтобы ученики среднихъ учебныхъ заведеній изучали писателей по отдѣльнымъ монографіямъ Анненкова, Незеленова, Шенрока, Иванова и др., но нельзя и преподавателя словесности лишать права подробнѣе характеризовать личность изучаемаго писателя. Если у юношества пропадаетъ интересъ къ произведеніямъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, то не потому, чтобы они уже слишкомъ устарѣли, — не потому, чтобы они уже не были интересны, а именно, благодаря нашимъ учебникамъ словесности и слишкомъ сухой и схоластической постановкѣ изученія ихъ. Если знакомство съ Тургеневымъ, Л. Толстымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, Достоевскимъ, Григоровичемъ ограничится такими же свѣдѣніями, какія даются объ ихъ предшественникахъ, то и эти писатели скоро погибнутъ для юношества.

Позволю себѣ кстати еще одно замѣчаніе. По правиламъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, учащіеся могутъ читать только тѣ книги, которыя разрѣшены министерскими каталогами и выдаются изъ ученическихъ библіотекъ. Но никто не сомнѣвается, что учащіеся этимъ чтеніемъ не ограничиваются и читаютъ

журналы и книги, которые находятся у нихъ дома и такимъ образомъ знакомятся и съ произведеніями современной беллетристики. Въ большинствѣ случаевъ такое чтеніе происходитъ безъ всякой системы, и читаемое плохо уясняется. Нельзя ли было бы допустить въ классѣ бесѣды по поводу явленій современной литературы и ея типичнѣйшихъ представителей, чтобы дать путь учащимся къ болѣе правильному пониманію читаемаго?

Выводъ изъ сказаннаго, конечно, тотъ, что преподаваніе словесности въ средней школѣ не должно имѣть цѣлью только выработать слогъ учащихся, но должно имѣть и важное воспитательное значеніе: должно дѣйствовать на умъ и сердце юношества. Для достиженія же этой цѣли необходимо живое, толковое и интересное преподаваніе.

А. Даниловичъ.

По поводу постановки преподаванія русскаго языка и словесности въ будущей новой средней школѣ.

Радостно и восторженно встрѣтило русское общество Высочайшій рескриптъ 25 марта 1902 года на имя генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго. Самъ Царь выразилъ твердое намѣреніе реформировать нашъ учебный строй и въ сотрудники себѣ призвалъ одного изъ своихъ опытнѣйшихъ слугъ, цѣлый рядъ лѣтъ руководившаго военнымъ министерствомъ.

На нашихъ глазахъ совершается учебная реформа. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, несмотря на свой преклонный возрастъ, проявляетъ изумительную энергію въ занятіяхъ по дѣлу обновленія нашей школы. Дай Богъ, чтобы маститый старецъ, какъ можно, дольше пользовался вожделѣннымъ здоровьемъ и довелъ самъ до конца начатое дѣло. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1901-го года происходили подъ предсѣдательствомъ самого Министра засѣданія учрежденной съ Высочайшаго соизволенія комиссіи по преобразованію средней школы. Все, что выработано этой комиссіей, уже извѣстно изъ газетъ. Комиссія выработала новую таблицу уроковъ для будущей средней школы и намѣтила приблизительныя программы, по которымъ должно будетъ итти преподаваніе. Проектъ реформы обсужденъ въ попечительскихъ совѣтахъ, въ совѣтахъ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній и въ нѣкоторыхъ сословныхъ учрежденіяхъ. Конечно, и въ печати это дѣло обсу-

ждается и будетъ еще обсуждаться. Зимою, какъ уже заявлено Министерствомъ, новая комиссія должна была окончательно рѣшить дѣло реформы средней школы. Безъ сомнѣнія, эта комиссія приняла во вниманіе все, что было высказано дѣльнаго съ чьей бы то ни было стороны по поводу реформы. Мы попытаемся высказать кое-что относительно постановки въ будущей средней школѣ русскаго языка и словесности.

Но прежде бросимъ бѣглый взглядъ на то, что было въ этомъ отношеніи въ гимназіи до 1890 года, и что находимъ мы по нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ.

Въ гимназіи, созданной графомъ Толстымъ, до 1890 года количество уроковъ по русскому языку и словесности было меньше, чѣмъ теперь. Матеріалъ располагался такимъ образомъ, что въ I—IV классахъ главное вниманіе сосредоточивалось на грамматикѣ, въ V классѣ проходилась теорія словесности, а въ VI—VIII исторія литературы. Слѣдовательно, въ I—IV классахъ былъ, такъ сказать, собственно р у с с к і й я з ы к ъ, а въ V—VIII классахъ с л о в е с н о с т ь. Въ 1890 году, послѣ пересмотра учебныхъ плановъ, преподаваніе русскаго языка и словесности подверглось значительной перемѣнѣ. Число уроковъ было нѣсколько увеличено и доведено до 28 (въ I классѣ 5, во II и III по 4, въ V—VIII по 3), но зато программа по с л о в е с н о с т и значительно измѣнилась: исторія литературы была исключена изъ курса гимназіи и въ V—VII классахъ замѣнена чтеніемъ и разборомъ образцовъ, при чемъ преподавателю вмѣнено въ обязанность главное вниманіе останавливать на языкѣ произведеній. Такимъ образомъ, и въ старшихъ классахъ сталъ господствовать почти исключительно р у с с к і й я з ы к ъ. Правда, въ VIII клас-

св: была оставлена теорія словесности, но и ее нужно проходить съ повтореніемъ разобранныхъ раньше образцовъ, при чемъ опять-таки не должно упускать случая обращать вниманіе на языкъ. Вообще на первый планъ выставлена форма, а не содержаніе произведеній. Постановка преподаванія русскаго языка и словесности до 1890 года заставляла желать многаго, а теперешняя прямо не удовлетворительна, потому что страдаетъ излишнею односторонностію. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ и оцѣнку того, что было, и что скоро, кажется, сдѣлается прошедшимъ, а обратимъ вниманіе на тотъ планъ, который выработанъ весеннею комиссіею, и выскажемъ мнѣніе, какъ бы слѣдовало поставить преподаваніе русскаго языка и словесности въ будущей средней школѣ.

По выработанному весною 1901 года плану на русскій языкъ и словесность съ логикою въ 7 классахъ назначается 30 уроковъ (по 5 въ I и II классахъ и по 4 въ III—VII). Въ I—IV классахъ, какъ можно предполагать, будетъ русскій языкъ, а въ V—VII словесность.

Въ сравненіи съ нынѣ дѣйствующимъ планомъ получается слѣдующая разница: 1) исключается въ IV классѣ систематическій курсъ грамматики древняго церковно-славянскаго языка, взамѣнъ котораго оставляется только чтеніе и переводъ «Остромирова евангелія» съ разборомъ славянскихъ формъ и сопоставленіемъ ихъ съ русскими; 2) исключается, какъ самостоятельный отдѣлъ, теорія словесности, которая теперь преподается слишкомъ подробно въ продолженіе цѣлаго года въ VIII классѣ; 3) въ V—VII классахъ изучается словесность, а именно назначается чтеніе и разборъ образцовыхъ произведеній, при чемъ въ каждомъ классѣ по-

свящается нѣкоторое время и на ознакомленіе съ лучшими образцами иностранной словесности; русская словесность изучается, начиная съ Кантемира и кончая лучшими писателями новѣйшаго времени. Надо одобрить исключеніе подробнаго изученія грамматики др.-цр.-сл. языка, что было и трудно, и приносило сомнительную пользу, и введеніе изученія произведеній нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей. Но исключенію теоріи словесности мы не можемъ вполнѣ сочувствовать. Отдавать ей столько вниманія, какъ это дѣлается теперь, конечно, не слѣдуетъ, но и изгонять ее совсѣмъ тоже нѣтъ основанія.

Однимъ словомъ, при новой постановкѣ выйдетъ то, что въ младшихъ классахъ ученикъ будетъ заниматься преимущественно языкомъ, а въ старшихъ классахъ словесностію, т.-е. разборомъ образцовъ, при чемъ главное вниманіе будетъ обращаться на содержаніе. Между тѣмъ занятіе грамматикой и словесностію, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы провести черезъ всѣ классы. Мы не совсѣмъ умѣло изучаемъ свой родной языкъ. Въ младшихъ классахъ мы слишкомъ много заставляемъ учениковъ заниматься грамматикой, тогда какъ эти занятія не могутъ быть поставлены вполнѣ хорошо вслѣдствіе молодости учениковъ; напротивъ, въ старшихъ классахъ, когда ученики, дѣлаясь болѣе взрослыми и развитыми, были бы въ состояніи основательнѣе заниматься именно языкомъ, мы почти совершенно оставляемъ ихъ безъ этихъ занятій или заставляемъ заниматься безъ строгой системы. Что насается собственно словесности, то часто въ старшихъ классахъ ученикамъ дается работа слишкомъ легкая.

Предлагая здѣсь наше собственное распредѣленіе матеріала по русскому языку и словесности, мы имѣемъ въ виду нѣчто бы два отдѣльныхъ предмета, на которые

въ каждомъ классѣ отводятся особые уроки. Мысль объ этомъ раздѣленіи мы разовьемъ ниже.

Возьмемъ сначала собственно языкъ. Имѣя въ виду будущую 7-классную среднюю школу, мы въ первыхъ 3-хъ классахъ по русскому языку предложили бы практически, безъ учебника, ознакомить учениковъ съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка и довести ихъ до умѣнья правильно писать. Все недоступное пониманію учениковъ должно тщательно избѣгаться. Въ IV—V классахъ ученики систематически проходятъ этимологію и синтаксисъ современнаго языка по учебникамъ, причемъ надо замѣтить, что для этой цѣли должны явиться совершенно новые учебники, составленные примѣнительно къ современному состоянію науки о русскомъ языкѣ. За дѣло составленія такихъ учебниковъ слѣдовало бы взяться профессорамъ, особенно тѣмъ, которые прежде были учителями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: они вооружены и знаніемъ, и опытомъ. Профессоръ Казанскаго университета Будде своей этимологіей положилъ уже этому дѣлу желанное начало. Только въ IV—V классахъ можно болѣе или менѣе научно объяснить нѣкоторыя особенности русскаго языка. Всякій, кто познакомится съ трудомъ г. Будде, ясно увидитъ, что теперь мы вмѣсто грамматики родного языка въ младшихъ классахъ предлагаемъ ученикамъ иной разъ свѣдѣнія, совершенно ненаучныя. Въ VI—VII классахъ ученики знакомятся съ исторіей развитія языка, насколько это доступно для ихъ возраста. Для этой цѣли долженъ явиться краткій учебникъ исторической грамматики съ приноровлённой къ нему хрестоматіей.

Матеріалъ по словесности мы расположили бы слѣдующимъ образомъ. Въ I—II классахъ ученики чи-

таютъ отрывки образцовыхъ произведеній и маленькія произведенія родной литературы, пользуясь для этой цѣли хрестоматіей, которая и можетъ употребляться только въ этихъ классахъ. Въ III—IV классахъ прочитываются, по возможности цѣликомъ, тѣ произведенія нашей литературы, которыя окажутся болѣе доступными для учениковъ указанныхъ классовъ. Чтеніе ведется по особымъ, приноровленнымъ для этой цѣли изданіямъ. Въ V классѣ продолжается изученіе лучшихъ произведеній нашей литературы и проходится краткій курсъ теоріи словесности *). Съ этого же класса начинается знакомство учениковъ съ лучшими образцами литературъ иностранныхъ. Благодаря произведеніямъ, прочитаннымъ въ III—IV классахъ, и произведеніямъ, читаемымъ въ V классѣ, теорію словесности будетъ вполнѣ возможно проходить весьма наглядно **). Такимъ образомъ, въ III—V классахъ выборъ произведеній основывается на степени ихъ доступности, а не на хронологической послѣдовательности. Въ VI—VII классахъ проходится исторія русской литературы съ добавленіемъ самаго необходимаго изъ исторіи иностранныхъ литературъ. Знакомство съ произведеніями, пріобрѣтенное въ III—V классахъ, даетъ возможность при прохожденіи исторіи литературы

*) Какъ вкусившій отъ опыта, не могу согласиться съ предложеніемъ проходить теорію словесности съ учащимися, которые не могутъ быть подготовлены настолько, чтобы названный курсъ одолѣть сознательно. Лучше постепенно, при разборѣ образцовъ, знакомить ихъ со свѣдѣніями по теоріи словесности практически и уже въ одномъ изъ старшихъ классовъ, опираясь на разученные образцы, пройти въ системѣ этотъ предметъ. *Ред.*

**) И романы, и драмат. произведенія, и др. сложныя произведенія?!.. *Ред.*

останавливать главное вниманіе на чтеніи тѣхъ произведеній, которыя раньше не были прочитаны по причинѣ несовершенной зрѣлости учениковъ. Могутъ попутно быть повторены и тѣ произведенія, которыя, по соображеніямъ педагогическимъ, читались съ нѣкоторыми пропусками. Вообще при историческомъ обозрѣніи литературы дополняется и расширяется все то, что не было закончено вполнѣ въ предыдущихъ классахъ. Само собою разумѣется, что періодъ отъ начала литературы до Ломоносова проходится въ самыхъ краткихъ чертахъ. Вообще подробность и обстоятельность постепенно увеличиваются съ приближеніемъ къ современной литературѣ.

Ясное дѣло, что прохожденіе указанныхъ курсовъ русскаго языка и словесности сопровождается постоянными практическими упражненіями какъ устными, такъ и письменными. На урокахъ русскаго языка ученики I—III классовъ должны заниматься такими практическими упражненіями, которыя содѣйствуютъ усвоенію правописанія. Къ переходу въ IV классъ должно достигать полной грамотности, чтобы въ послѣдующихъ классахъ не приходилось терять время на изученіе общепринятой ороографіи *). Мы не будемъ останавливаться на способахъ, которые примѣняются при выработкѣ ороографическихъ навыковъ: въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ преподаваніи, должна быть предоставлена преподавателю, по возможности, полная свобода. Скажемъ только, что изложеніе прочитаннаго и разсказаннаго ведется на урокахъ не по языку, а по словесности.

---

*) Мыслимо ли это? Сознательное усвоеніе правилъ правописанія возможно только при изученіи рус. яз. въ связи съ древне-ц.-славянскимъ. *Ред.*

Теперь мы скажемъ, почему считаемъ русскій языкъ и словесность какъ бы отдѣльными предметами; мало того, мы предложили бы поручать преподаваніе ихъ обязательно не одному, а двумъ преподавателямъ, т.-е. долженъ быть преподаватель русскаго языка и преподаватель словесности.

Въ самомъ дѣлѣ, при соединеніи этихъ предметовъ въ однѣхъ рукахъ, къ преподавателю предъявляется такое обильное количество требованій, о которомъ преподавателямъ другихъ предметовъ и думать не приходится. Преподавателю русскаго языка и словесности нужно 1) быть знакомымъ съ научными работами по языку и по словесности, 2) знать произведенія всѣхъ, по крайней мѣрѣ выдающихся, русскихъ писателей, 3) быть болѣе или менѣе знакомымъ съ главнѣйшими явленіями литературъ Запада. Далѣе, кромѣ требованій научнаго характера, предъявляемыхъ къ преподавателю всякаго предмета, есть еще требованія, которыя предъявляются исключительно только къ преподавателю русскаго языка и словесности: послѣдній 4) долженъ умѣть читать выразительно, 5) долженъ имѣть настолько развитой литературный вкусъ, чтобы всегда быть въ состояніи отвѣтить на вопросъ ученика о какой-нибудь литературной новинкѣ. Однимъ словомъ, преподаватель русскаго языка и словесности долженъ нести прямо-таки неудобоносимое иго и это при громадномъ количествѣ письменныхъ работъ! За все это онъ однако получаетъ нисколько не больше преподавателей другихъ предметовъ. А между тѣмъ руководство домашнимъ чтеніемъ учениковъ и устройство литературныхъ вечеровъ лежитъ опять-таки исключительно на преподавателѣ русскаго языка и словесности!

Однако все это не было бы страннымъ, если бы

всѣ указанныя достоинства дѣйствительно могли легко совмѣщаться въ одномъ лицѣ. Но послѣдняго не возможно требовать. Легко ли, напримѣръ, совмѣстить основательныя знанія по языку и по словесности? Было время, когда можно было совмѣщать знанія по нѣсколькимъ разнороднымъ предметамъ, но оно вслѣдствіе развитія спеціализаціи безвозвратно прошло. Теперь приходится по неволѣ болѣе или менѣе узко спеціализироваться, иначе легко сдѣлаться верхоглядомъ, что на всякомъ поприщѣ человѣческой дѣятельности является зломъ. Было время, когда не представляло большого труда знать по возможности все по русскому языку и словесности. Прежде это были какъ бы разные отдѣлы одной науки, теперь же мы имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными предметами. Теперь отъ ученаго можно требовать основательнаго знакомства только или по языку, или по литературѣ. Въ томъ же положеніи должны быть и преподаватели. Стоитъ только просмотрѣть списокъ самыхъ выдающихся работъ по русскому языку и словесности хотя бы по «Обзору учебной и научной литературы по русскому языку», изданному Педагогическимъ Музеемъ военно-учебныхъ заведеній, и намъ сразу сдѣлается понятнымъ, что нельзя требовать отъ одного и того же преподавателя основательного знакомства съ ними. Трудно было бы это и въ томъ случаѣ, если бы преподаватель имѣлъ не болѣе 12 уроковъ въ недѣлю и былъ бы при этомъ совершено обезпеченъ матеріально *). А теперь, какъ извѣстно, преподаватели русскаго языка и словесности обременены болѣе всѣхъ другихъ своихъ

*) См. по этому вопросу статьи, напечатанныя въ «Филол. Зап.» за послѣдніе годы. *Ред.*

товарищей, такъ какъ имѣютъ множество тетрадей **). Напримѣръ, въ Петербургѣ многіе преподаватели имѣютъ болѣе 36 уроковъ въ недѣлю; да неужели при такихъ обстоятельствахъ хватитъ времени и охоты расширять свои познанія? по неволѣ придется обратиться къ чисто механическому отбыванію своей тяжелой повинности.

Но пусть существующее теперь обремененіе преподавателей исчезнетъ, и они получатъ возможность постоянно пополнять свои свѣдѣнія по языку и словесности; и тогда, по нашему мнѣнію, все-таки будетъ основаніе раздѣлить русскій языкъ и словесность. У всякаго студента, серіёзно относящагося къ своему занятію, выработается особенное расположеніе къ какому-нибудь предмету. Поэтому каждый учитель русскаго языка и словесности, вѣроятно, интересуется болѣе или языкомъ, или литературой. Интересующійся болѣе языкомъ учитель рискуетъ увлечься грамматикой, а интересующійся болѣе литературой можетъ пренебречь развитіемъ правильной рѣчи учениковъ, давая больше цѣны пониманію внутренней цѣнности произведеній литературы. Въ томъ и другомъ случаѣ произойдетъ нарушеніе равномѣрности въ развитіи ученика. При раздѣленіи русскаго языка и словесности, это едва ли могло бы имѣть мѣсто, если бы даже былъ одинъ преподаватель. При раздѣленіи же преподаванія между двумя преподавателями совсѣмъ бы не было указаннаго недостатка. Надо къ этому прибавить, что проектируемое количество уроковъ по русскому языку (30 съ логикой) намъ кажется недостаточнымъ.

**) Преподаватели русскаго языка обязаны въ теченіе учебнаго года исправить не сотни, а тысячи ученическихъ работъ!... *Ред.*

Въ нашей замѣткѣ многое не развито и не договорено; но намъ хотѣлось главнымъ образомъ обратить вниманіе другихъ на то, что уже долгое время служитъ предметомъ нашихъ размышленій.

П. А.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

Для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 42.

Особенности въ склоненіи нѣкоторыхъ именъ существительныхъ.

Правило. *Нѣкоторыя имена существительныя имѣютъ особенности въ склоненіи. Эти особенности заключаются въ томъ, что у такихъ существительныхъ или* **основы** *въ единственномъ и во множественномъ числѣ не одинаковы, или въ косвенныхъ падежахъ у нихъ имѣются такіе* **слоги**, *которыхъ нѣтъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.*

Разсмотрѣть склоненіе именъ существительныхъ: **крестьянинъ, господинъ.**

Единственное число.

И. и зв. п.	Крестьян-ин-ъ,	господ-ин-ъ.
Р. п.	Крестьян-ин-а,	господ-ин-а.
Д. „	Крестьян-ин-у,	господ-ин-у.
В. „	Крестьян-ин-а,	господ-ин-а.
Т. „	Крестьян-ин-омъ,	господ-ин-омъ.
Пр. п.	О крестьян-ин-ѣ,	о господ-ин-ѣ.

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III, IV—V и VI 1901 г.

Множественное число.

И. и зв. п.	Крестьян-е,	господ-а.
Р. п.	Крестьян-ъ,	господ-ъ.
Д. „	Крестьян-амъ,	господ-амъ.
В. „	Крестьян-ъ,	господ-ъ.
Т. „	Крестьян-ами,	господ-ами.
Пр. п.	О крестьян-ахъ,	о господ-ахъ.

Просклонять слова: дворянинъ, мѣщанинъ, хозяинъ.

Примѣчаніе. Сущ. хоз-яин-ъ во множ. ч. склоняется такъ: хоз-яева, хоз-я-евъ и т. д.

Разсмотрѣть склоненіе именъ существительныхъ: **жеребенокъ, орленокъ, дитя.**

Единственное число.

И. и зв. п.	Жеребенок-ъ,	орленок-ъ,	дит-я.
Р. п.	Жеребенк-а,	орленк-а,	дит-ят-и.
Д. „	Жеребенк-у,	орленк-у,	дит-ят-и.
В. „	Жеребенк-а,	орленк-а,	дит-я.
Т. „	Жеребенк-омъ,	орленк-омъ,	дит-ят-ею.
Пр. п.	О жеребенк-ѣ,	объ орленк-ѣ,	о дит-ят-и.

Множественное число.

И. и зв. п.	Жереб-ят-а,	орл-ят-а,	дѣт-и.
Р. п.	Жереб-ят-ъ,	орл-ят-ъ,	дѣт-ей.
Д. „	Жереб-ят-амъ,	орл-ят-амъ,	дѣт-ямъ.
В. „	Жереб-ят-ъ,	орл-ят-ъ,	дѣт-ей.
Т. „	Жереб-ят-ами,	орл-ят-ами,	дѣт-ьми.
Пр. п.	О жереб-ят-ахъ,	объ орл-ят-ахъ,	о дѣт-яхъ.

Просклонять слова: теленокъ, волчонокъ.

Разсмотрѣть склоненіе имени существительнаго **мать.**

	Единственное число.	Множественное число.
И. и зв.	Мат-ь.	Мат-ер-и.
Р. п.	Мат-ер-и.	Мат-ер-ей.

Д. п.	Мат-ер-и.	Мат-ер-ямъ.
В. „	Мат-ь.	Мат-ер-ей.
Т. „	Мат-ер-ью.	Мат-ер-ями.
Пр. п.	О мат-ер-и.	О мат-ер-яхъ.

Просклонять слово: дочь.

Разсмотрѣть склоненіе имени существительнаго

небо.

	Единственное число.	Множественное число.
И. и зв. п.	Неб-о.	Неб-ес-а.
Р. п.	Неб-а.	Неб-есъ.
Д. „	Неб-у.	Неб-ес-амъ.
В. „	Неб-о.	Неб-ес-а.
Т. „	Неб-омъ.	Неб-ес-ами.
Пр. п.	О неб-ѣ.	О неб-ес-ахъ.

Просклонять—чудо.

Разсмотрѣть склоненіе имени существительнаго

имя.

	Единственное число.	Множественное число.
И. и зв. п.	И-мя.	И-мен-а.
Р. п.	И-мен-и.	И-менъ.
Д. „	И-мен-и.	И-мен-амъ.
В. „	И-мя.	И-мен-а.
Т. „	И-мен-емъ.	И-мен-ами.
Пр. п.	Объ и-мен-и.	Объ и-мен-ахъ.

Просклонять сущ.: сѣмя.

Примѣчаніе 1. Сущ. сѣмя въ род. п. множ. ч. имѣетъ сѣмянъ.

Примѣчаніе 2. Существительныя, имѣющія въ имен. падежѣ единст. числа въ концѣ слогъ мя, замѣняющійся въ остальныхъ падежахъ слогомъ мен, суть слѣдующія: имя, время, сѣмя, бремя, знамя, вымя, пламя, племя, стремя, темя.

Задача 1.

Поставить пропущенныя буквы.

Въ селахъ живутъ крест..ян.., а въ городахъ дворян.., купцы и мѣщан.. — Вст..рину самымъ важнымъ сословіемъ были бояр..—Покорному д..тят.. все кстати.—Въ пол..—ни отца, ни мат..р..: заступиться некому.—Хороши наши ребят.., только слав .шка про нихъ худа.—Не ко врем..н.. гост.. хуже татарина.—Касьянъ бываетъ им..нинн..къ черезъ три года на ч..твертый.—Всѣ славян.. сначала были язычн..ками — Неб..са пов..даютъ славу Божію.—Всякъ дорожи добрымъ им..енемъ.—Не бываетъ ни одного полка безъ знам..н. — Знам..нитымъ люд..мъ ставятся памятн..ки.—На пожар.. люди часто погибаютъ въ плам..ни.—По сѣм..ни и плодъ.—Весело видѣть въ пол.. семью поселянъ, въ землю бросающихъ горсти сѣм..нъ.—Всякому сѣм..н.. своя борозда.—Отецъ окруженъ дѣт..ми.—Мать не нахвалится своимъ д..тят..ю—О д..тят.. нужно заботиться —Госпо..ь бл..гословилъ д..тей.—Д..ти шаловливы.—Д .тямъ покупаютъ игру..ки.—Эки чудеса: передокъ везу, а задокъ самъ катится.—Цыплят.. выводятся в..сною.—Жеребята, телят.., ягнят.., поросят.. и ослят..—м..л .дой скотъ.—На тем..ни высокихъ горъ л..жатъ ..блака.—Къ с..длу прив..шиваютъ стрем..на.

Задача 2.

Просклонять слова: бояринъ, медвѣжонокъ, время.

Уроки 43, 44.

Примѣры для устнаго грамматическаго разбора *).

У старичка-охотника былъ ученый скворецъ.

---

*) Разобрать существительныя по слѣдующимъ вопросамъ:
1) Какъ начало существительнаго?

Этотъ скворецъ умѣлъ говорить. Къ охотнику часто приходилъ сынишка сосѣда. При немъ старикъ часто спрашивалъ скворца: „Гдѣ ты, скворушка?“ А скворецъ ему громко отвѣчалъ: „Здѣсь, дядюшка!“

Однажды пришелъ мальчикъ Охотникъ въ это время ушелъ изъ дома. Плутишка задумалъ украсть чудную птицу. Онъ схватилъ ее и проворно сунулъ въ карманъ. Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ старикъ. „Гдѣ ты, скворушка?„ спросилъ онъ.—„Здѣсь, дядюшка!“ изо всей мочи крикнулъ скворецъ въ карманѣ воришки.

Волки приносятъ крестьянамъ большой вредъ.—Для новаго дома отецъ купилъ 500 сосновыхъ деревъ.—Въ огородахъ крестьяне выращиваютъ овощи.—Лѣтомъ все поле покрыто копнами.

Вотъ сама идетъ волшебница—зима. Пришла, разсыпалась клоками, повисла на сукахъ дубовъ, легла волнистыми коврами среди полей, вокругъ холмовъ; брега съ недвижною рѣкою сравняла пухлой пеленою. Блеснулъ морозъ, и рады мы проказамъ матушки зимы.

Урокъ 45.

Повтореніе правописанія именъ существительныхъ.

Задача.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ объяснить окончанія именъ существительныхъ и прописныя буквы.

---

2) Какой это предметъ?
3) Какое имя: собственное, или нарицательное?
4) Какого рода?
5) Какого склоненія?
6) Какого числа и падежа?

Примѣчаніе. Объ остальныхъ словахъ въ предложеніи сказать, къ какой части рѣчи относится каждое изъ нихъ.

Ночь темна; на небѣ тучи; бѣлый снѣгъ кругомъ, и развилъ морозъ трескучій въ воздухѣ ночномъ. Вдоль по улицѣ широкой избы мужиковъ; ходитъ сторожъ одинокій; слышенъ скрипъ шаговъ.

На воздушномъ океанѣ, безъ руля и безъ вѣтрилъ, тихо плаваютъ въ туманѣ хоры стройные свѣтилъ.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй-тоска въ ретиво сердце; не сходить туману съ синя моря, ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.

Городъ чудный, городъ древній! Опоясанъ лентой пашенъ, весь пестрѣешь ты въ садахъ; сколько храмовъ, сколько башенъ на семи твоихъ холмахъ!

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ, съ обнаженной головой, медленно проходитъ городомъ дядя Власъ, старикъ сѣдой. На груди икона мѣдная; проситъ онъ на Божій храмъ; весь въ веригахъ, обувь бѣдная, на щекѣ глубокій шрамъ. Нѣтъ ему пути далекаго: былъ у матушки-Москвы и у Каспія широкаго, и у царственной Невы; словомъ истины евангельской собирая Богу дань, побываетъ и въ Архангельскѣ, проберется и въ Рязань.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочекъ; тамъ кукушка куковала, куковала—тосковала, что весна не вѣчно въ полѣ.

По дорогѣ зимней скучной тройка борзая бѣжитъ; колокольчикъ однозвучный утомительно звенитъ. Что-то слышится родное въ долгихъ пѣсняхъ ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска... Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ только версты полосаты попадаются однѣ.

Чижикъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ **немъ**, поетъ: „Ахъ, скоро ль **солнышко** взойдетъ и съ **домикомъ** меня застанетъ?"

Гляжу съ **участьемъ** умиленнымъ, когда, пробившись изъ-за **тучъ**, вдругъ по **деревьямъ** испещреннымъ молнiевидный брызнетъ **лучъ**.

Здѣсь, на **стулѣ**, отецъ нашъ сидѣлъ. Уважать онъ училъ насъ **страданья**, что на **свѣтѣ** всѣхъ добрыхъ удѣлъ; старины воскрешалъ намъ **преданья**.

Осада! приступъ! Злыя **волны**, какъ воры, лѣзутъ въ **окна**; **челны** съ разбѣга **стекла** бьютъ кормой; садки подъ **мокрой пеленой**, обломки **хижинъ**, **бревна**, **кровли**, товаръ запасливой **торговли**, **пожитки** бѣдной **нищеты**, грозой снесенные мосты, гробы съ размытаго **кладбища** плывутъ по **улицамъ**!..

Есть въ **свѣтлости** осеннихъ вечеровъ умильная, таинственная **прелесть**.

Лучина, **лучинушка** березовая! Что же ты, **лучинушка**, не ярко горишь?

Ивушка, ивушка, зеленая **моя**! Что же ты, **ивушка**, не весело стоишь?

Пашенку мы рано съ **сивкою** распашемъ: **зернышку** сготовимъ **колыбель** святую!

Бѣлоснѣжныя тучки толпами въ **синевѣ** на **просторѣ** идутъ: по **груди** у тебя полосами другъ за **дружкою** тѣни плывутъ.

Вотъ по распаханной черной **полянѣ**, землю взрывая, бредутъ **поселяне**.

Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца: „Тятя, тятя! наши сѣти притащили мертвеца». — „Врите, врите, **бѣсенята**", заворчалъ на нихъ отецъ: „охъ, ужъ эти мнѣ ребята! Будетъ вамъ ужо мертвецъ!"

Заутрень сельскихъ ранній звонъ по рощѣ вѣтромъ разнесенъ.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ; заря ужъ гаснетъ въ небесахъ; не слышно пѣсенъ на лугахъ, въ долинѣ стадъ не видно болѣ.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ, лежалъ я при пути въ томленьи и слезахъ и думалъ про себя въ тоскѣ невыразимой: о, гдѣ моя родня? гдѣ близкій? гдѣ любимый? И много мимо шло...

Урокъ 46.

Повтореніе правописанія именъ существительныхъ.

Поставить пропущенныя буквы.

Грач.. ж..ветъ въ бол..шей част.. Европы, но нигдѣ не встр..чается въ такомъ множеств.., какъ въ Англ.., южной Шотланд... и Ирланд...—Въ нашей губерн... произрастаетъ много дубовыхъ рощ..—По лин... желѣзной дорог.. разсаживаютъ кусты и деревь..—Господ.. явился евре..мъ на го.. Сина.. въ гром... и молн...—Б..льная доч.. тет.. въ эту ноч. едва не ск..нчалась.—Дядя купилъ щ..год..ской экипаж.. и кр..сивую упряж..—И въ горест.., и въ радост.. помни о Бог..—Саранча р..дится безъ зрѣні.. и слуха и остается въ такомъ положені.. до окрыленi..—За вѣтр..мъ въ пол.. не поспѣешь.—Ясное солнц. взошло надъ з..млею.—Звѣзд.. при солнц.. не свѣтятъ. – Спасител.. страдалъ и умеръ на крѣст.. при Понті.. Пилат.., римскомъ пр..вител.. Іуде..—Куку.ка кл..детъ яйц.. въ ч..жія гнѣзд..—Голодному не до пѣсен..—О начал.. Рус.. разсказывается въ лѣтопис.. — Съ сосѣд..ми нужно жить въ м..р.. и соглас..—Сел.. отл..чаются отъ деревен..

тѣмъ, что имѣютъ церкви.—Крыль.. бабоч..къ кр..сивы.—Челов..къ любитъ мѣст.. своего рожденi.. и воспитанi..—Поговоривъ о всякой всячин.. съ с.мьей, дѣд..шка собрался въ пол..—Казакъ не хочетъ отдохнуть ни въ чистомъ пол.., ни въ дубравѣ.., ни при опасной переправ..—Все хорошо въ природ..,но вода—кр..са природ..—За р..кой на гор.. л..съ зеленый шумитъ; надъ горой, за р..кой хуторочек..къ ст..итъ.—Дорожи молодост..ю и кр..пост..ю силъ; отл..чайся скромност..ю, трудолюбi..мъ и искренност..ю.—Ахъ, мой бѣдный зародышк..къ, какъ онъ зябнетъ! какъ ноетъ! Что съ нимъ будетъ! Земля зап..рлась, и негдѣ взять ему пищ.. Гдѣ же красное солн..шко? или и его уже нѣтъ на св..т..? Ахъ, зачѣмъ онъ оставилъ р..димое гнѣзд..шко!—По Сеньк.. шапка, по Ерем.. колпакъ.—Старыя гусыни и утки всегда съ дѣт..ми: онѣ ведутъ ихъ къ вод.. и оберегаютъ неопытную молодеж..—Какъ я завидовалъ каждому д..р..венскому мал..ч..ку, который могъ теперь съ своей удоч..кой сѣсть гдѣ-нибудь на плотин.. и подъ тѣн..ю ол..хи удить окун..й и плотву!—Пров..щала малая птица, малая птица синица: п..тухъ на мор.. цѣловальникъ, журавл.. на мор.. водолив..цъ, чиж.. на мор.. живопис..цъ; гуси на мор.. бояр.., утят.. на мор.. двор..ян.., чирят.. на мор.. крестьян.., воробьи на мор.. холопь.., лебед..шки на мор.. кн..гини, касат..шки—красныя дѣв..шки, грач..ки на мор.. старцы, дят..лъ на мор.. плотн..къ: всякое дерево долбитъ. И нищiй нахадн..къ т..ится въ ущель.., гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весель..,—играетъ и воетъ, какъ зв..р.. молодой, завидѣвшiй пищ.. изъ клѣтк.. жел..зной. — Ополчается (туча) гром..мъ—бур..ю, огнемъ—молн..ей, дугой—радугой.—Въ земл.. зарыто много сокровищ..

Урокъ 47.

Изученіе частей рѣчи. Имя прилагательное.

Для объясненія.

Шумитъ **темн-ый дремуч-ій** лѣсъ.—**Лѣтн-ій день** длиненъ.—**Ключевая вода** прозрачна.—**Лишн-яя деньга** не продеретъ кармана.—Опустѣло **чист-ое поле**.—Потемнѣло **син-ее море**.

Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ **благодатн-аго весенн-яго дождя**.—Изъ-за **высок-ой горы** показалось яркое солнышко.—Путники опасаются **зимн-ей вьюги**.—Нужно искать только **полезн-аго развлеченія**.—Съ **ближняго поля** уже свезенъ весь хлѣбъ.

Лѣнив-ому человѣку трудна всякая работа!—Къ **искренн-ему другу** должно относиться съ довѣріемъ.—**Бодлив-ой коровѣ** подпиливаютъ рога.—По **хорош-ей дорогѣ** ѣхать легко и пріятно.—По **бурн-ому морю** плавать опасно.—Врачъ иногда прибѣгаетъ къ **крайн-ему средству**, чтобы спасти больного.

Добр-аго человѣка Господь награждаетъ.—Въ **лѣтн-ій день** солнце рано встаетъ.—Няня разсказала намъ **интересн-ую сказку**.—Я люблю слушать **ранн-юю пѣсню** жаворонка.—Никогда не жалѣй, если сдѣлаешь **добр-ое дѣло**.—Пушки стрѣляютъ на **дальн-ее разстояніе**.

Съ умнымъ человѣкомъ пріятно говорить.—Часто поля заносятся **сыпуч-имъ пескомъ**.—Лѣтомъ степь покрывается **разнообразн-ою травою**.—Я наслаждаюсь **весенн-ею грозою**.—Лебедь своимъ **сильн-ымъ крыломъ** можетъ убить собаку.—Курьеръ отправленъ съ **послѣднимъ приказаніемъ**.

Въ **темн-омъ дремуч-емъ** лѣсу живутъ хищные звѣри.—Письменные уроки сначала нужно готовить

въ **чернов-ой домашн-ей тетради.**—Старые люди любятъ вспоминать о **был-омъ хорош-емъ времени.**

Задача.

Всѣ предыдущіе примѣры измѣнить такъ, чтобы существительныя и прилагательныя въ нихъ, напечатанныя крупными буквами, стали во множественномъ числѣ.

Правила. *Имена прилагательныя употребляются въ рѣчи* **въ соединеніи съ именами существительными.**

Каждое имя существительное можетъ быть только одного какого-нибудь рода: или мужескаго, или женскаго, или средняго; но **одно и то же прилагательное можетъ присоединяться къ существительнымъ всѣхъ трехъ родовъ,** только имѣетъ для каждаго рода свое отдѣльное окончаніе, напримѣръ: лѣтн-**ій** день длиненъ, лѣтн-**яя** ночь коротка, лѣтн-**ее** купанье полезно.

Имена прилагательныя такъ же, какъ и имена существительныя, **склоняются,** т.-е. измѣняютъ свои окончанія по падежамъ, числамъ и родамъ.

Имя прилагательное, присоединяясь къ существительному, всегда бываетъ такого рода, числа и падежа, какого рода, числа и падежа то существительное, къ которому прилагательное относится.

Задача.

Въ слѣдующей статьѣ найти имена прилагательныя и указать, къ какимъ существительнымъ они относятся; опредѣлить родъ, число и падежъ именъ прилагательныхъ.

Начало весны.

„Чудный былъ вечеръ! Прозрачное, безоблачное небо дышало свѣжестію; оно сообщало, казалось, свѣжесть и мягкой оттаявшей землѣ, на которой всюду виднѣлись признаки юности. Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная; снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Повсюду зеленѣли озими, освѣщенныя косвенными золотыми лучами; тонкія полоски межей были еще темны; надъ ними, вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики и шиповника, лоснились покуда пунцовые прутья, и подымались ноздреватые, пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ—гдѣ развѣ развертывался и сквозилъ мягкій, какъ бархатъ, листъ земляники. Но какъ уже хорошо было въ полѣ! Тишина необыкновенная,—такъ тихо, что ни одна былинка не покачнетъ головой; а чувствуешь между тѣмъ, слышишь даже, что весь этотъ неоглядный просторъ земли и воздуха наполненъ жизнію и движеніемъ. Въ блестящей глубинѣ небеснаго свода не видать жаворонка; но воздухъ наполненъ его переливами. Въ каждой бороздѣ, въ чащѣ мелкой травы слышатся—пискъ, шорохъ. Все оживаетъ: въ самой тонкой вѣткѣ, въ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ, хлынувшій изъ корня. Насѣкомыя роями жужжатъ въ неподвижномъ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени. Солнце вездѣ и всюду: оно насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ; донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга; оно жаркими лучами обливаетъ поля, гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба, и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье".

Григоровичъ.

Урокъ 48.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

Для объясненія.

По числамъ, родамъ и падежамъ имена прилагательныя имѣютъ слѣдующія твердыя и мягкія окончанія *).

Падежи.	Единственное число.					
	Твердыя окончанія.			Мягкія окончанія.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им. и зв.	ый, ой	ая	ое	ій	яя	ее
Родит.	аго, ого	ой	аго, ого	яго	ей	яго
Дат.	ому	ой	ому	ему	ей	ему
Винит.	Как имен. или род.	ую	ое	Какъ имен. или родит.	юю	ее
Творит.	ымъ	ою (ой)	ымъ	имъ	ею (ей)	имъ
Пред.	омъ	ой	омъ	емъ	ей	емъ

Множественное число.						
Твердыя окончанія.			Падежи.	Мягкія окончанія.		
Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.		Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
ые	ыя	ыя	Имен. и зв.	іе	ія	ія
—	ыхъ	—	Родительный	—	ихъ	—
—	ымъ	—	Дательный	—	имъ	—
Какъ	именит.	или род.	Винительный	Какъ	именит.	или род.
—	ыми	—	Творительн.	—	ими	—
—	ыхъ	—	Предложный	—	ихъ	—

*) Разсмотрѣть таблицу окончаній и по этой таблицѣ просклонять примѣры изъ задачъ урока.

Задача.

Просклонять—смирный братъ, смирная сестра, смирное дитя; страшный звѣрь, страшная пропасть, страшное чудовище; красивый садъ, красивая туча, красивое зданіе; стальной ножъ, стальная пила, стальное перо; золотой крестъ, золотая цѣпочка, золотое кольцо; слѣпой старикъ, яркая звѣзда, голубое небо; синій цвѣтокъ, синяя тетрадь, синее стекло; зимній холодъ, зимняя дорога, зимнее занятіе; осенній день, весенняя прогулка, лѣтнее развлеченіе.

I. **Правило.** *Имена прилагательныя, имѣющія въ концѣ основы гортанныя* **г, к, х,** *относятся къ твердому склоненію, хотя имѣютъ въ нѣкоторыхъ падежахъ мягкія окончанія;* **и** *въ окончаніяхъ ставится вмѣсто* **ы**, *которое послѣ гортанныхъ не пишется.*

Просклонять—строгій законъ, строгая мать, строгое приказаніе; широкій дворъ, широкая рѣка, широкое поле; тихій вечеръ, тихая ночь, тихое озеро.

II. **Правило.** *Имена прилагательныя, имѣющія въ концѣ основы шипящія буквы, относятся къ мягкому склоненію, хотя въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ у нихъ мягкія* **я, ю,** *замѣняются твердыми* **а, у** (почему?).

Просклонять—тощій колосъ, стоячая вода, высшее училище; свѣжій вѣтеръ, свѣжая дыня, свѣжее яйцо.

Урокъ 49.

Задача.

Поставить пропущенныя буквы.

Неуклюж.. верблюдъ въ пустын.. не замѣнимъ.—

Мы въѣхали въ темн.. дремуч.. лѣсъ.—Настоящ.. купецъ не обманываетъ.—Лѣтн.. прохладн.. ночь пріятна.—Гонч.. собака разыскиваетъ и приноситъ охотнику убит..ю дичь.—Родительск.. благословеніе на огн.. не горитъ и въ вод.. не тонетъ.—Осенн.. время богато дождями.—Скрипуч.. колесо всегда скрипитъ.

Завистлив.. глазки все съѣсть хотятъ.—Мал.. птички свиваютъ и мал.. гнѣзда.—Могуч.. дубы широко раскидываютъ свои густ.. вѣтви.

Сыт.. голодн.. не разумѣетъ..—У слѣп.. глаза на пальцахъ.—Лежач.. не бьютъ.—Бездонн.. кадк.. водой не наполнишь.—Будущ.. не узнаешь.

Одинъ дуракъ и умн..хъ пятерыхъ ссоритъ.—Пыль на крыльяхъ бабочекъ состоитъ изъ мельчайш.. чешуекъ.

Часто богат..му не спится: онъ вора боится.—Глуп.. сыну не въ помощь отцовск.. богатство.—Къ лѣтн..му ежедневн.. купанью легко и скоро можно привыкнуть.

На остр.. косу много покосу.—Нужда и послѣдн.. копейку ребромъ катитъ.—Путники выѣхали въ дорогу въ зимн.. морозн.. ночь.—Придя изъ церкви домой, бабушка поставила нов.. богоявленск.. воду на божницу, а прежн.., прошлогодн.., вылила въ пойло скотинѣ.

За глуп.. головою и ногамъ плохо.—Зимн.. лунн.. ночью пріятно ѣхать.—Несчастные обращаются съ горяч.. молитв.. къ Богу.—Широк.. полосой разстилается среди лѣса снѣжн.. полотно.—Между глубок.., пушист.. сугробами свѣж.. снѣга тянется глубок.. жолобомъ узк.. дорога. Вѣков.. ели и сосны дремлютъ надъ дорогой своими наклонивш..ся верхушками.—Зобъ и брюшко сѣр.. дрозда покрыты мелк.. темноват.. крапинками.

На скошенн.. лугу пріятно пахнетъ свѣж.. сѣномъ. На свѣж.. сѣнѣ съ удовольствіемъ можно отдохнуть —Въ стар.. лѣсу растутъ разнообразн.. деревья.—О неловк.. и неумѣл.. человѣкѣ говорятъ; «настоящ.. медвѣдь!»

Осина.

„Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину, съ ея блѣдно-лилов.. пнемъ и сѣро-зелен.. металлическ.. листвой, которую она вздымаетъ, какъ можно, выше и дрожащ. вѣеромъ раскидываетъ въ воздух..; не люблю я вѣчн.. качанья ея кругл.. непріятн.. листьевъ, неловко прицѣплен.. къ длинн.. стебелькамъ: она бываетъ хороша только въ ины.. лѣтн.. вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низк.. кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющ.. лучамъ заходящ.. солнца и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушк. облитая одинак.. желт.. багрянцемъ; или—когда въ ясн.. вѣтрен.. день она вся шумно струится и лепечетъ на син.. небѣ, и каждый листъ ея, подхваченн.. стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль“. *Тургеневъ.*

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Азіáтскій, ая, ое.

Одинъ путешественникъ пишетъ, что изо всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы—и тѣ были испорчены. *Пут. въ Арзр.*, *V.*

Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами. *Мелочи.*

Азіатскія строенія, базаръ... *Пут. въ Арзр.*, *II.* Азіатскій шашлыкъ... *Тамъ же, III.* Азіатскіе банщики... *Тамъ же, II.*

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. *Пут. въ Арзр.*, *V.*

Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха. *Пис. № 49.* Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душной азіатской Россіи... *То же, черн. рук.*

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: „азіатская роскошь“... Нынѣ можно сказать: „азіатская бѣдность, азіатское свинство“ и проч., но роскошь, конечно — принадлежность Европы. *Пут. въ Арзр.*, *V.* Азіатскіе языки и обычаи. *Тамъ же, IV.*

По-азіáтски.

Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г.

рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ **по-азіатски**, потянулся по дорогѣ. *Пут. въ Арзр.*, *II*.

Большая часть города выстроена **по-азіатски**: дома низкіе, кровли плоскія. *Пут. въ Арзр.*, *II*.

Въ переносномъ значеніи: грубый, невѣжественный.

Вы хотите издать „Уранію"... Вы издатель европейскаго журнала въ **азіатской** Москвѣ... вы! *Пис. № 194*.

Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ при дворѣ обитало **азіатское** невѣжество. *Ист. Зам.*

Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя г. Невѣждинъ прочелъ проэктъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ „**Азіатскій** Ракъ". *Литер. общество* (Азіатск. В.—„Вѣстникъ Европы").

По-азіатски.

Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить **по-азіатски**, не читая журналовъ. *Пис. № 44*. Тоже, *пис. № 47*.

Азъ, а́, м.

Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро etc суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. *Мелк. Зам.*

Ай—междометіе ужаса или боязни.

Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣлъ было ее поцѣловать... Она вскрикнула: „**Ай**, не онъ! не онъ!" и упала безъ памяти. *Метель*.

Альбертъ Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится, по щекѣ, а, можетъ быть, и въ високъ... однако нѣтъ: точно по щекѣ; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ—умре.

Францъ: **Ай**, рыцарь! видно, пощечины наши тяжелы. *Сц. изъ рыц. вр.*, *II*.

Ай, ай... усиленное значенiе того же междомет.

Я отвѣчалъ, что она (Марья Ив.) осталась въ крѣпости на рукахъ у попадьи.

— „**Ай, ай, ай!**" замѣтилъ генералъ: „это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что̀ будетъ съ бѣдной дѣвушкою? *Кап. д.*, *IX*.

Но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... **Ай, ай...** Больше не буду! Не бей меня. *Пис. № 156*.

Ай-да. Выражаетъ одобренiе, похвалу.

Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай-да дядюшка! *Журн. ст.*, *Наст. Выж.*

Рыцари: Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! **Ай-да** Францъ! *Сц. изъ рыц. вр.*, *VII*.

Я перечелъ ее (траг.: „Бор. Г.") вслухъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: **ай-да** Пушкинъ, **ай-да**!.. *Пис. № 146*. См. еще: *Пис. № 172*.

Тоже—иронически.

Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: **ай-да** баба! *Пис. 402*.

Поздравляю, г-нъ исправникъ. **Ай-да** бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста... *Дубр.*, *IX*. См. еще: *Пис. № 333*.

Акаде́микъ, а, м.

По предложенiю Рычкова (академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ), стали жарить бычачьи, лошадиныя кожи... *Ист. пуг. б.*, *IV*. **Академикъ** Рычковъ... видѣлъ его (Пугач.) тутъ и описалъ свое свиданiе. *Тамъ*

же, VIII. См. еще: *Ист. Пуг. б., прим. 32; Ист. анекд., 44.*

Стоитъ упомянуть о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова. *Объ Ист. Пуг. б.*

Академическій, ая, ое. 1.

Не запретилъ ли онъ (Шишковъ) „Бахчисарайскій фонтанъ" изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря... *Пис. № 66.*

... Пришли же мнѣ всевозможные календари, кромѣ придворнаго и академическаго. *Пис. № 85.*

Ему (Татищеву) поручено было... отдать тамъ (въ Швеціи) въ обученіе разнымъ горнымъ мастерствамъ посланныхъ съ нимъ академическихъ учениковъ. *О Татищ.* См. еще *Пис. № 165.*

2. Строго научный, солидный.

В. А. Полѣновъ прочелъ: „Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина", перваго непремѣннаго секретаря россійской академіи, статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ—истинно академическую. *Журн. ст., Росс. Ак.*

Г-нъ Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья—въ родѣ „журнальныхъ отмѣтокъ", помѣщаемыхъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду". *Журн. ст. Мн. Лобан. о духѣ русс. сл.*

Иронически.

Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ; Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее

нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобъ у меня не было **академическихъ** завтраковъ. *Пис. № 360 (женѣ)*.

Акаде́мія, і и, ж.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: „Мы отставимъ тебя отъ **академіи**".— „Нѣтъ", возразилъ великій человѣкъ: „развѣ **академію** отставите отъ меня". *Ист. анекд., 48*. См. тоже: *Мысли на д., III.*

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) **академія** издала... *Журн. ст., Росс. Ак.*

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ **академіи**? Кажется, еще не рѣшено. *Пис. № 421*.

См. еще: *Журн. ст., Мн. Лобан. о духѣ русскаг.; Мысли на д., III.; Пис. № 394, № 419, № 421, № 436.; Журн. ст., Росс.* Ак.

Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность... **Академія** хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго короля. *Журн. ст., О русс. лит.*

Академія наукъ.

... **Въ академіи наукъ** явился вице-президентомъ князь Дондуковъ—Корсаковъ... *Пис. № 421*.... Не увидимся ли въ **академіи наукъ**, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ? *Пис. № 481.*

Русская Академія.

Кстати, похвалите „Славянина" (Кюхельб.): онъ намъ нуженъ,... какъ свинья нужна кухнѣ, а №№ **Русской академіи**. *Пис. № 202*. См. еще *Изъ дневн., 4 дек.*

Россійская академія.

Екатерина II основала **россійскую академію** въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной. *Журн. ст., Росс. Ак.*

Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и эти господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ императорской **россійской академіи?** *Журн. ст., Мн. Лобан. о духѣ русс. слов.* См. еще: *здѣсь же; журн. ст., Рос. Ак.; Пис. № 421.*

Академія европейская, французская, берлинская.

Не пропадаетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честью; неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ **европейскихъ академій**, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (**Академіи** безмолвствовали о другихъ). *Журн. ст., Мн. Лобан. о духѣ русск. слов.*

Французкая академія, основанная въ 1834 году... *Журн. ст., Росс. Ак.*

Мопертюи, президентъ **берлинской академіи**, поссорился съ профессоромъ Кенигомъ. *Журн. ст., Вольтеръ.*

Другія опредѣленія.

Старая **академія**, созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. *Журн. ст., О русс. лит.*

Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи—погребать покойную **Академію** и Бесѣду губителей россійскаго слова (въ занятіяхъ „Арзамасскаго“ общества). *Пис. № 1.*

Аккóрдъ, а, м.

Глаза итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько

аккордовъ, гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи—выраженія мгновеннаго чувства—стройно излетали изъ устъ его... *Ег. н., II.*

Аккура́тный, ая, ое; **аккура́тенъ**, тна, тно.

Но какъ онъ (Плетневъ) человѣкъ **аккуратный**, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. *Пис. № 297.*

Надѣюсь, что Смирдинъ **аккуратенъ** (въ платежѣ денегъ). *Пис. № 358.*

... Должно быть **аккуратнымъ**, хотя это и нѣмецкая добродѣтель... *Пис. № 282.* См. еще *Пис. № 23.*

Аккура́тно—нарѣчіе.

Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь **аккуратно** былъ пьянъ. *Пис. № 315.*

Актёръ, а, м.

... Видѣлъ я **актера** Щепкина... Безъ него (Гоголя) **актерамъ** не спѣться. *Пис. № 456.*

Но, **актеры, актеры!** пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. *Пис. № 28.* См. еще: *Пис. № 330.* Скверные **актеры**. *Пис. № 408.* Посредственный **актеръ**. *Отр. Ег. н., II.*

... Но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался съ французскими **актерами** у Яра, вѣроятно ты могъ ужъ быть на Вислѣ. *Пис. № 280 (брату).*

Актри́са, ы, ж.

Въ обществѣ **актрисъ** и литераторовъ встрѣчаемъ Ѳ. Орлова... *Русск. Пеламъ. Черн. набр., II.* Шампанское, слава Богу, здорово, **актрисы** также... *Пис. № 3.* См. еще *Пис. № 163.*

Нѣмецкая актриса.

Теперь послушай, съ кѣмъ я путешествовалъ... Съ пятью **нѣмецкими актрисами**, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. *Пис. № 329.*

'Актъ, а, м.

1. Въ драматич. произведеніи.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. *Пис. № 139.*

2. Документы, бумаги, подлинныя дѣла, хранящіяся въ архивахъ.

Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ яицкой войсковой избѣ, была грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей. *Ист. пуг. б., прим. 3.* Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. *Объ ист. пуб. б.*

3. Письменное удостовѣреніе, свидѣтельство.

Онъ (Дм. Гонч.) въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца... *Пис. № 333.*

Акци́зъ, а, м.

Около сего же времени... (Татищевъ) собралъ первую пошлину съ товаровъ и акцизъ съ продажи питей. *О Татищ.*

Ала́дьи.

Анекдотъ объ аладьяхъ. *Мат. для ист. П. В., 1703 г.*

Алаты́рскій, ая, ое.

(Пугачовъ) раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ по нижегородской дорогѣ, а другую по алатырской.. *Ист. пуг. б., VIII.*

Алба́нецъ, нца, м.

Вообразите себѣ семьсотъ человѣкъ арнаутовъ, албанцевъ, грековъ, булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ турецкой конницы. *Кирдж.*

'Алгебра, ы, ж.

Но провидѣніе—не алгебра; умъ человѣческій, по про-

стонародному выраженію — не пророкъ, а угадчикъ. *Ст. и зам. изъ „Л. газ.“, IV, 3.*

Алдерме́нъ, а, м.

У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ **алдерменовъ**. *Журн. ст., О драмѣ* (Въ Слов. Академич. **алдерма́нъ**).

Александрійскій.

Ср... А стихъ **александрійскій**? ужъ не его ль себѣ я залучу?.

Извилистый, проворный, длинный, склизкій.

И съ жаломъ даже—точная змія... *Дом. въ Кол.*

Алекса́ндровскій, ая, ое.

Александровская колонна, лента. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія **Александровской** колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами. *Изъ днв., 28 нбр.*

Между тѣмъ начались вновь военныя дѣйствія. Суворовъ успѣлъ отличиться, и отецъ мой, возвратясь въ армію, засталъ уже его въ **Александровской** лентѣ. Зап. Нащ. См. еще *Родосл. Пушк.*

Але̇ксинскій, ая, ое.

Данъ былъ указъ .. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову съ серпуховъ., **алексинск.**, тарузск... (дворянами идти) въ Серпуховъ... *Мат. для ист. П. В.*

Алеу́тъ, а, м.

Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному **алеуту** поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? *Ст. и зам. изъ „Л. газ.“, VII.*

Алжирецъ, рца, м. Шутл.

Обнимаю также **алжирца** Всеволожскаго. *Пис. № 100.*

'Али, совр. аль, союзъ.

Бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— Старая борода, не бредишь ли? прервала дура Екимовна: али ты слѣпъ?—сани-то государевы; царь пріѣхалъ. *Арапъ П. В., IV.*

„Что же твой сынъ?"—Сейчасъ выйдетъ, обувается. Али ты прозябъ? Взойди погрѣться. *Метель.* Что ты, батюшка, не съ ума ли ты спятилъ, али хмель вчерашній еще у тебя не прошелъ? Какія вчера были похороны? *Гроб.*

См. еще: *Станц. см. Кап. д. VI., XI, Пис. № 287*

Аль.

Признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву—того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. *Арапъ П. В., IV.*

(Ср. Али, я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы? („*Конь*")

Алка́ть, ка́ю, ка́ютъ.

Деньги!—вотъ чего алкала его (Германна) душа! *Пик. д. IV.* (Ср. Душа... Алкала воздуха полей. *Бр. разб.*)

Ср. Давно ея (Тат.) воображеніе...
Алкало пищи роковой. *Е. Он. III, 7.*

И сердцу женщина являлась...
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей... *Е. О. черн. IV, 2.*

Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей. *Бр. разб.*

Тамъ (Родр.) ужъ смерти лишь алкалъ. *Родригъ.*

Онъ (путникъ) жаждой томился и тѣни алкалъ. *Подр. Корану.*

Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви .. *Бор. Год.*

У Держ.. Сосѣди грабежемъ алкали... *Вз. Измала.*

Алла́.

Въ другихъ мѣстахъ Корана **Алла** клянется... ангелами и человѣкомъ. *Прим. къ Подр. Кор.*

Аллегори́ческій, ая, ое.

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою **аллегорическую** карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости К р а с о т ы, стоящей на рѣкѣ Г о р д о с т и, отъ деревни Н ѣ ж н ы х ъ З а п и с о ч е к ъ, отъ гавани Р а в н о д у ш і я, и проч. и проч. *Журн. ст., О Мильт.*

Аллего́рія, іи, ж.

Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъяснененіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая **аллегорія**, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны *Журн. ст., Зам на „Сл. о п. Иг.“*

Алле́я, еи, ж.

Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ **аллеи**... *Росл.*

Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по **аллеямъ** Царскаго Села... *Изъ дн., Дельвигъ.* См. еще: *Кап. д., XIV.*

См. Евг. Он. III, 41. VIII, 42.

(Тат.) мигомъ обѣжала... **Аллею** къ озеру... *Е. О. III 38.*

И въ сумракъ липовыхъ **аллей**... *VII, 53.*

Подъ сѣнью липовыхъ **аллей**. *Къ Язык.*

Аллеи древнихъ липъ отрылись предъ очами. *Восп. въ Ц. Селѣ.*

Правильныя **аллеи**. *Дубр., XIII.*

Съ этимъ словомъ она (имп. Екат.) встала и вышла

въ крытую **аллею**, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды. *Кап. д., XIV.*

Аллилу́ія, іи, ср. (такъ!).

... Если бы ты собрался да написалъ что—нибудь о Дельвигѣ (для предпол. „Сѣв. цвѣтовъ" въ пользу братьевъ Дельвига)... Во всякомъ случаѣ проза нужна... Обозрѣнія словесности не надобно... Придется бранить Полевого и Булгарина;—кстати ли такое **аллилуія** на могилѣ Дельвига? *Пис. № 295.*

Алма́зъ, а, м.

Что Рахмановъ и что мои **алмазы**? *Пис. № 319.*

Царь... прислалъ ему свой портретъ, осыпанный **алмазами**... *Зап. бриг. Моро-де-Бр.*

Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; **алмазы** сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. *Арапъ П. В., III.*

Блескъ... безчисленныхъ **алмазовъ**. *Зап. бриг. Моро-де-Бр...* Голкондскіе **алмазы**. *Пис. № 318.*

Подъ истертымъ чернымъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый **алмазъ**. *Ег. н., I.*

Горитъ въ **алмазахъ** голова... *Е. О. вар. VIII, 17.*

Алмазъ вѣнца. *Полковод.*

И думаю, къ чему пѣвцамъ

Алмазы, яхонты, топазы... *Къ Ю.*

Алта́рь, я́, м. 1.

Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ **алтаря**, дьячокъ гасилъ свѣчи... *Станц. см.*

Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда (въ Эрмитажъ). Ей отвѣчали: черезъ **алтарь**. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ **алтарь**, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрми-

тажъ. *Изъ дн.*, *4 дек. См. еще здѣсь же; Станц. см*; *Дубров.*, *XVIII*; *Ист. пуг. 6.*, *прим. 116.*

И вотъ ужъ съ нимъ предъ **алтаремъ**
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ. *Е. О. VII*, *8.*

Іереи одѣли вретищемъ **алтарь**.. *Юдиѳь.*

Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ? *Чернь.*

Молодой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!...
Потухъ огонь на **алтарѣ**! *Е. О. VI*, *31.*

И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила **алтари**. *19 окт. 36 г.*

Онъ сердцемъ почитать привыкъ **алтарь** и тронъ. *Перв. посл. ценз.*

И если ты въ плодахъ досужнаго пера (не видишь)...
Престоловъ, **алтарей** и нравовъ супостата... *Втор. посл.*

2. Переносно.

... У меня всего на все 30,000 долгу... Приношу ихъ въ жертву на **алтарь** отечества. *Росл.*

Алты́нъ, а, м.

Одна бѣда: Маша—дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень да вѣникъ, да **алтынъ** денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить, *Кап.д.*, *V.*

Алхими́ческій, ая, ое.

Мартынъ: Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Если бъ ты не побросалъ въ **алхимическій** огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ бы богатъ. *Сц. изъ рыц. вр.*, *I.*

Алхи́мія, іи, ж.

Мартынъ: А если опытъ не удастся?

Бертольдъ: Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ

не удастся, то **алхимія**— вздоръ. *Сц. изъ рыц. вр.*, *I.*

'Алчность, и, ж.

Со стороны избирателей— **алчность** и зависть, со стороны управляющихъ—робость и подобострастіе (такова картина Американскихъ штатовъ)... *Дж. Тен.*

Ср. Мы **алчны** жизнь узнать заранѣ... *Е. О. черн. I, 14.*

И **алчную** землю (туча) поила дождемъ. *Туча, 35 г.*

И жалкую младость въ нуждѣ мы вели,

И **алчная** жажда владѣла душой... *Кавк. пл.* (*ран. вар.*)

Забудетъ **алчный** брани гласъ. *Кавк. пл., эпил.*

Алый, ая, ое.

Шуба лисья, крытая **алымъ** ратиномъ, сорокъ рублей. *Кап. д., IX.*

Ср. ...Ваши **алыя** уста,

Какъ гармоническая роза. *Е. Ушак.*

Ольга къ ней

Авроры сѣверной **алѣй**

И легче ласточки влетаетъ. *Е. О. VI.*

Съ разсвѣтомъ **алыя** денницы... *Кольна.*

Лучъ зари сіяетъ **алый**... *Стрек. бѣлоб.*

При этомъ:

Зари багряной полоса

Объемлетъ ярко небеса. *Полт.*

Рѣдѣетъ ночь; заря багряна

Лучами солнца возжена.

Предъ ней златится твердь румяна... *Кольна.*

Зарею латы серебрятся. *Кольна.*

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ. *Полт.*

Румяной зарею

Покрылся востокъ... *Вишня.*

Восходитъ утро золотое. *Видимъ.*

Въ часы денницы золотой. *Къ Ю.*

Вся комната янтарнымъ блескомъ.

Оварена... *Зимн. утро.*
Заря войны—кровавая:
Встаетъ кровавая заря
Войны народной. *Полт.*
Потому:
О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ. *Наполеонъ.*
Въ описаніи битвы:
Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ. *Полт.*
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу... *Полт.*
О лицѣ чахоточнаго:
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ... *Осень.*
При этомъ глаг. багрить:
Ужель и въ сей странѣ война
Багритъ ручьевъ струисты волны? *Кольна.*
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ. *Русл.*
Замѣть также:
Съ бѣлой зари до ночи... *Ск. О. мертв. цар.*
Изъ подъ утренней бѣлой зорюшки... *Нач. сказки.*
Алый, какъ эпит. крови:
И омойся **алой** кровью. *Стар. пророчица.*
Тутъ же:
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью... (т. е. запекшеюся).
См. Багровый, Багряный, Золотой.

'Аль. См. Али.

Альбомъ а, м. 1.

Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ **альбомъ**—но Богъ помиловалъ... *Пис. № 353. См. еще пис. Дельв. 23 іюля 25 г.*

Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, **альбомы** и мальчишки такъ ему надоѣдали .. *Ег. н.*, I. *См. еще*: *здѣсь же*; *Сп. и зам. изъ „Л. газ.“*, *XVII*.

2. Литературный сборникъ, альманахъ.

Не знаю, не затѣю ли что — нибудь литературнаго — журнала, **альбома** или тому подобнаго. *Пис. № 312* (Напр., въ 1828 г. журн. „Сѣверн. Музы“ издалъ свой Альбомъ).

Альдерма́нъ, а, м.

Мильтонъ (съ живостью): Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я—сынъ нотаріуса, городового **альдермана**. *Жур. Ст.*, *О Мильт.*

Альмана́хъ, а, м.

Въ **альманахѣ**, изданномъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ Панаева. Бестужевъ, въ предисловіи какого-то **альманаха**, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія. *Крит. зам.*

...Вы издаете **альманахъ**? Подъ какимъ заглавіемъ?... *Альманашн.*, *II*.

Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ **альманахѣ** издателя „Благонамѣренаго“ (такъ П. называетъ „Календарь музъ“ на 27 г. изд. Измайлова Ср... Да пришли мнѣ всевозможные календари (т. е. **альманахи**), кромѣ придворнаго и академическаго. *Пис. № 85*. *Пис. № 194*.

Я было на Полевого очень ощетинился за Невскій **Альманахъ** .. *Пис. № 110*.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго „Вѣстника Европы“ найти слѣдующую шутку: „**Альманахъ** Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!„ Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! *Крит. зам.*

См. еще: *Журн. ст.*, *О соч. Катенина*; *Крит.*

зам; Пред. къ Кап. д. (черн); **Альманашн.**; *Пис. №. №. 152, 163, 181, 227, 264, 279, 320, 332, 345, 359, 412, 432 и др.*

Альмана́шникъ, а, м.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и **Альманашникъ** обѣдаютъ. Безстыдинъ: Гей, водки!

Альманашникъ: Девятая рюмка!... И я за все плачу, а что толку? *Альмачашн,. III.*

Изъ этого (запрещенія печатать безъ разрѣш. Госуд.) вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ **Альманашниковъ**, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. *Пис. № 183.* См. еще: *Пис. №№: 194, 262, 332.*

Несчастный **Альманашникъ**! онъ мнѣ принесъ несчастіе! Что? Прошелъ опять; проклятый альманашникъ! *Альманашн., II.*

Альмана́шный, ая, ое.

Вы хотите издать „Уранію" (альманахъ...) Вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ **Альманашной** грязью. *Пис. № 195.* Извини меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто—ничего не осталось послѣ здѣшней **альманашной** жатвы (т. е. отдачи стиховъ въ альманахи), а написать еще некогда. *Пис. № 196.*

Амазо́нка, и, ж.

Мстиславъ въ горахъ влюбляется въ ихъ царевну, **амазонку** Армиду... *Планъ истор. пьесы* (*Русск. Ст. 1884 г.*)

Амана́тъ, а, м. (арабск.)

Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ **аманатовъ**, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ. *Пут. въ Арзр., II.* См. еще: *Ист. пуг. 6., II Родосл. Пушк.*

Амара́нтъ, а, м. (фр.)

Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крики

играющихъ кадетовъ и однообразное жужжаніе прилежныхъ учениковъ, повторяющихъ вокабулы: le bluet, le bluet,—василекъ: amaranthe—амарантъ, amaranthe, amaranthe. *Отр. неок. пов.*, 1.

Аматёръ, а, м. (фр.)

На дняхъ видѣли у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ... *Пис. № 137.*

Амба́ръ, а, м.

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ, и, притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но отеческое наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. *Кап. д*, XIII.

... Всего-на-всего разграбили у меня одинъ амбаръ, да того гляди, до усадьбы доберутся. *Дубр.* IX. См. еще: *Кап. д.*, VI, XIII (*пъск. разъ*); *Ист. пуг. б.*, VIII.

Стѣны (въ крѣпости) и нѣкоторыя избы были повреждены ...Анбаръ (такъ!) былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. *Ист. пуг. б.*, IV. Темный амбаръ. *Кап. д.*, XIII.

Хлѣбный, соляной амбаръ. Мятежники... отворили хлѣбные и соляные амбары, разбили кабаки и разграбили домы. *Ист. пуг. б.*, VIII. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. *Кап. д.*, XIII. См. еще *тамъ же*.

Амбиція, іи, ж.

Если ему нужны стихи мои... если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи... *Пис. № 119.*

Амво́нъ, а, м.

Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою голововою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его—духовникъ. *Ист. Пуг. б*, VIII. Пушкинъ (на амвонѣ)... *Бор. Год.*, *сц.* 23.

Америка́нецъ, нца. м.

Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. *Пут. въ Арзр.*, *I*.

Прозвище, данное американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ (примѣч. къ сл. yankee). *Дж. Тен*.

Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость-главные пороки дикихъ американцевъ. *Дж. Тен*.

Одичалый американецъ (Теннеръ) съ своей стороны звалъ его (брата) къ себѣ, къ Лѣсному Озеру... *Дж. Тен*.

Въ шутливомъ тонѣ:

Стихи относятся къ американцу Толстому... *Пис. № 17*.

Америка́нскій, а, ое.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. *Дж. Тен*.

То, что онъ говоритъ о „Музѣ", американскомъ оленѣ (cervus alces), достойно изслѣдованія натуралистовъ. *Дж. Тен*. Американская контора, ам-іе купцы, власти, постановленія, ам-ій губернаторъ и т. д. См. *Тамъ же*.

„Подобно всѣмъ индійцамъ", говорилъ американскій издатель его записокъ: „Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія". *Дж. Тен*.

Американскіе Штаты.

Такова картина Американскихъ Штатовъ... *Дж. Тен*.

Сѣверо-американскій.

Нравы Сѣверо-американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. *Дж. Тен*.

Ами́нь, нарѣчіе.

Ты изумишься, какъ онъ (Языковъ) развернулся, и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. *Пис. № 178*.

Аммуни́ція, іи, ж.

При каждомъ полку находятся также малыя телѣги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою... *Зап. бриг. Моро-де-Бр.*

Амни́стія, іи, ж.

Здѣсь ты былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія... *Пис. № 219.*

Амуле́тъ, а, м.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный оріенталистъ, Гаммеръ, напечаталъ въ одной нѣмецкой газетѣ, что это былъ восточный амулетъ. *Журн. сш., Анекд. о Байр.*

Аму́риться, рюсь, рятся.

Ей Богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ (актрисы) со мной амурились, въ надеждѣ на лишній билетъ. *Пис. № 329.*

Аму́ръ, а, м.

Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ... *Гроб.*

Амфибра́хій ія, м.

Всякій, умѣвшій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. *Ст. и зам. изъ «Л. газ.», XI.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1900 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся - *М. А. Харламова.*

Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на новыхъ началахъ—*Л. П. Горбункова.*

Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ и о раціональной постановкѣ отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—*В. М. Г.*

Еще нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—*С Н. Прядкина.*

Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія)—*Д. Н. Ѳомина.*

Темы испытаній зрѣлости по русскому языку предложенныя въ средн. учебныхъ заведеніяхъ въ $18^{94}/_{97}$ годахъ—*П. К. Г.*

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап." за 1899 г.

Объявленія.

Содержаніе III выпуска.

Очерки исторіи европейской драмы (продол. будетъ)—*А. А. Чебышева.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (продолженіе)—*И. И. Замотина.*

Кризисъ въ духовной жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр.—этико историческій очеркъ (окончаніе)—*А И. Солоникіо.*

„Критонъ“ или: „Объ обязанностяхъ гражданина“—этическій діалогъ Платона (окончаніе)—переводъ—*С. В. Мышецкаго.*

Одно мѣсто въ „Поученіи“ Мономаха“—профессора *А. И. Соболевскаго.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній: „Нива“—А. Майкова, „Три пальмы“ и „Вѣтка Палестины“—Лермонтова и „Подражаніе псалму XIV“—Языкова—*К. В. Ельницкаго.*

Нужна ли буква „ять?“—*Д. Н. Ѳомина.*

Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ существованія буквы „Ѣ“ въ русской азбукѣ—*С. Н. Прядкина.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1901 году.

Очеркъ изъ исторіи европейской драмы (продолженіе)—*А. А. Чебышева.*

Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи—*Н. М. Гальковскаго.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ—*Н. В. Шеметовой.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (продолженіе)—*И. И. Замотина.*

А. Н. Майковъ, какъ поэтъ—*В. П. Брюханова.*

Ученые труды Л. Н. Майкова—*Н. Н. Вакуловскаго.*

О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ—*Д. А. Никольскаго.*

Уроки объяснительнаго чтенія: разборъ басенъ Крылова—*Д. Н. Ѳомина.*

Объяснительное чтеніе нѣкоторыхъ басенъ и стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для приготов. кл. средн. учеб. завед. и низш. школъ—*М. М. Львова.*

Объявленія.

При этой книгѣ прилагается „Указатель" статей „Ф. З." за 13 лѣтъ.

Содержаніе VI выпуска.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1901 г.

Содержаніе I—II выпусковъ.

Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова— *Н. К. Рамзевича.*

Вѣнокъ на могилу А. А. Хованскаго.

Содержаніе I—VI в.в. „Филологическихъ Записокъ“ за 1900 г.

Содержаніе III выпуска.

Звуки и рѣчи, какъ результаты работъ органовъ— *С. С. Рогозина.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе) *Н. В. Шеметовой.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*П. Н. Щукина.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ—*В. М. Гуссова.*

Славянскія извѣстія—*А. І. Степовича.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для старшаго отдѣленія приготов. классовъ средн. учебн. завед. и вообще для школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія. (продолженіе)—*М. М. Львова.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

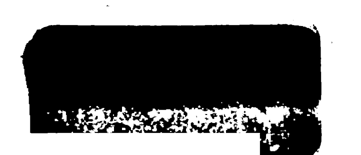
Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1902 году.

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ“—Гомера)—*І. М.*

Содержаніе VI выпуска.



UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457131